Рахат Алиев

КРЕСТНЫЙ ТЕСТЬ

Документальная повесть

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой книги — Крёстный тесть Нурсултан Назарбаев, автократ, узурпировавший власть в бывшей советской республике Казахстан. Председатель совета министров Казахской ССР с 1984 года. Руководитель коммунистической партии республики с 1989 года. Президент страны с 1991 года, в мае 2007-го он подписал поправки к Конституции, дающие ему право оставаться у власти пожизненно.

Автор — Рахат Алиев, доктор медицинских и экономических наук, известный политик и успешный бизнесмен, экс-Посол Казахстана в Австрии, экс-Постоянный Представитель при ОБСЕ, ООН и других международных организациях в Вене, экс-Первый заместитель Министра иностранных дел.

После того, как в мае 2007 г. президент Назарбаев переписал под себя конституцию, получил право пожизненного правления и стал жестоко расправляться со своими оппонентами, Рахат Алиев вышел из игры и совершил рискованный прорыв на свободу. У себя на родине автор объявлен "врагом государства № 1".

Все события, описанные в этой книге, не являются предметом вымысла. Все совпадения имен не случайны. Все герои книги являются реальными людьми. Столь же реальной является страна, где разворачиваются действия этой документальной повести — сколь нереальными они бы ни казались.

- Рахат Алиев
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16

- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Послесловие
- ПРИЛОЖЕНИЕ
  - ТЕЛЕФОННЫЕ РАЗГОВОРЫ
  - Документальные приложения

Рахат Алиев
КРЕСТНЫЙ ТЕСТЬ

Документальная повесть

Посвящаю эту книгу моей семье: Отцу, академику Мухтару Алиевичу, который собственным примером показал, что и один в поле может быть воином;

Моей маме Минавар, которая научила меня не склоняться перед сильными мира сего; сыновьям Нурали, Айсултану и дочери Венере, на чьи фото я могу смотреть часами, и верю, что нашей разлуке когда–нибудь настанет конец; Дариге, матери моих детей;

Сестре Гульшат и ее мужу Иссаму Хорани, всем моим родственникам, друзьям, коллегам — назвать их всех я не могу не только потому, что не хватит целой книги. Сегодня это небезопасно для них. Но я помню о каждом и благодарен судьбе за то, что она свела меня с этими людьми. Правда на нашей стороне, мы победим.

Глава 1
От автора

Все события, описанные в этой книге, не являются предметом вымысла. Все совпадения имен не случайны. Все герои книги являются реальными людьми. Столь же реальной является страна, где разворачиваются действия этой документальной повести — сколь нереальными они бы ни казались.

Автор — Рахат Алиев, доктор медицинских и экономических наук, известный политик и успешный бизнесмен, экс- Посол Казахстана в Австрии, экс- Постоянный Представитель при ОБСЕ, ООН и других международных организациях в Вене, экс- Первый заместитель Министра иностранных дел.

После того, как в мае 2007 г. президент Назарбаев переписал под себя конституцию, получил право пожизненного правления и стал жестоко расправляться со своими оппонентами, Рахат Алиев вышел из игры и совершил рискованный прорыв на свободу. У себя на родине автор объявлен «врагом государства № 1».

Герой — Крёстный тесть Нурсултан Назарбаев, автократ, узурпировавший власть в бывшей советской республике Казахстан. Председатель совета министров Казахской ССР с 1984 года. Руководитель коммунистической партии республики с 1989 года. Президент страны с 1991 года, в мае 2007-го он подписал поправки к Конституции, дающие ему право оставаться у власти пожизненно.

Глава 2
Обратный отсчет

За 14 дней до 1 июня 2007 года

Президент Республики Казахстан провел через подконтрольный ему парламент решение об изменении Конституции страны.

Новая Конституция предоставила единственному гражданину нашей страны возможность быть избранным на президентский пост неограниченное число раз. Этот человек — Нурсултан Назарбаев, действующий президент, мой тесть.

В этот день с надеждами на демократическое развитие нашей страны было окончательно покончено.

За 9 дней до 1 июня 2007 года

Я, Рахат Алиев, автор этой книги, на тот момент — Посол Казахстана в Австрии и при Международных организациях в Вене, — неоднократно критически высказывался в отношении планов Президента по изменению Конституции и в последний раз в телефонном разговоре заявил президенту о категорическом несогласии с его новым политическим курсом. «Цивилизованный мир окончательно отвернется от вас, господин президент», — это были последние слова, которые я успел выкрикнуть в трубку перед тем, как связь прервалась.

Это был день окончательного разрыва с человеком, рядом с которым я провел долгие 24 года.

В тот же день на меня заводят абсурдное уголовное дело. Ни один суд в нормальной стране его бы даже не принял к рассмотрению: меня обвинили … в пропаже мошенников, сбежавших с деньгами вкладчиков.

За 6 дней до 1 июня 2007 года

Я публично объявил о своем намерении баллотироваться в президенты на предстоящих в 2012 году президентских выборах. Это было давно созревшее решение, я уже говорил о нем президенту в наших частных беседах.

«Я считаю, что фактическая узурпация президентского поста одним человеком, превращение выборного процесса в спектакль для иностранных наблюдателей, последовательный откат от демократических завоеваний, мягко говоря, не идут на пользу нашей стране», — эти слова процитировали многие агентства и издания в нашей стране и зарубежом.

Такое в нашей стране не прощается никому.

В тот же день президент страны вопреки презумпции

невиновности по представлению главного казахского полицейского лишил меня всех дипломатических постов: должности Посла Казахстана в Австрии, Постоянного Представителя страны при Международных организациях в Вене и Специального представителя по вопросам сотрудничества с ОБСЕ.

1 июня 2007 года

Министр внутренних дел Мухамеджанов, председатель комитета национальной безопасности Шабдар–баев и генеральный прокурор Тусупбеков по личному приказу Президента Назарбаева сфабриковали обвинения против меня. Австрийский Интерпол по запросу из Интерпола Казахстана произвел мой арест.

Так, солнечным утром первого дня лета 2007 года, на окраинной венской улице для меня закончилась многолетняя история отношений с человеком, который когда–то был моим кумиром, потом — начальником, потом — соперником, и, наконец, противником. Человеком, который обманул целый народ и пытается обмануть целый мир.

Этот человек — бессменный правитель моей родины, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Он дал мне многое, а попытался отнять все. Тот факт, что он — дед моих троих детей, отец моей бывшей жены — добавляет истории, которую я собираюсь рассказать, своеобразный оттенок, не правда ли?

Долгие годы я провел на «тайной службе Его величества», прогоняя сомнения, запрещая себе задаваться неудобными вопросами. Но постепенно величие Его президентского высочества в моих глазах съеживалось, как шагреневая кожа, и я ничего не мог с этим поделать. Два десятка лет я был солдатом его режима, и даже дослужился до генерала. Я оставался на службе даже тогда, когда уже не питал никаких иллюзий по поводу пути, по которому ведет нашу страну президент Назарбаев. Многие ставят мне это в вину, и они, наверное, правы — впрочем, всегда легко быть смелым со стороны …

Но когда режим личной власти начал убивать оппонентов, я окончательно понял, что мне с ним больше не по пути. Эту черту я перейти никогда не смогу.

Я пишу эти строки в маленькой горной деревне, не скажу в какой стране. Последний год я веду странный образ жизни: перемещаюсь с места на место, меняю города и страны. Это вынужденная необходимость. Я знаю, что мой бывший тесть, президент Назарбаев, не остановится ни перед чем, лишь бы заставить меня замолчать. Его агенты рыщут по Европе, его прокуроры не вылезают из Австрии, которая отказалась выдать

меня его «правосудию». Миллионы из бюджета, который он давно уже перепутал с собственным карманом, идут на услуги лоббистов, журналистов и подкуп политиков и полицейских — все для одного: я должен замолчать навсегда.

Но я и так слишком долго молчал.

Настало время сказать правду.

Правду о диктаторе и его диктатуре.

Правду о том, как целая страна выстроена и управляется по типу какого–нибудь сицилийского преступного синдиката. Об этом — книга, которую вы держите в руках.

Если бы я мог спросить сегодня своего бывшего тестя, я бы задал ему всего один вопрос: «Как вы можете смотреть в глаза своим внукам, господин президент?» Еще недавно у меня была семья, которую я строил четверть века. В один день президент лишил меня возможности общаться даже с моими детьми. Теперь он пытается рассказывать им сказки про отца — Синюю бороду, и пытается подкупить их деньгами и подарками. Я знаю, что у него нет никаких шансов. Я знаю, что рано или поздно им в руки попадет эта книга (сколько бы усилий не предпринимал Крестный Тесть, чтобы этого не произошло), и мои дети смогут прочитать настоящую историю семьи.

Мы познакомились с Даригой в Москве, где оба учились в аспирантуре — я во Втором московском медицинском институте, она в Московском Университете. Наши приятельские отношения быстро переросли в нечто большее. Ее обаянию невозможно было сопротивляться, Дарига завораживала всех, кто ее окружал. Она была настоящая звезда. Нам было чуть больше двадцати лет, и я уже знал, рядом с кем хочу провести свою жизнь и растить детей.

Ее отец был здесь ни при чем. Если уж говорить о фамилиях, то Алиевы в том 1983-м году были очевидно известнее Назарбаевых. Мой отец, академик, доктор медицинских наук, профессор, известный хирург уже тогда пользовался народным уважением за помощь и спасение людей, был министром здравоохранения. Он поставил хирургическую школу в стране, учил аспирантов и врачей. Люди знали, что он добился всего исключительно своим талантом и упорным трудом — а значит, ему не требовалось играть в закулисные аппаратные игры.

По научной линии отец был очень дружен с академиком Аскаром Кунаевым, президентом Академии Наук Казахстана — а через него и со всей кунаевской семьей. Назарбаев же был комсомольско–партийным выдвиженцем, с хорошими анкетными данными — из рабочих–пролетариев, и замеченным самим членом Политбюро ЦК КПСС Динмухамедом Кунаевым и вознесенным им до правительственных столичных высот.

Откровенно говоря, карьерные перипетии отца моей невесты интересовали меня меньше, чем погода на алматинской улице. В противном случае наш брак мог бы не состояться — или быстро распасться.

Ведь только через год, в 1984-ом, Кунаев назначил своего выдвиженца руководителем правительства Казахстана. А уже в декабре 1985-го, ровно через год, Назарбаев почувствовал, что его всемогущий покровитель теряет властную хватку — и пошел на рискованную интригу. Он выступил на сьезде компартии Казахстана против самого Кунаева. Будущее председателя совета министров Казахской ССР после этого поступка оказалось под большим, большим вопросом. Он сделал ставку на новых руководителей из Кремля, но те сидели в далекой Москве, а Динмухамед Кунаев еще правил в Казахстане.

Многие тогда отвернулись от Назарбаева. Некоторые перестали подавать ему руку, увидев в его выступлении откровенное предательство. Большинство же из тех, кто прервал с ним отношения, просто не хотели попасть в опалу из–за своих отношений с этим человеком.

Для моего же отца академика Мухтара Алиева семья и родственные отношения всегда были на первом месте. Опальный Назарбаев был его родственником, а от меня и родных отец никогда не отказывался — даже если это грозило его собственной карьере.

По–иному повел себя старший Аскар Кулибаев — который позволил своему сыну Тимуру жениться на Динаре Назарбаевой только в безопасном 1989-м году, когда все беспокойства за карьеру ее отца остались уже позади — Назарбаева избрали Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана.

Так что я женился не «на дочери президента», как это позже любили язвить злые языки. Я женился на любимой девушке, московской студентке Дариге Назарбаевой, и четверть века наша семья жила счастливо — пока в неё не вмешался Крестный Тесть.

Глава 3
Вместо предисловия

Время: 19.30. Суббота, 22 апреля 2006 г. Один год до окончательного разрыва. Место действия: Алма — Ата, частная резиденция Крестного Тестя.

Нурсултан Назарбаев срочно вызывает меня к себе. Отношения между нами после убийства Сарсенбаева уже не просто плохие, а очень плохие. Я знаю, что если в тестя закралось подозрение в человека, оно никогда не исчезнет, а будет только расти.

Он не доверяет мне, я не доверяю ему. Я знаю, какой предстоит разговор: Крестный Тесть потребует отдать ему мои медийные и другие ресурсы. Как всегда, это сообщение будет завернуто в упаковку из многих слов и подано как проявление отеческой заботы. Моя линия защиты — говорить много и не сказать ничего, балансируя на грани дислексии. Чем меньше смысла в твоих собственных словах, тем безопаснее.

Так как меня не проверяют на посту президентской охраны, я беру с собой диктофон и включаю его прямо на пороге частной виллы, по старинке именуемой «пятой резиденции президента» на улице Навои.

НАЗАРБАЕВ: Как ты? (Садимся в кресла)

АЛИЕВ: Ничего, нормально. В Австрию съездил. Спецпредставителя Казахстана по ВТО (всемирная торговая организация) — Айтжанову познакомил с председателями Евросоюза.

НАЗАРБАЕВ: Познакомил?

АЛИЕВ: Познакомил. Все нормально продвигается.

НАЗАРБАЕВ: Ну и что, они поддерживают? Посмотрим как они. Все время заявляли, что они поддержат нас — американцы. Теперь от американцев все зависит? Нет, не совсем, наверное?

АЛИЕВ: Нет, от них, от их позиции, все от них. Только от американцев и главное по ОБСЕ.

НАЗАРБАЕВ: Американцы будут обставлять условиями своими. Председательствовать, на хер это мне нужно. Честно говоря. Если для них самих. Кого они на постсоветском пространстве могут?

АЛИЕВ: Я просто хотел, чтобы Вы в 2009 году по всем странам проехали в качестве председателя, можно на это время вам и исполнять обязанности министра иностранных дел. А это 55 стран. Вот это PR.

НАЗАРБАЕВ: Специальный посол по ОБСЕ нужен нам?

АЛИЕВ: Чтобы показать, что мы хотим председательствовать, для этого можно. А если мы … Тогда не надо.

НАЗАРБАЕВ: Хорошо.

АЛИЕВ: Ертысбаев (министр информации) смелый такой стал, говорит, национализируем частные каналы.

НАЗАРБАЕВ: Так ты Ахметову (Премьер–министру Казахстана) уже сказал, что продаешь «Хабар» и «КТК»? Он сказал, что у вас был с ним нормальный разговор. Ты заходил, поговорили. Ты готов продать.

АЛИЕВ: Нет, был такой разговор. Конференция в правительстве по ВТО была. Он говорит, ты после зайди. Я зашел. Он говорит, вот тут разные разговоры ходят, у меня есть конкретные поручения. Я ему сказал, давайте договариваться. Лучше цивилизованно все это сделать, и все.

НАЗАРБАЕВ: Цивилизованно. Одни говорят, что государство вложило 42 миллиона. Предоставило здание. Пересмотрена стоимость акций. Можно и по–другому это все сделать. Будет совет директоров. Государство имеет контрольный пакет. Назначим Председателя совета директоров. В «Хабаре» и «КТК» (акционерные частные телеканалы, принадлежащие мне и супруге). И, как мы с тобой договорились, 50 % акций ты мне должен дать.

АЛИЕВ: Каких телеканалов?

НАЗАРБАЕВ: Ну, прошлый раз ты же мне бумагу приносил.

АЛИЕВ: Хорошо.

НАЗАРБАЕВ: Принеси. И сделаем таким образом, что зачем нам отдавать? Можно «Хабар» не отдавать, этот не отдавать. Но ты же все время накат этот чувствуешь на себе?

АЛИЕВ: Ну, это всегда был накат такой.

НАЗАРБАЕВ: Весь вопрос в том, что ты мой родственник. Дарига моя дочь. Я тебе еще в тот раз сказал. Поэтому все время будут тыкать, и все время будут накатывать. Еще вы сами добавляете. Кстати, после этой статьи в газете «Дежа вю» теперь адвокаты потерпевших вызывают вас на суд. Чтобы этого не случилось, надо чтобы сам министр внутренних дел или Генеральный прокурор — Дарига пусть объяснение даст, что не было этого. Пришьют в дело. Я вам не говорил, что Дутбаев мне сказал про вас. Зачем ты это сделал?

АЛИЕВ: Это Дарига выступила.

НАЗАРБАЕВ: Теперь ты на Нарманбетова подал в суд. Правильно сделал. Теперь он говорит, Дарига сказала, какой суд на меня. Она же рассказала, что вот так и так.

АЛИЕВ: Этот Нарманбетов, бывший следователь КГБ, еще в 86

году на декабрьских событиях отлично показал себя и сейчас по указке Дутбаева клевещет на меня. В газете написал, что он видел меня, что я стоял и стрелял в Сарсенбаева. Я поэтому подал на него в гражданский суд, это же Ваше указание, президента. Если на чиновника клевещут, подавать в суд.

НАЗАРБАЕВ: Ты читаешь, что передают по этому делу. По следствию, по твоему иску. Прямо заявляют: хорошо, если так, но вот дочь президента сказала, что Дутбаев прямо намекнул, что то–то, то–то. Теперь давайте пригласим в суд Даригу Назарбаеву. Сейчас следствие по делу закончено и передается в суд. Зачем на этом базаре, в суде, Дариге стоять, отвечать? Скажет, что она, что там люди болтали, говорили, вот об этом писала. А то, что там Дутбаев, я оговорилась. Дутбаев уже официально дал следствию показания, что он этого не говорил. Он действительно не говорил. Мы беседовали, сидели у вас дома, вы взяли «на хер» это выдали. Это что такое, вообще? Я могу вообще вам доверять и разговаривать, как с детьми своими?

АЛИЕВ: Ошибка.

НАЗАРБАЕВ: Ну, так ошибку исправьте.

АЛИЕВ: Будем исправлять.

НАЗАРБАЕВ: Я тогда Бауржану скажу. Бауржан (Мухамеджанов — министр МВД) с Даригой встретится, она напишет.

АЛИЕВ: Я уже говорил ей.

НАЗАРБАЕВ: Что суд уже был, все газеты оппозиционные писали, об этом я говорила. А на счет Дутбаева я просто оговорилась, извиняюсь. Все! Дутбаев дал согласие, что он придет. Судья сказал, пригласить остальных, и отложил суд. Ничего у них не получится, ни у адвокатов. Все равно я думаю, что ты победишь. Но вот эта статья всему помешала. Все спокойно шло.

АЛИЕВ: Я же говорю вам, статью в Интернете увидел.

НАЗАРБАЕВ: Ну, что она теперь объясняет, как?

АЛИЕВ: Захотела выступить и выступила.

НАЗАРБАЕВ: Пусть идет в суд. С моей фамилией и позорит теперь. А чего теперь, я не буду их отговаривать, раз она сама такая стала. По Сарсенбаеву на официальном суде ее пригласят.

АЛИЕВ: Ну, вообще, вот это убийство, оно с толку всех сбило.

НАЗАРБАЕВ: Там все раскрыто, все идет нормально. Чего шебутиться, скажи. Все раскрыто, следствие закончено, передается в суд. Через месяц будет принято решение. Чего шебутиться надо было, скажи? Чего испугались? Вы вообще не причем здесь были.

АЛИЕВ: Конечно.

НАЗАРБАЕВ: Все уже доказано. Есть письмо Утембаева.

АЛИЕВ: Но, вот то, что СМИ …

НАЗАРБАЕВ: Плюнь на это все. Ты сейчас волнуешься, что про тебя чего–то написали?

АЛИЕВ: Нет …

НАЗАРБАЕВ: А те люди, на которых пишут, то же. И на меня же пишут, я же ничего не делаю из–за этого. Все, сегодня написали, завтра забыли, послезавтра вообще никто не помнит. Чего из–за этого себя мучить, выступать, против идти, доказать, что наша семья. Я не просил у нее никакого доказательства, у Дариги. Теперь написала она опять статью. Миллиардеры там с «Казахмыса», подымайтесь, рабочий класс на баррикады против них. А почему вы не пишете против «Шеврон»? Почему не пишете против «Бритиш газ»? На фиг это тебе нужно, слушай? Компания, которая на меня работает, делает все, что я хочу. Вы берете … Ты знаешь, депутаты специально написали, целые группы: как понять выступление Вашей дочери, мы не можем сориентироваться. Ну, зачем это, для чего надо было, скажи? Казахская компания, которая делает все, что мы хотим. Наши. Другой был бы, я понимаю. Дочь моя же выступает. Все думают — это ты, Рахат. Ну, пойми меня правильно. Никто не думает, что это Дарига. Сейчас что? Депутаты не знают, как это понять. Моя дочь с зятем пошли против меня — я должен принимать меры. Или что это такое?

АЛИЕВ: Это не так.

НАЗАРБАЕВ: Да, написали. Домой приходи, я тебе дам. Группа депутатов, которые написали. Выступил этот — я его долбанул, Абдрахманова Серика. Он притих там сейчас, самого там разбирают. И как раз в это время, в этом же духе выступает Дарига. Рабочие не должны соглашаться. Выйти на баррикады. Еб твою мать, что это такое? Что такое, вообще, слушай?! На кого идти на баррикады, я стою во главе государства?

АЛИЕВ: Это не так.

НАЗАРБАЕВ: А против кого было? Вот это все с Сарсенбаевым, что на тебя, это все было против меня, а не против вас, как ты не поймешь.

АЛИЕВ: Я слышал в МВД, что вроде бы вторым меня хотели убить?

НАЗАРБАЕВ: Кто говорит? Вот поэтому ты и выступил в газете, через Даригу. Это был слух.

АЛИЕВ: Я не выступал.

НАЗАРБАЕВ: Слушай, это же сплетня, которая идет в народе. Из–за этого вот так шебутиться, я не знаю? Мы же договорились, создадим единую мощную партию. Все будем на нее работать. Дарига будет там. Мы договорились не потому, что мне нужно. Я

хочу своему аппарату сказать, что 50 % этих у меня. Я тебе их обещаю, всем, чем хочешь, внуками моими, я тебе отдам. На хрен мне они нужны. Эти акции останутся при нас. Но я эти акции отдам совсем другому инвестору, который деньги будет вкладывать в это. Я тебе обещаю вернуть. Тогда я этим скажу: давайте сами управляйте там. Не причем Рахат, не причем Дарига.

АЛИЕВ: Может «Хабар» тогда продать, чтобы успокоились и все.

НАЗАРБАЕВ: Сколько думаешь, по–твоему, он стоит? Ну, примерно.

АЛИЕВ: Туда внесено достаточно ресурсов.

НАЗАРБАЕВ: Рахат, у меня и так проблем хватает. Вы–то чего создаете мне проблемы. Не помогайте, на хер мне нужна ваша помощь. Вы мне не создавайте проблем, больше ничего не прошу. И так говорю, и так говорю. С заботой говорю, спокойно говорю. Всех олигархов я отключил от политики. Всех поставил на счетчик, кроме тебя. Я могу сделать — ты знаешь. Все, что угодно. Давай по–свойски сделаем. На этом все держится. Все остальное там: партии, средства массовой информации — полная херня!

АЛИЕВ: Хорошо, будем продавать.

НАЗАРБАЕВ: Ты сам знаешь же. Я не собираюсь уходить! И даже в двенадцатом году — (Назарбаев показал фигу) вот кому я отдам свою власть!

АЛИЕВ: Пусть отстанут от меня. Снова Вам будут писать, докладывать и, я в дураках все равно окажусь.

НАЗАРБАЕВ: Зачем писать? Вот она статья, две. Зачем писать? Ни один оппозиционер против меня этого не мог написать, как вы написали вдвоем. Поднять людей на баррикады против «Карметкомбината» и против «Казахмыса»? Что они миллиардеры, в «Форбсе» напечатанные, а людям зарплату не платят. Что за провокация, вообще?

АЛИЕВ: Это не так.

НАЗАРБАЕВ: Ну, как не слышал, прочитай.

АЛИЕВ: Там прямо так и написано?

НАЗАРБАЕВ: Так и написано. Вы не соглашайтесь, требуйте, рабочие. «Казахмыс» и «Карметкомбинат». Самых, самых всех моих долбанули! Все об этом знают.

Про «Кармет», «Казахмыс» — как это понимать?

АЛИЕВ: Тем более «Казахмыс». Известно, что Владимир Васильевич Ни там.

НАЗАРБАЕВ: Вот именно. Как можно, если вот подумай головой своей, башкой. Нуртай (Абыкаев–бывший спикер парламента) мой близкий человек, тридцать лет рядом ходит.

Моя дочь, почти что отцу предлагает: будь мужчиной? Е… ТВОЮ мать. Что, она не знает, что он мужчина или нет? Она знает, испытала его? Подай в отставку. Что люди думают? Как это так? Вот этот человек близкий, а это дочь. Рахат, поставь на место себя.

АЛИЕВ: Ну зачем Вы так. Что нужно, скажите.

НАЗАРБАЕВ: Пусть она скажет, что пользовалась …

АЛИЕВ: Неправильной информацией.

НАЗАРБАЕВ: Почему неправильной? Оппозиционные газеты все писали, говорят, что там Рахат, Тимур и так далее. Я в целях защиты семьи сказала вот это дело. А за то, что там названа фамилии Дутбаева и Абыкаева, мы просим извинения. Все!

ЛНИЕВ: Хорошо.

НАЗАРБАЕВ: Сделайте, и пришьют к этому делу, и ее приглашать не надо. Вкралась ошибка, редакционная — просят извинения.

АЛИЕВ: Хорошо.

НАЗАРБАЕВ: Ну, Ни Владимир Васильевич, «Казахмыс». Я там ничего такого не имею, но они готовы, я тебе скажу, все отдать ради меня.

АЛИЕВ: Я знаю.

НАЗАРБАЕВ: «Карметкомбинат». А ты говоришь, что я, почему я? Уйдите из политики! Когда придет час «Икс», придете в политику. Сейчас уйдите из политики. Субханбердина (президент частного казахского «Казкоммерцбанка») выбил я, этого выбил, всех выбил. Все у меня они на счётчике сидят. И газету «Время» продал он уже «Казахмысу». И это издательство мы тоже покупаем у него. Все уходят и говорят: а почему сидит Ваш зять?

АЛИЕВ: Мы занимались бизнесом в СМИ тем, что не давало тогда прибыль. А сейчас этот бизнес дает прибыль. А на выборах Ваших, как люди работали? В поте лица. Мы на Вас только и работали, все это теканал «КТК» …

НАЗАРБАЕВ: Что ты мне рассказываешь. Я тебе вот сейчас, как ты понял, почему я возмущаюсь. Я тебе честно скажу, я благодарен. Я видел, как ты работал, как Дарига работала, как твоя команда работала. Сейчас в ближайшие вот эти годы, это уже не надо. Чем больше будет это все в ваших руках, тем больше будет накат. Мне больно, я переживаю за вас, честно. Клянусь тебе. Переживаю вот этот накат: у тебя в руках частный медиахолдинг …. Из списков огромных. Начиная от радио и кончая всеми каналами вот этими, которые есть. Полностью вся реклама в ваших руках. Кроме всего остального. Если бы я честно разбирался, как с другими. Если бы на твоем месте был бы какой–то Клебанов или Аблязов, я бы сейчас копнул, как происходила

приватизация «Хабара». Вот — вы заплатили государству! Ты согласен? Вот ту сумму и получишь. Если бы я занимался, разбирался. Тогда вообще что будет? Если со мной что–нибудь случится, вас съедят. Через три месяца. Ни партия, ни газеты — ничего не поможет.

АЛИЕВ: Вы меня в чем–то можете подозревать …

НАЗАРБАЕВ: Подожди. Как отец и как президент страны я тебе даю отцовский совет. Вот от этого зависят дальше наши отношения. Первое, объединим партии в этом году. Создадим одну мощную партию и там все будем. И я, и ты, и Дарига.

Второе, «Хабар», как ты лучше скажи, продать или оставить?

АЛИЕВ: Лучше оставить.

НАЗАРБАЕВ: Я тоже за это. Чего отдавать, если она у нас есть, крупнейшая компания. Есть другой вариант. Блок–пакет оставить вам, 20 % или 24 % продать. Не государству.

АЛИЕВ: Что продать, телеканал «КТК»?

НАЗАРБАЕВ: «Хабар» и «КТК». Опять же это будет наше, я обещаю. Всем будет полезно. Всем будет ясно, что доминирование там Рахата и Дариги нету. Ты согласен с этим?

АЛИЕВ: Ну, а Вы директоров поменяете.

НАЗАРБАЕВ: Продай 2 5 % «Хабара» национальной компании. И по «КТК», и по «Каравану» как договорились. Ну, если не хочешь, ладно, 45 % продай. Вы, наверное, Дарига думает и ты думаешь, что этим самым какая–то популярность. Вся популярность от «Асара» …

АЛИЕВ: Какая популярность? Это бизнес.

НАЗАРБАЕВ: Какие на хер деньги? Дочь президента. Если я завтра выступлю и скажу, что я эту политику не поддерживаю, ты увидишь, чего будет на местах, в областях.

АЛИЕВ: Я вообще был против, чтобы она шла в эту партию «Асар».

НАЗАРБАЕВ: Теперь я тебе прошлый раз сказал: все, что вытащил из архива КГБ-КНБ, отдай мне потихоньку. Зачем это тебе нужно? И зачем тебе, Рахат, копаться во всем, узнавать? Кто кого подслушал, там люди работают.

АЛИЕВ: Ну, если Дутбаев меня подслушивает, следит за мной, как это понимать?

НАЗАРБАЕВ: Когда, он ушел уже?

АЛИЕВ: Ну, он же слушал меня, мне люди в КНБ говорят.

НАЗАРБАЕВ: Там твои люди все сидели.

АЛИЕВ: Какие люди?! У меня людей, извините, он так сковырнул. Все что возможно.

Ну, как могли меня в ваших глазах представить предателем, я не знаю кем там? Изменником Родины или что? Из меня сделали,

что я вот на уже на Ваше место претендую или еще что–то. Вот из–за этого все мои проблемы.

НАЗАРБАЕВ: Теперь пишут, что Имангали хочет на мое место.

АЛИЕВ: Ему значит тоже конец. Кому этот жупел приклеили, все, этим людям конец придет.

НАЗАРБАЕВ: Что рвется, только об этом и думает. Мечтает, и все остальное.

АЛИЕВ: Не хочу про него говорить. Время наступит, оно все покажет.

НАЗАРБАЕВ: Ты чего, специально так говоришь, или ты на самом деле не понимаешь? Я президент, вот в чем дело. Глава государства. Вот в чем дело. Весь вопрос в этом. Это ты понимаешь? А на кого, надо переть на одного! Слушай, я после этих статей, я просто болею.

АЛИЕВ: Я не хотел сюда приезжать из Вены, честно говоря. Я же знал, что обстановка такая накаленная. В спецслужбах на меня дела заводят. Телефоны подслушивают. Хотя это может шпиономанией казаться, но я там проработал, я уже знаю, как это все делается. Фабрикация и грязные игры какие–то.

НАЗАРБАЕВ: Поэтому давай обезопасим. Пока ты не отойдешь от средств массовой информации, весь накат будет идти к тебе. Не надо ссориться, давай сделаем умную видимость. Ты же умный мужик, ты же можешь сам предложить. И сразу утихомирятся в один год. Понимаешь, публично объявить, что вот это продано тому. Продадим тому, кому нам надо. И снова акции у меня будут лежать все. Даже на того, на кого ты скажешь, запишем. Деньги заплатят за это. Это легальная возможность получить деньги солидные. И тебе и мне.

АЛИЕВ: Зачем это продавать, если оно приносит прибыль?

НАЗАРБАЕВ: Тогда, ты не обижайся, что накат на тебя будет продолжаться. Пока будут знать, что это принадлежит тебе — тебе покоя не будет. Неужели мы, оставаясь тем же собственником, умно не сможем сделать? Два мужика. Я тебе предлагаю же, ты же не хочешь меня понять.

АЛИЕВ: Я понимаю, что политическое влияние …

НАЗАРБАЕВ: Да на х… мне политическое влияние. Я могу раздолбать эту всю твою мега за один месяц. Понимаешь, и будет вся политика. Я тебе толкую, ты у меня время берешь, никак не поймешь. Или ты делай, или ты мне скажи, что ты не будешь делать. Я тебе предлагаю, оставлю я тебе, не трону рекламный этот рынок. Кто бы не взял. Продай 25 %, тому, кому я скажу. «Хабара». Принеси мне 50 % акций. Я обещаю, что он будет сохранен и тебе будет отдан. Партии объединяем. Все. Три вопроса. Я тебе обещаю, что сразу утихомирится все вокруг тебя.

Ты поймешь, ты спокойно будешь дышать, с решением этих вопросов.

АЛИЕВ: На счет партии с Даригой нужно. Я без нее ничего не могу. У нее есть свои политические амбиции. В доме я ей могу что–то сказать. А вне дома, у нее свое мнение есть.

НАЗАРБАЕВ: Нет, мы же дома у тебя втроем договорились об этом?

АЛИЕВ: Вроде договорились.

НАЗАРБАЕВ: Договорились. Если … это так по–мужски, между нами. Если она не согласится с моим мнением, я тихо угроблю эту партию. Через все областные, региональные отделения. И заявлю, что это я не поддерживаю. А зачем это? Нам это надо?

АЛИЕВ: Я думаю, не надо.

НАЗАРБАЕВ: Поэтому надо делать так, как я говорю. Все остальные в Казахстане делают так, как я говорю. Все в Казахстане делают, покруче, чем вы! Вот это то, что я сейчас сказал, сделаешь, это будут практически не слова, а дело. Давай! (Встают) Слушай, ну ты расслабься. Ну, чего ты ходишь напряженный такой? Ты смотри, я тебе очень благодарен за эту поездку, по медицине, в Австрию. Очень благодарен. Я себя просто почувствовал, до сих пор она идет. Я иногда нарушаю с алкоголем, конечно, как и ты. Наверное, эти дни нарушал?

АЛИЕВ: Нет, не нарушал.

НАЗАРБАЕВ: Здесь будешь пока?

АЛИЕВ: Я просто выехать за рубеж боюсь. Будут опять говорить, что на рабочем месте не сижу. А ездить не будешь, по ОБСЕ продвижения не будет.

НАЗАРБАЕВ: Ну, ты с министром договаривайся и поезжай.

АЛИЕВ: Завтра будет говорить: постоянно в поездках.

НАЗАРБАЕВ: Ты первый заместитель министра иностранных дел.

АЛИЕВ: Боится, что я его подсиживаю.

НАЗАРБАЕВ: И Токаев не вечен там. При всей его импозантности.

АЛИЕВ: Не только я езжу, но и противники — оппозиция тоже ездит в Европу.

НАЗАРБАЕВ: Жакиянова не выпустят.

АЛИЕВ: Договариваться будут против нашего председательства в ОБСЕ.

НАЗАРБАЕВ: Да они там, в Европе ничего не знают и не понимают …

АЛИЕВ: Конечно.

НАЗАРБАЕВ: В каждом случае фиксировать надо и тюкать по

голове. Я завтра этому суке, Токаеву п. дюлей задам.

АЛИЕВ: Потом он опять будет на меня коситься …

НАЗАРБАЕВ: Пусть он тоже на себя что–то берет.

АЛИЕВ: Что ему это надо? Ему это нужно, ругаться? Он что, дурак? Он же хочет со всеми дружить…

НАЗАРБАЕВ: Раз ты знаешь, он тоже знать должен, так?

АЛИЕВ: Да. Но главное больше нужно лоббировать по ОБСЕ…

НАЗАРБАЕВ: Саша Миртчев работает же.

АЛИЕВ: Саша не может так работать, как я. Он в кулуарах подкупает всех.

НАЗАРБАЕВ: Саша, тоже там непонятно все время тянет …

АЛИЕВ: Ему только деньги.

НАЗАРБАЕВ: Да, много денег.

АЛИЕВ: Вы платите, он будет работать. Завтра перестанете платить, будет против Вас работать. Его деньги только интересуют и все.

НАЗАРБАЕВ: Но мы немало, десятки миллионов долларов затратили для этих дел с ним (на американских лоббистов из «Global Options Management»).

Я хорошо понимаю, что для нормального читателя, не проведшего свою жизнь в коридорах президентского дворца «Ак — Орды», львиная часть приведенного разговора покажется китайской грамотой.

Возможно, вам многое станет понятнее по прочтению этой книги.

Глава 4
Охота на зятя: как это было

Buodc*mir.isierium — fьr auswдrtige Angelegenhuitaii
GZ BMaA-KZ. 1.35.01/0006–1.1 /2007
Verbalnote

Das Bundesministerium fьr auswдrtige Angelegenheiten entbietet der Botschaft der Republik Kasachstan seine Empfehlungen und beehrt sich, das Agrement zur Bestellung von Herrn Rakhat ALIYEV zum ao. und bev. Botschafter der Republik Kasachstan in Цsterreich mit Sitz in Wien mrtzuleilen.

Das Bundesministerium fьr auswдrtige Angelegenheiten benьtzt auch diese Gelegenheit, der Botschaft der Republik Kasachstan die Versicherung seiner ausgezeichneten Hochachtung zu erneuern.

Wien, am 6. Februar 2007

An die

Botschaft der Republik Kasachstan Wien

Копия вербальной ноты МИД Австрии «Агреман» о принятии Посла Казахстана Р. Алиева, 6 февраля 2007 г. Нота-представление МИД Казахстана была передана в МИД Австрии 5 января 2007 г.

Окончательный разрыв с президентом произошел 16 мая 2007-го. До этого уже вовсю кипел конфликт, против меня готовилось уголовное дело, но мосты еще не были сожжены. Назарбаев ждал моего покаяния и возвращения в страну с низко опущенной головой.

Я позвонил ему из Вены с простым вопросом — к чему этот фарс с уголовным преследованием. В ответ тесть сделал свое предложение: «возвращайся домой, тогда дело закроем, повесим все на твоих охранников». Я спросил, что именно «повесим», ведь он прекрасно знает, что обвинение сфабриковано (по его же указанию). Он ответил, что дело уже пущено в оборот, легче подставить под него «мелких сошек», как это обычно практикуется:

— Сам будешь здесь тихо сидеть, отдашь мне все свои медиа–активы. А там решим, что с тобой делать. Пост какой–нибудь получишь. Понял?

Нет, не понял. Я сказал в ответ, что подставлять своих людей не собираюсь, и что медиа–активы я покупал, а не получил от него в подарок. Если хотят забирать — пусть забирают, но моими руками прессу они не задавят. И вдобавок еще сказал многое, что думал о своем собеседнике.

Он был, конечно, в шоке. А я почувствовал облегчение — наконец–то выплеснулось наружу все, что накопилось в душе долгие годы. Рубикон был перейден, назад дороги уже не будет.

А дальше все развивалось, как в низкопробном боевике.

Я делаю Заявление в информагентстве «Казахстан тудей» о том, что готов выставить свою кандидатуру на пост президента.

Меня отстраняют от должности посла и лишают дипломатического иммунитета.

Казахский Интерпол объявляет меня в международный поиск по указанию Президента Назарбаева. Ленты мировых информационных агентств начинают пестреть заголовками о скандале в президентской семье и полицейской охоте на зятя Назарбаева.

В венском аэропорту Швехат приземляются два зафрахтованных Комитетом национальной безопасности Казахстана (тайная полиция) чартерных самолета. Дата вылета открыта (их парковка ежедневно выливается в грандиозные суммы, но это никого не волнует). Столицу Казахстана — Астану заботит только одно: как можно скорее схватить Алиева и доставить его бушующему президенту. На руках у казахской полиции и спецслужб карт–бланш: им выдана лицензия живым или мертвым доставить меня на родину.

Мне звонит заместитель министра иностранных дел Австрии Мартин Сайдик, спрашивает: «Это правда, что вы действительно хотите добровольно покинуть нашу страну и улететь в Казахстан?» Нет, неправда. Спрашиваю в ответ, откуда такая информация. Сайдик отвечает, что так утверждает новый срочно присланный исполняющий обязанности посла Кайрат Абдрахманов — и тем самым объясняет стоянку двух бортов в венском порту.

Уверяю Мартина Сайдика, что я еще в своем уме и никуда вылетать не собираюсь. «Выходит, новый посол врет?» Выходит, что врет.

Меня с посольской должности сняли в пятницу. В понедельник в казахском посольстве в 19-м районе Вены уже сидел новый Поверенный Абдрахманов. Скорость небывалая в дипломатической практике. Он прибыл сюда с одним заданием — координировать работу по моей поимке и обеспечивать ей дипломатическое прикрытие. Почему именно Абдрахманов? Потому что он, опытный агент–информатор КНБ, секретный псевдоним «Данко», завербованный еще советским КГБ в далеком 1986-м году (приложение).

Мой ответ Сайдика не обрадовал. Не потому, что он так хотел моего отбытия на родину, а потому что властям Австрии в этот

момент стало понятно, что Казахстан готовит на территории этой страны специальную террористическую операцию.

Все складывалось одно к одному. В Вену со всей Европы прибыли наши резиденты внешней разведки КНБ «Бар–лау»: Виталий Виткалов прилетел из Лондона, полковник Гемирлан Шохитбаев и майор Станислав Василенко (который под дипломатическим прикрытием отвечает за связи с Европарламентом и Советом Европы) добирались на своих машинах из Франкфурта и Страсбурга. Все обосновались в нашем посольстве в Вене. Ради меня «Барлау» засветила всю свою европейскую резидентуру, что тоже беспрецедентный случай в международной практике спецслужб (приложение).

Напрямую из Астаны прилетели секретные сотрудники спецслужб Айдар Н. Токмурзаев, Жасулан А. Рашидов, Максат Р. Байбусынов, Юрий А. Бендюк, Марат С. Осипов, Мурат И. Джалилов — прежде они могли маскироваться под сотрудников МИДа–дипломатов, отныне же их статус никого не обманывал.

Но тогда это никого не волновало. Президент метал гром и молнии, собирал ежедневные (!) совещания с силовиками по моей поимке. Выслушивал отчеты, мрачнел, кричал на всех и приказывал ускорить процесс.

В это же время венская полиция фиксирует появление подозрительных машин с немецкими и польскими номерами (и бандитскими физиономиями внутри). Мне снова звонят уже из МВД Австрии и предупреждают о возможных покушениях. Просят, чтобы я предупредил всех своих друзей в Вене, чтобы они не выходили из квартир, не выпускали детей и не открывали никому двери.

По моей просьбе МВД Австрии приставляет ко мне специальную охрану.

Говорю по телефону со своей супругой Даригой. Она в Алма — Ате, прошу ее срочно взять детей и лететь ко мне в Вену. На следующий день жена звонит в слезах: «отец не выпускает Венеру», нашу семилетнюю дочку. А они всегда вдвоем, во всех полетах наша дочка сопровождает маму. Президент это прекрасно знает, но требует оставить внучку в Казахстане в качестве заложницы — боится, что вдруг Дарига не вернется назад. Я прошу передать ему, что немедленно обращусь в западные СМИ, что президент похитил мою дочь. Срабатывает, Дарига вылетает в Вену вместе с Венерой на чартерном спецсамолете президента Казахстана.

Однако в нагрузку к ним Назарбаев отправляет еще двух своих переговорщиков — помощника президента по хозяйственной части и по совместительству бизнесмена–

миллиардера Булата Утемуратова и нового государственного секретаря Каната Саудабаева. Они везут мне предложение от Крестного Тестя и должны убедить меня добровольно воспользоваться предоставленными услугами казахской авиации. Если я «уголовный преступник», то какие могут быть предложения, тем более от первого лица в государстве? Но это вопрос риторический, все участники охоты понимают, что главное мое преступление в том, что я разгневал Зевса.

Приезд высокопоставленных парламентеров еще больше напрягает венскую полицию. Вся Европа напугана недавней историей с убийством Литвиненко, радиоактивный полоний еще у всех на устах. Где гарантия, что гости везут мне только устное послание? Мне советуют отказаться от встречи, но я не хочу поддаваться общим паническим настроениям. В конце концов, так можно всю жизнь провести в страхе, а меня такая перспектива не устраивает.

Но осторожность, конечно, не помешает. Охрана консультирует, как нужно организовать встречу: сначала назначить ее в одном отеле, потом, в последний момент, назвать новый адрес. Так и делаем: назначаем в Hotel de France, но за полчаса до условленного срока предупреждаем визитеров, что будем ждать их в старом «Хилтоне» рядом со зданием венской полиции.

Выбор на этот отель падает потому, что он небольшой, и здесь легче контролировать все входы и выходы. Эту работу берет на себя полиция: мирные постояльцы Хил–юна и не подозревают, что в их гостинице в этот момент разворачивается настоящая полицейская операция.

Впрочем, встреча идет уже три часа и пока мирно. Ничего интересного Утемуратов и Саудабаев с собой не привезли. Я выслушал то же самое предложение, что мне делал президент напрямую: сидеть смирно, выставить кого–то «козлом отпущения» в сфабрикованных преступлениях, которых не было, отдать ему медиахолдинг (телеканал, радио, газеты), встать на колени, бить поклоны и ждать президентской милости. За решеткой или — в лучшем случае — под домашним арестом.

Гости улетели ни с чем. Моя жена с Венерой отправляются назад тем же чартером — Дарига пообещала отцу, что не задержится в Вене ни на день.

Но концентрация высоких казахских чиновников в Вене не снижается. Здесь постоянно дежурит заместитель генерального прокурора Асхат Даулбаев, который известен больше всего своим охотничьим приключением. Помните историю конца девяностых, когда несколько чиновников отправились на охоту на боевом

вертолете Минобороны Ми-8 и потерпели крушение? На борту был как раз Даулбаев, на тот момент заместитель министра юстиции, а также руководитель Нацбанка, а позднее «Наурызбанка» Оразалы Ержанов. Даулбаев с Ержановым получили серьезные ожоги, но смогли пережить и само крушение, и последовавший за ним скандал. В то время, пресса еще могла писать о госслужащих, летающих на казенных вертолетах на частную охоту. Но к сожалению, Назарбаев не только не снял с работы этих героев, но и повысил их по служебной лестнице.

Министр внутренних дел Казахстана Бауржан Муха–меджанов дает указание своему представителю в штаб–квартире Интерпола в Лионе. Теперь кроме официальных представителей Казахстана в австрийской столице безвылазно сидит и Талгат Толеубаев, начальник азиат–ского отдела Интерпола. Этот толковый молодой человек, который служил у меня помощником в финансовой полиции, а потом мы с генералом Сергеем Кузьменко рекомендовали его в казахское отделение Интерпола. Оттуда его и забрали в головной офис международной полиции. Теперь он должен был убеждать австрийское правосудие, что казахский Интерпол действительно видит во мне преступника и что здесь нет никакого политического преследования.

В подкрепление Даулбаеву и Толеубаеву из Франкфурта на своей машине «Ауди» с номером F94115 срочно выехал Генеральный консул — Анарбек Карашев (еще один тайный агент КГБ-КНБ), прихватив с собой солидный штат переводчиков. Доверять моим бывшим подчиненым дипломатам из Посольства в Вене категорически нельзя.

Вся эта команда ежедневно добивалась встреч с австрийской полицией и требовала выдать меня как можно скорее. Эффект вышел прямо противоположный. Австрийцы поставили кордон на Феликс — Мотль-Штрассе, где в 19-м районе располагается наше посольство, где последовательно останавливали и переписали всех выезжавших из него оперативных секретных сотрудников КНБ, а затем через МИД потребовали от них покинуть территорию страны в течение 24 часов.

А всем высокопоставленным казахским переговорщикам, продолжавшим осаждать Вену, вежливо растолковывали, что дело рассматривает прокурор и судья, а давить на независимую судебную систему в Австрии — дело бесперспективное и, главное, подсудное. Нашим же все казалось, что дело только в высоте волны, которая идет из Астаны. Что стоит только поднажать еще сильнее, как австрийцы сдадутся, из канцелярии бундесканцлера Гузенбауэра все–таки последует долгожданный звонок в Минюст, а оттуда — прокурору и судье, и те сразу примут правильное

решение …

Талгат Толеубаев мне рассказал, что сначала МВД Казахстана отправляло телефаксы в Вену, что мы мошенники, приехавшие в Австрию по поддельным документам. Но потом быстро опомнились, и спустя день запрос отозвали.

Надо признать, что стратегия неослабного давления по тем западным фронтам частично сработала. Против меня применили весь Уголовный кодекс, от похищений людей до финансовых преступлений. Метода была простая: вместо того, чтобы говорить о коррупции режима Назарбаева, мне пришлось оправдываться, что я не совершал тех преступлений, которые на меня навешивали оптом и в розницу.

К пятнице 1 июля 2007-го напряжение достигло апогея и должно было каким–то образом разрешиться.

В тот день от меня уже ничего не зависело. Чтобы не повторять привычного маршрута между домом и офисом, еду сначала в банк, а потом в парикмахерскую. На ныходе из нее меня ждет шоу, подобного которому не (шло в моей жизни.

На улице стоит группа в штатском — двое мужчин и с ними молодая женщина блондинка, с американской бейсболкой на голове. Явно дожидаются нас. Один подходит поближе, демонстрирует удостоверение: МВД-национальное бюро Интерпола Австрии. Вы мистер Алиев?

Я.

Мы говорим по–русски.

Очень хорошо. Мы уполномочены вас арестовать по запросу казаххкого Интерпола.

Даю сигнал телохранителям, что все в порядке. Начальник охраны из спецподразделения «Кобра» МВД Австрии пытается извиняться — говорит, что им по рации поступило распоряжение не препятствовать работе Интерпола Листрии, которое также находиться в составе МВД. Да я и не призываю устроить здесь шальную перестрелку. Каждый делает свое дело. Я на собственном опыте знаю, что разделение властей и верховенство закона.

— У вас есть оружие? — спрашивает полицейский.

— Есть, в машине.

— Есть разрешение на ношение?

— Есть, еще с 2002-го года, вместе с удостоверением Посла Казахстана в Австрии.

Второй из группы отправляется к моему автомобилю. Невольно замечаю, что все трое ведут себя так, будто насмотрелись американских фильмов-CSI про ФБР и представляют себя Крутыми Уокерами.

Полисмен залезает в машину и начинает ее обыскивать — он явно «слепой», не видит в упор дипломатические номера. Ведь машина все еще зарегистрирована на действующего дипломата, сотрудника посольства РК. При свете дня и при свидетелях он нарушает святая святых международного права — Венскую конвенцию — дипломатический иммунитет! Но с этим будут разбираться позже мои адвокаты.

Тот факт, что я еще оставался на тот момент послом Казахстана в странах бывшей Югославии и постоянным представителем в Венском офисе ООН, никого не волнует.

Женщина в бейсболке застегивает на мне наручники, почему — то значительно туже, чем требуется. Сразу чувствую, что левая рука перетянута, быстро начинает неметь. Но что интересно, мне разрешают оставить все личные вещи моему помощнику и переговорить с адвокатами. Садимся вчетвером в маленький «Фольксваген». Главный из группы за рулем, его напарница — рядом на переднем сиденье. В дороге узнаю, что она украинского происхождения, работает в полиции Вены.

Замечаю, что кружим по городу, нарезаем не имеющие смысла круги. Спрашиваю, куда едем — в моем положении это не праздный вопрос, если учесть самолеты, зафрахтованные КНБ и стоящие в терминале General aviation. Дама отвечает, что в аэропорт Швехат. И тут же смеется: это шутка. Должен признать, бывают случаи, когда шутки не кажутся мне смешными.

Прошу ослабить левый наручник и слышу отказ. Как будто я особо опасный преступник, которому нельзя освободить руки, пока не добрались до места. В дороге провели минут двадцать. Когда в участке, наконец, ослабили наручники, на левой руке осталась гематома, которая заживала потом несколько недель. Не самое образцовое задержание в европейской стране.

В полицейском участке обстановка спартанская — топчан с одеялом, однако мне этот интерьер нравится больше, чем люксовый салон самолета. Но чувствую, что быстро поднимается артериальное давление. Приходит доктор, измеряет давление: верхнее — 170. Требует, чтобы срочно ехали в больницу, делать кардиограмму. Я поначалу отказываюсь, но вскоре теряю контуры окружающей действительности. Последнее, что я помню в участке — надо мной склоняется та дама из Интерпола. Интересно, ей то что надо?

Очнулся уже в больнице, под капельницами. Это отделение находится в ведении Минюста. Врачи говорят, что инфаркта нет, но давление не проходит (оно будет держаться еще долго), как и боли в сердце.

Так прошла пятница. В этот день я должен был находиться на

свободе, поскольку мои адвокаты уже перего–иорили с судьей и внесли залог за меня. Один миллион евро наличными — хорошо, что я заранее снял деньги со с воего банковского счета.

Согласно процедуре, я должен был после полицейского участка приехать к судье, который дал бы разрешение о выпуске под залог, а от него уже поехать домой. Но теперь меня не выпускают врачи. К высокому давлению добавилась сильная кожная аллергия, источник которой никак не могут определить. На сканировании обнаруживают у меня в желудке две металлических частицы непонятного происхождения. Теперь всем на ум приходит уже не Литвиненко, а украинской президент Виктор Ющенко, которого лечили от отравления в сосед–пси венской клинике «Рудольфинерхаус». А мне всё вспоминается дама из Интерпола, наклонившаяся надо мной в участке — что–то в этом было подозрительное.

Тайну тех металлических частиц и источник аллергии врачи так и не разгадали.

В субботу ко мне приходят дежурный судья и мои адвокаты — доктор Рифат и профессор Брандштеттер. Судья объявляет, что выпускает меня — но поскольку мой немецкий еще недостаточен для свободного общения, по закону требуется официальный переводчик. А его как назло нет. И мой выход под залог откладывается теперь до воскресенья.

К выходным я уже становлюсь в больнице местной знаменитостью. В отделении лежит по медицинским показаниям много молдован и украинцев, задержанных в основном за нарушения визового режима и мелкого хулиганства.

После ужина вместе смотрим по телевизору последние новости. В новостях подробно обсуждают историю моего задержания. Мои акции среди персонала и пациентов резко идут вверх…

Начинаю вспоминать свою первую профессию врача, ко мне обращаются пациенты за консультациями и советом.

В субботу мне приносят местную прессу, где тоже много пишут про мою персону и про австрийско–казахские отношения. Казахстан в Австрии знают, в том числе благодаря нашей нефти, которая поступает на перерабатывающий завод OMV под Веной. Журналисты обсуждают, смогут ли энергоносители вмешаться в политику и не поддастся ли маленькая Австрия на нефтяной шантаж по формуле «Алиев в обмен на нефть плюс газ».

Но лучшую историю читаю в газете «Штандарт». Оказывается, пока я лежал под капельницами, президент Назарбаев не сидел сложа руки и уже успел позвонить бундесканцлеру Гузенбауэру с личной просьбой дать указание в суд и срочно организовать мою

экстрадицию! В это с трудом верится, но факт звонка подтвердили в пресс–службе Правительства Австрии.

Дело было так: Гузенбауэр, который лишь незадолго до ного стал руководителем Австрии, уехал на уик–энд шдыхать в турецкую Анталью. Предвыборная кампания была сложной, социал–демократы победили с небольшим перевесом, очень долго не получалось собрать коалицию для парламентского большинства. Так что несколько дней на море Гузенбауэру были необходимы.

Никаких телефонов канцлер с собой не взял, чтобы шдохнуть по–настоящему. С ним была только линия экстрепной связи, которую используют в случаях «emergency», то есть чрезвычайных происшествий, стихийных бедствий, требующих немедленного вмешательства руководителя правительства. Обычно эта линия молчит. И вдруг звонок — с канцлером хочет немедленно перего–норить президент Казахстана Назарбаев, дело неотложной важности. Не знаю, что ожидал услышать Гузенбауэр, поднимая трубку, к каким международным происшесгвиям готовился — но вряд ли ожидал, что речь пойдет про меня.

А это и была единственная цель звонка Крестного тестя: он задействовал линию экстренной межправительственной связи, чтобы попросить канцлера Австрии иыдать ему мятежного Алиева. А взамен Гузенбауэр может рассчитывать на бесперебойные поставки казахских энергоносителей и новые концессии для австрийской энергетической компании OMV и поддержку будущего транскаспийского газопровода «Nabukko Pipeline».

Дальше диалог между двумя лидерами вышел такой: канцлер говорил про разделение властей в его стране, про невозможность влиять на независимую судебную систему. Да я все понимаю, возражал Назарбаев, у нас в Казахстане тоже есть разделение властей, но мы ведь оба понимаем, о чем идет речь…

По всей видимости, Назарбаев так и не поверил, что канцлер Австрии не может позвонить министру юстиции ими председателю Верховного суда, чтобы они спустили вниз приказ земельному судье города Вены. И даже точно не поверил, поскольку еще дважды повторял свою настырную попытку уговорить Гузенбауэра.

Второй телефонный разговор, снова по инициативе президента Казахстана, состоялся 9 августа 2007 года. Сценарий был тот же. Крестный Тесть, очевидно, посчитал, что в первый раз Гузенбауэр был просто недостаточно опытен, еще не вошел во вкус власти, не узнал ее настоящих прелестей. А теперь, спустя пару месяцев, с ним уже можно будет поговорить если не на

равных (все–таки разница в опыте — восемнадцать лет во главе страны против трех месяцев), то хотя бы на «одном языке».

Но Гузенбауэр снова не понял просьб своего казахского коллеги. В очередной раз постарался терпеливо объяснить принцип разделения ветвей власти, где судья может засудить канцлера, но канцлер не может снять с работы судью, как в Казахстане.

Затем через неделю Назарбаев заставил своего премьер–министра Карима Масимова также позвонить австрийскому канцлеру, чтобы прикрыть свою оплошность. Ответ был прежним.

И снова Крестный Тесть не поверил в эти «сказки венского леса». Свою третью попытку убедить австрийского лидера пойти на противозаконные действия Назарбаев предпринял в 26 сентября 2007-го, на этот раз очно. Дело было на Генеральной ассамблее ООН в Нью — Йорке, которую наш президент посетил, наконец–то, после семилетнего перерыва.

Все предыдущие годы он прикидывался то больным, то занятым. На самом деле Назарбаев опасался, что его доставят на допрос к следователю нью–йоркской прокуратуры по коррупционному расследованию, известному под именем «Казахгейт». Однако американские лоббисты из «Глобал Опшонс мэнеджмент» и юристы убедили президента, что в этом году ему опасаться пока нечего (слушания по делу начинаются позже), и он решился посетить штаб–квартиру ООН. Это было еще и своеобразное «роуд–шоу» по продвижению только что избранного им самим однопартийного парламента. Запад выборы раскритиковал, и Назарбаев поехал успокаивать американцев и европейцев.

МИД Казахстана запросил 10-минутную встречу на высшем уровне с австрийским канцлером. По протоколу отказать в такой встрече нельзя. А проходила она, со слов ее непосредственного участника, так. Инициативу сразу взял Назарбаев. Как вы можете догадаться, сразу за рукопожатием он предложил Гузенбауэру снова подумать о скорейшей выдаче Алиева и о тех благах, которые может извлечь Австрия из дружбы с Казахстаном. На этот раз канцлер уже не выдержал. Оцепив, что рассказ о разделении властей не срабатывает, он открыто попросил казахского президента больше никогда не поднимать эту тему. Потому что даже само обсуждение ее противозаконно.

И если пресса узнает, что руководители стран обсуждают дела судебных органов, их немедленно обвинят в коррупции, в превышении служебных полномочий. А для анстрийского канцлера (в отличие от казахского президента) такие обвинения могут быть фатальны: от них и до отставки недалеко.

На этот раз Назарбаев почувствовал, что Гузенбауэр не шутит, и решил немного отступить. Перевел разговор на перспективы казахско–австрийских отношений, как наши нефть и газ могут идти на Европу и какие товары мы можем покупать взамен. Правда, снова получалось ироде намека, отдайте мне Алиева, и будет вам хорошо. Канцлер едва дождался окончания переговоров и удалился, с трудом скрывая раздражение.

Государственный казахский телеканал «Хабар» посвятил встрече на высшем уровне в стенах ООН маленький сюжет в новостях, хотя обычно не упускает возможности расписать все подробности международных турне президента. Австрийские средста массовой информации не иметили ее совсем.

Но Альфред Гузенбауэр был не единственным представителем австрийской пирамиды власти, кто подвергся психологической атаке со стороны Назарбаевского правительства. Кампания была выстроена таким образом, что каждый член правительства должен теребить своего европейского коллегу, требуя от того посодействовать экстрадиции «блудного сына».

Можно представить удивление министра экономики Австрии, когда он получал письма от министра экономики Казахстана, из которых узнавал, что содействие скорейшей выдаче посла Рахата Алиева откроет дорогу австрийским товарам на казахские рынки–базары.

Писать письма и делать звонки были обязаны все — от премьера до министра сельского хозяйства. Особенно активны были, конечно, руководители силовых ведомств: от них ожидали скорейшего решения затянувшейся проблемы, и они наседали на своих австрийских коллег с особым упорством.

Для моих юристов такой расклад был максимально удачен.

Не будь всего этого напора, им стоило бы куда больших усилий доказать, что дело их подзащитного — политическое, что нужен он не казахским судьям (как обвиняемый по уголовному делу), а казахскому правительству как диссидент, разошедшийся в политических взглядах с режимом.

Если бы Назарбаев подписал европейскую конвенцию по правам человека и Казахстан вошел в Совет Европы. Если бы за запросом казахского Интерпола последовало молчание. Если бы в нашей прессе не развернулась травля–истерия относительно моей персоны. Если бы в венском аэропорту Швехат не дежурили чартерные самолеты с разведчиками на борту — тогда венский судья мог бы решить, что ко мне действительно есть претензии у нашей «независимой» судебной системы, и что мне в родной стране не грозит ничего, кроме справедливого судебного решения.

Мои адвокаты, профессор Брандштеттер и доктор Рифат, поначалу поверить не могли, что помощь сама приходит в их руки со стороны назарбаевского обвинения. Но потом привыкли и стали кропотливо собирать и относить судье все новые доказательства политической подоплеки моего дела. Причем письма министра сель-с кого хозяйства служили столь же весомым подтверждением, как и звонки Назарбаева. Австрия увидела, что на меня развернута настоящая царская охота.

Однако даже это могло не сработать, если бы Казахстану удалось доказать независимость и справедливость с воей судебной системы. Но чего нет, того нет. Когда венский судья узнал, что все его казахские коллеги — вплоть до районного судьи — назначаются напрямую президентом Назарбаевым, он тоже не сразу поверил. И даже специально отправил высокопоставленного сотрудника МВД Австрии в Астану, который, как говорят, подтвердил действие там еще советских тоталитарных законов, нарушающих европейскую конвенцию по правам человека.

*** anticomprador.ru: В СССР судьи избирались. ***

Все это накладывалось на полное отсутствие доказательной базы. Все документы, предъявленные казахской стороной, были быстро состряпаны по методу сталинского прокурора товарища Вышинского. Это были исключительно «признательные» показания людей, находящихся за решеткой. Ни одной улики, ни одного вещественного доказательства. Один лишь всем известный сталинский закон — «Царицей доказательств является признание».

*** anticomprador.ru: Очередной миф времен «перестройки». А. Я. Вышинский, «Теория судебных доказательств в советском праве», глава IV, параграф 8: «…было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем они заслуживают этого… Этот принцип совершенно неприемлем для советского права и судебной практики». ***

Ровно через месяц, 11 июля 2007 года судья Земельного суда Вены госпожа магистр Кристина Зальцхорн закрыла первое уголовное дело за номером № 221 Ur 95/076 в отношении меня «по отмыванию теневых денег». Разблокированы мои счета в банках. Это еще одно подтверждение того, что мой бизнес легален, ведь первые счета своих компаний я открыл еще в 2002 году.

7 августа 2007 года состоялось Решение другого судьи Земельного суда о невозможности моей выдачи Казахстану, которое было подписано прокурором и классифицировано как окончательное и не подлежащее обжалованию со стороны

обвинения. В Астане в этот день был траур. Президенту боялись даже доложить новость.

Я же в тот же день улетел в Лондон, к родной сестре Гульшат и ее мужу Иссаму, которые также вынуждены были скрываться от репрессий со стороны Назарбаева.

И все–таки у них был маленький шанс меня получить.

В суете первых дней охоты казахские власти допустили главную ошибку, которая позволила мне избежать принудительной погрузки на борт зафрахтованного самолета. Назарбаев лишил меня дипломатического иммунитета. Разумеется, мудрецам в Астане казалось, что первым делом меня нужно лишить именно неприкосновенности. Им было еще сложно поверить, что звонки Гузенбауэру могут не сработать.

А все могло быть проще. Дипломатический посланник является своего рода государственной собственностью родного государства: то есть меня могли официально вызвать якобы для консультаций или просто силами КНБ принудительно увезти из моей частной виллы в Хитцинге напрямую в аэропорт. И австрийские полицейские не смогли бы мне помочь. Неприкосновенность означает, что до посла другой страны полиция не может дотронуться — ни с целью ареста, ни с целью его защиты. Страна пребывания вмешаться в «дипломатические» дела другого государства просто не может.

К счастью, такой сценарий силовикам в Астане тоже в голову не пришел. А чему удивляться, умных профессионалов–то вокруг нашего «Великого Кормчего» практически не осталось.

Однако лишить меня иммунитета показалось мало — Крестный Тесть, чтобы освободить себе руки, стал методично разрушать мою семью.

10 июня 2007 года я получил факсимильную копию решения суда о заочном разводе. В тот день я встречался дома с адвокатами — мы сидели на веранде, обсуждали ситуацию со мной и моими товарищами, стратегию защиты. Вдруг заходит мой охранник и сообщает — консул нашего посольства привез пакет к воротам.

Из этого листка узнаю, что я уже четыре дня как в разводе, причем по собственному согласию. Оказывается, еще 4 июня я «собственноручно» подписался, что информирован о предстоящем заседании суда. А 6 июня, в мое отсутствие, состоялось заседание Медеуского районного суда города Алма — Ата, причем судье были предъявлены бумаги с моей подписью, заверенные консулом РК, что я не возражаю против расторжения брака.

На этом основании судья Б. Нурашева удовлетворила прошение моей супруги Дариги Назарбаевой о разводе. Вот так

просто закончилась история семьи, которую я строил с 7 октября 1983 года.

Я был в шоке, гораздо большем, чем от запроса казахского Интерпола.

Очевидно, Назарбаев рассчитывал сломить мой дух, демонстративно показав, что оказавшись в его немилости, я не могу рассчитывать на поддержку даже самых близких мне людей. А кто может быть ближе, чем жена, с которой столько пройдено и пережито за эти четверть века.

Но он добился прямо противоположного результата. Именно тогда я понял, что я был прав, когда выступил с критикой поправок к Конституции и что буду бороться — и за свое имя, за право моей страны жить свободной жизнью, и за гражданские свободы и права моих соотечественников.

Потому что большего беззакония, чем показательный развод по факсу, уже не придумать. И если в стране настали такие времена, что права человека не значат ничего перед машиной автократического правителя, которому не жалко даже собственную дочь и собственных внуков, — этому должен быть положен конец.

Разумеется, все было подделано. Я не подписывал никаких уведомлений — хотя бы потому, что не мог этого сделать. Все первые дни июня я провел в больнице Рудольфинерхаус после оперативного баллонного расширения резко суженных сердечных артерий, борясь с повышенным давлением и общим стрессом. Никаких бумаг мне в больницу не привозили. Я не давал согласия на развод, поскольку находился в своем уме.

Сам суд был проведен со всеми мыслимыми процессуальными нарушениями. По закону судья должна сделать все возможное, чтобы не допустить распада семьи. Мы же с Даригой прожили вместе более двух десятилетий и вырастили троих детей, из которых двое еще несовершеннолетние.

Даже если бы я давал согласие на развод, одно обсуждение распределения попечительских прав над детьми должно было занять несколько месяцев. Меньше всего меня интересовало имущество, которое мы нажили за эти годы, но по закону оно тоже должно быть описано и распределено в рамках бракоразводного процесса.

Мы с Даригой были разведены за один день, причем на процессе не присутствовал даже мой адвокат. Кстати, мои интересы на территории родной страны с мая 2007-го года не взялся защищать ни один казахский юрист, мало того, моего адвоката Любовь Балмагамбетову, которая вела обычно мои гражданские дела, сотрудники КНБ арестовали и держали под

домашним арестом с августа месяца 2008 года: Большего произвола со стороны Назарбаева я не видел. Все знают, что дело кончится отзывом лицензии и закрытием их юридической практики. А моему американскому адвокату из Нью — Йорка просто не дали визу в посольстве.

Текст решения о разводе уместился на одной странице.

На следующий день, 11 июня, я позвонил Дариге: «Что за бумагу я получил?» Она сказала, что «отец сильно давил, угрожал отобрать все наше имущество и активы». Разумеется, наш разговор подслушивался, Крестный Тесть получил его полную распечатку. После этого он запретил дочери отвечать на мои звонки, фактически изолировал моих детей от меня, переписал моего 16-летнего сына Айсултана на свою фамилию. А дочери Венере сообщили, что я уехал в длительную командировку за рубеж. С тех пор я не могу видеть своих детей.

В начале июня 2007 года у меня состоялся телефонный разговор с председателем Комитета национальной безопасности генералом Шабдарбаевым. Мой собеседник сказал мне буквально следующее: «если ты не заткнешься, мы всех твоих родственников закатаем машиной–катком в асфальт». Очень скоро боевики моего бывшего тестя от угроз перешли к делу. Все мои родственники, даже самые дальние, были уволены с государственной службы, особенно это проявилось в Южном Казахстане и в Алма — Ате. На двоюродного брата, бывшего мэра Шымкента Умырзака Алиева завели уголовное дело — через 3 года после того, как он оставил госслужбу, ему дали три года условно за какие–то «злоупотребления». Но тяжелее всего пришлось моим престарелым родителям. Мой отец, знаменитый хирург — профессор Мухтар Алиев, на 75 году жизни превратился тоже в уголовника: ему инкриминировали незаконное хранение охотничьего ружья и патронов к нему. Правда, оружие было подарено ему самим президентом до того, как мы рассорились. В доме родителей проводились бесконечные обыски. У моей мамы сотрудники спецслужб изъяли паспорт, и полицейские пытались силой взять анализ крови — кровь нужна была для того, чтобы сфабриковать очередные улики против меня. Так члены моей семьи в одночасье стали «преступниками». Еще больше досталось моим арабским родственникам по линии моей сестры. Ее мужа Иссама выгнали из страны, арестовали имущество его частных фирм и обьявили исламским экстремистом вместе с его братом Девинчи Хорани, гражданином США, который тоже потерял свои инвестиции в нефтебизнесе и вынужден был уехать из Казахстана. Единственная провинность–их родственные связи со мной, оппонентом Назарбаева.

Цитата.

Дарига Назарбаева:

> Мой муж Рахат Мухтарович Алиев из очень почтенной семьи. Его отец академик, доктор медицины–профессор Мухтар Алиев, самый знаменитый хирург в стране и известен далеко за ее пределами. Человек, спасший жизнь десяткам тысяч людей. Государство отметило его вклад в развитие здравоохранения самой высшей наградой — орденом «Халык кахарманы» (Герой Казахстана).

Рахат блестяще проявил себя на самых ответственных государственных постах. Вот уже 2 года он посол Казахстана в Австрии и в ОБСЕ. Почему пугают генералом Алиевым? Думаю, бояться его должны около десятка очень состоятельных людей, у которых совесть нечиста, которые не дружат с законом. Рахат — человек бескомпромиссный, жесткий, прямой. Будучи по профессии врачом- хирургом, он пытался применить хирургическую практику и на ниве наведения порядка в стране. Есть злокачественная опухоль, значит, ее надо вырезать. Его позиция: положено законом, исполняй. С Алиевым связано много событий, к которым можно применить слово «впервые». Возглавляя налоговую полицию, он впервые заставил иностранных бизнесменов уважать наши законы, сняв с них «иммунитет неприкосновенности». В глазах миллионов Казахстанцев они перестали быть «высшей кастой», снизошедшей с небес, и начали исправно платить налоги. Задержал машину таджикского посла, сплошь набитую наркотиками. Снял иммунитет неприкосновенности с многих отечественных компаний, переступить порог которых даже и в голову не могло прийти налоговикам. Мощная «крыша» в столице служила самым надежным мандатом. С его приходом значительно увеличились поступления в бюджет страны. И это были очень непростые годы в жизни нашей страны — 1996–1999 годы. Рахат поднял статус и престиж налоговиков, таможенников, кое–кому это пришлось не по вкусу. Эти же люди переполошились, когда он пришел работать в КНБ. Здесь он получил доступ к информации обо всем, что происходит в стране, чьи интересы на чем завязаны, о коррупционных сделках «уважаемых аксакалов» от политики. Последние лишились возможности «фильтровать» информацию, поступающую к Президенту. Ведь не зря же Рахата в народе назвали «комиссар Каттани». Он доказал, что и один человек в поле воин!

И еще цитата.

Газета «Коммерсант»:

> наиболее резонансной стала запись разговора, который приписывается господам Ни и Мельцеру. В беседе, датированной 11 июня 2007 года, люди с голосами Владимира Ни и Игоря Мельцера обсуждают план кампании по дискредитации экс–посла Казахстана в Австрии, бывшего зятя президента Рахата Алиева…

На этой пленке … человек с голосом Владимира Ни, ссылаясь на распоряжение «хозяина», требует от собеседника, говорящего голосом Игоря Мельцера, увеличить количество публикаций о злодеяниях господина Алиева: «Надо чтобы у подлеца земля под ногами горела! Давай, как договаривались, про пытки и истязания публикуй! Надо Рахата заставить показать свою подлую сущность». В ответ на то, что для таких публикаций нужно побольше фактов, голос, якобы принадлежащий господину Ни, отвечает: «Это не твои дела, там завтра Бауржан (глава МВД Бауржан Мухамеджанов. — Ъ) повторно все обыщет, официально все там найдет: доказательства, отрезанные пальцы, лекарства, иголки…

… один из фигурантов скандала, Игорь Мельцер, в беседе с корреспондентом «Ъ» назвал опубликованные в сети аудиофайлы «собачьей чушью»: «Указаний я вроде не получал, да и такого разговора вроде не было. Я не помню, чтобы такой разговор был. И перестаньте меня записывать!»

(из статьи «Нурсултан Назарбаев попался в сеть», 25 октября 2007 года)

Необходимые пояснения.

Владимир Ни — миллиардер, номинально один из владельцев металлургического концерна «Казахмыс», издатель газеты «Время». Игорь Мельцер — редактор газеты «Время». «Хозяин» — президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

Решение Земельного суда по уголовным делам города Вены N 282 Ur 70/07Z (Заверенный перевод)

Экстрадицию граждан Казахстана Рахата Мухтаровича АЛИЕВА, 10.12.1962 года рождения, номер 36/267–07, Вадима Михайловича КОШЛЯКА, 24.12.1972 года рождения, номер 36/272–07 и Виктора Анатольевича САПО-ЖНИКОВА, 7.5.1977 года рождения, номер 36/271–07, истребованную нотой Главной прокуратуры Республики Казахстан от 25.5.2007, с целью преследования в уголовном порядке из–за уголовно наказуемых деяний, изложенных в решении руководителя оперативно–

следственной группы Департамента внутренних дел города Алма — Ата от 21.05.2007 о привлечении к ответственности в качестве подсудимого признать недопустимой.

Обоснование:

… Возбуждение уголовного дела было следствием критики со стороны Р. АЛИЕВА политики Президента Республики Казахстан, который до недавнего принудительного бракоразводного процесса являлся его тестем. Р. АЛИЕВ пытался открыть страну для западной совокупности мыслей и провести реформы в соответствии с западными основными ценностями, в то время, когда Президент страны руководит железной почти сталинской рукой и весьма ориентируется на Россию и ее интересы. Намерение Президента оставить за собой эту должность пожизненно окончательно привело к разрыву, а критика Прешдента со стороны Р. Алиева превратила его в государственного врага № 1.

Р. АЛИЕВ уже ощутил на себе процедуру казахских властей, идущую в разрез с Европейской Конвенцией о ищите прав человека и основных свобод. 10.6.2007 года он получил от казахского посольства по факсу документ, следуя которому он 4.6.2007 принял к сведению расторжение брака со своей супругой. Этот документ содержит ыкже его поддельную подпись, которой он подтверждает, что он надлежащим образом был поставлен в известность о назначеном сроке процесса, но не явился. Так как 4.6.2007 Р. АЛИЕВ находился на лечении в больнице, он не был в состоянии подписать направленный ему в этот день формуляр. Расторжение брака в принудительном порядке является также подтверждением нарушения ст. 8 Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

В 2006 году Р. АЛИЕВ якобы потерял долевое участие в компании в Казахстане на основании Решения учредителей от 5.5.2006, в котором согласно официальному протоколу Общего собрания учредителей принимал участие Длнияр ЕСТЕН. Данияр ЕСТЕН, чья подпись под протоколом была даже нотариально заверена, скончался 12.5.2005 юда в Вене. Осуществленное принудительное и безвозмездное лишение прав собственности является доказательством грубого нарушения ст. 5 Уголовного кодекса.

Режим, который использует криминальные методы, мюбы избавиться от ставших нежелательными политических критиков, само собой разумеется, не может гаран–шровать проведение судебного производства с соблюдением процессуальных норм в соответствии со ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав

человека и основных свобод. Исходя из этого имееются все принудительные препятствия экстрадиции в соответствии с § 19 Закона об экстрадиции и оказании правовой помощи.

В соответствии с докладом американского Государственного департамента о существующих практиках по правам человека за 2006 год, государственная власть в Республике Казахстан концентрируется на основании Конституции в руках Президента. Он также контролирует региональные или местные органы власти, оказывает влияние на законодательную систему и правосудие. Исходя из этого независимое правосудие в Казахстане отсутствует. В еще большей мере ограничивается независимость судов со стороны исполнительной власти. Имеют место также политически мотивированные преследования. В казахских тюрьмах кроме этого заключенных подвергают пыткам и побоям, чтобы добиться от них необходимых признаний. В течение года 268 заключенных умерли, 26 из которых покончили жизнь самоубийством.

В сообщениях организаций Наблюдение за правами человека (Human Rights Watch), всемирного отчета за 2007 год и организации «Международная амнистия», отделения по Центральной Азии, кратких изложений по правам человека с января 2006 года по март 2007 года, также указано, что в Казахстане ведутся политически мотивированные производства против активистов или приверженцев оппозиции, и подсудимых приговаривают к длительным наказаниям в виде лишения свободы. Заманбек НУРКАДИЛОВ, бывший союзник президента, который обвинил правительство в коррупции и ушел в оппозицию, был убит.

Уголовное преследование по политическим мотивам, как указывается в выше упомянутых отчетах, естественно, несовместимо с Конвенцией по защите прав человека и основных свобод, в особенности того, что в отношении возбужденного уголовного дела решение принимается не беспристрастным и независимым судом в соответствии с Конвенцией. Также то обстоятельство, что в казахских тюрьмах заключенных подвергают пыткам и побоям, а также тот факт, что в течение одного года 268 человек умерли в тюрьмах Республики Казахстан, являются веским нарушением ст. 3 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод.

На основании предъявленных суду документов имеется не только абстрактная опасность, что судопроизводство против Рахата Мухтаровича АЛИЕВА, Вадима Михайловича КОШЛЯКА и Виктора Анатольевича САПОЖНИКОВА в случае их экстрадиции в Республику Казахстан не будет отвечать принципам ст. 3 и 6

Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод, а именно в случае с настоящим делопроизводством существует конкретное опасение, что данный процесс ведения следствия и делопроизводства приведет к нарушениям Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод, так как уже в ходе находящегося на рассмотрении в Австрии производства по экстрадиции были зафиксированы факты грубого нарушения принципов правового государства и соблюдения процессуальных норм производства.

С учетом предъявленных документов в отношении расторжения брака Р. АЛИЕВА с его супругой, следует исходить из того, что оно состоялось без его участия, и для того, чтобы подтвердить видимость законной силы расторжения брака была подделана его подпись под казахским документом. В связи с тем, что даже для проведения бракоразводного процесса были использованы такие средства, как подделка документов, против возбужденного в Казахстане уголовного дела имеются еще большие опасения, что уголовное преследование будет осуществляться с использованием нелегальных методов.

Эти опасения подтверждаются, в частности показаниями Р. АЛИЕВА от 2.8.2007 дают повод к опасениям, что со стороны казахских властей будут также предприняты попытки, доставить указанное лицо нелегально — не дожидаясь принятия решения по процессу об экстрадиции — в Казахстан. Подобные действия также являются грубым нарушением принципов судопроизводства с соблюдением процессуальных норм в соответствии с Европейской Конвенцией по защите прав человека и основных свобод.

На основании вышеуказанных соображений соответственно возникает опасение, что ни само уголовное делопроизводство против Р. АЛИЕВА, В. КОШЛЯКА и Виктора САПОЖНИКОВА в Казахстане не будет отвечать принципам ст. 3 и 6 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод, ни какое–либо ожидаемое возможное наказание будет исполнено в соответствии с требованиями ст. 3 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод. Помимо этого с учетом западной ориентации Р. АЛИЕВА имеются основания к опасению, что его уголовное преследование, а также преследования его сотрудников Вадима КОШЛЯКА и Виктора САПОЖНИКОВА будет осуществляться на основании их политических убеждений, которые, очевидно, не соответствуют тем, которых придерживается Президент Республики Казахстан.

На основании положения ст. 19 Закона об экстрадиции и оказании правовой помощи, которое указывает на Конвенцию по

защите прав человека и основных свобод, содержащихся в Конституции Австрии, экстрадицию Рахата Мухтаровича АЛИЕВА, Вадима Михайловича КОШЛЯКА и Виктора Анатольевича САПОЖНИКОВА в Республику Казахстан признать таким образом недопустимой.

Судья Магистр Фредерик Артнер Земельный суд по уголовному делопроизводству Вены 1082 Вена, Ландесгерихтсштрассе 11 Отд. 282, 7.8.2007

СЕКРЕТНО. Текст аудиофайла переговоров по мобильному телефону, перехваченного СИС КНБ Казахстана 14.03.2007 в 23:50 часов, время Астаны.

Это отрывок из записи телефонного переговора шефа казахского КГБ Амана Шабдарбаева и руководителя администрации президента Адильбека Джаксыбекова, который ясно доказывает, что дело о пропаже сотрудников моего банка было полностью инспирировано казахскими спецслужбами.

Из реплики Шабдарбаева ясно, что он знает, где находится сбежавший с деньгами банка Тимралиев, и что нужно подумать … О чем? Очевидно, что с Тимралиевым дальше делать. Джаксыбеков обещал подумать и посоветоваться с Президентом.

Эти записи (аудиофайлы) передал мне директор специальной информационной службы КНБ (радиотехническая разведка) Жомарт Мажренов. Благодаря принципиальности и профессионализму этого генерала было раскрыто не одно преступление, но это в последующих главах.

Д: — Адике — Джаксыбеков Адильбек — руководитель администрации президента

Ш: — Алеке — Шабдарбаев Амангельды — Председатель КНБ

Д: Алло, Алеке, добрый вечер. Чего ты хотел?

Ш: Посмотрел?

Д: Да, да. Там смотри этот, кстати, Тимралиев этот. Но я буду думать, только не знаю, как это сделать. Вообще в целом все равно же столько людей об этом говорят.

Ш: А вот вчера мы перехватили один сайт. Его сейчас закрыли, наверное. Так там ужасно пишут.

Д: Ладно, давай завтра переговорим.

Глава 5
Если б я был Нурсултан, я б имел трех жен

(Семейные ценности моего бывшего тестя)

Когда московские политологи в очередной раз с умным видом принимались размышлять на тему, как в Казахстане всем заправляет президентская семья, знающие люди из ближайшего окружения неизменно спрашивали «какая именно?». Если быть более точным, вопрос должен звучать: «какая из трех».

Новый Премьер — Министр Казахской ССР Нурсултан Назарбаев с супругой Сарой, дочерью Алией и друзьями. Алматинские горы, 1984 г.

Первую семью президента знают все, оттого она и являлась вечным объектом мифотворчества политологов. Некоторое время и я был членом этой ячейки общества и поэтому хорошо знаю, как все обстояло на самом деле.

Наше влияние на «Верховного жреца» и, через него, на всю государственную политику было, мягко говоря, преувеличено даже в лучшие годы. Да, мы собирались по воскресеньям за общим столом. Но это не были те застолья, которые может себе представить нормальная семья, где царит тепло домашнего очага, где всех окружает родительская забота и семейная любовь.

Эти собрания имели другую цель: глава семьи зорко наблюдал со своего хозяйского трона, не вырос ли кто из детей настолько, чтобы представлять угрозу его безграничной власти? Все ли на самом деле его уважают и боятся так, как должно? Не появилось ли у кого на уме якобинских идей? Как вы понимаете, уюта и семейного тепла на таких воскресных посиделках было мало.

Каждый прекрасно понимал, ради чего он здесь находится. Можно было поймать хорошую минутку и под доброе настроение Тестя решить свои личные вопросы или предложить выгодный бизнес. Чтобы не вызвать подозрений, нельзя было быть слишком активным или слишком задумчивым. Нельзя было просить слишком много, но совсем не просить — еще хуже: решит, что родственник стал слишком самостоятельным. Мы старательно исполняли каждый свои роли, смеялись шуткам, демонстрировали аппетит и с облегчением расходились по соседним домам, ведь все мы жили на одной большой охраняемой территории.

Надо сказать, что исключительно благодаря доброте и вниманию Сары Алпысовны–первой супруге президента — удавалось как–то скрасить почти все общие семейные посиделки.

Формально мы действительно были самыми близкими президенту людьми, и это ставило нас в опасное положение. Потому что лидер нашей нации имеет одну фобию: больше всего он боится дворцовых переворотов. Народный гнев и действия оппозиции его уже давно не пугают. По его мнению все, кто находятся за пределами его дворца — не более чем овцы, которых охраняют бдительные пастухи из КНБ, полиции и прокуратуры. Кто хочет, пусть себе негодует, только не забывает при этом про участь бывших политических оппонентов президента Заманбека Нуркадилова и Алтынбека Сарсенбаева.

Но как бороться с внутренним врагом, если тот вдруг заведется в дворцовых стенах? Не пригрелась ли змея на груди, и не повторит ли кто трюк, который сам президент проделал со своим благодетелем — казахским Коммунистическим лидером Кунаевым?

Единственное спасение от такой напасти — маниакальная бдительность. Вот глава семьи и бдил за нами. Слушал наши переговоры, читал переписку, следил за перемещениями. Если бы он потратил это время и эти усилия на управление страной, возможно, дела в нашем государстве шли бы получше, и гражданам жилось бы сытнее. Но такое происходит с любым единоличным правителем: страх потерять свой трон начинает превалировать над здравым смыслом.

В первые годы своего правления такой владыка еще помнит о своих руководящих обязанностях, еще радеет о благе граждан, еще старается удержать народную популярность. В начале 90-х таким был и Нурсултан Назарбаев — тогда он еще не оторвался от реалий этого мира, умел говорить со своими согражданами на понятном им языке, а не отчитывал их за не выключенный в ванной свет и не рассказывал с экрана про многовекторную внешнюю и многонациональную внутреннюю политку.

Но любой верховный властитель Олимпа с годами начинает страдать от кислородного голодания. В том и есть мудрость ограничения сроков правления, существующего в любом демократическом государстве, а также гарантия того, что демократии и свободе не придет быстрый конец.

Казалось бы, правитель с десятилетним опытом лучше, чем новичок, который еще ничего не знает о законах власти. В реальной жизни все наоборот — претендент тем и хорош, что он еще не врос в кресло. Потому что на такой высоте стаж засчитывается не в плюс, как на любой профессиональной работе,

а в минус. Человек начинает верить в собственную богом избранность, пускает корни коррупции, привыкает летать на президентском борту № 1 и есть черную белужью икру мисками за счет налогоплательщиков. Ни одно даже районное решение не проходит без согласования с «ноль первым». И коэффициент коррупции в стране возрастает по мере того, как бегут годы царствования одного человека.

Американцы почему–то не пишут коллективных писем с требованием изменить конституцию и позволить Джорджу Бушу избираться на третий срок — он ведь такой хороший президент. И французы не уговаривали Жака Ширака не бросать их на произвол судьбы. Даже сильный Владимир Путин не посягнул на Конституцию, как ни уговаривал его Назарбаев, в эфире российского телевидения, чтобы «замазать» своего коллегу пожизненным президентством.

Смена власти неизбежно наступает, каким бы незаменимым ни казался в этот исторический момент очередной Цезарь. И для общества очень важно, чтобы эта смена происходила регулярно, чтобы была конкурентность, чтобы к управлению приходили новые люди с новыми идеями.

Если же государственная система допускает возможность нелимитированого властвования одного человека и одной элитной группировки, все усилия правящей верхушки в итоге будут направлены исключительно на удержание власти и на выжимание из этой власти всех благ и денег. Какой же идиот добровольно выпустит из рук главный приз, если за него можно еще подержаться! До управления страной, до приумножения национального богатства, до благополучия граждан руки уже просто не доходят. Некогда! Тут за всеми приглядывать надо, глаз да глаз нужен.

Работая в «Конторе» (КНБ), в наших беседах тесть мне говорил, что главная опасность для него — это самое ближнее окружение, а на квазиоппозицию и ее лидеров ему наплевать.

Правда, справедливости ради нужно признать, что единоличные правители делятся на две категории. Одни видят свое царствование в исторической перспективе, им нужно не только удержать власть, но и передать ее после себя в надежные руки. У них хватает амбиций мыслить не только пределами своего жизненного срока, они видят историю страны в перспективе. Классический пример такого деятеля — Гейдар Алиев. Ему удалось почти невозможное: он не просто вернулся к власти после нескольких лет опалы, он передал ее фактически по наследству своему сыну. Он смог убедить основные политические элиты Азербайджана, что для них выгоднее сохранить

преемственность власти и оставить фундамент Большого Гейдара, чем пытаться отвоевать себе кусок пирога побольше — рискуя при этом все потерять.

Другую философию государственного правления обозначила в восемнадцатом веке фаворитка Людовика XV маркиза де Помпадур своей знаменитой фразой: «После нас хоть потоп». Такой подход полностью устраивает нашего президента, и задумываться о наследниках, а тем более о передаче власти, он даже не собирается. Каждый, кто имел сомнительное счастье побывать в ближнем президентском круге, слышал его коронную фразу «Из этого кабинета меня вынесут только вперед ногами». А потом хоть потоп, раскол, война кланов — это его уже волновать не будет.

Зато его очень волнует поведение детей. Если они заняты личным обогащением и использованием фамилии для продвижения коммерческих проектов — значит, все в порядке. Если же говорят о медицине (которая развалена), о государственном телевидении (которое доведено до ручки), о нефтяных деньгах (которые уплывают мимо бюджета), то сразу загорается красная лампочка. Никак политикой занялись, на его место посягнуть хотят?

Мы с Даригой были недостаточно осторожны. Вместо того, чтобы выпрашивать у президента нефтяные месторождения и землю под строительство в Алма — Ате, мы пытались рассказывать о делах в его королевстве. Вместо того, чтобы использовать дыры в налоговом законодательстве в своих интересах, я писал тестю докладные записки о том, как их можно залатать.

Мы вообще старались ни о чем не просить. И ничего даром не получали.

Частную компанию «Сахарный Центр» я с партнерами строил на обломках развалившейся советской сахарной индустрии. Это было начало 90-х, самое дно экономического кризиса. За наличные деньги мы покупали лежащие заводы, восстанавливали утерянные технологии, закупали тростниковый сахар–сырец в Латинской Америке, потому что сахарную свеклу у нас выращивать разучились (да толком и не умели никогда). Все это делалось на банковские кредитные средства, на свой страх и риск. Потом нужно было выстраивать торговую сеть. В итоге подняли два региона — Джамбульский и Алматин–ский. Обеспечили работой людей, которые уже ни на что не рассчитывали в своей провинции, накормили тысячи семей. Платили налоги и насыщали казну.

Прибыли вкладывали в новые проекты — в 1995 году купили

умиравший без клиентов маленький банк в Аты–рау, перевезли его в Алма — Ату. Это вам не «АТФ-Банк», созданный на отмытые теневые деньги «Казахинторга», «Казвнешмаша» и деньги, полученные от экспорта других государственных компаний, которые продавали за рубеж сырье до 1995 года. Только выручка и прибыль пошли не в бюджет, а в созданный частный «АТФ», которым владели Нурсултан Назарбаев и один из его кассиров Булат Утемуратов. В середине 2007 года они продали его итальянской группе UniCredit через австрийский Bank Astria Creditanstalt. Кстати, у меня было несколько бесед с президентом этого банка Доктором Эриком Хампелем у него в офисе на Шоттентор, где он пытался выяснить побольше об истинных казахских продавцах и об инвестиционном климате в Казахстане. Я подробно рассказал о ситуации в стране и посоветовал немного подождать с офертой, минимум месяца два, ведь они были только одни покупатели, других желающих просто не было, несмотря на заверения продавцов и их щвейцарских консультантов. Так и получилось: Unigрупп смогла сэкономить до 10 процентов от первоначальной цены.

Я же всегда предпочитал житейскую философию «Лучше меньше, да законнее». Правда, в нашей стране это не та практика, которая позволяет спать спокойно. И национальными ресурсами страны я никогда не торговал, хотя это самый прибыльный бизнес, какой можно найти, и до него всегда была тьма охотников.

Никаких подарков я от президента не получал — ни в виде заводов, ни в виде газет и пароходов. Совместного бизнеса с ним у меня не было, на меня каких — то активов он не переписывал. Так что, в принципе, в финансовом плане я ничем ему не обязан.

Может быть, карьерой на госслужбе? Возможно, кто–то считает пост посла или заместителя министра пределом мечтаний, но только не я. Тем более что на государственных постах я именно РАБОТАЛ.

Президент воспользовался моими докладными записками о полном бардаке, который царил в середине девяностых в фискальной службе (вы помните то время — тогда налоги платил только полный идиот, надо было просто иметь «крышу» в лице какого–нибудь «агашки»), и осенью 1996 года отправил меня в Государственный налоговый комитет. Его расчет был прост: если я провалю задание и не поставлю работу налоговой полиции, то он в любом случае ничего не теряет. Зато продемонстрирует всем, что его молодой родственник умеет только говорить, но не работать.

Если же я добьюсь своего, и в казну потекут деньги, он

убивает сразу двух зайцев. Сам он получает деньги в бюджет (а то страна уж неприлично нищая была), а я получаю сотни врагов, и мое имя демонизируется. Все узнают, что в стране есть добрый президент и его злой зять, от которого никому житья нет. То есть была бы использована классическая схема «добрый следователь и злой следователь».

Открытие, что налоги отныне нужно платить, было неприятным для любого бизнесмена и руководителя завода. Даже при том, что мы настояли на понижении налоговых ставок до возможного минимума: вдруг стало выгодней заплатить двадцать процентов государству, чем потерять эти суммы на старых схемах «очистки».

Однако, этого показалось мало. По негласной команде из Астаны любой крупный передел собственности, когда прибыльное предприятие отбиралось у его законного владельца в пользу акима–мэра или министра, или бандита, списывался на меня. Это было удобно — делать загадочные глаза, кивать на потолок и говорить жертве: «Да мы сами не хотим этого делать, но вы же понимаете, это для Алиева, он всех в клочья разорвет».

Это была хорошо организованная кампания, специально запущенная людьми из ближнего круга тестя, чтобы сделать из меня бабая, которым будут детей пугать. Началось с крупных переделов, а потом мода дошла до регионального уровня, и «для Алиева» отбирались уже мелкие лавки и коммерческие киоски.

Всем жертвам такого рейдерства я бы советовал посмотреть, в чьих руках теперь находятся их бизнес–активы. Уж точно не в моих. Даже будь я действительно таким свирепым пиратом–бармалеем, после ноября 2001 года я оказался под колпаком спецслужб, и мне в этой стране не давали стакан фруктового сока спокойно выпить, вся энергия власти была брошена на нейтрализацию моего влияния. А как вы можете догадаться, переписывать выгодные предприятия на себя у нас может только человек, сидящий в «Ак — Орде» имеющий весь государственный репрессивный аппарат.

В августе 1999 года тесть отправил меня в Комитет национальной безопасности. Если вы думаете, что у меня была возможность отказаться, то вы слишком хорошего мнения о порядках на нашем Олимпе. Верховный лидер в качестве казахского Вито Корлеоне тоже делает предложения, от которых нельзя отказаться.

Республиканский комитет тогда представлял собой руины, оставшиеся от некогда филиала всесильной советской спецслужбы КГБ. На самом деле это было обычное областное контрразведовательное управление, задействованное в основном

против Китая плюс 5-е управление — политический сыск, ставший приоритетным после событий 1986 года в Алма — Ате. Техническая служба была развалена, агентурно–оперативная работа упала и поднять ее казалось делом нереальным. Техническая база устарела так же, как и методология работы — чекисты не смогли адаптироваться в рыночных условиях и считали себя только политической охранкой Вождя. Повсеместно процветало пьянство за рабочим столом и круговая порука.

В коридорах все еще висели пожелтевшие портреты Феликса Дзержинского.

Удивляла активная наглость, с которой работали иностранные спецслужбы под дипломатческим прикрытием внутри страны, пенетрируясь во все сферы госуправления, добывая секреты страны. Героин перевозился через нашу территорию тоннами и килограммами, и часть его оседала в наших школах, институтах и ночных клубах. Дилеры и перевозчики чувствовали себя более чем спокойно — против них никто не боролся, их надежно охраняла полицейская «крыша» МВД.

Расчет президента снова был немудрен: если я справляюсь с работой, он получает в свои руки сильные спецслужбы, которые затем сможет использовать по своему усмотрению. Да и безопасности страны, это все–таки не помешает. Зато на меня можно будет повесить всех «собак и кошек»: это я борюсь с оппозицией, это я своей слежкой не даю чиновникам спокойно дышать.

Не обрадовали его и мои с Даригой инвестиции в медиа–бизнес.

Я же понимал, что для меня это единственная возможность противостоять курсу, который все откровеннее брало правительство — на полное сворачивание демократических институтов, на отказ от европейского пути развития и переход от авторитарного правления к откровенной диктатуре. Да, в этом был и мой личный интерес: я также понимал, что доступ к средствам массовой информации дает мне последнюю защиту от моего сиятельного родственника.

До 2004 года наш медиа–бизнес был убыточным. Затем стал покрывать затраты и лишь в последние 2 года начал приносить прибыль.

Не будь я на виду, меня бы съели уже давно и тихо, особенно после 2001 года. Но поскольку я имел прямой выход к публике, устроить людоедский ритуальный ужин с моей головой было не так просто.

Однако, дело не только в этом. Правительство чувствует себя

спокойнее, когда работает в полной тишине, когда его действия никем не оглашаются и не комментируются. В таком случае ошибки, а тем более преступления, останутся незамеченными и безнаказанными. Судов, прокуратуры и депутатских запросов можно не опасаться: эти ветви власти давно уже находятся под тотальным контролем. Проблемы может создать только независимая пресса.

В феврале 2006 года, после убийства Алтынбека Сарсенбаева, в Астане царила настоящая истерика, граничащая с паникой. Мне звонил руководитель администрации Адильбек Джаксыбеков и требовал, чтобы журналисты из частного холдинга «Алма — Медиа» и телеканала «КТК» немедленно замолчали. Я советовал ему обратиться в редакцию, куда он, разумеется, не звонил, потому что знал, куда его пошлют. Он сказал, что будет докладывать «Шефу».

Когда газета «Караван» начала открыто освещать расследование над подозреваемыми в политическом убийстве Сарсенбаева, Назарбаев и его подельники были в прямом смысле, в шоке. На скамье подсудимых сидели исполнители — бойцы, офицеры из антитеррористического специального подразделения «Арыстан» КНБ, попавшиеся случайно на собственной глупости — и никто не знал, какие подробности могут всплыть в ходе судебного процесса, который никак не получалось сделать закрытым из-за большого внимания международных СМИ.

Ожидание очередного номера «Каравана» и выпуска программы «Портрет недели» на телеканале КТК измотало нервы не только прокурорам. Терпение иссякло и у президента. В июне 2006-го он пригласил меня на долгую беседу к себе домой в частную фешенебельную резиденцию, буквально в 200-х метрах от «Ак — Орды» на берегу реки Ишим, и открыто потребовал, чтобы я передал ему все свои медийные активы, причем бесплатно.

Я отказался. Возможно, это был первый случай за последние полтора десятилетия, когда президент услышал слово «нет». Любви ко мне этот разговор ему не прибавил.

Надо признать, что мы с Даригой были не единственными, кто подогревал раздражение Нурсултана Абише-вича к его первой семье. Масла в этот тлеющий огонь умела добавить и супруга президента Сара Алпысовна. Это исключительно благодаря ей страна до сих пор не обросла золотыми бюстами и гигантскими портретами первого президента.

«Ты как хочешь, а я этого не потерплю- нам не нужен культ личности как в Туркмении», — говорила она на семейных застольях. У моего тестя недовольно вытягивалось лицо, но пойти

против воли жены он не решался.

Очевидно, отчаявшись исправить свою первую семью, Нурсултан Назарбаев решил завести себе новую.

Конечно, президенту как никому сложно повстречать простую женщину, которая полюбит его за то, какой он ммечательный человек, а не за власть и деньги. Но нашему лидеру повезло — на борту своего самолета он познакомился с очаровательной казахской Памелой Андерсон, бортпроводницей Гульнарой Ракишевой. В 1996 году, когда отношения бортпроводницы и главы государства (или особенно теснными, Гульнаре исполнилось 26 лет.

Я на их встречах не присутствовал, поэтому ограничусь юлько общеизвестной — в узких кругах — и достоверной информацией. С момента переезда в Астану президент начал жить на два дома. Было забавно видеть, как он отправляется к своей токал (молодой жене) полным кортежем с мигалками — и при этом рассчитывает сохранить эту связь в строжайшей тайне. Потом Служба охраны президента стала менять номера, но куда спрячешь бронированный кортеж черных джипов «Сабурбан».

Вся президентская рать дожидалась на улице, пока Хозяин коротал вечер в обществе молодой хозяйки. Впрочем, вскоре общество стало прирастать — в 2000-м году на свет появилась первая дочь, а спустя два года родилась вторая. Так, в 2002 году президент Назарбаев стал отцом уже пяти дочерей.

Разумеется, Гульнаре больше не приходилось исполнять обязанности стюардессы, она стала Вице президентом авиакомпании «Эйр Астана». Но у ее собственного отца работы резко прибавилось: он тихо служил в Семипалатинском военном гарнизоне, где отвечал за хозяйство, как вдруг фортуна возносит пожилого полковника на пост заместителя министра обороны по тыловому обеспечению. Он даже обзавелся генеральскими погонами из рук «Жениха» дочери.

Конечно, наш президент не первый в истории политик, который вел двойную жизнь. Франсуа Миттеран, например, держал в Елисейском дворце сразу две семьи — одну официально, вторую тайно. О незаконнорожденной дочери Мазарин Франция узнала уже после смерти бывшего президента и была сильно возмущена: если политик не говорил правды о своей личной жизни, то в чем еще он обманывал свой народ? Нация обычно чувствует себя спокойнее, когда ею управляет человек с более высокой моралью.

Однако, Нурсултану Назарбаеву и двух семей показалось мало. И он пошел на рекорд — очевидно, он единственный в современной истории глава государства, который живет

одновременно в трех семьях.

То ли Гульнара Ракишева оказалась не тем человеком, с которым президент смог найти душевный покой, то ли она показалась ему недостаточно молодой для его горячего темперамента, то ли подвела ее неспособность подарить своему любимому сына–наследника — но Крестный Тесть оставался в постоянном поиске. До тех пор, пока не встретил юную модель Асель Исабаеву, которая на момент их знакомства едва успела достигнуть совершеннолетия.

И именно Асель смогла, наконец, Асель Исабаева — Мисс Казахстан 1999 г., воплотить мечту Нурсултана. 2 апреля 2005 года В турецкой клинике она родила маленького Султанчика. Правда, чтобы чудо свершилось, пришлось задействовать высокие технологии — генетики выводили эмбрион в пробирке. Вышло по Бродскому: «разом всем совокупиться, чтобы вывести гибрида», но счастью отца не было предела. Отныне у него есть настоящий наследник.

За эту важнейшую операцию отвечал бывший управляющий делами президента Темирхан Досмухамбетов. Именно он представлял достойного жениха на мусульманском обряде Никах у родителей третьей жены Асель. Ныне он стал министром спорта и счастливым обладателем коленного протеза после очередной прогулки верхом на лошадях вместе с президентом (с тех пор, кстати, Назарбаев опасается конных прогулок). Мой бывший тесть очень боялся, что снова будет дочь, и настаивал на применении новейших технологий для получения долгожданного результата.

С появлением новорожденного вокруг президента замкнулся круг ближайших соратников, посвященных в тайну рождения наследного крон–принца. Хранители этого секрета сформировали своего рода политбюро, которое и является реальным теневым руководством Казахстана. Их портреты не висят в правительственных кабинетах, как в советское время, но могущество, которое они собрали в своих руках, не снилось коммунистическим правителям.

Кремлевские мудрецы руководили страной, а не набивали собственные карманы. Они были богаты по советским меркам, но все их состояние измерялось «тремя замшевыми пиджаками», дополнительными спецпайками и доступом в спецмагазин «Березка». Они отдыхали на дачах, которые им не принадлежали. У них не было счетов в сингапурских и дубайских банках, где бы лежали сотни миллионов долларов. Рядом с назарбаевской бандой члены советского Политбюро просто нищие попрошайки.

Попробовал бы кто–нибудь из Политбюро продать на сторону (или просто подарить другу) флагман социалистической

индустрии — Карагандинский металлургический комбинат, например. Тогда об этом и помыслить было невозможно. А Нурсултану Назарбаеву можно, он легко отдал наш Кармет индусу Митталу, договорившись с ним предварительно о разделе долей. По бумагам индус получает предприятие целиком, но под столом отдал половину акций оффшорной компании Нурсултана Абишевича, да еще и 50 миллионов долларов взяткой — это так называемый «входной билет». Добро пожаловать в Казахстан.

По этой схеме президент и его подельники, которые объединились теперь в «ложу хранителей тайны наследника», раздали всю индустрию Казахстана, без остатка. Любое прибыльное предприятие делится частью прибыли с кем–то из ближайшего президентского круга, а самые крупные — напрямую с президентом. Не дай бог, отчисления прекратятся, тогда предприятие быстро поменяет хозяина. Во всем мире это называется рэкетом. У нас — «управляемой приватизацией».

Вот этот ближний круг посвященных и стал уже настоящей СЕМЬЕЙ Нурсултана Назарбаева. В том значении, как ее понимали Аль Капоне и Лаки Лучано, которые строили свои преступные организации именно как «семьи». Только тем мелким воришкам и не снилось получить в свое полное, безраздельное распоряжение целую страну. Причем не маленькую и нищую, а огромную и сказочно богатую природными ресурсами.

Им и не снилось лично освобождать и назначать шефов полиции, спецслужб и прокуратуры. Отцы мафии в Америке боялись судов и честных полицейских. А нашим бояться нечего — только Бог им судья!

С 2004 года Гульнара Ракишева живет теперь с двумя дочерьми президента в Испании на вилле в Марбелле, которой лично владеет отец ее детей. Гульнара получила хорошие отступные и от авиакомпании «Air Astana» в виде акций предприятия.

Юная модель Асель Иманбаева, подарившая Крестному Тестю долгожданного сына, живет рядом со своим возлюбленным в Астане на вилле в районе Чубары. В начале 2007 года Нурсултан Назарбаев в столичной резиденции официально представил ее президенту России Владимиру Путину как свою избранницу, подарившую ему долгожданного наследника. Владимир Владимирович оценил этот знак доверия.

Глава 6
Человек, который украл выборы

Крестный Тесть любит всех нас поучать. С высоты своего морального превосходства он с удовольствием рассказывает нам, что мы должны выключать свет, выходя из ванной, слушаться закона, ценить завоевания полученной независимости и далее в том же духе. Он — главный эталон ума, чести и совести, а мы все его недостойные «подданные», от несовершенства которых он страдает.

На самом деле именно Назарбаев не имеет права на то место, на котором он находится все эти годы. Потому что он его украл, как украл наши голоса избирателей на выборах. Легитимность его правления закончилась еще в 1995-м году, когда он сфальсифицировал первые результаты референдума о продлении своих президентских полномочий до 2000 года.

Конечно, и сам по себе референдум был очень сомнительной затеей с точки зрения демократических норм, но это можно опустить. Как сделали это граждане внутри страны и за рубежом. В конце концов, плебисцит можно проводить на любую тему — всегда полезно узнать настоящее мнение нации. Все дело в том, что настоящего мнения мы не узнали и в 99-м году, на досрочных президентских выборах. Потому что Крестный Тесть тогда снова запустил механизм массовой фальсификации итогов выборов, который в последующие годы был доведен им и его командой до идеального совершенства. Кстати, эти свои «ноу–хау» Назарбаев по секрету распространил по всем странам Центральной Азии, и их диктаторы с удоволствием использовали этот трафаретный сценарий для продления своих полномочий и кражи голосов избирателей. Назарбаев говорил им: видите, в моем случае Запад это проглотил, значит, проглотит и еще раз.

Действует этот сценарий следующим образом.

Издательство «Дауир», которое принадлежит племяннику Назарбаева — Кайрату, печатает абсолютно одинаковый двойной тираж бюллетеней по заказу и оплате Центральной избирательной комиссии. Первая часть отправляется сначала на избирательные участки, а потом «дважды» в урны. Дважды, потому что сначала люди бросают их в урны для голосования, а оттуда эти бумаги отправляются в урны мусорные.

Ни одного штампа, ни одного порядкового номера на избирательном бюллетене найти невозможно. Соответственно, подсчитать, какое количество их покинуло стены частной

типографии, под силу только английскому детективу Шерлоку Холмсу. Ни один международный наблюдатель сделать этого не в состоянии.

Те листки, на которых мы изъявляем свою избирательную волю, Назарбаева и его ручной избирком не интересуют. Нужные бюллетени будут развезены по областям, юранее от руки заполнены и проверены под чутким руководством Комитета национальной безопасности, Службы безопасности президента и отправлены уже официально в центральную избирательную комиссию.

Как говорят в Астане, важно не как проголосуют, а как посчитают.

Протоколы подсчета голосов местных избирательных комиссий также заготавливаются и подписываются заранее, примерно за две недели до официального дня «выборов». Организовать это несложно. В избиркомах работают бюджетники, которые напрямую зависят от акиматов–мэрий (района, города, области) — они получают от них и назначение, и зарплату. Вся их служебная судьба — в руках акима–мэра, назначенного напрямую Назарбаевым.

Типичный начальник местной избирательной комиссии это директор средней школы. Что его ждет, если он откажется подписывать спущенный сверху, заранее фабрикованный секретной службой протокол голосования Легко представить: он перестанет быть директором, а если и дальше будет несговорчив, против него в КНБ заведут уголовное дело по факту распространения наркотиков и совращения школьниц, у его сына найдут листовки «Хизб ут-Тахрир» и так далее. А если бывший директор начнет рассказывать о том, как на его участке подменялись бюллетени, его просто упекут в «психушку». Или устроят автомобильную аварию: однажды запачкавшись в крови, власть уже ничего не чурается. В борьбе с инакомыслием все средства хороши. Лишь бы была драгоценная стабильность, как любит говорить Пожизненный Президент.

Этот поезд не догнать и не остановить. Получается, безопаснее ехать на нем, чем попасть под него. Каждый в Казахстане знает, что сегодняшнее персональное благополучие исчезнет, если против него заработает государственная машина-Асфальтный каток. В Советском Союзе еще можно было добиться правды, написав письмо в «Правду» или в ЦК КПСС. Письма доходили до адресата, иногда по фактам проводились расследования. Конечно, к диссидентам это не относилось — их также бросали в психиатрические лечебницы — и все–таки, даже в абсолютно тоталитарном, советском обществе были скромные

механизмы защиты простого человека от полного беспредела власти.

В современном Казахстане таких механизмов просто уже нет. Любого человека власть может растоптать и уничтожить.

Еще недавно некоторую защиту давала принадлежность к элите — когда вы могли позвонить нужному родственнику по нужному телефону. На моем примере Назарбаев продемонстрировал всем, что от его произвола не защищен никто — ни собственная дочь, ни отец его внуков.

Вы не можете рассчитывать на судебную систему, потому что она исполнит любой приказ из администрации президента. Не забывайте, что судей в нашей стране назначает президент.

Начиная с мая 2007-го, вы не можете рассчитывать на помощь независимой прессы, потому что ее в стране не осталось. Сегодня все средства массовой информации в Казахстане принадлежат президенту либо напрямую, либо через доверенных олигархов. Назарбаев спустил на меня всех собак именно после того, как я отказался передать ему свои доли в «Караване» и телеканале КТК. Сначала он закрыл мой медиахолдинг с помощью ручных прокуроров, а потом просто банально забрал их себе.

Вы не можете рассчитывать на Европейский суд по правам человека, потому что Назарбаев не хочет, чтобы Казахстан вошел в Совет Европы, несмотря на то, что 12 % нашей территории находится в Европе. Мне удалось добиться перехода в европейскую футбольную семью-УЕФА, потому что очень хотелось порадовать и болельщиков, и футболистов. У моего бывшего тестя слово «Европа», как и Запад в целом не вызывает приятных эмоций.

Жители России имеют право на разбирательство их дела хотя бы в суде Страсбурга. Конечно, вы можете обратиться в ООН, в Комиссию по правам человека в Женеве. Только в конце 2007 года Назарбаев подписал Декларацию о борьбе против пыток, по правам человека. Как она выполняется? Да никак.

Разумеется, такая плачевная ситуация с гражданскими свободами не стала результатом случайных совпадений. Она кропотливо и последовательно создавалась Назарбаевым в соответствии с его планом: каждый человек в нашей стране, вне зависимости от бедности или богатства, высокого или безвестного происхождения, должен знать, что его судьбой единолично распоряжается Иосиф Виссарионович. То есть, пардон, Нурсултан Абишевич.

Крестному Тестю понадобились девятнадцать лет нелегитимного правления, чтобы выстроить модернизированную сталинистскую модель общества. Вы можете работать шахтером

за тысячу километров от столицы, а можете быть министром или бизнесменом, но если завтра система повернется против вас, спасти от неминуемой расправы вас может только милость президента или билет за рубеж.

Конечно, можно успокаивать себя тем, что у нас не бросают миллионы людей в тюрьмы и лагеря. Но можно взглянуть на себя и с другой точки зрения: Казахстан почему то входит в первую тройку стран планеты по высокому соотношению свободного населения и заключенных за решеткой. По всем другим показателям гуманитарного развития мы в лучшем случае в сотню попадаем, но вот по числу граждан за решеткой мы в самых первых рядах. Почему? Потому что казахи — самый криминально настроенный народ в мире? Нет. Потому что в стране выстроена репрессивная сталинистская система.

А если при этом учесть, сколько невинных людей брошено за решетку управляемой и насквозь коррумпированной сугубо обвинительной судебной системой, то картина становится совсем печальной. Так что мы отстаем от сталинских времен по количеству невинно репрессированных, но сама система воссоздана Назарбаевым вполне точно. А когда пресс–машина построена, скорость её работы — лишь вопрос настроек.

У Назарбаева, как у любого центрально–азиатского диктатора, цикл жизни — от выборов до выборов. Чем ближе к электоральной компании, тем больше мы слышим от президента пустых обещаний и риторики про социальные программы. Некоторые из этих обещаний даже на скорую руку выполняются. В ходе самой кампании президент даже на некоторое время начинает по настоящему исполнять функции президента, а не только главы мафии в государстве. Он узнает, как живут люди в регионах, спрашивает цену на хлеб, выступает по телевизору.

Но как только выборы оказываются позади, он начинает закручивать гайки. Править ему предстоит следующие семь лет, поэтому первые пару лет можно делать все что угодно, ведь все забудется до следующих выборов.

Заманбек Нуркадилов и Алтынбек Сарсенбаев были убиты до и сразу после президентских выборов.

Президент осознанно построил общество страха. Это была его давняя и осмысленная цель. Добиться ее за короткий срок было невозможно: в середине 90-х нас еще пьянил воздух свободы, мы еще верили в демократию, обратно в тоталитарное ярмо так просто бы не пошли. У нас еще была независимая пресса, еще работал самостоятельный парламент, где президент не смог даже продвинуть своего кандидата в спикеры.

Поэтому в начале девяностых, до разгона первых

парламентов, Назарбаев действовал постепенно, но четко и последовательно: он отрезал наши свободы одну за другой — так, что общее изменение ситуации было незаметным. Это как лягушка, которая сразу выпрыгнет из горячей воды. Но она погибнет, если холодную воду подогревать медленно. Вот мы и оказались в роли этой французской лягушки.

Зачем все это понадобилось президенту? Для одной цели — удержания власти в своих руках. Как далеко не глупый человек он понимал, что волна популярности рано или поздно пройдет. Так что опираться на народную поддержку — дело опасное. Сегодня тебя любят, а завтра будешь виноват во всех грехах. Демократические стандарты тоже будут помехой: с ними только два срока на Ханском троне можно просидеть.

Чтобы не рисковать, Назарбаеву оставался один выход: построить надежную систему фальсификации итогов выборов. Чтобы эта система работала без помех, нужно было ликвидировать все гражданские права и создать атмосферу страха.

Круг замкнулся в 2007-м: президент почувствовал, что он достаточно силен, чтобы отбросить маски и назначить себя пожизненным правителем. Теперь он может перестать играть в демократические игрушки и сформировать парламент только из представителей своей партии.

На пути к этой заветной цели оказалась его собственная семья, но Крестный Тесть перешагнул через нее, не задумываясь. Так получилось, что мешали ему только мы двое — Дарига с ее партией «Асар» (успевшей уже завоевать популярность) и я с неподконтрольными Назарбаеву газетой «Караван» и телеканалом КТК. Что было дальше, вы знаете. У дочери он отнял партию, у меня медиа, а заодно разрушил и наш брак. Сигнал поняли все: не нужно стоять на пути у президента, опасно для здоровья и благополучия. Это вроде надписи на электрощите «Не подходи — убьет».

Теперь, когда пожизненность правления первого президента Казахстана закреплена в основном законе страны — Конституции, Назарбаеву остается лишь штамповать все свои последующие выборы. Это не составит для него никакого труда.

Если вы до сих пор думаете, что ваш голос, который вы отдаете за того или иного кандидата, кем–то будет учтен, вы глубоко заблуждаетесь. Вы приходите на избирательный участок только для того, чтобы выступить рядовым актером массовки в большом спектакле под названием «Выборы в Казахстане». Вас используют, как ширму: журналисты и наблюдатели видят, что на участках есть толпы людей — значит, они кого–то избирают.

Машина по производству и подсчету подделанных голосов работает под покровом ночи и завесой строжайшей секретности. Она эффективна, потому что ее схема проста и максимально цинична. Если выборы нельзя отменить, их нужно только подделать. И не просто подбросить пачку бюллетеней, чтобы накачать рейтинг нужного кандидата, а произвести нужное количество нужных бюллетеней.

«Дешево, надежно и практично», как говорил герой советского актера Анатолия Папанова. Может быть, не дешево (на фальсификацию выборов кидаются миллионы бюджетных и грязных теневых денег), зато безо всякого сомнения, надежно и практично.

Персональную ответственность перед президентом за сто же выборную кампанию несет руководитель администрации, а непосредственно за техническое воплощение фокусов с бюллетенями — его заместитель по организационной и кадровой работе с регионами. Последние президентские и парламентские выборы, на которых победа была присуждена одному «Нур — Отану», проводили Шеф администрации президента Адильбек Джак–сыбеков (на тот момент еще не переведенный Первым (амом в партию) и его заместитель Нурлан Нигматулин. В плане технического исполнения все прошло без сучка, без задоринки, даже часть прикормленных европейских наблюдателей увидела в этом спектакле продвижение Казахстана на пути к демократии. И Нигматулин в качестве поощрения за надежно выполненную работу был назначен губернатором–акимом в Караганду. Назарбаев умеет отблагодарить полезных придворных — особенно «а счет государства.

Все бюллетени, то есть вещественные доказательства Государственного уголовного преступления под названием «подлог голосов», уничтожаются максимум спустя месяц после выборов под строжайшим секретом сотрудниками Службы охраны президента и КНБ. Сегодня вы не найдете ни одного избирательного листа, ни с референдума 95-го года, когда Назарбаев нарисовал себе четырехлетнее продление президентских полномочий, ни с выборов 99-го, когда подмена бюллетеней впервые была произведена в столь массовом порядке, ни с парламентских выборов 2004-го и 2007 года.

Сейчас уничтожены и все следы махинации на президентских выборах 2005-го, когда Назарбаеву нарисовали очень скромный 91 процент голосов, уже брошены в печку все бюллетени парламентской кампании 2007-го.

Нет доказательств — нет преступления. Система готова к очередным подлогам.

Я узнал, как функционирует назарбаевская избирательная машина в 1999-м году, во время президентских выборов. Тогда я работал в алма–атинском департаменте Комитета национальной безопасности и занимался террористами и шпионами. Работы был непочатый край, потому что спецслужбы не успевали отвечать на современные угрозы. Террористы свободно снимали квартиры в центре Алма — Аты, героин рекой тек из Афганистана через наши границы в Россию и Европу.

И вдруг мне поступает распоряжение от Назарбаева переключить свое внимание на предстоящие выборы и работать напрямую с Загипой Балиевой–председателем центральной избирательной комиссии и руководителем президентской администрации Алиханом Байменовым. Зачем? Дело государственной важности, все подробности расскажут «кураторы». Подробности оказались просто шокирующими.

Из Алма — Аты во все регионы направлялись курьеры — сотрудники КНБ с большими черными опечатынами чемоданами «Самсонайт» с поддельными бюллетенями, отпечатанными все той же типографией «Дауир». Курьеров доставляли до пунктов назначения чартерные ЯК-40 авиакомпании «Беркут» и ХОЗУ-АВИА, принадлежащие казначею президента Владимиру Ни.

КНБ отвечал за то, чтобы эти посыльные без приключений добрались до акимов–губернаторов областей и передали им секретные материалы. Чтобы никто не повел себя странно, чтобы готовые «подделки» не попали случайно в чужие руки. Непосвященным объясняли, что в чемоданах — деньги из Нацбанка. Я пытался убедить президента, что он и так остается самым популярным политиком в стране, по рейтингам опережает любого конкурента и поэтому не должен опасаться итога свободных выборов. Мне казалось, что выбор состоит в том, на кого опираться — на народную поддержку или на помощь чиновников. И я пытался агитировать тестя в пользу первого варианта, видя в нем значительные выгоды, поскольку самое главное для него — это оценка международных наблюдателей.

Поддержка избирателей дает политику то, что называется вотумом доверия. Победив на честных и справедливых выборах, он может продвигать реформы, тасовать чиновников, назначать профессионалов на правильные посты вместо того, чтобы раздавать места на госслужбе в качестве награды за подлог.

И наоборот — пиррова победа с помощью государственной машины делает самого политика заложником системы, которая обеспечила ему незаконное первое место. Он будет обязан учитывать интересы всех подельников от рядовых курьеров до организаторов. И все эти годы ему придется охранять главный

государственный секрет — нелегитимность своего правления.

Мои аргументы президента не убедили. Надо признать, я тогда недооценивал его жажду власти. Мне казалось, что его главные амбиции — это войти в историю реформатором и строителем благополучного независимого Казахстана. В этом случае президентское кресло служило бы инструментом для достижения своей мечты. Оказалось, что мечта в самом кресле и заключается. «Имидж ничто, жажда власти — всё, не дай ей засохнуть».

Разумеется, тот спор не добавил мне очков в вечной придворной гонке за благорасположение Солнцеподоб–ного. Тогда же я понял, что не готов добиваться этого расположения любыми средствами. Вместо этого я начал пристальнее всматриваться в построенную политическую систему и замечал в ней все больше несовершенств и уродств. Флёр верховной власти, которой я был очарован псе первые годы правления моего тестя, развеивался.

Если само его правление незаконно — значит, незаконны и все отдаваемые им приказы?

На самом деле кража и подтасовка итогов президентских выборов — это только верхушка айсберга. Президент лишил нас права избирать не только самого себя, он лишил нас права выбора как такового. А вместе с ним ликвидировал любую возможность для гражданина влиять на управление государством.

А это и есть единственный индикатор, есть в стране свобода выбора (в любой из ее форм), либо она напрочь отсутствует. Если мы можем избирать управляющих своего города, своей области, своей страны — значит, мы живем в свободном и демократическом обществе. Если нет, то ни о какой свободе и речи идти не может. Это как раз наш случай.

Избирательное право не работает в Казахстане на любом уровне.

Начнем с городов: акимов–мэров назначает президент напрямую, не спрашивая мнения горожан. Чаще всего эти посты раздаются в качестве наград или подачек нужным людям и кланам, которые смогут дать взятку посредникам в правительстве. Но в итоге вопрос будет решаться только по принципу личной преданности. Кандидатуры согласовываются акимами–губернаторами областей совместно с отделом кадров администрации президента. Профессиональные качества назначенцев учитываются в последнюю очередь. Неудивительно, что в большинстве городов страны полностью развалена инфраструктура.

То же самое с акимами областей (а их всего 14). Их

назначение — исключительная прерогатива президента. Поэтому здесь призовой фонд крупнее. Поскольку губернаторы получают областные земли в свое распоряжение не от народа, а из рук государя–императора, они быстро превращаются в помещиков–феодалов, которым отписаны «крестьянские души–рабов». И управляют они своими владениями соответственно. Главное — это выжать из своего поста побольше личной выгоды, пока Хозяин страны не передал этот кусок земли другому фавориту.

Разрабатывать долговременные программы, делать капитальные вложения, добиваться расположения горожан не имеет смысла. Более того, лишняя популярность только насторожит президента — так еще скорее кресло потеряешь.

В конце девяностых, когда в обществе еще были разрешены дискуссии, в прессе началось обсуждение: не пора ли доверить гражданам самим выбирать себе акимов–мэров, как это делается в цивилизованном мире. Назарбаев через официальную государственную пропаганду быстро объяснил, что никаких выборов не будет — потому что народ Казахстана еще недостаточно созрел и может проголосовать за бандита, который потратит много денег на свою избирательную кампанию. Таким образом нас, как малых детей, уберегли от опасностей взрослой самостоятельной жизни.

Единственные выборы, которые в нашей стране имели до некоторых пор хоть какое–то реальное наполнение, это парламентские. Округов много, и Правительство не успевала за всеми кандидатами. Некоторые из них оказывались независимыми и непослушными. А некоторые даже представляли оппозиционные партии и движения.

Иногда министры отвечали на парламентские запросы, и даже очередной спикер парламента, предлагаемый президентом, не назначался автоматически. В стенах парламента иногда кипели дискуссии и принимались важные решения.

Когда очередное собрание грозило выйти из–под прямого президентского контроля, Крестному Тестю приходилось его распускать — что тоже было сопряжено со многими неудобствами. Каждый раз приходилось искать поводы, задействовать громоздкие механизмы и убеждать депутатов–провокаторов, сталкивать между собой различные группы и лично самому разводить их по углам боксерского ринга.

Все закончилось в мае 2007-го, когда Назарбаев пропел свои поправки к конституции. Отныне казахский парламент формируется исключительно по партийным спискам. Если быть точным — по партийному списку, поскольку отлаженный механизм подтасовки голосов позволяет назначать партию–

победителя напрямую из президентского дворца «Ак — Орда».

Наспех проведенные 18 августа 2007-го выборы наглядно это продемонстрировали. Безоговорочная победа была присуждена карманной партии Назарбаева «Нур — Отану». В Астане не посчитали нужным для отвода глаз отдать хотя бы одно место представителям другой партии. Все условности уже были отброшены.

Построение сталинской модели безграничной власти одного человека успешно завершено. Петля «управляемые выборы в обществе страха» затянулась на горле народа надежной удавкой.

Разумеется, назначение депутатов (говоря политкорректным языком, «формирование выборного списка президентской партии») дает небывалое поле для коррупции. Прежде, чтобы попасть в мажилис–парламент, кандидату требовалось встречаться с избирателями, сочинять платформу, тратить деньги на избирательную кампанию. Теперь ничего этого не требуется. Все намного проще — и намного дороже.

Место в списке стоит достаточно дорого — 100 тысяч долларов, но оно того стоит.

От парламента сегодня ничего не зависит, но депутатское кресло не стало от этого менее полезным. Оно дает парламентский иммунитет и возможность решать свои коммерческие дела, запросто без очереди заходить к министрам, лоббировать интересы частных компаний, решать щекотливые вопросы по правительственной связи. За такое многие готовы платить, ведь это приносит прибыль. А когда есть спрос, появляется и предложение.

Партийный список, который станет впоследствии перечнем депутатов, формируется всего несколькими людьми. Часть назовет сам Назарбаев, остальных будут вписывать руководитель администрации со своей командой. И после того, как будут учтены все политические назначенцы (нужные и особо отличившиеся люди), останется еще половина кресел — а их можно выставить на торг. Вот так формируется парламент современного Казахстана.

Но до этого весь список сначала проверяется на лояльность режиму и согласовывается с КНБ по базе данных с компрометирующими материалами. Без отмашки из комитета ни одна кандидатура не пройдет.

Как–то, в предверии президентских выборов 2005 года я поделился мыслями с тестем о том, что бы я сделал, если бы был его оппонентом из финансово–промышленной группы и хотел воспрепятствовать его избранию. Я бы просто гипотетически купил голоса депутатов по по 100 тысяч долларов США

(депутатов было тогда 77 в нижней палате, итого получилось бы 7,7 миллиона долларов) «за» объявление импичмента и смещение президента. И ему ничего не оставалось бы делать, как снова пойти на разгон парламента, что в «пост–оранжевом» 2005 году было крайне рисковано. Помню его очень нервную реакцию на эту мою мысль. Думаю, он принял к сведению потенциальную возможность и такого поворота дел. Ведь ему можно подтасовывать выборы, а другим нельзя, это зло наказуемо. Когда дело касается вопросов сохранения его власти, тесть ничего не упускает из виду.

Массовое производство фальшивых бюллетеней — это главный инструмент Крестного Тестя по фальсификации выборов. Но в шляпе нашего фокусника есть и другие интересные трюки.

Например, назначение даты выборов. Возможно, вы замечали, что они никогда не проводились в нашей стране в заранее законом установленный срок. Под каким–нибудь предлогом их вдруг переносили на несколько месяцев (а то и лет) раньше. Так было и в 94-м, и в 99-м, и в 2005-м, и в 2007-м. Смысл простой — не дать якобы нашим инакомыслящим и всем непослушным — шанса подготовиться.

При этом назначенные внезапно выборы непременно приходятся на период отпусков. Тогда и избиратели не так активны и не слишком интересуются политикой, и международные наблюдатели не рвутся отменить поездку с семьей в Испанию и заменить ее на служебный визит в солнечный Казахстан.

Этот трюк хорошо известен центрально–азиатским диктаторам и применяется не одним только Назарбаевым. У узбекского диктатора-Ислама Каримова любимая дата своих выборов — 24 декабря, на Рождество. Ни один европейский или американский наблюдатель в это время свой дом не покинет и ни в какой Стан не отправится: он же должен встретить этот вечер со своей семьей и резать рождественскую индейку.

Назарбаев сделал ставку на август. Это не так эффективно, как Рождество, но тоже хорошо срабатывает. Несколько утомленных солнцем наблюдателей из Европы все–таки приедут, но в такую жару будут держаться поближе к кондиционерам пятизвездочного отеля «Хайат» в Алма — Ате. Настаивать на посещении избирательного участка где–нибудь под Кзыл — Ордой (где в эту пору +38 С, и воды в гостинице нет) они не будут.

Вообще, международные наблюдатели не доставляют Назарбаеву больших проблем. Максимум, что они могут увидеть — это работу нескольких избирательных пунктов. А у нас таких

участков несколько тысяч, и разбросаны они по всей нашей безграничной степи.

Тропы, проложенные обозревателями, давно известны, и пролегают они только в крупнейших городах. До удаленного села где–нибудь под Семипалатинском они никогда не доберутся. А именно в таких местах и происходит массовый вброс фальшивых бюллетеней.

Администрация президента, КНБ и избирком прекрасно знают участки, на которые придут иностранцы — разумеется, здесь никакого вброса фальшивок не будет. Несколько избирательных урн в двух Больших городах все равно погоды в общей картине не сделают.

Но даже в столицах власти не могут организовать «потемкинскую деревню»: наблюдатели каждый раз рапортуют о десятках нарушений, увиденных ими на своих участках!

Еще ни одни казахские выборы не были признаны Западом свободными и справедливыми.

И это при том, что комитет национальной безопасности не сидит, сложа руки, а активно «работает» с наблюдателями. На этот счет в КНБ циркулирует специальная инструкция его председателя под грифом «строго секретно». Она учит местных сотрудников, как надо подбрасывать обозревателям материалы, направленные против оппозиции, не допускать встреч с ее лидерами, контролировать передвижения иностранцев, организовывать досуг в ресторанах с проститутками и так далее. Затем обо всех этих мероприятиях председатель будет докладывать лично Нурсултану Абишевичу, в письменной форме.

Одна из таких инструкций вместе с отчетом тогдашнего председателя КНБ генерала Нуртая Дутбаева о «нейтрализации обозревателей» на последних президентских выборах попала 6 июля 2007-го в руки западных дипломатов — разумеется, разгорелся политический скандал, который был настолько силен, что выплеснулся на страницы крупнейших мировых изданий.

Еще один трюк административной системы в электоральный период — выдвижение кандидатов. Задача одна: не допустить появления в списке хоть сколько–нибудь значимой фамилии. Единственным узнаваемым для избирателя кандидатом в президенты должен быть рядовой человек по фамилии Назарбаев.

Также для проформы в список кандидатов внесут совершенно неизвестных избирателю «уважаемых людей», а также, возможно, включат в него одного клоуна на поводке, на фоне которого действующий президент должен смотреться особенно хорошо. Но даже этот клоун в последний момент попросит народ Казахстана голосовать за Крестного Тестя.

Глядя на депрессивный список кандидатов, каждый гражданин должен вздохнуть: «Да, Назарбаеву альтернативы нет». Ее точно нет, потому что именно над этим день за днем, и ночь за ночью работает административная и репрессивная машина.

Сформировать стерильный список уже не составляет труда. В обществе страха каждый понимает, что противостояние государству бесполезно и смертельно опасно. Если бы в нашей стране появился свой Барак Обама, администрация предложила бы ему выбор: либо стать частью системы, отказаться от политических амбиций и довольствоваться материальными благами, которые могут обильно посыпаться на его голову — либо пенять на себя. Судьба Заманбека Нуркадилова и Алтынбека Сар–сенбаева каждому должна служить хорошим уроком.

Самое простое, что система может подарить строптивому кандидату — это судимость. В нашей стране это всего–навсего один звонок из администрации Назарбаева Генеральному прокурору Тусупбекову, и еще один Верховному судье — Мами. Судимый человек по закону баллотироваться не может — конец истории. Таким немудреным способом нейтрализовали таких оппозиционеров как бывший премьер–министр Акежан Кажегельдин и бывший аким–губернатор Галымжан Жакиянов. Это же послужило первоначальной причиной, почему судебная система была брошена против меня.

А еще у нас есть передовая технология электронного голосования «Сайлау». Она родилась, когда в администрации посчитали, что механизм фальсификации выборов с помощью печатных станков типографии «Дауир» надежен, но громоздок. Слишком много работы и потенциальных вещественных доказательств преступления.

В «Сайлау» все совсем просто. Избиратели нажимают на те кнопки, на какие хотят, а система покажет на мониторе ту цифру, которую в нее загрузит избирком. Сервер–двойник системы, подключенный по оптиковолоконному кабелю к главному избиркомовскому серверу, находится в специальной информационной службе (СИС) КНБ, буквально в ста шагах от здания Центризбиркома в Астане.

Президент Назарбаев уделяет огромное внимание приглашению своих платных иностранных друзей–наблюдателей на свои же «выборы», для нейтрализации негативных выводов от наблюдателей из ОБСЕ.

Крестный тесть очень любит американских конгрессменов. Правда, не всех, а только тех, которые готовы прилетать к нему в гости, принимать ордена и высоко оценивать успехи Казахстана на пути демократического развития. Такой же любовью

президента пользуются многочисленные сенаторы, спецпредставители и отпрыски влиятельных политических династий. Главное, чтобы они понимали крыловский принцип «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку» и умели применять его на практике.

За последние несколько лет президента не раз навещали такие полезные друзья. Мне довелось наблюдать эти встречи. В «Ак — Орде» постоянно можно было встретить то американского законодателя, то британского принца. Достаточно вспомнить хотя бы несколько таких встреч.

Например, в июне 2001 года у Назарбаева в гостях в гольф–клубе Астаны был председатель правления и исполнительный директор американской нефтедобывающей компании «Халлибертон» Дэвид Лезар (David J. Lesar). Он — ближайший деловой партнер Дика Чейни (Dick Cheney) — бывшего могущественного вице–президента США. И в результате его встреч «Халлибертон» получил крупные подряды на каспийском нефтяном шельфе. Взамен Назарбаеву пообещали поддержку Белого дома. Если вспомнить, что над президентом все эти годы нависал дамоклов меч «Казахгейта», можно понять легкость, с какой он отдал Лезару каспийские контракты.

В конце мая 2004-го Крестный Тесть вновь принимал в столичной резиденции видных американцев — на сей раз делегацию конгресса США во главе с сенатором Конрадом Бернсом (Conrad Burns). Берне и конгрессмен Денис Рехберг (Dennis Rehberg) вручили радушному хозяину американский государственный флаг, поднимавшийся над Конгрессом в честь нашей республики, и специальное послание с добрыми пожеланиями от видных американских законодателей. Если учесть, что в мировых дипломатических кругах за Казахстаном (и, прежде всего за его руководителем) прочно закрепилась репутация партнера с безграничным коррупционным потенциалом, реальные пожелания «ряда видных законодателей» тоже легко понять.

15 июня следующего года Назарбаев уже в своей алма–тинской резиденции встречал ученых и бизнесменов, прибывших из–за океана для участия в международной бизнес–конференции Азиатского общества. Организаторами мероприятия были бывший Постпред США в ООН Ричард Холбрук (Richard Holbruck), ныне занимающий пост президента Азиатского общества, а заодно с ним президент лоббистской компании «Global Options Management» Александр Миртчев (Alexander Mirtchev). Пройдет три года, и Мирчев сам станет в Вашингтоне известной персоной благодаря публикациям во влиятельной (азете «Wall Street

Journal», посвященным его сомнительным казахским контактам.

6 сентября 2005-го состоялся исторический визит в Казахстан самого Билла Клинтона (Bill Clinton), экс–президента Соединенных Штатов Америки. Визит оказался успешным для обеих сторон. Клинтон выторговал выгоднейшую урановую сделку для своего друга — канадского бизнесмена Фрэнка Гиустры (Frank Giustra), а Назарбаев — поддержку кандидатуры Казахстана на председательство в ОБСЕ. Правда, иного взгляда на успех той поездки могла бы придерживаться жена Клинтона, Хиллари. Она была главным претендентом на выдвижение в кандидаты на пост президента США от Демократической партии, когда «Нью — Йорк Тайме» расписала подробности «урановой сделки» ее мужа с казахстанским режимом. Если это и не стало главной причиной проигрыша Хиллари Бараку Обаме, то в любом случае ущерб репутации семьи был нанесен более чем ощутимый. И именно в тот момент, когда на кону стоял вопрос о номинации Хиллари на пост президента страны.

А 11 октября 2005 года к Назарбаеву прилетали конгрессмен от штата Калифорния Даррел Айсса (Darreil Issa), представляющий Республиканскую партию, и демократ Лоретта Санчез (Loretta Sanchez).

Спустя всего четыре дня президент принимает нового гостя — легендарного Генри Киссинджера (Henry Kissinger) — бывшего Государственного секретаря США, лауреата Нобелевской премии мира. Киссинджер прибыл в Астану с частным визитом. Организатор поездки — все тот же лоббист Миртчев.

В последний день октября 2005 года Назарбаев встретился с президентом Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, конгрессменом США от штата Флорида Алси Хастингсом (Alcee Hastings). Отмечу, что этот господин является одним из 12 судий за всю американскую историю, который был отстранен от выполнения обязанностей судьи (Южный район штата Флорида) за взяточничество и препятствие отправлению правосудия. Этот скандал имел место в конце 80-х годов.

Я был на той официальной встрече в президентском дворце «Ак — Орда» от министерства иностранных дел. Хастингс не жалел красок, негативно высказываясь о президенте Буше–младшем и его брате, губернаторе Флориды. Рассказывал, как негативно он оценивает деятельность американского правительства.

Президенту такой разговор понравился, и он долго беседовал с гостем, хотя протокольное время уже давно вышло. Под конец Хастингс попросил Назарбаева о маленькой услуге — поговорить с узбекским президентом Каримовым, который обиделся на

американскую критику своего режима и отказывается встречаться с западными гостями. Эту просьбу Назарбаев исполнил за 5 минут. Он вышел из комнаты, а когда вернулся, сказал, что Каримов согласился принять Хастингса у себя в Ташкенте.

Своим же помощникам Крестный тесть настрого приказал поселить конгрессмена в президентском люксе и организовать его пребывание «по полной развлекательной программе».

2 декабря 2005-го у Назарбаева прямо перед президентскими выборами были гости — лоббисты из Великобритании. Эта делегация «Каспийского информационного центра», привезенная послом Идрисовым за казенный счет, была призвана наблюдать за нашими президентскими выборами — вернее, за спектаклем под их названием. В составе делегации: бывший председатель Консервативной партии лорд Паркинсон (Lord Cecil Parkinson), член всепартийной группы по Казахстану британского Парламента лорд Килкуни (Lord Kilkenny), член палаты общин Питер Лили (Peter Lily), член Европарламента от Великобритании, кандидат на пост Генерального секре–ыря ООН Нирж Дева (Niranjan Joseph Deva), профессор политологии Кеннет Миног (Kenneth Minogue), профес-<ор социологии Денис О'Кифф (Dennis O'Kiff), генеральный директор Каспийского информационного цен–ipa Джеральд Фрост (Gerald Frost).

Уже пятого декабря состоялась новая встреча президента с наблюдателям и — на этот раз у него в гостях международная группа во главе с Членом Палаты представителей Конгресса США Чарли Мелансоном (Charlie Melanson), а также послом Берли, бывшим главой наблюдателей от ОБСЕ на парламентских выборах 2004 года. Визит этой группы организован послом Саудабаевым, а проезд и командировочные оплачены из внебюджетных фондов Назарбаева. Вскоре после визита вся группа выдала положительную оценку состоявшихся президентских выборов.

5 мая 2006-го Назарбаев в очередной раз встретился с самим Диком Чейни, вице–президентом Соединенных Штатов и, возможно, самым влиятельным на тот момент человеком в мире (многие наблюдатели считали, что вашингтонскую политику Чейни формировал в большей степени, чем сам президент Джордж Буш).

Ровно через два месяца Крестный Тесть распростер объятья Его Королевскому Высочеству Герцогу Йоркскому Принцу Эндрю (Prince Andrew). Это уже потом распространилась информация, что при продаже особняка принца казахскому магнату герцогу Йоркскому переплатили 3 миллиона фунтов стерлингов. Пусть покупателем в бумагах значится зять бывшего Акима–мэра города Алма — Аты Тасмагамбетова, в окружении Крестного Тестя все

знают, для кого покупался особняк, и по чьему указанию британский продавец королевских кровей получил куда больше, чем мог запрашивать. Фактически Крестный Тесть попытался сделать принца Эндрю своим лоббистом и продвиженцем интересов «Казахмыса», чтобы вовлечь в число своих преданных друзей и британскую королевскую семью. Кстати, и третья жена Крестного Тестя с его сыном имеют постоянный вид на жительство в Лондоне.

В конце мая 2007-го Назарбаев получил обращение влиятельных членов Конгресса США, в котором, что называется, дана высокая оценка принятым изменениям в конституцию Казахстана. Письма эти прислали конюх грессмен–демократ Чарли Мелансон, член Конгресса США республиканец Дэррелл Айсса, конгрессмен–демократ Эдолфус Таунс (Edolphus Towns). Стоит, думаю, уточнить, что речь идет о тех самых поправках, которые де–юре утвердили диктатуру в стране, сделав Назарбаева пожизненным президентом.

29 августа 2007-го Крестный Тесть беседовал с американскими конгрессменами Эни Фалеомаваега (Eni Faleo–mavaega) и Крисом Кэнноном (Chris Cannon). Как потом написали средства массовой информации, «учитывая заслуги Эни Фалеомаваеги в деле укрепления связей между двумя странами», президент подписал Указ о награждении вышеупомянутого политика орденом «Достык» первой степени. Представляю, с какой гордостью носит эту награду конгрессмен.

В конце мая 2008 года, Назарбаев встречал очередную делегацию Конгресса США. На этот раз ее возглавлял Председатель комитета по природным ресурсам Палаты представителей Ник Рэйхэлл (Nick Rahall). Потом президент с удовлетворением сообщил подконтрольной ему прессе, что в Конгрессе США сформировалась неформальная группа друзей Казахстана. В их число входят и прибывшие в Астану члены Палаты представителей Дэррелл Айсса, Чарли Мелансон, Рэй ЛаХуд (Ray LaHood), Джон Линдер Qohn Linder) и Джэк Кингстон (Jack Kingston).

Пройдет совсем немного времени, и в июне 2008-го Айсса и Мелансон выдвинут своего друга Назарбаева на Нобелевскую премию мира…

Дорогими гостями в «Ак — Орде» были и бывший премьер–министр Великобритании Тони Блэр (Tony Blair), и его неофициальный посланник лорд Леви (Lord Levy), привлекший внимание на родине своим пятимиллионным особняком и «Бентли» — и всего 5000 фунтов, выплачиваемых им ежегодных налогов. Насколько мне известно, лорд Леви, являвшийся в свое

время неофициальным казначеем Тони Блера, и Крестному Тестю предложил свои услуги по закрытию «Казахгейта» самым выгодным для Назарбаева — и, разумеется, для лорда Леви — образом. Отмечу, что ранее этот господин у себя на родине задерживался полицией для дачи показаний по обвинению в оказании протекции при получении пэр–ских титулов в обмен на крупные взносы в пользу партии лейбористов.

Конечно, не каждый западный представитель, встречающийся с Назарбаевым и затем ставящий высокую оценку демократическим преобразованиям в Казахстане, — коррупционер. Некоторые из них просто попадают под обаяние безграничной власти и несчитаных миллиардов хозяина «Ак — Орды». Власть грязных денег имеет страшную силу, это Крестный Тесть прекрасно осознает. По его указанию бывший казахский посол в США Канат Сауда–баев провез в эту страну три миллиона долларов наличными, воспользовавшись неприкосновенностью диппо–чты. Тот же Саудабаев очень любил принимать у себя в квартире упомянутого конгрессмена Айссу как щедрый хозяин.

Не мое дело прогнозировать судьбу чемоданов неучтенной наличности, щедро распространяемых нашими послами. Однако, сдается мне, что эти доллары и выдвижение диктатора Назарбаева на Нобелевскую премию мира как–то неуловимо связаны между собой.

Глава 7
Как Назарбаев первый миллион заработал

Свой первый миллион долларов США (в смысле, миллион за один раз) мой тесть заработал в 1992-м, на первом году независимости Казахстана.

Время было трудное, скудное, тревожное. Первый год независимости. Только что распался Советский Союз, разрушились старые экономические связи. Вечно чего–то не хватало. И не только граждане новой независимой страны вели сдержанный образ жизни, но и в президентском дворце, которым тогда назывался никакой не дворец, а бывшее здание ЦК компартии Казахстана, в по–советски аскетичном кабинете бывшего руководителя республики и члена Политбюро КПСС Динмухамеда Кунаева, где теперь работал Назарбаев, все было не по–президентски скромно.

К лету появились первые признаки дефицита сахара — не в президентской сахарнице, конечно, а на рынках и в магазинах. Запасы подходили к концу, а сахароперерабатывающие заводы, которые впоследствии возродила моя частная компания, на заре независимости стабильно лежали на боку.

Первым благоприятную конъюнктуру рынка уловил, как ни странно, помощник президента по вопросам печати Владимир Крупенев. Ранее этот товарищ не имел никакого отношения к коммерции, но в те годы таким отношением мало кто мог похвастать, так что отсутствие опыта никого не смущало и не останавливало. Спичрайтер Назарбаева решил стать сахарным королем. За наличие сахара в стране отвечала типичная советская контора — «Казбакалейторг», раньше получавшая его по разнарядке из Москвы. Директором там был карагандинский кореец по фамилии Ким. После того, как сахар из Москвы перестал приходить, Ким стал искать альтернативных поставщиков. Титанические поиски увенчались успехом: сахар из далекой Бразилии обещала поставить фирма какого–то американского армянина, естественно, только на условиях стопроцентной предоплаты. Фирму как сверхнадежного партнера рекомендовал президентский помощник.

Ничтоже сумняшеся друзья взяли в банке пять миллионов долларов и сходу загнали в Америку. Киму представители фирмы обещали после проплаты вознаграждение в 20 процентов от суммы. Не знаю, какие картины предстоящего обогащения рисовало их воображение, но, увы, действительность оказалась

суровой. Деньги уплыли, а сахар так и не приплыл.

Через несколько месяцев, поняв, что дело пахнет жареным, директор «Казбакалейторга» забил тревогу. Делом занялась прокуратура. Срочно уволили с поста президентского помощника Крупенева.

Начали разбираться, как же вернуть миллионы. Тогдашний начальник спецпрокуратуры от КНБ- Альнур Мусаев добрался даже до ФБР, агенты которого быстро выяснили, что никакой фирмы — сахарного трейдера, конечно, никогда не существовало, а армяно–американский проходимец, принятый неудачливым Крупеневым за могущественного бизнесмена, из пяти полученных миллионов успел растратить четыре. Его уже посадили. Оставшийся миллион по решению американского суда вернули Казахстану: агенты ФБР привезли его в виде чека «Bank of America» на предъявителя и передали коллеге Мусаеву.

С этим чеком Мусаев и отправился к президенту, втайне рассчитывая если не на орден, то уж точно на медаль и повышение по службе. Но надежды не оправдались.

Президент повертел чек в руках, рассмотрел на свет и со словом «Молодец!» положил его во внутренний карман пиджака.

Это был первый миллион долларов США, проделавший долгий, замысловатый и полный приключений путь из бюджета в карман моего тестя. Кстати, этот чек из ФБР был также обналичен для Назарбаева его бывшим советником, бизнесменом из Америки Джеймсом Гиффеном через известный женевский банк Credit Agricole в оффшорную компанию президента.

Глава 8
Как все начиналось (первые взятки президента)

В первые годы независимости от Москвы Нурсултан Назарбаев еще занимался управлением страной, как своей основной работой. Он еще боялся провала и срочно осваивал навыки государственного управления. Без команд из Кремля он часто не знал, что делать, и по вечерам за семейным столом мы могли видеть растерянность в его глазах. Однако нужно отдать должное президенту, в те годы он умел выходить на экраны ТВ и вселять в людей уверенность, что все идет по плану. Он был тогда действительно популярным руководителем, и эта популярность придавала ему сил.

На рабочем месте он старался копировать действия своего бывшего покровителя — коммунистического лидера Кунаева. Каждый рабочий день за обеденным столом в своем офисе президент Назарбаев собирал на совещания главу правительства и его заместителей, председателей Парламента. Это была своего вида форма коллегиального правления. Все обменивались информацией, обсуждали проблемы и принимали общие решения. Так сказать, приятное с полезным, чтобы меньше терять служебное время.

Прошло несколько лет, прежде чем первый президент Казахстана смог вздохнуть с облегчением и задуматься теперь о собственном благе. В девяносто четвертом году экономика еще пребывала в глубоком кризисе, но ощущение неминуемого коллапса уже прошло. Криминальный рэкет еще царил на улицах городов, но частный бизнес уже делал первые уверенные обороты. Национальная валюта прижилась. Государственные институты просыпались от летаргического сна.

21 июля 1994-го года состоялось историческое событие. О нем мало кто знает, но на самом деле оно определило ход дальнейших событий в стране и привело в итоге к ее сегодняшнему плачевному состоянию. В этот день в министерстве юстиции был зарегистрирован «Фонд экономических и социальных реформ Казахстана» (номер регистрации 0442). С него и началось перекачивание государственных ресурсов в частные карманы Нурсултана Назарбаева и его приближенных.

Первыми учредителями Фонда значились Нуртай Абы–каев, Сыздык Абишев, Акежан Кажегельдин и мой бывший свояк–бажа Тимур Кулибаев. Тимур в этом списке конечно представлял не

себя, а Нурсултана Абишевича.

Начиналось все с копеек (по нынешним меркам). Каждая крупная компания, которая хотела получить доступ на казахский рынок, должна была перечислить в этот Фонд двести пятьдесят тысяч долларов. Это сейчас в фонд «Нур — Отана» минимум пять миллионов нужно платить, а тогда аппетиты были поменьше. Иностранная компания могла отказаться, но тогда про Казахстан ей предстояло забыть.

Руки инвесторам выкручивали под благовидным предлогом. Дескать, страна находится в тяжелом положении (это была правда), люди бедствуют, у государства нет денег на социальное обеспечение. Нужно помочь. Крупные компании входили в положение и помогали. Дальше эти деньги выводились из страны и делились между учредителями этого внебюджетного Фонда. Впрочем, основная доля, конечно, доставалась главному крестному учредителю, президенту голодной страны.

Дело пошло. Чтобы терроризировать инвесторов с большим размахом, такой же доильный аппарат зарегистрировали в Лихтенштейне — там он назывался Международным фондом развития Казахстана. По Казахстану в этот момент как раз шагала приватизация, и все «откаты» или «комиссионные» за приватизированные объекты перечислялись на женевский счет лихтенштейнского фонда.

Суммы набирались значительные, счёт пошел сначала на миллионы, потом на десятки и сотни миллионов.

Глава государства увидел, что внебюджетные фонды — это очень удобный инструмент. Он позволяет и собственные карманы набивать, и финансировать нужные ему политические кампании.

Первая такая кампания, оплаченная средствами из «фондов развития», состоялась в 1995-м году. Это был референдум о продлении полномочий Нурсултана Аби–шевича на посту президента. Как вы помните, операция удалась — согласно официальным данным, на участки пришел 91 процент голосующего населения, из них 95 процентов высказались за то, чтобы Назарбаев ни о чем не беспокоился до 1 декабря 2000 года.

Все последующие выборы (и президентские, и парламентские) финансировались по той же схеме — из никем не контролируемых теневых фондов.

Когда Крестный Тесть обнаружил, что его слово дорого, что за его решения люди готовы платить большие деньги, пост президента стал нравиться ему все больше и больше. Власть хороша и сама по себе, но еще приятнее пользоваться теми возможностями, которые она предоставляет.

Фонды стали удобным инструментом, но еще легче оказалось

брать деньги в чемоданах. Если вы думаете, что Нурсултан Великий брезгует получать взятки наличными купюрами, вы сильно идеализируете этого человека.

Насколько я знаю, первую по–настоящему крупную наличную взятку президент привез незадолго до придуманного им референдума по продлению своих полномочий в 1995 году, из официального визита в Южную Корею на борту президентского «Boeing». Отвечал за сохранность груза тогдашний шеф КНБ генерал Сат Токпакбаев, который занес в самолет четыре огромных чемодана «Samsonite» — десять миллионов долларов США наличными. Деньги президенту передал представитель по СНГ страховой компании «Shindongah» Саймон Ким.

Наивные корейцы думали, что они покупают за эти деньги какой–то сервис, что для них теперь будут открыты двери казахской экономики. Как бы не так. Миллионы взяли, а взамен ничего не дали. Расписок нет, контрактов нет — ищите теперь ветра в поле.

Деньги, кстати, были грязные, похищенные из страхового фонда Shindongah: таким способом управляющие фонда выводили деньги вкладчиков из страны, прокладывая дорогу собственным частным бизнес–проектам. Однако в стране утренней свежести Южной Корее колесо юстиции прокручивается с неотвратимостью заката солнца: там даже президентов судят за коррупцию и сажают в тюрьму, несмотря на их исторические заслуги. Вскоре в тюрьме оказались и проворовавшиеся руководители фонда.

29 октября 1999 года суд высшей инстанции Южной Кореи рассматривал апелляцию президента «Shindongah» г-на Чой Сун Юн–младшего об изменении приговора (5 лет тюремного заключения и 165 миллионов долларов штрафа). На этом заседании Юн–младший и Саймон Ким открыто рассказали о взятках, которые наличными передавали казахскому президенту Нурсултану Назарбаеву. По словам корейского бизнесмена, в 1996-м году Крестному Тестю были переданы еще 10 миллионов долларов — за обещание доли в освоении месторождений казахских алмазов. Разразился международный скандал, информация о взятках попала в ленту агентства Associated Press и через нее в крупнейшие мировые издания.

Я узнал о первой, десятимиллионной взятке от самих корейцев. Летом 1996-го Саймон Ким уже понял, что их тривиально «кинули» и приехал вместе со своим шефом, президентом компании, в Казахстан искать правду. Они пришли ко мне и попросили помочь. Я ничего не обещал, но предложил им написать конфиденциальное письмо президенту с описанием истории. Через некоторое время Сата Токпакбаева тихо сняли с

поста руководителя Службы охраны президента и тихо перевели в Национальную гвардию. А корейцы получили в свое управление Алматинскую чаеразвесочную фабрику, которая до сих пор находится в их распоряжении. Таким образом, президент замял конфликт, быстро подарив взяткодателям прибыльное государственное предприятие, чтобы они просто замолчали. А я спас Деда своих детей от коррупционного скандала, как тогда я думал.

Но президент только входил во вкус зарабатывания своих первых миллионов. Мне Назарбаев заявил, что по законам бизнеса повсеместно во всех сделках наживаются посредники–консультанты, и он не хочет никому давать этой возможности, все равно все воруют. Лучше он сам везде будет получать все причитающиеся ему «законные комиссионные», чем давать кому–то.

Задолго до этого появился американец Джеймс Гиффен и наполнил внебюджетные фонды Крестного Тестя новым содержанием — десятками миллионов долларов. Потом счет пошел на сотни миллионов, потом на миллиарды …

Глава 9
Последний совместный отдых

Последний раз всей большой семьей мы отдыхали в далеком 95-м году во Франции. Отдых организовал албанский бизнесмен Беджет Пакколи. Он тогда только начинал свою деятельность в Казахстане, претендовал на большие строительные подряды в новой столице и очень быстро втерся в доверие к президенту.

Пакколи вообще–то очень талантливый человек и тонкий психолог. Я думаю, в нормальной среде его строительные фирмы вряд ли могут похвастать какими–то преимуществами перед конкурентами, но в странах вроде республик бывшего Советского Союза этот обаятельный весельчак чувствует себя как рыба в воде. Пока конкуренты бьются над сметами и расчетами, Пакколи снимает виллу для президента, мэра, губернатора — и, как говорится, пусть проигравший плачет. Лакомые куски от пирога почему–то оказываются на тарелке этого строительного магната из города Лугано.

Так оказалось и у нас — рецепт сработал безотказно. Пакколи снял виллу около Канн, на Лазурном Берегу. Прилетела вся семья — Нурсултан Абишевич, Сара Алпы–совна с младшей дочкой-Алией, Тимур с женой и сыном, мы с Даригой и наши дети. Старшему сыну Нурали было десять лет, а младшему Айсултану только пять. С нами был еще Фатах Шодиев- один из хозяев «Евразийской группы», близкий партнер Назарбаева по алюминиевому бизнесу, уроженец Узбекистана, гражданин Бельгии, к тому времени получивший контроль над уже приватизированными предприятиями горнорудной промышленности. Также был близкий друг президента Сыздык Абишев со своим помощником Булатом Утемуратовым.

Во время того, как потом оказалось, последнего семейного отдыха, когда вся семья собралась вместе за границей, случилось одно происшествие, которое в семье до сих пор вспоминают.

Однажды Пакколи повел нас в ресторан «Пират» недалеко от Монако. Простое деревянное строение прямо на берегу моря сильно контрастировало с роскошными интерьерами и экстерьерами снятой для Назарбаева роскошной виллы. Помню, мы все удивленно рассматривали эту харчевню, выгружаясь из кортежа лимузинов.

Входим в зал. Деревянный пол, деревянные скамьи, простые стулья. В шкафах и на полках — простая посуда, никакого фарфора, никакого хрусталя. Ярко горит огромный камин,

больше, впрочем, похожий на печь в деревенском доме. Закопченные балки на потолке.

Президент осмотрелся, насупился, спрашивает Пакколи: «Куда ты нас привел?» Как всегда бывает, когда он чем–то недоволен, все притихли, зашикали на детей. Беджет развел руками: мол, место популярное, кухня хорошая, деревенская, все будет хорошо. Тут появляется хозяин заведения — огромный малый, чрезвычайно живописный, весь в татуировках, серьга в ухе, кафтан, на каждой руке золотые часы и все пальцы в кольцах–печатках. Настоящий пират! Запросто со всеми здоровается (что на фоне протокольных церемоний, к которым все мы уже привыкли, выглядит просто вызывающе), едва ли не похлопывает президента по спине, приглашает рассаживаться за длинным деревянным непокрытым столом.

Президент становится еще мрачнее. Все испуганно молчат. Один лишь Пакколи весел и доволен, будто не замечает общего растущего напряжения. Видимо, потому что не видел, каков Назарбаев во гневе.

Эта возможность представилась ему очень быстро.

Расселись. Шодиев предусмотрительно устроился у самого края, поближе к выходу. Мы расположились около президента. Пиратского вида официанты начали расставлять посуду, как будто одолженную в столовой какого–нибудь исправительного заведения.

В воздухе запахло грозой.

— Куда ты нас притащил?! — снова говорит Назарбаев уже таким тоном, что вечно невозмутимый Пакколи втягивает голову в плечи и бледнеет. И тут происходит невероятное. Президент берет тарелку, которую без особых церемоний поставил перед ним бандитского вида гарсон, брезгливо ее рассматривает … и вдруг изо всей силы швыряет о пол.

Мертвая тишина. Все окаменели. Вижу, как сверхосторожный Фатах Шодиев, тогда еще, естественно, не значившийся в списке миллиардеров американского журнала «Форбс», выскальзывает из–за стола и со словами «Покурить пойду» исчезает в дверях.

На звон разбитой посуды из кухни выбегает хозяин.

— Не отдых, а черт знает что! — продолжает кричать Назарбаев. Дальше — хуже. Президент хватает тарелку первой леди и швыряет ее в стену, осколки летят на пол. Потом туда же отправляется посуда Дариги, Пакколи, моя …

Мы все были в шоке. Президент выскочил из–за стола и стал бегать по залу, разбивая оставшуюся на столе посуду. За ним ходила побелевшая супруга Сара Алпы–совна и, чуть не плача, приговаривала «Нурсултан, Нурсултан, успокойся, если не

нравится, поедем отсюда! Перестань, успокойся».

Хозяин заведения некоторое время молча наблюдал за этим спектаклем, потом начал орать. Целых тарелок к этому моменту уже не осталось, однако гнев Назарбаева, судя по всему, еще не достиг кульминации: в ответ на крики хозяина–пирата он схватил ближайший к камину стул и швырнул его в топку. Оттуда вылетел сноп огненных искр.

Сара Алпысовна перестала причитать. Все посмотрели на хозяина. В наступившей тишине он взял стул и на смеси французского с английским объявив, что его заведение опозорено навек, хватил стулом о пол и тоже бросил его в камин.

Еще один стул полетел в огонь от Назарбаева. Потом еще один — от хозяина. Происходящее походило на дурной сон.

И тут, когда абсурдность происходящего достигла предела, они — президент и хозяин–пират — вдруг начали громко хохотать. Тут же к ним присоединился и Беджет Пакколи. Оказывается, такое шоу с битьем посуды и сжиганием мебели в камине входило в specialisation de la maison — специализацию заведения, и весь спектакль был заранее оплачен. Из гостей об этом знали только президент и Пакколи, они заранее обо всем договорились и распределили роли.

Когда воцарилась тишина, официанты убрали осколки, принесли новую посуду и подали блюда, в зал незаметно вернулся докуривший свою безразмерную сигарету Фатах Шодиев.

То ли с перепугу, то ли от того, что нас одурачили, мы все тоже стали бить оставшуюся посуду, но потом так же внезапно остановились — видимо, осознав, как быстро меняется атмосфера и вся система координат вокруг тебя, когда так сильно зависишь от одного человека, его настроения, его физического и психического состояния.

Глава 10
Краткая история нашего парламентаризма

Первым председателем Верховного совета (парламента) независимого Казахстана был Ерик Асанбаев. Шел 1991-й год, вертикаль власти еще не была выстроена, и парламент еще не подчинялся напрямую администрации президента.

Летом 91-го я стал свидетелем телефонного разговора моего тестя и председателя парламента. Мы ужинали в загородной резиденции в Алма — Ате на улице Навои. Внезапно Назарбаева позвали охранники — по правительственной связи срочно звонит Асанбаев. Что случилось?

Президент отсутствовал около получаса. Вернулся злой, лицо красно–бордового цвета. «Я его вытащил, поднял на такую высоту, а он вместо благодарности начинает права качать!» Я немного удивился, ведь Асанбаев был близким и проверенным подчиненным, когда Назарбаев возглавлял Совет министров Казахской ССР, так что нужды вытаскивать его не было. Вслух, конечно, никто ничего не сказал — президент уже тогда относился к верховным государственным постам как к дарам, которые он раздает с царского плеча.

Остаток вечера Назарбаев был неразговорчив и сразу вышел на прогулку по парку возле виллы. Видно было, что в голове вызревает какой–то план. Однако подробностей его мы тогда не узнали.

А вскоре, в октябре 1991-го Асанбаева назначают вице–президентом страны. Я тогда удивился: неужели Назарбаев забыл тот телефонный разговор? Вице–президент — второе лицо в стране, вторая по влиятельности фигура. Мне даже показалось, что тесть пытается преодолеть свои личные антипатии в пользу профессионализма и государственных интересов. Конечно, я ошибался. По новой конституции

Первый состав Верховного совета президент распустил в 1993-м году. Однако, его надежды, что следующий будет более покладистым, не оправдались. Ему даже не удалось навязать депутатам своего кандидата в спикеры Омирбека Байгельды! Вопреки желанию Назарбаева, депутаты проголосовали за неугодного ему кандидата — Абдильдина. Разумеется, поэтому второй созыв парламента продержался тоже недолго, всего два года. В 1995-м президент разгоняет и его, он не терпит, когда что–то идет против его воли.

Мало кто знает, однако, что глава нации был готов пойти на

крайние меры, если бы депутаты оказались строптивыми и отказались самораспускаться. Мне он как–то признался, что если понадобится, он стянет танки и расстреляет здание парламента так же, как двумя годами раньше это сделал Борис Ельцин в Москве.

Но в России речь шла о выборе государственного устройства и попытке парламентского переворота, которая была подавлена танками. Ответ был жестоким, но и причина была серьезной. В нашем случае проблема была только в том, что президент устал играть в политические переговоры, ему надоело делить властные полномочия с кем–то, находить компромиссы, даже если того требовала Конституция. К тому времени он сам уже дважды переписывал Конституцию, так что прекрасно знал цену бумаге, на которой напечатан наш Основной закон.

«Они думают, что самые умные, — говорил мне тесть про депутатов, — а я знаю все, что они там говорят. Каирбек мне докладывает». Он имел в виду Каирбека Сулейме–нова, тогдашнего государственного советника, отвечавшего за силовые министерства. Все здание старого Верховного совета прослушивалось еще со времен КГБ, и докладные ложились на стол президента. Однако опасения Назарбаева не подтвердились: депутаты оказались–таки послушными, танки вводить не пришлось.

Следующие составы парламента, переименованного в мажилис, больших проблем президенту уже не доставляли.

Впрочем, история парламентаризма в Казахстане не была бы столь короткой, будь дело только в персоналиях. В последнее время президенту и не приходится тратить больших усилий, чтобы добиваться от людей понимания его могущества. Большинство подчиняется само, не дожидаясь напоминаний.

Назарбаеву нужно было ликвидировать законодательное собрание как независимую ветвь власти для более важной задачи. А именно — взять в свои руки бюджет страны и лишить кого–либо права контроля над его пополнением и расходованием.

Задача была нелегкой даже для нашего президента, поскольку бюджетный контроль — это неотъемлемая прерогатива любого парламента. Законодательное собрание следит за финансами страны так же, как метеорологические станции за погодой. И вы, возможно, считаете, что наш мажилис тоже знает, где деньги лежат, и сколько их у нас. Это не так.

Единственный орган в Казахстане, который допущен до бюджетного кошелька, это счетный комитет. Угадайте, кому он подчиняется. Правильно — напрямую президенту. И пусть только попробует кто–то из членов этого счетного комитета разболтать

что–нибудь публике или выразить свое недовольство. Лучшее, что его ждет — покинуть счетные ряды. Но таких самоубийц до сих пор не нашлось.

Схватка президента с парламентом за бюджетный контроль была неравной, но все–таки депутаты держали оборону долго. Назарбаеву пришлось разогнать два первых состава законодательного собрания, чтобы заставить новых избранников отказаться от дурной привычки совать нос не в свои дела. Мало кто знает, но именно деятельность контрольной палаты в стенах первых парламентов и была реальной причиной разгонов 1993 и 1995 годов.

Только третий состав мажилиса оказался достаточно покладистым и отказался от притязаний на счетную палату.

Особенно много проблем президенту доставила контрольная палата первого парламента, под руководством депутата Газиза Алдамжарова. Депутаты из этой палаты рьяно взялись за дело, начали проверять и задавать неудобные вопросы — например, где остается часть валютной выручки. Одним из таких неудобных вопросов было и расследование злоупотреблений в сфере выдачи экспортных лицензий министерстом внешнеэкономических связей, которым руководил один из первых кассиров Назарбаева Сыздык Абишев. Он был тогда патроном своего молодого помощника Булата Утемуратова, трудившегося скромным начальником отдела лицензирования и впоследствии заступившего к Назарбаеу помощником по хозяйству.

Глава 11
Турецкий подданный

(Подарок турецкого президента)

В конце апреля 1993 года, после семейного ужина президент позвал меня в свой кабинет. Я был заинтригован. Тогда еще между нами были очень доверительные отношения. Президент, возможно, иногда видел во мне сына, о котором всегда мечтал, как и каждый казах. Он же был для меня почти кумиром. Не так уж много времени прошло с тех пор, но как все изменилось …

Только что закончился визит в Казахстан президента Турецкой Республики Тургута Озала. Тогда в среде казахской элиты была мода на завуалированный пантюркизм. Она постепенно сошла на нет по мере того, как выяснилось, что турки смотрят на нашу страну весьма прагматично, прикидывая, как выжать максимальную прибыль для себя и стать еще одним «старшим братом». Назарбаев относился к перспективам турецко–казахского сближения более грезво, чем наши писатели, поэты и журналисты, но в тот период, очевидно, ориентировался на Турцию как на ближайшего союзника. Именно тогда турецкие фирмы–однодневки косяком пошли в Казахстан, где для них создавали весьма выгодные условия. Стала выходить казахскоязычная версия турецкой газеты «Заман», рядом с президентским комплексом в Алма — Ате вырос отель «Анкара».

Провожая в аэропорту турецкого президента, невысокого жизнерадостного усача, никто, конечно, не мог предположить, что жить ему оставалось всего два дня. Тургут Озал внезапно умер от разрыва сердца 17 апреля 1993 года. В этот день, по версии курдских лидеров, он должен был объявить об условиях перемирия с курдскими повстанцами. Кстати, говорили, что его мать была из курдов. Курды намекали, что Озала отравили спецслужбы, чтобы сорвать мирный процесс. Вдова президента требовала повторного следствия, но оно не было проведено …

Мы поднялись в кабинет президента. Талантливый актер, президент выдержал паузу, чтобы окончательно меня заинтриговать. Я терялся в догадках. Наконец он подошел к большому личному сейфу, медленно его открыл, так же медленно достал оттуда какой–то небольшой предмет и с заговорщическим видом протянул его мне.

Это был новенький турецкий паспорт, выписанный на имя

Нурсултана Назарбаева. Подарок покойного прези–дента Озала.

По законодательству Казахстана двойное гражданство запрещено, но только не гаранту нашей Конституции. И остальные 15 милионов граждан так и не смогут дотянуться до Юпитера.

ИМПИТТТТ»

Глава 12
Граната в торте

Давний случай, сегодня всеми прочно позабытый, произвел на моего тестя огромное впечатление на всю оставшуюся жизнь. Шок от пережитых тогда эмоций у Назарбаева проходил долго. И, видимо, именно после того происшествия он сформулировал для себя правило, которое старался неукоснительно соблюдать все минувшие годы. Правило это простое: не наживать личных врагов. Никогда. Нигде. Ни при каких обстоятельствах!

Нежелание президента идти с кем бы то ни было на прямую конфронтацию хорошо известно всем членам его команды. Назарбаев, производящий на посторонних впечатление харизматического, решительного, жесткого, брутального человека, политика, готового к открытому бою, в действительности далеко не таков. Это очень осторожный, трусоватый, расчетливый человек, похожий вовсе не на барса или тигра, каким его рисует в своих трудах один американский подхалим, а, скорее, на старого лиса. Для него нет худшего наказания, чем необходимость вступить с кем–нибудь в открытое противоборство. Разумеется, это вовсе не значит, что он добр — он только старается с переменным успехом играть роль доброго следователя или, по ситуации, доброго дядюшки. Роль его антагониста, злого следователя, всегда достается кому–нибудь из его подручных. Назарбаев обычно старается грязную работу делать чужими руками. Именно поэтому ни одно совещание не заканчивается снятием с должности даже незначительного руководителя. Там президент только накачивает, ругает, но увольнять — дело его подчиненных. Еще можно убрать человека с поста во время вечных структурных изменений госаппарата, когда ненужный руководитель вдруг остается за бортом, или его «случайно» не утверждают или не переназначают на должность.

Я думаю, Назарбаев с самого начала своей партийной карьеры старался избегать конфликтов и лепил из себя образ рубахи–парня, готового со всеми дружить, от которого можно не ожидать никаких неприятностей. Но после шока, пережитого в последнем доперестроечном восемьдесят пятом году, интуитивные склонности оформились у него в четко соблюдаемый кодекс: улыбаться врагам в лицо и наносить им удары чужими руками. Как он любит говорить: «Врага нужно задушить в собственных объятиях».

А случилось тогда вот что.

Каратай Турысов, дальний родственник Назарбаева и партийный бонза республиканского масштаба, праздновал день рождения. Дело происходило в Алма — Ате, куда к тому времени перебрался на повышение по протекции Назарбаева бывший секретарь Тургайского обкома партии. По партийной традиции, усиленной нашим южным темпераментом, на именинника низвергся вал подарков и подношений от признательных товарищей и благодарных подчиненных. В пылу застолья никто не обратил внимания, откуда на столе возникла коробка с роскошным тортом.

Первыми к торту прибежали дети Турысова, еле дождавшиеся десерта. Коробку открыли. Внутри была граната.

Взрывной механизм не сработал по счастливой случайности, иначе история Казахстана была бы совсем иной.

Напомню, на дворе стоял позднезастойный 1985 год. Покушение на члена ЦК республиканской компартии? Такое невозможно было вообразить даже в самом страшном ночном кошмаре. Но был торт, была чудом не разорвавшаяся граната, и были члены того самого ЦК, для которых тот банкет чудом не стал последним.

Это был шок.

Происшествие строго засекретили, делом занялся казахский КГБ. Через четыре месяца следователи вычислили дарителя торта. Им оказался не наемник мирового империализма, не китайский шпион и не непримиримый диссидент. Ликвидировать члена ЦК хотел коммунист, полковник советской армии, бывший заместитель тургайского военкома. И идеологические разногласия, естественно, юже были не причем. Когда Турысов еще работал в Тургае, там случилась какая–то темная амурная интрига (коммунисты тоже люди), жертвой которой оказалась жена офицера. Потом Турысов ушел на повышение в столицу, замвоенкома последовал за ним и попытался изорвать соперника вместе с товарищами по партии.

Я думаю, первый шок Назарбаев испытал при виде гранаты в креме, второй — когда выяснились обстоятельства происшедшего. Нурсултан Абишевич смертельно перепугался. Вот что случается с теми, кто наживает личных врагов!

С тех пор Назарбаев панически боится открытой вражды.

Этот страх открытых конфликтов, открытой вражды в дальнейшем отразился на управленческой практике нашего президента. За почти два десятка лет, которые Назарбаев просидел на казахском троне, ему не раз и не два приходилось избавляться от людей из своего окружения, которые переставали его устраивать. Кто–то отправлялся в почетную ссылку в

посольство за рубежом, кто–то получал статусный, но предназначенный для скорой ликвидации пост, кто–то из столицы отправлялся в проблемную область с кучей социальных проблем.

Однако, не было ни одного раза на моей памяти, чтобы наш президент сам кого–то уволил. Вся чиновная братия Астаны обычно со страхом ждет расширенные совещания у президента, опасаясь непредсказуемых перестановок. Но это напрасные страхи: президент бывает на таких совещаниях грозен, но его гнев обычно направлен в какие–то неопределенные дали, в сторону негативных мировых экономических тенденций или собирательного образа оппозиции, или просто каких–то анонимных недоброжелателей. Конечно, в такие моменты он часто испытывает гнев и по отношению к менее абстрактным персонам, которые вполне могут оказаться среди его слушателей. Но это вовсе не значит, что объекту его негативных эмоций в этот момент что–то угрожает. Максимум, что может позволить себе Нурсултан Назарбаев в такой ситуации — повысить голос, потребовать «еще более, еще настойчивее, активнее» и далее по тексту.

Чего нужно опасаться объекту президентского недовольства, так это какой–нибудь внезапной реорганизации, при которой он получит красиво звучащую, но лишенную властных полномочий и аппаратной силы должность. Или, например, ураганной разоблачительной газетной кампании, после которой жертва будет вызвана к президенту, и тот, участливо вздыхая, сообщит, что вынужден уступить нажиму «свободной прессы», но искренне ценит своего давнего товарища, друга, соратника … и тут как раз открывается посольство в Латинской Америке, и давний друг и соратник должен отправиться туда и переждать, пока гроза уляжется. (Хотя ради политической выгоды мой бывший тесть не то что старого соратника — как говорится, маму родную продаст и бровью не поведет).

На моей памяти президент Казахстана не уволил ни одного человека так, как это принято у профессионалов–управленцев: глядя человеку в глаза и объясняя причину. Наоборот, обычно он говорит, что он–то как раз хочет оставить беднягу в его кресле, но премьер или КНБ настаивают, и он ну просто не знает, что делать… Что это — восточная хитрость или боязнь «получить гранату», помноженная на жажду власти и сильную зависимость от кресла? Власть иногда сильнее наркотика. И власть имущий, не понимает прелести положения человека, свободного от гнета ответственности.

Для понимания психологии Крестного тестя хотел бы

привести следующий документ, составленный специалистами КНБ Казахстана.

Привожу его с сокращениями.

«Из психологического портрета Нурсултана Назарбаева» Типологическое название: ЛОГИКО-СЕНСОРНЫЙ ИНТРОВЕРТ 1.0 писание главных психических функций

«Его конкретные, установочные внутренние системы, суждения и понимания — они незыблемы. То есть изменить их может только он сам, и только под влиянием настолько серьезных внешних данных, которые отмести уже просто так невозможно.

В первую очередь они касаются не каких–то абстракных идей, а конкретной, повседневно возникающей деятельности. Все должно строго соответствовать своим ролям и местам. Каждому человеку — свое четко очерченное место с определенными правами, обязанностями и ответственностью. Приветствует и требует очень четких неукоснительных исполнений обязанностей, очень четкого соблюдения дисциплины, выступая заложником жесткости и четкости любых иерархических конструкций, которые логически обоснованы, с его точки зрения.

Ему присуща тенденция разделять людей на лагеря, на «своих» и «чужих». Тот, кто разделяет и принимает его концепции, соблюдает правила игры, тот становится своим. Если человек этого не принимает, то он чужой или враг. Такое внутреннее разбиение на своих и чужих достаточно фундаментально для него. И «своему» достается некая солидарная, опять–таки, логически и иерархически обоснованная поддержка и содействие. «Чужой» это враг, с которым нужно бороться и бороться реально, не на уровне идей, а на уровне конкретной жизненной борьбы за выживание. «Если враг не сдается, его уничтожают». «Цель оправдывает средства».

Ценности, убеждения:

«Важнейшим критерием правильности выступает не некая объективная подтвержденность, экспериментальная, фактическая, а непротиворечивость собственного суждения. Если он пришел к внутреннему обоснованию по какому–то вопросу, и оно не противоречит его убеждениям, значит оно истинно. Умело оперируя аргументацией, он может легко доказать свою точку зрения, или вообще не доказывая, требовать ее принятия, не взирая на мнения других. Его собственные мыслительные конструкции, базирующиеся на личном опыте, являются приоритетными и непоколебимыми. Факты остаются либо исходным материалом, либо подтверждением его точки зрения. Если что–нибудь продумал и поставил цель, то к ней идет, не взирая ни на что и ни на кого».

Адаптивные стороны, способы избегания стресса:

«Обладает естественно присущими навыками и умениями дипломатической, политической игры, пониманием мест и ролей, положений, умением взаимодействовать на статусном иерархическом уровне, четким чувством субординации.

Уделяет большое внимание вопросам имиджа, как на уровне поведения, соответствующего статусу, так и в манерах и в одежде. Является слабой харизматической личностью, но обучаясь и демонстрируя при случае качества организатора, лидера, умело компенсирует данный недостаток. Будучи авторитарной натурой, умеет при необходимости проявлять властность, жестко, вплоть до силового давления, маскируя ее демократичностью и либеральностью. Прекрасно ориентируясь в материальных стимулах поведения людей, использует их для достижения своих четких и конкретных целей. Его интеллект направлен на извлечение материальной выгоды для себя в любой ситуации.

Уровень благосостояния является важным инструментом воздействия на окружающих, но в то же время может быть достаточно непривередливым в вопросах быта, комфорта (когда это продиктовано необходимостью) и требовать этого же от тех, кто разделяет его убеждения. В этом плане люди могут расцениваться им как «винтики» в огромном механизме, для отлаженной работы которого их необходимо смазывать и подкручивать, либо заменять».

Уязвимость контекстом, речью и др. факторами:

«Какой я? Обладаю ли я способностями, соответствующими занимаемому месту? Какими качествами я обладаю как личность?» — это ключевые вопросы внутренней самооценки. В этой сфере могут развертываться внутренние переживания собственной неполноценности. Однако в этих вопросах он не имеет внутренней рамки для оценки самого себя. Такой рамкой может выступать социальная норма, ожидания окружающих. Для того, чтобы чувствовать себя полноценным, он должен осознавать социальные требования к нему как к личности, и на них ориентироваться. Но каковы эти социальные требования — он не находит однозначного ответа. Возникает постоянная внутренняя проблема: «Каким же мне человеком по своим внутренним качествам, по своим способностям, по своим талантам, каким мне нужно быть?»

«Ответа эти вопросы не имеют, и это продуцирует какие–то проблемы, конфликты, внутреннюю неуверенность и умственную рефлексию. Естественно, эта тема никогда ни перед кем не разворачивается, она скрываемся от всех. Вопросы, адресованные к нему, к его внутренним качествам, критика. Советы и

комплименты, — все >ю воспринимается не по факту, а воспринимается как некое внимание к его внутренним качествам, что может создавать напряжение. Таким образом, исходный момент — отсутствие уверенности в полноценности своих ннутренних качеств. Отсюда вытекают возможные разногласия. К этим вопросам допускаются только избранные люди. Только избранному человеку разрешается обе уждать его личные способности, промахи и ошибки, к чему он очень чувствителен (хотя и не показывает этого).

Будучи неуверенным в оценках своих качеств и потенциальных способностей, он также не уверен и в оценке других. Неадекватно оценив характер и поведение другого, он может слепо идти на поводу чьих–то рекомендаций в оценке ситуации, перспективности человека или идеи, или напротив — быть слишком недоверчивым и осторожным в такого рода оценках».

Мотивирующие и суггестивные факторы:

„..Вопросы личных отношений и чувств играют второстепенную роль в его поведении. Оттенки эмоционально–чувственного отношения: нравится — не нравится, симпатизирует — любит, не любит, ненавидит — эти категории вообще не считаются важными. Они не имеют веса в установлении отношения к человеку, здесь главным является взаимопонимание, уважением, дисциплинированность, ответственность. Для него важна однозначность и ясность тех чувств, которые к нему испытывают. Симпатии и антипатии либо игнорируются, либо, если он их отмечает, не воспринимаются им как основы взаимодействия. При этом, невольно, люди, несущие в себе и генерирующие яркие положительные настроения (смехом, улыбками, жизнерадостностью, шутками и пр.) оказывают большое влияние на его настроение. Такого рода подпитка положительными эмоциями очень важна для него. Сам он в вопросах управления настроением может оказаться совершенно беспомощным и неосознанно благодарен тем, кто дарит ему хорошее настроение. В этом плане он понимает, что эмоциональный заряд (человека, группы людей) является важным мобилизующим фактором, который необходимо учитывать.

Его привлекает все фундаментально старинное, древнее, исторически устоявшееся. По сути дела, любая ситуация, любая традиция, любая вещь, которая несет в себе отпечаток древности и времени, оказывается предсказуемой за счет проверенности временем, так как для него очень важными являются вопросы предсказуемости и аналогичности ситуаций и событий..»

2. Контекстуальное описание Межличностное общение:

уязвимость, мотивирующие и суггестивные стороны взаимодействия

«… В общении четко соблюдает дистанцию, стремится всегда завоевать право главного голоса. Любит дискуссии, но не абстрактные, по конкретным вопросам. Может терять нить рассуждений, если она уходит в абстрактные повествования. Тот, кто предает (не разделяет его представлений), переходит в другой лагерь его врагов, становится чужим, с которым допустимо самое жесткое подавление и наказание. С близкими людьми может позволить себе фамильярность, расслабиться, особенно, если они эмоционально активны, и принимают его приоритет как лидера.

Работа: отношения в системе начальник–подчиненный, подчиненный–начальник, коллегиально–независимые

«Будучи руководителем, с подчиненными строг, требователен к отчетности до мельчайших деталей, не прощает фамильярности, фальши и обмана.

Важной потребностью является предсказуемость, понимание сценария, по которому может развертываться то или иное событие. Задаваясь таким вопросом, он, с одной стороны, открыт и легко приветствует такого рода прогнозы, готов к их всестороннему обсуждению, а с другой стороны, может оказаться внушаем, так как не уверен в правильности собственных прогнозов.

Не умея и не чувствуя за собой возможности контролировать, регламентировать, организовывать временные ресурсы, завидует другим людям, которые могут решать эти вопросы»

Глава 13
Как мы дошли до Астаны

«В созидании городов видел я одно расточение государственныя казны, нередко омытой кровию и слезами моих подданных. В воздвижении великолепных зданий к расточению нередко присовокуплялося и непонятие об истинном искусстве.»

Александр Радищев, русский писатель

Я тоже жил в этом городе. Я тоже ходил по этим бездушным улицам, пытаясь найти ответ на вопрос «за что нам послано такое испытание?» Я тоже видел эти полчища саранчи, которые застилали небо и асфальт. Переносил сорокоградусную жару летом и сорокоградусный мороз зимой, с бураном. Как и все семьсот тысяч жителей этого города, поражался беспощадности степных ветров.

Я смотрел на эти проспекты и высотки и пытался представить будущее величие этого города. Вместо величия я видел миллиарды украденных у народа и закопанных в эту неблагодатную землю бюджетных денег.

Этот город нужен только одному человеку. Это его пирамида. Пирамида Нурсултана первого. В буквальном смысле. Наподобие египетских фараонов он решил построить себе рукотворный памятник. Город–мираж, который назовут его именем, и где уже стоит пирамида для него.

Мы уже заплатили за эту прихоть огромную цену — нашими налогами в виде денег и людскими судьбами. Мы обескровили бюджет. Мы могли быть богатой процветающей нацией, но вместо этого бросили все силы на то, чтобы один человек почувствовал себя Главным Архитектором — Прорабом.

И этому придет конец. Люди не живут в пирамидах — они возят туристов посмотреть на эти памятники чьего–то властного самолюбия. Но пока это безумие продолжается, нам важно ответить на главный вопрос: Как мы дошли до Астаны.

Наша старая столица Алма — Ата устраивала всех, кроме одного человека. Но именно этот человек имел в руках достаточно власти, чтобы все изменить. Одной его прихоти было достаточно, чтобы мы оставили цветущий город и отправились туда, где зимой сорокаградусный мороз, летом — сорокаградусная жара, а весны и осени просто не бывает. Как это произошло?

Официальная пропаганда так и не смогла внятно объяснить, зачем было бросать обжитой оазис и закапывать бесчисленные

миллиарды в степь, где приспособленного для жизни города все равно не построишь. Потому что люди всегда разбивали свои стоянки только в тех местах, где для этого есть топографические условия: в излучинах рек, у подножий гор — там, где можно найти укрытия от ветров и недругов.

Эту науку человечество освоило тысячи лет назад, и великие города стоят на местах древних стоянок, присмотренных еще нашими далекими предками. Но потом пришли коммунисты, которые о комфорте своих сограждан не беспокоились. Им потребовалось поднять целину, и они отправили людей в голую степь, где разбили на всех ветрах «город целинников». Так появился Целиноград — город, в который никто не стремился переезжать.

Еще раньше, в сталинские времена, эти непригодные для жизни места выбрали архитекторы «ГУЛАГа», чтобы разбить здесь печально знаменитый «АЛЖИР — акмолинский лагерь для жен изменников родины». Это потом наша пропаганда стала переделывать казахский язык и уверять нас, что название стоянки, выбранной президентом для новой столицы, переводится как «святыня». Откуда святыни в этих местах? А вот могил здесь было много …

Так появились все неприютные поселения Центрального Казахстана — вокруг рудников, карьеров, лагерей и химических комбинатов. И если у государства появились деньги, чтобы потратить на переезд, их нужно было тратить как раз на то, чтобы увозить людей отсюда — из мест, где вольный человек никогда не разбивал стоянку.

Центр нашей страны непригоден для поселений. Чтобы поддерживать жизнедеятельность городов и поселков, искуственно построенных здесь в коммунистические времена, бюджет ежегодно теряет миллионы и миллионы долларов. Но это все равно, что поливать из дырявого ведра: никакие деньги не могут исправить ландшафт и погоду. Все эти территории остаются депрессивными, работа сюда не приходит, и молодежь сама находит деньги, чтобы перебираться отсюда на юг или на восток.

Нам действительно нужно было строить новые города — но именно на плодородных восточных землях и на благословенных южных, и именно для того, чтобы перевозить сюда людей из депрессивного центра.

Вместо этого по приказу одного человека мы бросили зеленую Алма — Ату и отправились, как первоцелинники, осваивать непригодные для жизни акмолинские кварталы.

ЗАЧЕМ?

Официальная пропаганда пыталась выдать свои беспомощные объяснения.

Нам пытались рассказать, что так мы увозим столицу в безопасное место, подальше от китайской границы. Разумеется, никто в коридорах власти всерьез «китайскую угрозу» не рассматривал.

Нам доказывали, что все страны на планете стараются разместить столицу поближе к центру, подальше от враждебных границ. Глобус, правда, дает другую информацию, но когда пропаганду это беспокоило. Но если бы и так, с нашими бескрайними территориями такая практика все равно теряет всякий смысл: какой–нибудь Амстердам отстоит от немецкой границы примерно также, как наш пограничный поселок «Дружба» от соседнего Китая.

Еще одна версия — землетрясения.

Еще одна — что нужно укреплять русскоговорящий север, который якобы может отколоться и прибиться к России.

Когда сказать нечего, говорят много: лист официальных объяснений состоял из нескольких десятков пунктов. Назарбаев дал команду поддерживать переезд. И понеслось: благодарная интеллигенция, депутаты, журналисты, различные эксперты обосновывали целесообразность перевода столицы. Разумеется, эти объяснения никого не убеждали — ни в самой стране, ни за рубежом. Сколько раз я встречался с иностранными коллегами, друзьями и знакомыми, столько раз мне задавали этот вопрос: что же на самом деле произошло? Ведь есть какая–то реальная причина, которая заставила вас перевезти столицу в такое неподходящее место?

Такая причина есть, и я ее знаю.

Но сначала стоит сказать о том, что нас погнало в Астану. Нас заслал туда страх.

Мы все боялись проявить свое неповиновение перед человеком, который набирал все больше и больше власти. Уже тогда, в 1994-м году, когда президент впервые высказал странную идею с переездом, было понятно, что стоять на пути паровоза — себе дороже. Хотя тогда еще сложно было представить, какая судьба ждет будущих оппонентов нашего демократического режима.

Тогда еще можно было обсуждать и спорить. Сегодня в это уже сложно поверить, но когда–то президенту Назарбаеву приходилось убеждать парламент и тратить на это дни и недели.

Как вспоминает сам президент:

«В 1994 году именно 6 июля в Алма — Ате Верховный Совет Республики Казахстан принял решение о переносе столицы в

Акмолу. Об истории переноса столицы много написано. Мне было нелегко убедить в этом наших парламентариев. Как вы помните, мы тогда переживали трудные времена, не выплачивались своевременно пенсии и зарплаты. И после длительных переговоров и встреч именно 6 июля я вновь поставил этот вопрос перед депутатами Парламента.

Обсуждение длилось целый день, к исходу которого один из депутатов сказал: «Давайте не будем огорчать Президента в день его рождения и сегодня примем это решение, а перенос столицы наверняка произойдет еще нескоро, лет через 50».

(Пресс–конференция президента по случаю дня столицы, 2007 год. Источник: официальный сайт президента http://www.akorda.kz/)

Вот так у нас принимаются исторические решения: чтобы не огорчать президента в день его рождения. Вот так была решена судьба сотен тысяч людей и десятков миллиардов долларов.

И все–таки те первые годы независимости вспоминаются уже с ностальгией: тогда у нас еще существовало подобие настоящего разделения властей. Каждый депутат представлял свой избирательный округ, мы знали имена своих представителей, законодательное собрание обсуждало законы, прежде чем их принять. В парламент могли еще «просочиться» независимые депутаты, чьи кандидатуры не были одобрены президентом и его аппаратом.

Кто мог представить, что через десять лет все скатится к однопартийному парламенту, выполняющему функцию рядового отдела из администрации президента. Сейчас все было бы значительно проще: руководитель президентской администрации позвонил бы спикеру Парламента и сказал тому, что нужно проголосовать за переезд. И депутаты (все как один члены «Нур — Отана») единогласно проголосовали бы за пять минут.

А теперь — к главному. Я обещал рассказать о причине, которая заставила президента оставить свежеотстроен–ный президентский комплекс на улице Фурманова в Алма — Ате (в здании, которое задумывалось сначала как Музей Владимира Ленина) и отправиться на берега Ишима.

Он просто боялся народных демонстраций. Ему нужна была неприступная крепость, вдали от людей. И прежде всего — вдали от либеральной и свободолюбивой Алма — Аты.

Прежде всего ему хотелось уехать отсюда.

Вопрос куда был вторым, но не менее важным. Глава нации искал место, которое в силу своей удаленности представляло бы собой естественную крепость, которая отгородила бы его от народа Казахстана. Неприютная Акмола, заброшенная в центр

Казахстана и защищенная Ишимом, оказалась идеальным местом.

Это для нас выбор казался странным. Но если знать реальные критерии поиска — согласитесь, он вполне логичен. Президент не искал землю обетованную для нас. Он создавал фортификационное сооружение для своего Президентского Дворца.

Интересно, что его гнал в эти степи тот же СТРАХ, который привел сюда и нас. Просто мы боялись его, а он боялся нас, свой собственный народ. Такова участь любого диктатора: всю жизнь проводить в убеждении, что облагодетельствованный народ его действительно любит и боготворит — и в то же время, на всякий случай, отгораживаться от любящего народа все новыми слоями охраны.

Мобуту Сесе Секо плавал по реке Заир на корабле, который служил заодно президентской резиденцией — так заирскому лидеру спалось спокойнее: от народа его отделяли волны великой реки. У нас нет великих рек, зато есть великие просторы. Вот ими и решил воспользоваться наш лидер.

Одно дело сидеть в своем кабинете в центре Алма — Аты, этого непослушного и так и оставшегося чужим и непонятным президенту города. Причем сидеть в ста метрах от проезжей улицы, когда от людского потока тебя отделяет только хилый слой охранников. В любой момент эту улицу могут запрудить десятки тысяч недовольных, и никакие танки подогнать не успеешь.

И совсем другая картина, когда отдаешь приказы с безопасного расстояния, когда тебя отделяют от сограждан река, бескрайние степи и бойцы внутренних войск МВД, Спецназа КНБ «Арыстан» и, конечно, удивительно разросшаяся до 10 тысяч служба охраны самого президента. Вот это уже настоящая безопасность.

Надо признать, что Крестный Тесть выбрал идеальное место для осуществления своего замысла. Акмолинск — городок захолустный, вскоре каждый второй здесь будет чиновник (или член семьи чиновника) — а эта публика революционным настроениям обычно не подвержена. Но даже если кому на правобережье вздумается уличные собрания устраивать, то достаточно перекрыть мосты — и тогда до левого берега недовольным придется вплавь добираться.

А если река скована льдом, то здесь уже Генерал Мороз надежную охрану дает: когда за окном минус тридцать, да еще шквальный ветер, лучше глушить недовольство водкой на кухне, чем идти на улицу митинговать.

Но в Астане живет от силы четыре процента всего населения

страны. И живут если не с комфортом, то в относительном достатке. А на остальные девяносто шесть процентов можно уже внимания не обращать — до Астаны они не доберутся. Потому что идти придется по трассе из Караганды, а ее полиции отрезать еще легче, чем мост перекрыть.

Конечно, вы можете пойти законным путем и подать заявку на проведение общенациональной акции протеста у ворот президентского комплекса, но тогда вас упекут в психушку — и, надо признать, не без оснований. Потому что никто в здравом уме такого делать не будет.

У президента же были свои основания побаиваться народных выступлений. Он видел в декабре 1986-го, как полыхнуло недовольство и как быстро ситуация вышла из–под контроля властей. Тогда это сыграло в его пользу, ведь он только шел к власти, но фантомный страх перед толпой протестующих остался. И завтра такая же демонстрация могла пойти уже против него, правителя независимого Казахстана. И после 91-го года рассчитывать на помощь Москвы, с ее всесильным КГБ, не приходилось.

А потом был Новый Узень, где власть просто ввела внутренние войска МВД и погасила пламя народных волнений пулями. Город блокировали, трагедию замолчали.

Позже такой же сценарий повторится в узбекском Андижане, и об этих событиях будет говорить весь мир. А Нового Узеня как будто не существовало. Остались только безымянные могилы, месторасположение которых строго засекречено КНБ и МВД (архивы по указанию Президента уничтожены). Еще долго министр внутренних дел Сулейменов эксплуатировал на этой бойне со своим народом. Что он сам, якобы без Назарбаева, принял решение воевать с демонстрантами. Назарбаев до сих пор держит Сулейменова при себе. Ведь он с тех пор повязан кровью казахских демонстрантов, выходцев из западных регионов страны.

Но власть была напугана. В отличие от граждан, она знала все страшные подробности тех событий, и желание изолировать себя от народа укрепилось еще сильнее.

Однако настоящий страх пришел намного позже, когда новая столица уже возвела свои фортификационные сооружения на левом берегу Ишима. Сначала грянули цветные революции в Грузии и Украине. Сразу следом Аскар Акаев покидает президентский кабинет в митингующем Бишкеке. В Астане паника. Чем выше кабинеты, тем сильнее уверенность, что очередная цветная революция вот–вот охватит и наш Казахстан. Вот тогда президент не уставал повторять в узком кругу, что он был трижды прав, перенеся столицу в безопасное место.

И все–таки из Алма — Аты президента гнал не только страх. Еще ему досаждало все возрастающее чувство дискомфорта. Потому что здесь он не чувствовал себя защищенным не только от простых граждан, спешащих по своим делам по соседним улицам, но, что еще хуже ему досаждала местная элита. Приходилось тратить часы на утомительные разговоры со старейшинами, с интеллигенцией, с влиятельными людьми. И каждому приходилось давать какие–то обещания, а некоторые из них потом даже выполнять.

В таких условиях — одно название, что «авторитарный», I на самом деле даже непонятно, кто от кого зависит. И ведь не откажешь во встрече, нельзя обидеть уважаемого аксакала — уважаемого старейшину. По неписанным казахским законам — Старших нужно чествовать, с писателями общаться, родственников и земляков выслушивать. А все его визави от разговоров с высоким лицом только добавляли себе влияния, отщипывая по кусочку от пирога Его власти.

Этому нужно было положить конец. Но Алма — Ату не изменишь, здесь он всегда был бы в заложниках уже сложившейся клановой системы. Единственный выход — бежать, «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». А вместе с собой увезти в эту глушь и столицу. А всю эту интеллигенцию, старейшин и уважаемых оставить позади, и пусть они друг с другом сколько угодно собираются.

Что было дальше, мы все знаем. Те, кому повезло больше, наблюдали за историей со стороны. Нам, государственным служащим, пришлось пережить ее на своей шкуре. Вы тоже в сорокаградусный мороз не могли открыть дверь дома, потому что ее придавило шквальным ветром? Вы тоже наслаждались качеством воды в душе, после которой автоматически становишься клиентом клиники «Hair Transplant»? Вы тоже поражались обслуживанием в этих ресторанах? Значит, это были мы с вами, те кто творил эту историю — ради того, чтобы один человек, наконец, почувствовал себя в комфорте и безопасности.

И он почувствовал. Теперь для уважаемого человека попасть в Астану, в высочайший кабинет — это уже исполнение мечты. А проделав такой путь в тысячу километров, он уже никаких наставлений давать не будет, как эно случалось раньше — он будет только благодарить «за наше счастливое детство». Ну, может быть, попросит под конец новую квартиру и стипендию «Болашак» для дочери, но это несложно, это можно помощникам поручить — если, конечно похвалы старейшины были достаточно изобретательны. А то ведь в последнее время всё сложнее что–то новое услышать — сплошные «великий хан», «отец нации» да

«хозяин».

К президентскому дворцу нельзя подъехать на машине. Хотите попасть в наш Тадж — Махал — извольте выйти из авто и пройтись полкилометра пешком. Дождь, ветер — а вы терпите. Вам дают понять, что власть сакральна, она выше вас, вы не можете добраться до нее ни на такси, ни на своем персональном лимузине.

Вот теперь управлять этой страной — одно удовольствие. Астана уже достаточно фортифицирована, бюджет накачан нефтяными деньгами — можно ни на Запад не оглядываться, ни на своих граждан. И депутаты уже не спорят. Лучше того, они теперь сами соревнуются, кто быстрее и точнее предугадает желания владыки.

Он ведь их и не просил вписывать в конституцию строку, что два срока положены любому, кроме Него — первого неизменного президента. Он был даже против такой поправки. Но «независимые депутаты» все сделали сами, умницы. А потом пустили себе пулю в голову и самораспустились. Вот это порядок.

Вот это и есть Проект Астана в действии. Ради этого и закапывались в землю наши народные миллиарды.

Любой правитель, который пробыл на троне слишком долго и который забрал в свои руки слишком много власти, хочет верить, что он действительно Избранный и, непременно, Всевышним.

Он хочет верить, что народ действительно любит его так, как расписывает правительственная пресса и как поют придворные лизоблюды. Ему хочется войти в историю не тираном, а просветителем. Но поскольку надеяться на благодарность потомков — дело рискованное, он начинает строить себе памятники уже при жизни.

Наш правитель решил, что его пирамидой будет Астана. Он начал строить этот город как крепость, где чувствует себя за каменной стеной — он искренне уверовал, что строит для Казахстана свой Петербург. И что благодарные потомки будут с благодарностью вспоминать его имя каждый раз, как будут произносить название казахской Пальмиры, а его сравнивать с Петром Первым.

Разумеется, он назовет столицу своим именем уже при жизни. Вернее, он будет противиться этому — также, как сопротивлялся своему пожизненному президентству, — но и в этот раз ему не удастся остановить волну народного волеизъявления. Сначала выступит какой–нибудь заслуженный. Потом пойдет волна писем в «КазПравду» от народных писателей, надеющихся на очередную подачку из–за президентского забора. А потом соберется неподконтрольный парламент и проявит свою

принципиальность.

Вот так появится на карте новое название — Нурсултан — Ата, например. Вопрос только в том, как долго оно на карте продержится. Понятно, что недолго, конечно.

Эта глава была написана ДО выступления Сата Токпак–баева. Как видите, сценарий уже начал приводиться в исполнение.

Такова судьба любого диктатора: он может контролировать пространство и быть всесильным правителем своей территории, но ему неподвластно время. Он может воздвигнуть себе памятники и вписать свое имя в учебники истории — но только на время своего правления. И он не сможет ни испугать, ни подкупить потомков так, как он делает это со своими современниками.

Потомки будут судить по заслугам. И они сами перепишут свои учебники — тирана назовут тираном, а борцам за свободу воздадут должное.

Поэтому настоящий вопрос в том, что делать с пирамидами Назарбаева, как только у руля нашей страны встанет «второй президент Казахстана». Сегодня в это даже сложно поверить, но такой день придет, и к нему стоит готовиться уже сегодня. Ведь обмануть биологические часы не удавалось еще ни одному диктатору.

За каждое удовольствие нужно платить, это нормально. Ненормально, когда за удовольствие одного человека расплачивается весь народ.

Здания не вырастают из земли, как грибы. Строительство всех этих Зажигалок, Ведер и Байтереков было оплачено каждым гражданином из своего кармана. Вы верите в зарубежные фонды, которые финансируют строительство Астаны? Верите, что средства приходят от арабских принцев?

Сначала деньги выводятся из страны, и только затем часть из них возвращается, чтобы быть израсходованной на очередные архитектурные идеи нашего президента. Любой человек, который провел в своей башне из слоновой кости слишком долгое время, начинает считать каждую свою мысль гениальной. Тем более, что его уверяет в этом стройный хор придворных лизоблюдов и ковровой прессы.

Туркменбаши — покойный лидер Туркменистана собирался рыть озеро в пустыне. Крестный Тесть придумал накрыть часть Астаны стеклянным колпаком. Такие люди не знают слова «нет». И с годами просто превращаются в капризных разбалованных малышей.

Чего на самом деле стоят гениальные архитектурные идеи нашего президента (причем слово «стоят» приходится употребить

в буквальном значении)? Любая постройка на акмолинской земле стоит двойных денег. Потому что фундамент, какой можно заложить в городе Шымкенте, здесь не пойдет — его нужно укреплять, а сваи забивать на такую глубину, чтобы они достали до твердых пород.

Но возвести здание — это только начало трат. Дальше начинаются постоянные расходы на его поддержание. Протопить квартиру в Астане стоит вдвое дороже, чем в Алма — Ате. И эти расходы государство с удовольствием перекладывает на жителей, которые платят за удовольствие жить в этом бессмысленном городе двойные коммунальные тарифы.

Но настоящйю цену за эту авантюру предстоит платить следующим поколениям. Например, в 2008 году в бюджет города Астана поступило из госбюджета республики 222 млрд. тенге. Именно они будут расплачиваться своим здоровьем и своими судьбами за непостроенные больницы, школы, детские сады и институты, за развaленную сельскую медицину, за пришедшую в негодность инфраструктуру городов, за разоренную социальную инфраструктуру во всех других регионах Казахстана. Этот список можно продолжать бесконечно.

В то время, как человек, почувствоваший себя Великим Казахским фараоном, строил свою пирамиду, остальная страна медленно приходила в запустение. Классический сценарий из учебника истории.

В условиях углубляющегося финансового кризиса Казахстану грозит резкий рост социальной напряженности, который может привести к резкому разделению народа на богатых и бедных. По данным ООН, около четверти населения республики (из 16 милионов) живет в бедности.

В Аргентине, когда был обьявлен дефолт, долгов было 128 млрд. долларов США, а ВВП 256 млрд. долларов США или 50 % от ВВП. На Украине долгов 111 млрд. долларов США и ВВП — 333 млрд. долларов США или 33 % ВВП, и ей предсказывают дефолт. Но у нас в Казахстане внешних долгов более 105,5 млрд. долларов США, а ВВП около 135 млрд. долларов США или 80 % ВВП, и вроде дефолт не предвидится. Так ли это на самом деле? Покажет время.

Что нам делать с Астаной?

Конечно, столицу нужно возвращать. Страна должна управляться из ее интеллектуального центра, а не из отстроенных в степи люксовых башен. Если рассматривать власть как раздачу национальных ресурсов и сбор дани, тогда подходят и астанинские укрепления. Если руководство — это просто отдача распоряжений послушной безголосой массе, то это можно делать

на манер Чаушеску, воздвигшего себе крепость посреди нищего Бухареста (аналогия невеселая, но что поделаешь).

Но если власть — это ответственность за управление страной, возложенная гражанами на избранных ими руководителей, тогда крепости не годятся. Если цель власти — не личное обогащение, а приумножение национальных богатств, модернизация экономики, развитие системы социальной защиты, поддержание и развитие инфраструктуры и так далее, и так далее, то центр управления должен располагаться в настоящей столице.

Это в Германии можно перевезти Hauptstadt в любую деревню, потому что вся страна охвачена одинаковой инфраструктурой — повсюду есть широкополосный Интернет, проложены дороги, каждый час ходят поезда. Переезд не означает для чиновника переселения на другую планету.

У нас же отсутствие такой структуры умножается на расстояния. В итоге наши коридоры власти начинают напоминать детский сад или инкубатор — средний возраст работников опустился уже годам к двадцати пяти. Потому что свежий выпускник института легче согласится паковать чемоданы, чем сорокалетний специалист. Да и выпускник сначала проверит все вакансии в частных компаниях, включая сотни западных представительств, и только потом отправится на государственную службу.

А для государственного управления молодость — это не всегда главное из качеств. Еще ценится опыт, который можно приобрести только за долгие годы кропотливой работы в избранной сфере — за пределами правительственного комплекса.

Осталось ли в Алма — Ате место для правительства? А куда оно могло исчезнуть? Еще двадцать лет назад коммунистическая партия успешно управляла Казахстаном из этого города. Хватало места и для Центрального комитета, и для всех министерств, и Верховный совет с обкомом помещались, и вдобавок комсомол сидел.

А коммунистов можно было обвинять в чем угодно, но страной управлять они умели. Все было у них под контролем, все распланировано. И если сегодняшний аппарат управления не может уместиться на старых площадях, значит, он просто раздут.

В отличие от египетских пирамид, наши новостройки не привлекут туристов со всего мира. Этим строениям нужно найти более утилитарное применение.

Мы можем превратить Астану в современный университетский город.

Чтобы развиваться дальше как нация и как государство, мы должны поднимать из руин науку и образование. Академии наук

в Казахстане не существует — ее разогнали. Причем не только ради того, чтобы отдать комплекс зданий в самом центре Алма — Аты частному вузу президента Назарбаева, под звучным названием Казахско — Британский Технический Университет под патронажем средней дочери Динары Кулибаевой. Эта недвижимость, конечно, была лакомым куском, но еще одна причина уничтожения Академии — отношение к ученым.

Просто наш президент не чувствует себя комфортно в интеллектуальной среде. Не потому, что сложно разговор поддерживать, а потому что видит в ней потенциальный источник якобинских настроений. Институты и научные центры всегда имеют повышенный естественный фон свободомыслия: так уж получилось, что образованного человека сложнее загнать в ярмо.

Советские лидеры справлялись с этой проблемой мудрее. Они просто закачивали в систему образования и науки огромные массивы марксистского балласта и промывали мозги каждого студента историей КПСС. В большинстве случаев срабатывало. При этом не приходилось разгонять фундаментальные науки и сажать на голодный паек университеты. И средний уровень советского образования не то что не уступал европейскому, а во многих случаях опережал его.

В независимом Казахстане с проблемой свободомыслия справились проще — методом ликвидации его источников. Но каковы бы ни были причины, результат уже очевиден: нынешняя система отечественного образования не способна обеспечить страну высококвалифицированными кадрами; экономика растет только за счет нефтяных вливаний, мы по–прежнему не способны развивать конкурентоспособные высокотехнологичные направления.

Если мы по каким–топричинам лишимся нефтяных поступлений (например, рыночная цена упадет ниже себестоимости), страна быстро погрузится во мрак. На самом деле мы не преодолели экономический кризис, мы просто перепрыгнули его на волне высоких цен на наше сырье. Мы распродаем национальные богатства и живем за счет будущих поколений. До 2030 года еще далеко, а потом — хоть потоп. Но это темы отдельных глав, нам же пора возвращаться в нашу дорогую Астану.

Те огромные площади, которые высвободятся в бывшей столице после возвращения властных институтов на родину в Алма — Ату, должны сослужить нации добрую службу. Они могут стать инкубатором отечественной науки и образования.

Современная наука развивается в университетах, это правда. Помните, именно этот аргумент приводила нам официальная

пропаганда, когда ликвидировали Академию. Лукавство заключалось в том, что для этого требуются университеты совсем другого типа, чем те, которыми мы располагаем.

Если взять педагогический институт и гордо переименовать его в университет, качество образования от этого не изменится — он так и останется институтом. Так мы наплодили массу бумажных «высших учебных заведений», но эти названия никого не обманывают.

Современный университет — это научно–учебный конгломерат. Это лаборатории, библиотеки, аудитории и исследовательские центры, собранные в одном месте. Это десятки миллионов долларов, которые тратятся на научные проекты, в том числе те, что не имеют практического значения.

Но такие конгломераты требуют не только денег — им нужно пространство, нужны корпуса, кампусы и исследовательские площадки. Вот их как раз и может предоставить освободившаяся от бремени власти Астана.

Здесь поместится Большой Казахский Университет, который мы должны создать. Это будет единый научно–образовательный центр международного значения. Здесь должны быть собраны все науки — от медицины до космических исследований, от истории до экономики. Здесь будут получать образование студенты не только со всего Казахстана, но также из–за его пределов — из Сибири, Центральной Азии и Китая, прежде всего.

Нужен ли нам такой проект?

Это зависит от наших амбиций. Если мы согласны окончательно занять место в задних вагонах цивилизации, довольствуясь копейками, которые мы выручаем за продажу наших богатств, то можно жить и с потешным «университетом имени Льва Гумилева». Если нам достаточно нашего нищенского — по мировым меркам — национального бюджета, то можно все оставить как есть, в сфере науки в том числе. Если нас устраивает перспектива, что абсолютное большинство наших детей не сможет получить образования мирового уровня в Казахстане, то можно молчать и дальше.

Но, может быть, у нас будут другие планы. Возможно, мы захотим, чтобы образование было для наших детей не роскошью, а обязанностью. Может быть, нам надоест роль продавцов воздуха, и мы займемся собственной индустрией.

Вот в этом случае Большой Казахский Университет будет нам необходим.

Можем ли мы поднять такой проект?

Конечно, можем. Для этого требуются амбиции, деньги и грамотное управление. Представим, что амбиции вернуться в

число образованных стран у нас появились. Где мы возьмем деньги? В бюджете.

Мы не богатая страна, как нас пытается заверить официальная пропаганда. По современным меркам мы бедны: среднегодовой душевой доход на уровне отсталой африканской страны и бюджет ниже, чем у штата Иллинойс. Это не позволяет нам записать себя в число благополучных или как принято говорить «конкурен–тноспособных» государств.

У нас нет средств, чтобы поднимать экономику других государств. А чем занимаются сегодня наши госкомпании и банки? Они вкладывают миллиарды в экономику Румынии, России, Киргизии или Грузии. Вместо этого мы должны использовать те доходы, которые мы получаем сегодня от распродажи нашего сырья, для вложений в самые важные сферы: медицину, образование, социальную защиту.

Это не вопрос филантропии, речь идет о прямых государственных интересах: больное и необразованное общество никакой экономики не построит. У такого общества просто нет будущего. Именно поэтому нам надо создать условия для молодых людей, выдавать им кредиты на жилье, а семьям — пособия по 500 евро на каждого ребенка ежемесячно в течение первого года, как это делают, например, в Австрии.

Что это нам даст?

Давайте представим, что все эти гигантские сооружения заселены не чиновниками и не менеджерами госкомпаний, а студентами, исследователями и преподавателями. Конечно, мы должны собрать здесь весь цвет казахской науки — но нам потребуется также помощь зарубежных ученых и преподавателей.

Такая концентрация знаний на нашей территории даст результаты сама по себе. Компания Google, например, рекрутирует на работу самых талантливых выпускников университетов со всего мира, вне зависимости от их специализации. Там считают, что главное — это собрать вместе умных людей, а применение им всегда найдется. Американская Google стала в результате самой дорогой компанией планеты — значит, стратегия срабатывает.

Мы же, построив университет международного уровня, добьемся вполне конкретных результатов. Во–первых, сделаем образование доступным. Сегодня ближайшее место, где можно получить конкурентоспособное высшее образование — это Пекин. Или более привычная Москва. Но в любом случае молодому человеку в поисках престижного университета нужно покинуть страну — если он может себе это позволить, конечно. В противном случае шансы на успешную карьеру резко

сокращаются. Но все изменится, как только в Астане заработает Большой Казахский Университет.

Во–вторых, мы, наконец, добьемся цели, на которую наши власти потратили уже огромные деньги, но ни йоту к ней не приблизились: мы сделаем Казахстан известным за его пределами. Сегодня мы можем с утра до вечера крутить на CNN ролики «приезжайте в Казахстан» — никто к нам не приедет, потому что незачем. И совсем другое дело, когда в нашу страну можно будет приезжать за знаниями, когда здесь можно будет проводить научные конференции, обмениваться опытом и получать кафедры.

В-третьих, мы получим квалифицированные кадры для страны, которые придут в отечественную науку, в экономику, в органы управления.

В-четвертых, мы начнем привлекать в страну деньги, поскольку современное образование — это большой бизнес.

Конечно, хотелось бы обеспечить для такого университета более привлекательные климатические условия — но не мы выбирали место для нынешней столицы …

Глава 14
Кто и как зарабатывает деньги на Астане

Беджет Пакколи и его скандально знаменитая швейцарская строительная фирма «Мабетекс».

Пакколи появился в Астане в 1995 году, когда о его сомнительной репутации и странных сделках, например, подряде на реконструкцию Кремля на сумму 300 миллионов долларов, не писал только ленивый. Албанец, замечательно ориентировавшийся в коридорах российской власти, друг ельцинского кремлевского управляющего делами Павла Бородина, сумел доказать Нурсултану Назарбаеву и его «правой руке», управляющему делами Владимиру Ни, что он именно тот человек, который им нужен, он выполнит все их требования. А еще крайне важно, что он говорит по–русски, значит, можно договариваться с ним напрямую по такому ключевому вопросу, как «откаты–взятки».

Требования были простые. Подрядчик выигрывал тендер на строительство какого–нибудь объекта в новой казахской столице. Затем получал предоплату из бюджетного финансирования, тратил на строительство объекта семьдесят–восемьдесят процентов от полученной суммы, а остаток либо переводил на оффшорные счета, либо строил объекты, передававшиеся в частную собственность президента и его ближайших подельников.

Не стоит удивляться, что на столь привлекательный бизнес, как застройка нового города в тяжелых климатических условиях (что подразумевает, прежде всего, что заказчик не склонен к чрезмерной экономии) не обратили внимания мировые строительные гиганты. Компании уровня «Samsung» или «Skanska» вынуждены работать в условиях жесткого финансового контроля, и вольности с «откатами» и левыми схемами их сразу отпугивают. Зато дельцов вроде знаменитого албанца Беджета Пакколи именно эти вольности и привлекают в нашей холодной северной столице.

Швейцарская фирма Mabetex из Лугано работает в Казахстане с 1996 года. Тогда она выиграла тендер на строительство новой столицы, которое было поделено на две фазы. Первая фаза завершилась 10 октября 1998 года. В нее вошла сдача под ключ около двухсот тысяч квадратных метров правительственных офисов, резиденция президента, здания парламента и банковских учреждений.

Вторая фаза включала строительство новой резиденции президента «Ак — Орда» на левом берегу Ишима, министерства экономики, торгового центра и первую стадию возведения аэропорта. Помимо этого, с легкой руки Токаева, тогдашнего министра, компания построила здание Министерства иностранных дел. Об истории, связанной с «комиссионными» по этому проекту, я расскажу в другой книге.

Резиденция президента на левобережье была отстроена и успешно запущена в конце 2004-го. Осталось построить акимат–мэрию, детскую больницу, бизнес–центры.

В апреле 1999-го компания выиграла тендер на реконструкцию ЦУМа (приблизительная стоимость — 20,5 миллиона долларов). Но в том случае Mabetex действовала не как исполнитель, а как инвестор. После финансовых инъекций она приобрела контрольный пакет в 93 процента в компании, руководящей ЦУМом. Получилось, что Пакколи получил крупнейший магазин в столице Казахстана в обмен на инвестиции в его реконструкцию. А на самом деле Пакколи просто отдал комиссионные президенту Назарбаеву в виде отреставрированного ЦУМа, и до сих пор ни один житель Астаны не догадывается, что и сам ЦУМ, и все его рестораны принадлежат Назарбаеву, а отвечает за комплекс Булат Утемуратов. Сам же Пакколи сказал журналистам, что Казахстан должен Mabetex 15 миллионов долларов, которые он назвал «беспроцентным кредитом, выданным компанией чиновникам Казахстана на 10-летний срок строительства Астаны». А взамен городские власти предложили наградить Пакколи титулом «Почетного строителя Республики Казахстан» и даже сделать его почетным консулом Казахстана. Но эти предложения не прошли.

По данным самой компании, Mabetex построила около 60 % города Астана!

Конечно, у Пакколи были конкуренты, которые пытались урвать выгодные подряды через других лоббистов из близкого окружения президента — в основном через нового управляющего делами Досмухамбетова, а затем и Утемуратова и прочих.

В 1996–97 Адильбек Джаксыбеков, мэр — аким города Астана, и Касым — Жомарт Токаев были одними из главных лоббистов Mabetex, конечно же, только после Назарбаева.

Цитаты:

«У нас много работы в Казахстане, Узбекистане и Центральной Азии. Центральная Азия — большой рынок для нас; мы построили новую столицу Казахстана и завершили нашу работу всего за два года с 12 тысячами человек. Мы выполнили свое обещание и завершили 360 000 кв. м правительственных

зданий и других гражданских построек. Я стал почетным гражданином Казахстана.

Мы начали работать в новой столице Астане и создали современный бизнес– и финансовый центр страны. Астана была маленькой деревней, которую теперь они хотят превратить в финансовый центр. В Казахстане у нас работает примерно 6000 человек, мы владеем там туристической и авиакомпанией, очень престижным торговым центром в центре Астаны на 22 тысячи кв. м»

«Ты всегда должен беречь и почитать своего партнера, вот как я вижу мой успех… Я уверен, что у меня невероятно большое сердце, и ваше сердце тоже должно принадлежать вашему партнеру». Беджет Пакколи

Глава 15
Пропущенный удар

Президент все идеально рассчитал с перевозом столицы. Вернее, ему казалось, что он все рассчитал. В его плане была только одна брешь.

Он построил крепость, в которой все находится под его тотальным контролем. Он распоряжается всем — деньгами страны, природными ресурсами нации и судьбами своих крепостных. Его гнева боятся, его расположения добиваются всеми правдами и неправдами (подставить ближнего — первый из методов). В окружении президента идет непримиримая подковерная борьба за влияние на него, на Назарбаева.

Каждое его слово считается истиной в последней инстанции. Он может выступать на государственном телевидении и рассуждать о нанотехнологиях и параллельных мирах — и никто ему не подскажет, что в его стране еще не всем гражданам хватает хлеба, что жители села еле сводят концы с концами, что половина населения страны живет за чертой бедности.

Он может наслаждаться бесконечным потоком лести, он может даже уверовать в свою избранность. Но он уже знает, что допустил ошибку, цена которой может оказаться очень дорогой для его всевластия.

Проблема крепостей в том, что земли за их пределами развиваются по своим законам. Деревни платят суверену обильную дань, падают ниц перед Ним и его вассалами, демонстрируют свой страх (благо, есть чего бояться) — но в перерывах между проявлениями верности живут своей жизнью.

Некоторые так и остаются прозябать в нищете, неспособные поднять голову над своими заботами (таких большинство). Но обязательно найдется село, где коровы и овцы пожирнее и курицы покрупнее. И правит таким селом князек, который бьет перед господином все меньше поклонов.

У нас такой землей вполне предсказуемо оказалась Алма — Ата — не зря президент так не любил этот город. В период горбачевской перестройки первые в Союзе акции гражданского неповиновения и демонстрации в 1986 году произошли именно в нашем городе. Это в сильнейшей степени напугало как Горбачева, так и Назарбаева.

Назарбаев испытывает практически животный страх от того, что люди вспоминают дни 17 и 18 декабря 1986 года- как черные, траурные, когда совершались гонения за инакомыслие, когда

наказывали тех, кто хотел свободы.

Чуть больше 10-ти лет спустя Назарбаев увез отсюда столицу в надежде, что бурно развиваться будут только те территории, по которым ходят чиновники его администрации. Ему было сложно представить, что в новую столицу всех придется загонять кнутом (в том числе иностранные посольства, которые упорно сопротивлялись), и что многомиллиардные вложения так и не обеспечат реального процветания его земли обетованной.

А покинутая им Алма — Ата росла сама, как на дрожжах. И в какой–то момент президент просто упустил контроль над развитием оставленной старой столицы. Но это бы еще полбеды — следом он допустил еще одну непростительную для такого стратега ошибку. В попытке восстановить свое тающее влияние он посылает руководить городом слишком амбициозного бывшего комсомольского вожака, который, к тому же, по всем формальным признакам подходит на роль будущего главы государства.

Конечно, пакуя чемоданы перед отъездом из Астаны в Алма — Ату, Имангали Тасмагамбетов клялся в вечной верности великому правителю. Конечно, изображал смирение, адекватность и подконтрольность. Конечно, играл на гитаре на застольях и развлекал хозяина красивыми песнями. Но другую должность после премьерского кресла Назарбаев не решился ему предлагать. По–видимому, и сам Тасмагамбетов не согласился бы на другое предложение.

И как президент мог столь расслабиться и потерять бдительность? Ведь все эти песни должны были вызвать в его памяти знакомые картины. И двух десятков лет не прошло, как он сам так же клялся в верности своему хозяину, который поднял его из ниоткуда и возвысил до позиции председателя Совета министров Казахской ССР в далеком 1984 году. Ведь и он так же убедительно демонстрировал свою покорность и преданность, не знающую границ. И так же развлекал своего благодетеля песнями и анекдотами, чтобы быть всегда на виду. Кстати, все новые анекдоты молодой тогда Назарбаев тщательно записывал в маленький блокнотик, который всегда был в пиджаке, и заучивал наизусть.

Но стоило власти лидера коммунистов республики Динмухамеда Кунаева ослабнуть, как от верности и признательности не осталось и следа. Первый президент независимого Казахстана прекрасно должен был помнить на своем опыте, что цена клятвам стремится к нулю, когда речь идет о такой ставке, как ханский трон.

Впрочем, каждому человеку хочется верить, что весь

предыдущий опыт человечества заканчивается на нем, а он сам достаточно умен, чтобы вовремя увидеть опасность, которую до него пропустили столько мудрых и опытных людей. Возможно, президент уже был настолько уверен в своем «газонокосильном аппарате», который год за годом стрижет политическую лужайку, нейтрализуя каждого сколько–нибудь заметного политика, что не придал значения возможному росту Имангали, этого выходца из западного региона, на южной земле.

Как–то я спросил Назарбаева, а зачем он назначает Тас–магамбетова мэром Алма — Аты, если не доверяет ему. Ответ меня просто поразил- пусть поработает, пусть побольше погрязнет в коррупции, пусть побольше запачкается в грязи.

Я понял, что Назарбаев готовит очередную ловушку для очередной жертвы на тот случай, если она взбрыкнет и перестанет слушаться главного пастуха. Назарбаев не простит Тасмагамбетову ни разгон демонстрантов в микрорайоне Шанырак, ни проблемы с заражением детей спидом в Шымкенте и многое другое.

Какова бы ни была причина, результат уже оказался для президента очень тревожным: его ставленник вырос, а газонокосилка дала сбой. Ее насылают на Алма — Ату снова и снова, а она лишь в очередной раз ломает зубья. Президент уже открыто требует от своих подручных принести ему голову Тасмагамбетова, но молнии с Олимпа не причиняют теперь уже столичному Астанин–скому Акиму — мэру никакого вреда.

Сообщение информационного агентства, 11 сентября 2007, Астана:

«По поручению президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в правительстве создана рабочая группа по вопросам застройки Алма — Аты, передает корреспондент агентства.

«Несмотря на мои прямые указания, продолжается застройка «Медео» высотными жилыми домами, все ущелье Малой Алматинки застроено до «Медео», в Бута–ковке все заграждено, нет людям прохода к речке.

Возмущению алмаатинцев нет предела. На Большой Алматинке — сотни строений без экологических норм, с нарушением закона», — говорится, в частности, в письме главы государства, которое озвучил на заседании правительства во вторник премьер–министр Карим Масимов.

Президент поручил правительству создать комиссию с участием Минфина, Минэкономики, МЧС, включить в комиссию правоохранительные органы и «прекратить этот наглый беспредел».

В соответствии с поручением президента глава правительства

подписал распоряжение о создании рабочей группы, которую возглавил сам премьер–министр Карим Масимов.

В состав группы вошли заместитель генерального прокурора, министр индустрии и торговли, министр юстиции, министр по ЧС, министр охраны окружающей среды, а также председатель Комитета по земельным ресурсам.

Рабочей группе поручено до 20 сентября изучить поставленные президентом вопросы и внести предложения в правительство. Кроме того, данный вопрос, по информации К. Масимова, будет вынесен на заседание Совета безопасности. "

Если бы подобный правительственный гнев обрушился на любого другого гражданина Республики Казахстан, от того быстро не осталось бы и пятна — на то и автократическое государство существует. Впрочем, в большинстве случаев хватает и тихого распоряжения. А здесь интонация истерики: президент публично расписывается в своей неспособности «прекратить наглый беспредел»: «несмотря на мои указания, застройка продолжается».

Пожалуй, стоит упомянуть, что вся эта застройка начиналась и продолжалась с ведома президента и при его участии. Более того, глава государства сам владеет постройками в зоне, которую теперь требует расчистить. Все ведь понимают, что дело не в экологических нормах и не в заботе о свободном подходе к речке.

Дело в Тасмагамбетове.

Он приехал руководить в Алма — Ату, уже будучи состоятельным человеком, к тому же хорошо изучившим Назарбаева еще в бытность свою его помощником. Правление в богатом нефтью и осетровой икрой Атырау позволило ему коллекционировать шедевры народного ремесла и покупать квартиры народным писателям. Такие подарки приобретались, конечно, за счет областного бюджета — но благодарность уважаемых людей всегда была персональной. Так Имангали зарабатывал уважение и собирал вокруг себя армию преданных людей.

В отличие от президента, который на роль мецената и ценителя искусств уж никак не тянет, он всегда был своим человеком для поэтов и композиторов. С ним можно и народное творчество обсудить, и сладкими звуками его гитары насладиться — так сказать, приблизиться к «большому искусству».

Теперь президент опомнился и кинулся наверстывать упущенное. Изо всех сил он пытается теперь убедить алмаатинцев, что рост старой столицы — это личная заслуга Леонида Ильича, то есть Нурсултана Абишевича. Что это он, и никто иной, трудился, не покладая рук, обеспечивая

благосостояние жителей этого города.

Астана по–прежнему остается его любимой игрушкой, его египетской пирамидой, возведенной в собственную честь — но он уже понял, как опасно игнорировать Алма — Ату.

И вот ленты информационных агентств стали пестреть такими текстами:

Сегодня глава государства Нурсултан Назарбаев открыл в Алма — Ате новую автодорожную развязку по проспекту Сейфуллина, которая соединит улицу Сат–паева и проспект аль-Фараби.

«Я лично Алма — Ата уделяю особое внимание, слежу, чтобы государственный бюджет нормально выделял денег. В прошлом году в бюджете в расходную часть города государством было выделено 67 миллиардов тенге, это 25 % расхода. В следующем году выделяется 80 миллиардов, то есть 30 % расходной части бюджета поставляется из государственного бюджета. И сам город своей работой зарабатывает деньги, которые позволяют строить в этом и следующем году 10 развязок, 6 из которых финансируются из центрального государственного бюджета», — сказал Н. Назарбаев. (3 августа 2007, Ама- Ата)

Но глава государства опоздал, и он сам прекрасно это понимает. Лучшее, что он смог придумать, чтобы нейтрализовать своего ставленника, это применить излюбленный прием диктаторов — задушить в объятиях. Того, кто растет слишком быстро, нужно приблизить к себе и держать рядом, не спуская глаз и не ослабляя объятий.

Имангали Тасмагамбетов уже не мэр Алма — Аты. Ему отдано в управление самое дорогое, что есть у Крестного Тестя — драгоценная столица Астана.

Глава 16
Помощник президента предотвращает катастрофу

Занятный эпизод рассказал мне Имангали Тасмагамбетов. Дело было в середине девяностых, мы с Тасмагамбе–товым тогда дружили, даже невозможно было представить, что произойдет в дальнейшем, насколько изменится этот человек, к которому навсегда прилипло самоназвание «продукт Назарбаева». Он был тогда помощником президента и выгодно выделялся на сером фоне президентской «гвардии». Мой отец — хирург Мухтар Алиев, академик, профессор, прооперировал отца Имангали и других его родственников, за что Тасмагамбетов был ему очень благодарен.

Во время одного из зарубежных визитов чуть было не случилась катастрофа, после которой еще тогда на карьере Имангали можно было поставить жирный крест. Произошло и в самом деле неслыханное.

1994 год. Последний день официального визита в Турцию. Согласно правилам протокола, вся официальная делегация отбыла в аэропорт. Президент всегда поднимается по трапу последним. Прощальный взмах руки для провожающих и фоторепортеров, и визит завершен. В процедуре никогда не бывает сбоев, каждый член команды хорошо знает свое место и обязанности. Но в тот раз, при воспоминании о котором и сегодня Имангали наверняка покрывается холодным потом, отлаженный сценарий чуть было не обернулся большой бедой. И, зная крутой нрав своего тестя, могу сказать, что головой его помощника дело бы не ограничилось.

Итак, вся делегация уже на борту президентского самолета, ждут только самого Назарбаева. Он заперся в номере и не подает сигналов. Видимо, готовится к прощальной церемонии. Все чемоданы собраны и отправлены на борт. Президента все нет.

Вдруг в номере Имангали раздается звонок из президентского люкса. Ледяным тоном Назарбаев требует помощника к себе. Предчувствуя неладное, тот несется в президентский номер и застает там такую картину: президент мрачнее тучи, расхаживает по номеру. Полностью одетый, в отглаженном костюме, накрахмаленной сорочке, и босиком.

Где носки?! — спрашивает он грозно.

Тасмагамбетов понял, что дело дрянь. Носки вместе с остальным багажом ждут президента на борту. Но до него еще

надо добраться.

Спасительное решение пришло само собой.

Нурсултан Абишевич! По–моему, они у меня в номере! — Имангали бросился к себе и по пути развил скорость, которой бы позавидовал профессиональный спринтер. Правда, ни один спринтер не мог бы и вообразить, что ожидало президентского помощника, если бы президенту пришлось обуться на босу ногу.

Перерыв свой чемодан, Имангали извлек лучшую пару носков, разгладил их и с душевным трепетом понесся обратно. И вот что я запомнил из его рассказа и, собственно, ради чего пересказываю его здесь. По мере приближения к президентскому люксу помощник почувствовал, как носки, только что вынутые из его чемодана, вдруг начали наполняться особенной президентской значительностью. Когда же их в полупоклоне подали нетерпеливо ожидавшему Назарбаеву (график церемонии проводов уже срывался), они окончательно прибрели сакральный статус.

Катастрофы не случилось, президент прошелся по красному ковру, принял рапорт начальника караула, попрощался с провожающими лицами и поднялся по трапу на борт своего президентского «Boeing» и своим видом еще раз подтвердил репутацию большого щеголя.

Имангали был спасен, в дальнейшем он перебывал едва ли не на всех высших государственных постах и в должности алма–атинского градоначальника. С молчаливого согласия своего шефа превратил главный город Казахстана в полигон строительных, хозяйственных и финансовых махинаций. И за это Назарбаев назначил его аки-МiiМ в Астану, чтобы держать его под боком, а может, и готовить в преемники.

Может быть, если бы тогда в чемодане президентского помощника не нашлось лишней пары носков, история Казахстана пошла бы по совсем другому пути? С другими лицами в окружении президента и соответственно с другими результатами?

Глава 17
Первым делом самолеты

«Вы сами по себе больше, чем это самолет!» «Да, государство может себе это позволить»

Большую любовь президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева к воздушному флоту следует разделить на две части: любовь к стюардессам и любовь к самолетам. Эти две страсти на протяжении последних двух десятилетий конкурировали друг с другом: то первая заслоняла вторую, то, наоборот, вторая вспыхивала с такой силой, что на время затмевала первую. Обе эти страсти, по понятным причинам тесно переплетенные, обошлись нашему государству в сумму, тысячной доли которой было бы достаточно для того, чтобы отправить в отставку или даже под суд президента любого государства. Ну, согласен — не любого. Только того, в котором законы не превращены в ширму или средство запугивания сограждан …

Первый собственный самолет у президента Назарбаева появился в 1994 году. Это был короткий Jumbo «Boeing-747». Его приобрело правительство Сергея Терещенко через московскую авиакомпанию «Трансаэро», естественно, на бюджетные деньги. В бюджете тогда зияла большая дыра, нефтяные деньги еще не полились на счета специальных фондов и оффшоров, так что покупка иностранного самолета, пусть и не нового, была событием. Первый испуг от внезапно свалившейся независимости прошел, мой тесть стал входить во вкус власти (тогда еще не безраздельной) в независимом государстве, особенно от ее ярких атрибутов и открывающихся возможностей. Поначалу президент откровенно гордился своим новым бортом — еще одним символом верховной власти.

Весь второй этаж этого «Boeing-747» был отдан под президентский блок, с люксовой спальней и кабинетом. Этот этаж закрывался на ключ, когда борт выполнял коммерческие рейсы, чтобы хоть как–то окупить бешеные расходы по его содержанию.

Но очень скоро обнаружилось, что у других президентов самолеты–то покруче, поновее. И собственный «Boeing», не прошло и года с момента его приобретения, перестал радовать Нурсултана Абишевича. Тем более, что уже после его покупки выяснилось, что по Казахстану на нем летать нельзя — аэропорты не были оборудованы для приема этого типа самолета, не было навигационного оборудования, а посадочные полосы слишком коротки. Тяжелый Jumbo» мог садиться только на взлетно–

посадочную полосу в Алма — Ате, и иногда его решались посадить в Актюбинске. Зато эксплуатационные расходы вышли неожиданно высокими — в алматин–ском аэропорту не было нужного ангара, и борт в основном стоял в зарубежных аэропортах, а когда было нужно, прилетал за президентом. Обслуживать его тоже было некому. Пилотами на первом президентском «Boeing» служили иностранцы, в основном американцы, с ежемесячной зарплатой до 15 тысяч долларов в месяц. А оплачивать нужно было 10 пилотов — целую команду.

Теперь, по прошествии пятнадцати лет, все это кажется вариантом анекдота про нового русского, который на первые прибыли купил «Lamborghini» и на месте обнаружил, что она плохо совместима с реалиями его родного колхоза. Впрочем, в пору первоначального накопления капитала таких деятелей было много не только в анекдотах, но и в жизни — столкнувшись с отрезвляющей действительностью, они обычно сплавляли свои дорогие игрушки с ледующему в очереди за красивой жизнью, и пересажива–мись — до лучших времен — на отечественные вездеходы.

Но герой одного анекдота поступил иначе. Обнаружив, что «Lamborghini» вязнет на родных ухабах, он купил «Bugatti» и «Rolls — Royce».

В 1995–1996 годах авиационный парк нашего президента пополнился сразу двумя самолетами. Госкомимущество Казахстана на бюджетные деньги приобрел французский бизнес–джет «Falcon-DA900» под номером UN09002 и «Челленджер 604» канадской фирмы «Бом–бардье». Оба этих самолета ждала интересная летная и коммерческая судьба.

Во–первых, сразу было решено не повторять ошибок с бывшим в употреблении «Boeing» — самолеты купили новые. Во–вторых, приобретенные на бюджетные средства самолеты каким–то образом оказались записаны на… оффшорную компанию. Она называлась Oient Eagle Airways Ltd. и была зарегистрирована на Британских вирджинских остравах.

Оба самолета отдали в управление швейцарской авиакомпании, которая специализировалась на частной деловой авиации.

В этот период произошел неожиданный карьерный взлет молодого энергичного бизнесмена Александра Клебанова, кстати, моего сокурсника по медицинскому институту. Оба президентских борта оказались в его ведении. У Клебанова был некоторый опыт по части авиабизнеса: он был директором государственной авиакомпании под звучным названием «Беркут» и одновременно владел собственной частной авиафирмой под

тем же именем. Но не только опыт и связи позволили молодому бизнесмену Саше Клебанову стать практически единственным распорядителем президентского воздушного флота. И то, и другое было делом полезным, но не определяющим.

Главным обстоятельством, способствовавшим неожиданному взлету Клебанова, была одна тайная дворцовая комбинация, или, как выражался покойный Борис Николаевич Ельцин, «рокировочка». Под опеку молодого бизнесмена и его жены, также моей однокурсницы, сейчас владелице телеканала, тележурналистки и депутату парламента Дарьи Клебановой, определили некую персону, которая и помогла им так высоко взлететь.

Это была Гульнара Ракишева, очередная пассия нашего любвеобильного президента. Служившая в начале своей карьеры стюардессой авиакомпании «Беркут», эта дама так очаровала Нурсултана Абишевича, что году в 1996-м в ближайшем окружении президента ее начали всерьез рассматривать как реальную угрозу целостности семейной конструкции. Против обыкновения, мой тесть не ограничился короткой стариковской интрижкой. Он велел выстроить для Ракишевой частный особняк в Астане на правом берегу реки Ишим напротив района «Чубары» и, к большой печали супруги президента Сары Алпысовны, больше ночей проводил в этом особняке, чем в государственной домашней резиденции «Кызыл — Жар» за Астаной. В это же время количество визитов на высшем уровне с участием первой леди резко сократилось. И она вынуждена была уехать в Алма — Ату, где постоянно проживает и сейчас.

Президентская подруга продолжала исполнять обязанности стюардессы (естественно, только для одного пассажира), но все больше входила во вкус своего положения. Ведь первыми словами приветствия главной стюардессы страны для главного пассажира страны были «Чай, кофе или я». Ответ был краток: «что быстрее

Сара Алпысовна в разговорах влюбленных именовалась не иначе как «чемодан» (Ракишева намекала на анекдот про жену военнослужащего: она как чемодан без ручки — нести тяжело, а бросить жалко). Вопрос «Чемодан берешь?» означал в действительности «Полетит ли Сара Алпысовна в очередной визит?». С 1997 года президент Назарбаев все чаще летал «налегке».

Первоначально стюардессу по имени Гульнар курировали два человека из ближайшего окружения президента — управляющий делами Владимир Ни (один из тройки серых кардиналов» Ни — Абыкаев — Есимов, находившийся в тени) и еще один близкий человек президента Булат Утемуратов. Но случилось

непредвиденное. Раки–uitMia довольно быстро вошла в такую силу, что стала помыкать обоими «уважаемыми членами общества» как последними холопами. Старцы–аксакалы на побегушках у очередной подруги Нурсултана Абишевича — такого зрелища могли не стерпеть даже готовые на любое унижение члены Назарбаевского близкого окружения. Чтобы избежать скандала, кураторство над набравшей запредельные обороты мадам передали от аксакалов молодой супружеской паре. Супруги были известны лояльностью президенту, и вообще их было не жалко.

Как потом выяснилось, тогда–то и настал звездный час Саши и Дарьи Клебановых. Оба новых президентских борта — «Челленджер» и «Falcon» — по настоятельному требованию Гульнар Ракишевой были переданы в их полное распоряжение. Дарья была главной подружкой главной стюардессы страны, ведь Назарбаев должен был быть в курсе дел и Гульнары.

Клебанов придумал такую схему: самолеты записали на оффшорную фирму, а контракт на управление обоими бортами подписали со швейцарской авиакомпанией, специализировавшейся в области бизнес–авиации.

От резкого взлета у амбициозного, но малоопытного Александра Клебанова закружилась голова. Оффшор «Orient eagle» он зарегистрировал … на самого себя.

Это, конечно, была большая ошибка. Со свежеиспеченным авиамагнатом провели разъяснительную беседу, и он быстренько переписал акции компании на «казначея президента» Владимира Ни.

Следом возникла еще одна, уже гораздо более серьезная проблема. Кто–то вспомнил, что расходы на обслуживание президентской авиации не значатся в бюджете! То есть купить–то самолеты купили, а на какие деньги их содержать, вовремя не озаботились. Да и парламент в те годы еще воображал себя законодательной властью, депутаты совали нос в бюджет, придирались к любой мелочи. Вряд ли депутаты того созыва покорно согласились бы с тратой нескольких миллионов долларов в год на президентские прихоти.

В этой сложной ситуации Саша Клебанов сумел доказать, что не зря его произвели в авианачальники. Он придумал изящную схему, которая убивала сразу несколько зайцев. По этой схеме средства от капитализации государственных активов плавно перетекали в карманы наших концессионеров, часть из них шла на погашение расходов на назарбаевские самолеты, часть оставалась в карманах. И настырные депутаты не могли бы ни к чему придраться, даже если бы и захотели.

Вот что придумал Александр Клебанов: взять в управление Павлодарский нефтеперерабатывающий завод, поскольку только на нем в Казахстане производят авиакеросин, столь необходимый президентской авиации, ведь ему приходилось содержать на свои деньги весь президентский авиафлот.

Здесь нужно сделать маленькое отступление, чтобы читатель оценил красоту комбинации. Павлодарский НПЗ на тот момент еще не был приватизирован, то есть формально являлся государственным предприятием. «Передача в управление», часто тогда практиковавшаяся, на практике означала (за редким исключением) право перенаправлять прибыль принадлежащего государству предприятия в частный карман. Чем больше ожидаемая прибыль, тем ближе к президенту должен находиться «управляющий» — это правило никогда не знало исключения.

Управляли казахскими предприятиями различные, часто весьма экзотические, компании, например, CCL — американская оффшорная компания. Однако всегда за ними стоял кто–то из ближайшего окружения президента Назарбаева. Павлодарский НПЗ был слишком лакомым куском. Естественно, при обычном положении дел шустрый, но весьма далекий от Назарбаева бизнесмен не имел здесь никаких шансов. Александр Клебанов это хорошо понимал. Но и новенький «Falcon» с «Челлендже–ром» должны были летать по миру, а не стоять в ангарах и терять цену и ресурс. Нужно отдать должное красноречию Саши Клебанова, он сумел донести эту мысль до старших товарищей.

Так возникла разношерстная компания деловых партнеров, которым отдали Павлодарский нефтеперерабатывающий завод: Клебанов, казахский бизнесмен Олег Ли и международный аферист Дмитрий Стрешинский. Доходы от продаж продукции НПЗ вместо бюджета широкой рекой потекли в карманы этой троицы.

Развязка была такой: двое компаньонов попытались обмануть Сашу и приписать себе побольше прибыли, чем полагалось. Трио распалось, Клебанов вычеркнул бывших партнеров из бизнеса — а вскоре и сам его потерял. Лакомым куском заинтересовался президент Назарбаев, и передал его своему партнеру по бизнесу Рашиду Сар–сенову, в Мангистаумунайгаз. Стоит ли уточнять, что самому Назарбаеву в ММГ принадлежали 30 процентов акций записанные на оффшорную компанию «Ansdell Development ltd» из Британских вирджинских островов. Остальные были записаны на Сарсенова — 60 процентов на его частную сингапурскую компанию «Central Asia petroleum ltd».

Глава 18
Ну а девушки — а девушки потом

Естественно, впрочем, что самим партнерам, после всех расчетов с вышестоящими товарищами и выплатами на содержание президентского флота, оставалось немного … Не так много, по крайней мере, как того хотелось бы. И, естественно, очень быстро участники концессии насмерть переругались. Олег Ли обиделся на Александра Клебанова, Клебанов на Ли, и все вместе они затаили обиду на Стрешинского. Нетрудно догадаться, что для последнего эта обида обернулась тем, что по заведенной среди партнеров Назарбаева традиции его быстро выставили из Казахстана. Как раз в этот момент парижская прокуратура заинтересовалась происхождением французских активов Стрешинского, потом за него взялись итальянцы, так что сил для реванша у вчера еще преуспевавшего торговца оружием не осталось. Его доля в казахском бизнесе досталась Александру Клебанову.

Некоторое время отношения в среде президентских «авиаторов» больше всего походили на иллюстрацию известной цитаты из детской книжки — «То Кокошенька Лелешеньку разит, то Лелешенька Кокошеньку тузит». Вся президентская рать, затаив дыхание, наблюдала за этой драмой, постепенно забыв о ее причине. О самолетах. Но тут на арене появился новый персонаж, и дела у авиаторов пошли совсем плохо.

Новым министром транспорта Казахстана неожиданно стал Серик Буркитбаев. Тертый аппаратчик и хороший специалист, Буркитбаев начал с того, что запросил у Назарбаева разрешения провести ревизию всего доставшегося ему хозяйства. Включая и президентскую авиакомпанию. Президент, начавший уже слегка уставать от проказ темпераментной стюардессы-Гульнары Ракише–вой, разрешение дал.

Тут–то все и началось.

Буркитбаев быстро выяснил, что все три самолета (включая и «Boeing», о котором все успели благополучно позабыть) залетают в Казахстан только тогда, когда президент собирается в очередной зарубежный визит. Все остальное время государственный президентский воздушный флот используется исключительно в коммерческих интересах частной компании Клебанова.

Припертый Буркитбаевым к стенке, Клебанов признался, что переделал салон «Boeing» в люксовый вариант и сдал этот борт в

долгосрочную аренду американской футбольной команде. Президентский «Falcon» с бортовым номером NAN-9000 постоянно базировался в аэропорту Женевы, Швейцария. «Челленджер» летал по Америке. Сколько реально зарабатывала компания Клебанова, понять было невозможно. Но вместе с тем, надо отметить, что в это время из госбюджета не был профинансирован ни один полет президента — за это платил сам Клебанов.

Буркитбаев взял контракты из Госкомимущества и быстро нашел все три самолета. Доложил президенту. Тот вызвал Клебанова и заставил его переписать авиакомпанию на своего ближайшего доверенного казначея — на бессменного Владимира Ни. Самого Клебанова оставили в качестве управляющего менеджера.

На этом неприятности его не кончились. Американская футбольная команда досрочно разорвала контракт на аренду «Boeing», объяснив это тем, что он слишком часто ломался (надо признать, не самая лучшая характеристика президентского самолета). Клебанов попытался найти других клиентов, но его заставили перегнать самолет в Алма — Ату. Здесь, в алма–атинском аэропорту, в неприспособленном ангаре борт простоял несколько месяцев. В итоге его передали в новую национальную авиакомпанию «Эйр Казахстан», созданную на руинах разоренной государственной авиакомпании «Казакстан Ауе Жолы». В новой компании многострадальный «Boeing» тоже не смогли толком использовать.

Дальнейшая судьба этого самолета покрыта мраком тайны. Последний раз его видели в аэропорту Люксембурга, куда его перегнали якобы для ремонта. Там он и исчез. Клебанов потом рассказывал, что якобы самолет разобрали по частям и распродали в качестве компенсации за неуплату стоянки. Правда, конфискация самолета в Европе невозможна без судебного решения, а каких–либо бумаг по этому делу никто так и не увидел.

В окружении Назарбаева самым достоверным объяснением исчезновения президентского «Boeing» всегда считалось такое: сам Клебанов его и продал — то ли целиком, то ли на запчасти. В качестве компенсации за недополученную прибыль, так сказать. Саша Клебанов в качестве отступного был вынужден часть прибыли от управления Павлодарским нефтеперерабатывающим заводом передать Назарбаеву для последующей оплаты нового президентского самолета «Global Express».

Серик Буркитбаев на этом не остановился. Поощряемый Назарбаевым, он заставил переписать «Falcon» и «Challenger» на

швейцарскую оффшорную компанию, а прибыль от сдачи самолетов в аренду (ни много, ни мало 45 миллионов долларов!) направить на покупку очередного президентского самолета — на этот раз «Global Express». Новый борт тоже оформили на назарбаевский лихтенштейнский трастовый фонд.

Таким образом, к началу нового века президент собрал неплохую коллекцию самолетов: французский «Falcon», канадский «Challenger» и «Global Express». Все они были куплены на государственные средства, но в результате серии переуступок и прочих мошеннических финансовых операций оказались во владении частной компании, зарегистрированной в Лихтенштейне.

Вряд ли кто сомневается, что настоящим хозяином этой компании является наш скромный в быту, как говорилось в советское время, президент Нурсултан Абишевич Назарбаев.

В новом веке коллекция самолетов продолжала пополняться.

Глава 19
Первым делом самолеты: неожиданное продолжение

Один из героев этой истории, Серик Буркитбаев, на некоторое время стал доверенным лицом Назарбаева. В 2000 — 2008-м ему постоянно приходилось выбирать между частным бизнесом и работой на государственной службе. Этот топ–менеджер высокого класса, несомненно, ведущий специалист в области телекоммуникаций в нашей стране. Именно по его схемам и разработкам были созданы телекоммуникационные компании «Кателко» и «Нурсат», холдинг «Самгау», Научно–исследовательский институт нефти и газа.

После истории с самолетами президент стал поручать Буркитбаеву щекотливые дела, связанные в основном с выяснением, не обманывают ли Крестного отца его подельники при освоении богатств нашей страны. Именно с этим заданием дослужившийся до звания помощника президента Буркитбаев был отправлен командовать главной нефтедобывающей компанией Казахстана: в мае 2008 года он неожиданно стал президентом «Казмунайгаза».

Это назначение наделало много шума в стране и в президентском стане: Буркитбаев был одним из немногих людей в назарбаевском окружении, способных отстаивать собственные идеи и готовых на смелые действия. «Казмунайгаз», давно уже превратившийся в бездонную кормушку назарбаевских подельников, судя по всему, ждали перемены.

Однако страхи были напрасны. Это назначение оказалось роковым для преуспевающего менеджера Серика Буркитбаева. Через три месяца после назначения он был сначала переведен с поста президента акционерного общества в вице–президенты, потом снят с работы, и в начале сентября арестован. На момент написания этих строк, в середине сентября 2008-го, о его судьбе ничего не известно.

Впрочем, у читателя может сложиться неверное представление о положении дел в нашей стране. Вместо слова «арестован» нужно было бы употребить более подходящее — похищен. Арест предполагает санкцию прокурора, а в нашей стране, стремящейся, как уверяет всех мой бывший тесть, войти в содружество цивилизованных стран с развитой системой защиты прав человека, с августа этого года санкцию на арест может выдать только суд.

Никакой санкции на арест Буркитбаева ни один казахский суд не выдавал. Недавнее доверенное лицо президента было похищено сотрудниками из тайной полиции Диктатора. Согласно достоверной информации, Буркитбаева держат на одной из явочных квартир секретной спецслужбы в Астане — в любой цивилизованной стране это бы называлось бандитизмом, незаконным лишением свободы, и повлекло бы для организаторов и исполнителей солидные тюремные сроки.

В современном же Казахстане такому беззаконию нашли достойный эвфемизм: домашний арест. Был арест? — был. Арестованный содержится дома? — дома (правда, не у себя, как подразумевает юридический термин «домашний арест», а на подпольной квартире, где с ним могут делать все, что угодно). Ну вот — значит, домашний арест. А что без санкции суда — какой, право, суд, если под угрозой национальная безопасность.

В случае с активностью Серика Буркитбаева на посту президента нефтяного гиганта национальная безопасность действительно оказалась под угрозой. Если принимать за нее безопасность семейного бизнеса главы Комитета национальной безопасности генерала Шабдарбаева.

Дело в том, что с первых дней своей работы на посту шефа «Казахойла» Буркитбаев стал настойчиво убеждать президента немедленно отстранить от должности генерального директора ШНОСа — «Шымкентнефтеоргсин–теза», нефтеперерабатывающего завода в Шымкентской области, и всю его команду.

Вокруг этого предприятия всегда, еще с советских времен, образовывались хитроумные криминальные схемы, однако бдительность массы проверяющих инстанций, от прокуратуры до КГБ и потом его преемника — КНБ, не позволяла преступникам орудовать так уж откровенно. Но это — в прошлом. С некоторых пор прокуратура, налоговая и финансовая инспекции стали обходить ШНОС от греха подальше стороной, а Комитет национальной безопасности перестал видеть в лихорадочном разворовывании предприятия и странных играх с ценообразованием его продукции что–то предосудительное.

По чистой случайности такая перемена случилась в тот момент, когда в кресло генерального директора «Шым–кентнефтеоргсинтеза» уселся … Арлан — сын председателя комитета нацбезопасности генерала Шабдарбаева.

Если еще в начале двухтысячных схватка президентского назначенца с родственником начальника тайной полиции могла закончиться с непредвиденным результатом, то в 2008-м исход ее был предрешен.

«Шымкентнефтеоргсинтез» остался частью скромного семейного бизнеса Амана Шабдарбаева, человека, который из денщиков выслужился до шефа тайной полиции.

Серик Буркитбаев схвачен палачами Шабдарбаева и содержится на тайной явочной квартире. О судьбе его на этот момент ничего не известно.

Президент Назарбаев сразу после сообщений об исчезновении своего вчерашнего помощника отправился в очередной «краткосрочный отпуск». Как известно всем, наблюдающим за тайной жизнью Ак — Орды, он отправляется в отпуск всегда, стоит лишь в стране случиться чему–то неожиданному.

Раньше в середине сентября президент любил бывать в Нью — Йорке, на открытии очередной ассамблеи Организации Объединенных Наций. Но это было раньше. В сентябре 2008-го ехать в Нью — Йорк президенту не захотелось: там его ждали неприятные вопросы американских журналистов о Казахгейте, незаконной лоббистской деятельности на территории Соединенных Штатов, о коррупции и отношениии к кавказской войне. Поэтому президент предпочел Турцию.

… Рокошная вилла на побережье Средиземного моря, в окружении хвойного леса, к тому же — личная собственность. Рядом — шикарный отель с кухней, на которой трудятся звездные повара, с полным комплексом услуг шестизвездной гостиницы. Тоже — личная собственность. Кругом земля — тоже своя … Правда, полученная под резиденцию посла, и потом уже переписанная на частное лицо — гражданина Назарбаева. Но, как говорится, кто смел, тот и съел.

И где–то далеко–далеко все эти надоедливые журналисты со своими провокационными вопросами, все эти ненасытные приближенные с их бесконечными битвами за кусок хлеба …

Глава 20
Маленькие слабости Нурсултана Абишевича

Как и у многих мужчин его возраста, у нашего президента есть свое скромное хобби. Он коллекционер.

Коллекционирует наш президент швейцарские наручные часы.

Коллекция президентских часов пополняется ударными темпами. О маленькой слабости моего бывшего тестя знает каждый из его окружения. На многочисленные праздники (а праздновать Нурсултан Абишевич с возрастом любит все больше и больше) президентские приемные в обеих столицах завалены сотнями коробок и коробочек, и почти в каждой второй — часы. Дарители знают, что адресат очень щепетилен в разборе и каталогизации подарков, и какими–нибудь «Longines» или «Raymond Weil» тут не отделаешься. Поэтому к выбору презента все относятся с величайшим вниманием: понравится подарок Нурсултану Абишевичу — у дарителя есть все шансы быстро компенсировать затраты на его приобретение, не понравится или останется незамеченным … ну, ничего страшного, конечно, не случится … но и на приятные сюрпризы тоже не стоит рассчитывать.

Такой способ пополнения коллекции, конечно же, имеет несомненные плюсы. Один из них состоит в том, что сам коллекционер на свою коллекцию денег совершенно не тратит. Президент, я думаю, с тех пор как избавился от необходимости делать подарки вышестоящим начальникам (а произошло это в тот момент, когда он избавился от последнего своего начальника, Динму–хамеда Кунаева) не покупал себе часы никогда. Тем более, что официальная президентская зарплата в 10 тысяч долларов США, не предполагает возможности менять часы как перчатки: на золотой «Breguet» в корпусе–скелетоне президенту придется работать месяцев пять, на «Patek Philippe» с турбийоном — месяцев десять, а на изданные ограниченным тиражом шедевры «Richard Mille» или «Frank Muller» — и вообще полтора–два года.

То есть удовольствие выйти к завтраку в «Breguet», к обеду поменять его на «Patek Philippe» или «Vacheron Constantin», а на ужине щеголять в лимитированных «Richard Mille» с турбийоном и репетиром потребовало бы от нашего президента, по крайней мере, половины одного конституционного срока.

Отрицательной стороной такого способа пополнения

коллекции является большое количество повторяющихся экземпляров. Частично эта проблема решается переда–риванием тех часов, которые у Назарбаева уже есть, а также тем, что коллекция разделена на две части, и половина ее хранится в алматинской резиденции, а вторая половина — в астанинской. Но все равно количество одинаковых предметов в президентском собрании очень велико, что объясняется, в частности, довольно простыми вкусами дарителей: «Patek Philippe» и «Breguet» в этой среде котируется очень высоко, а вот про «Ulysse Nardin» многие вообще не слышали.

По состоянию на декабрь 2006 года коллекция часов президента Казахстана насчитывала пять тысяч экземпляров.

Это увлечение президента не прошло даром. Если понаблюдать за скромными чиновниками правительства Казахстана, то они наперегонки соревнуются, у кого дороже наручные швейцарские часы и какой престижной модной марки. И конечно, покупают их за свои скромные «комиссионные», или в виде взятки получают крутыми часами. В общем, если у министра нет престижных модных швейцарских часов тысяч за сто долларов, можно сказать, жизнь не удалась.

Одним из обладателей швейцарских хронометров из коллекции часовых раритетов президента стал … директор ЦРУ США Джордж Теннет. Это был первый, и на этот момент единственный визит шефа Центрального разведовательного управления в нашу страну. Теннет прилетел транзитом в Астану из Тбилиси в марте 2000 года, а затем в Алма — Ату. О содержании переговоров прессе не сообщалось. Тем более не сообщалось о том, что Нурсултан Абишевич презентовал дорогому гостю хронограф из желтого золота лимитированной серии (кажется, это был знаменитый Патек Филип). Главный американский разведчик долго отказывался, но Нурсултан Назарбаев настаивал, ссылался на восточные азиатские традиции гостеприимства: мол, не принять подарок, значит обидеть хозяина. В итоге гость выкрутился из положения — предложил обменяться часами. Теннет подарил Назарбаеву свои электронные часы, из черного пластика, долларов этак за двадцать. Назарбаев подарил Теннету свои «Patek Philippe» — долларов этак за восемьдесят тысяч. Никаких взяток, всего лишь джентльменский обмен …

Назарбаев был горд, что задобрил главного супостата грозной спецслужбы Советского союза–легендарного КГБ, ведь неизвестно к чему приведет коррупционный скандал «Казахгейт» в суде Нью — Йорка.

Глава 21
Подарок Туркменбаши

Говорят, есть люди, которые любят дарить подарки. Нурсултан Абишевич относится к другой категории — он любит их получать. За двадцать лет, которые он сидит в кресле начальника нашей республики, подарков накопилось, как нетрудно догадаться, очень и очень немало.

Некоторые из них, например, сувенир «Миловидная крыса» и макет пекинского стадиона «Птичье гнездо», отправляются в музей первого президента республики Казахстан в Алма — Ате. Другие, как например, классиче–сий «Bruggeut» с турбийоном лимитированной серии, по цене в 102 950 евро по каталогу Uhren Exclusiv, в музей первого президента не отправляются.

И в самом деле, что за странная идея, какой–то музей, когда первый президент — вот он, и даже по конституции теперь будет пребывать с нами вечно. Впрочем, как некогда говорил французский политик Эдгар Фор, вечность в политике длится не больше двадцати лет …

Вот про это я могу вспомнить один занятный эпизод, связанный с темой подарков первому президенту. В свой очередной визит в Казахстан б июля 2001 года ныне покойный лидер братского Туркменистана Сапармурад «Туркменбаши» Ниязов (о котором, подчиняясь известному требованию «о мертвых либо хорошо, либо ничего», мы ничего тут говорить не будем) приехал точно на день рождения к Назарбаеву, как водится, с подарками. Он подарил нашему «баши» несколько прекрасных жеребцов–ахалтекинцев, знаменитые туркменские ковры, но все эти дары были лишь прелюдией к основному дару от щедрого сердца коллеги из соседней „республики».

В последний день визита, когда официальная часть переговоров уже закончилась, и лидеры общались уже в формате, который на дипломатическом языке называется «без галстуков», Ниязов вдруг раскрыл свой огромный портфель, который всюду таскал с собой и никому не доверял даже подержать. Портфель лидера беднейшей страны Центральной АЗИИ бЫЛ НабиТ ОГРОМНЫМИ перстнями с бриллиантами

невиданных размеров, Выбирай! — сказал Ниязов Назарбаеву.

Видно было, что мой бывший тесть несколько смутился, что с ним происходит, надо сказать, нечасто. Он даже сказал что–то насчет того, что ему неудобно … что происходит совсем уж в

исключительных случаях.

Ниязов настаивал. Он покрутил под носом у президента своей кистью с пухлыми пальцами, которую украшал огромного размера «болт», более приличествовавший бы какому–нибудь преуспевающему репперу или сутенеру. «Это от сглаза», — сообщил он тоном человека, которому известен секрет бессмертия, и он делится им с любимым другом. «Пусть смотрят на перстень, а не на тебя. Уберегает от завистливых взглядов!»

Если Нурсултан Абишевич и сомневался, то последний аргумент рассеял все его сомнения. Он покопался в портфеле эксцентричного туркменского лидера и выудил оттуда какой–то понравившийся ему экземпляр. На официальные мероприятия потом надевать его он все–таки стеснялся, а на неофициальные иногда носил.

После того, как выяснилось, что средство от сглаза не с работало (когда туркменскому народу в одно прекрасное утро сообщили, что вчера вечером Великий Сердар, отец всех туркмен и едва ли не полубог вдруг занемог, покинул этот грешный мир, и на его место заступил новый достойный человек), подарок Туркменбаши куда–то исчез.

Что–то мне подсказывает, что искать его следы в музее первого президента бесполезно ….

С другим своим коллегой, узбекским диктатором, Назарбаев соревнуется во всем и вся, и даже, как говорят, поставил «Ислама» под контроль.

Ошибочно думать, что до того момента, как я оказался в оппозиции президенту Назарбаеву и отказался вернуться на родину, у казахской разведки не было никаких особых дел. Перед тем, как переключиться на мою скромную персону, вся сила разведсообщества Казахстана была направлена на получение детализированной, скрупулезно выверенной и подтвержденной — по всем правилам разведывательной практики — из нескольких независимых источников информации об одном сверхважном «объекте».

Спецслужбы интересовались буквально всем. С кем встречается объект, какие кушанья предпочитает, и даже чем именно отобедал позавчера, отужинал вчера и как позавтракал сегодня. Составлялись подробнейшие планы его перемещений и предпочтений. Разумеется, особенно интересовала разведчиков медицинская карта объекта, а поскольку человек он был уже немолодой, медицинской информации накопилось изрядное количество.

Наши джеймс бонды работали денно и нощно, добывая засекреченные сведения о содержании сахара в крови объекта, его

эритроцитах и лейкоцитах, количестве блюд в меню и, разумеется, о его настроениях, политических предпочтениях, не говоря уж о перестановках в кругу приближенных лиц. Понятно, как часто бывает в таких случаях, разобраться, какие из добытых сведений были правдивыми, а какие — плодом богатой фантазии резидентов и многочисленных шпионов, в Центре не было никакой возможности, да, собственно, и необходимости такой тоже не было. Главное — регулярно, раз в неделю, в числе самых приоритетных и строго засекреченных донесений положить на стол Нурсултану Абише–вичу разведсводку об объекте.

Этим объектом болезненного интереса казахских спецслужб был коллега моего бывшего тестя, конкурент в первенстве за лавры лидера Центрально–азиатского региона, глава Узбекистана Ислам Каримов. Я думаю, и сам Ислам Абдуганиевич не знает о себе столько, сколько информации накопил о нем Нурсултан Абишевич.

Но вот что поражало меня больше всего в этой истории, за которой я многие годы наблюдал с довольно близкого расстояния. Ознакомившись в очередной раз с анализом мочи Ислама Абдуганиевича и перечнем принятых им зарубежных организаций, Назарбаев, как ни в чём ни бывало, звонил по правительственной связи своему коллеге и, как с лучшим другом, принимался обсуждать непростую политическую ситуацию в Центральной Азии и окрестном мире …

Глава 22
Берите пастбища, дайте президенту виллу

Мой бывший тесть любит свою землю. Ту, которая принадлежит ему лично. Родная земля, казахская, не в состоянии оспорить у личной собственности ее особое место в сердце Нурсултана Назарбаева. И тому есть малоизвестный пример.

Весной 2008 года наша страна произвела взаимовыгодный обмен с братской Киргизией. Той отошел кусок земли Джамбульской области, более тысячи гектаров орошаемой пахотной земли. За это киргизы отдали президенту Казахстана землю близ поселка Бостыри, известного всем, кто приезжал отдыхать на озеро Иссык — Куль. За 1100 гектаров казахской земли мы получили 620 гектаров киргизской, причем большую половину сразу переписали на частную компанию Крестного Тестя. Подготовкой и проведением сделки занимались Утемуратов и Досмухамбетов.

Теперь на частной назарбаевской территории построили б фешенебельных вилл, единственная 28-метровая частная яхта на озере Иссык — Куль подарена Назарбаеву его партнером по совместному бизнесу ингушем, проживающем в Щвейцарии, Ахмедом Местоевым. По совместительству поставляющего девушек для развлечений президенту. А сын Местоева — Руслан прославился как провокатор в скандале со взяткой в 100 тысяч долларов на железной дороге с ее директором Кулекеевым. В общем, у Назарбаева есть то немногое, что так необходимо для приятного душевного отдохновения от неблагодарных трудов на благо нашей родины.

А Киргизия стала обладателем плодородной пахотной земли в Джамбульской области, когда–то принадлежавшей народу Казахстана.

Глава 23
Первые жертвы президента

Убивать режим Назарбаева начал уже давно, еще в девяностых годах. Первыми жертвами наемных убийц Крестного Тестя стали бандиты, которые покушались на долю центральной власти от криминальных прибылей и устанавливали свои порядки — на рынках, на улицах, в офисах коммерческих компаний. Их боялись, им платили дань, их слушались. На старте девяностых годов криминальные авторитеты — печально знаменитые Баха — Фестиваль, Черный и Рыжий Алмазы и другие — часто обладали большим влиянием, чем парализованная кризисом государственная машина.

Вскоре все они поплатились за посягательство на власть своими жизнями. В стране развернулась криминальная война, в которой не выжил ни один из верховных авторитетов. Согласно официальной версии, эту войну вели сами преступные кланы — один против другого. На самом деле ее открыл Крестный Тесть, один против всех.

Хроника криминальной войны:

Баха — Фестиваль — первая жертва. Расстрелян в 1993 году с особой жестокостью. Это убийство потрясло Алма — Ату: неизвестные в масках окружили дом авторитета на окраине города и автоматной стрельбой изрешетили всех, кто находился в частном доме.

Рыжий Алмаз — кличка Насипбая Насенова. 31 мая 1998 года убит в Испании — шестеро неизвестных в масках проникли на виллу Насипбая в Барселоне.

В Испанию Рыжий Алмаз приехал по поддельным документам, через Грецию, после того как его досрочно выпустили из казахской колонии. Он сохранял контроль над отечественными компаниями в сфере оптовых и мелкооптовых рынков и получал от них колоссальные доходы. Ежемесячно сотни тысяч долларов переправлялись на его личные счета в московских банках.

Руководителем операции по ликвидации был полковник КГБ-КНБ Авершин Виктор Григорьевич, который был задержан по горячим следам испанской полицией. После вмешательства нашего посольства и лично министра иностранных дел Касымжомарта Токаева (действовавшего по указанию Секретаря совета безопасности Казахстана Марата Тажина), Авершину задним числом выдали дипломатический паспорт. Его

немедленно отпустили. В настоящее время он служит Советником Председателя КНБ Шабдарбаева (отвечает за антитеррористическую деятельность в южной столице).

Черный Алмаз — племянник Заманбека Нуркади–лова, лидер ОПГ, действовавшей в южных районах страны. В ноябре 1994 года погиб в загадочном ДТП под Алма — Атой. Нуркадилов считал, что родственника убили из–за него — чтобы запугать, загнать в угол.

Сценарий, знакомый из учебников истории. В свое время Аль — Капоне стал доном чикагской мафии, устроив легендарную бойню в день святого Валентина — когда в лучший мир отправились сразу семь глав конкурентных семей. Лаки Лучиано собственноручно пристрелил Сальваторе Маранцано, чтобы стать «первым среди равных» в нью–йоркской мафии.

Крестный Тесть пошел по тому же пути. Причем у него на руках были карты куда лучше, чем у его легендарных предшественников. В отличие от Лаки, ему не приходилось ничего делать своими руками: всю грязную работу по ликвидациям надежно выполняли бойцы «Арыстана», элитного «антитеррористического» специального военного подразделения секретной службы (КНБ).

И в отличие от Аль — Капоне ему никогда не приходилось бояться прихода налоговых инспекторов или других представителей правоохранительных органов. Потому что он сам находится на Джамалунгме верховной власти в одной отдельно взятой стране. Такое ни одному мафиози даже и не снилось.

Мафия всегда пыталась коррумпировать полицейских, судей и политиков, и часто ей это удавалось. Так же часто полицейские использовали силу своего положения, чтобы прибрать к своим рукам выгодные теневые бизнесы — как в фильме «Тайны Лос — Анжелеса». У нас же впервые в мировой истории в мафиозных разборках и войне за доходы от коррупции и организованной преступности была использована вся мошь государственной машины.

Конечно, никто не проливал слезы по рэкетирам Бахе — Фестивалю или Рыжему Алмазу, и никто не горевал о временах их «боевой славы». Все эти криминальные авторитеты были преступниками и заслуживали самых суровых судебных приговоров. Но именно судебных. Однако вместо законного правосудия Крестный Тесть послал на тропу войны киллеров из отряда специального назначения КНБ — известного прежде как алматинское подразделение группы «Альфа-КГБ».

Можно поспорить, что цель оправдывает средства. Что в стране в то время нужно было навести порядок любыми силами и

средствами, и что Алмазы всех мастей заслуживали пулю. Если бы с организованной преступностью в стране тогда было покончено, этот аргумент можно было бы принять во внимание.

Жертвами наемных убийц Назарбаева становились только те бандиты, которые работали «на вольных хлебах», у которых не было хорошей крыши в госаппарате и в правоохранительных органах.

Так что речь шла только о переделе. Обезглавленные группировки не перестали существовать. Они просто перешли под контроль министерства внутренних дел. И ОПГ «Четыре брата», и ОПГ «Чиванин» продолжают свою преступную деятельность, но уже в качестве побочного бизнеса полиции. Отвечает за этот бизнес руководитель Комитета криминальной полиции МВД, в ведении которого находится борьба с организованной преступностью.

Руководителя криминальной полиции назначает и контролирует лично министр внутренних дел. Министра назначает лично Крестный Тесть. Цепочка короткая, но очень эффективная.

Один из самых доходных бизнесов, который помимо рэкета прочно прописался под полицейской крышей- это наркоторговля. Я столкнулся с этим, когда пришел в комитет национальной безопасности главой Алматинского департамента. Все отчеты показывали, что уровень наркомании в Алма — Ате зашкаливает за все допустимые пределы: шприцы с героином почти в открытую продавались не тольков ночных клубах, но и в аудиториях университетов и коридорах школ. И если прежде, в советские времена подростки баловались в худшем случае чуйской коноплей, то теперь речь сразу шла о тяжелых наркотиках.

Я считаю, что это и есть прямая угроза национальной безопасности, с которой и должен бороться одноименный комитет. Мы создали специальное управление, командировали в него лучших сотрудников, и открыли прямую телефонную линию. На нее сразу посыпались сотни звонков от отчаявшихся горожан. Звонили матери, чьи несовершеннолетние дочери попали под контроль наркобаронов и совершали вместе с новыми друзьми набеги на родные дома. Звонили пенсионеры, боявшиеся выйти на лестничную клетку, где обосновались наркоманы. Звонили учителя и врачи.

В большинстве случаев мы получали прямые наводки на дилеров, которые поставляли наркотики из капотов своих машин, и между которыми весь город был поделен на квадраты. Однако предотвращать и расследовать наркопреступления — это

прерогатива полиции. Мы же передавали своим коллегам тонны оперативной информации о наркодельцах и их крышах в коррумпированной полиции.

Полиция не произвела ни одного ареста, хотя бы для отвода глаз. Зато она любит сажать в тюрьмы наркоманов — которые ради очередной дозы готовы дать нужные показания против ненужного человека или взять на себя нераскрытые преступления. А еще удобно подкинуть наркотики любому неугодному лицу — гражданину Республики Казахстан.

Тогда же я почувствовал серьезное сопротивление в рядах самого комитета, особенно со стороны «старой гвардии». В прежние времена такая тактика называлась саботажем. Мне всячески давали понять, что либо я успокоюсь и оставлю все как было до меня, либо «система» возьмет реванш.

В ноябре 2001-го года по приказу Крестного Тестя я был уволен с поста председателя городского департамента КНБ. В 2008-м годуАлма — Ата все так же поделена на квадраты между наркодилерами. Каждый из них все так же работает под прикрытием своего участкового инспектора. ОПГ «МВД» продолжает поставлять тинейджерам экстази, кокаин и героин.

Таким образом, с помощью стволов «Арыстана» Крестный Тесть расправился со всеми уличными конкурентами. К слову, те первые приказы на уничтожение бойцы спецподразделения выполняли под большим нажимом. У них был еще кодекс чести, принятый в легендарной «Альфе», и они были натренированы именно на борьбу с террористами.

Баха — Фестиваль был плохой человек, но по этому принципу на улице можно перестрелять много народа. Однако давление было слишком серьезным: отстрел бандитов был преподнесен бойцам как задача государственной важности. Не выполни они его, и специальное подразделение было бы расформировано.

Не знаю, легко ли давались Назарбаеву первые приказы на уничтожение неугодных ему людей. Возможно, он находил оправдание в том, что жертвами будут люди, на чьем счету другие жизни. Цель оправдывает средства, мог успокаивать себя президент.

Но это Рубикон, за которым нет возврата. Взяв на себя однажды функцию вершителя судеб, Крестный Тесть продолжал исполнять ее снова и снова — тем более, что все так просто сходило с рук.

Очистив криминальную площадку, следующим шагом он начал убирать конкурентов с политического поля.

Глава 24
Политическое «самоубийство»

С Заманбеком Нуркадиловым мы были соседями по улице Луганского в Алма — Ате. Его особняк стоял рядом с моим домом, и если вечером раздавался звонок в дверь, то за ней часто стоял или наш сосед, или его жена, знаменитая певица Макпал. А иногда мы наблюдали из окон, как охранники бегут к речке догонять сбежавших в очередной раз диковинных павлинов с территории дома соседей.

У англичан есть поверье, что павлины приносят несчастье. Во дворе у Заманбека жили две заморских птицы со звучными именами — Заке и Маке, которыми он очень гордился. Мы же тайно надеялись, что как–нибудь охранники не догонят этих беглецов с перьями — сложно поверить, что у таких небесных созданий могут быть такие страшные и громкие душераздирающие голоса. Про английскую примету я в те времена не догадывался. Теперь, зная о трагической судьбе Заманбека, не подошел бы к вольеру с павлинами даже в зоопарке.

Но тогда еще шли ранние девяностые годы. Друзьями с соседями мы, конечно, не были, однако отношения были вполне приязненные. К Нуркадилову можно было по–разному относиться (грань самодурства ему удавалось–таки переходить довольно часто), однако с тем, что личность он незаурядая, никто бы не поспорил. А серостей кругом и так всегда хватало. Мой старый французский друг покойный Алекс Москович, как–то сказал мне, что выделяет политиков по одному интересному принципу: или это политик с яйцами, или без них. Так, по его шкале Заманбек отличался именно первым, чего нельзя сказать о подавляющем большинстве казахских политиков.

Однажды Заманбек пришел ко мне с просьбой: помочь ему «достучаться до небес», то есть до моего тестя. За несколько недель до этого моего соседа шумно уволили с поста мэра столицы — Алма — Аты, не предложив ничего взамен. История тогда приключилась такая.

Нуркадилову в его рабочий кабинет позвонил по прямой правительственной связи Сергей Терещенко — тогдашний премьер–министр. Большой любви между этими государственными мужьями никогда не было, и Терещенко с подачи президента начал предъявлять какие–то претензии алматинскому мэру, на повышенных тонах. В ответ Нуркадилов,

который за себя всегда мог постоять, послал премьер–министра на три буквы по известному народному адресу. Тот вынести такого оскорбления никак не мог — а поскольку дуэли в наши времена не в ходу, сразу же побежал жаловаться президенту. И Назарбаев, наконец, дал своему премьеру–министру добро расправиться с обидчиком. В этот же день выходит президентский указ — освободить Нуркадилова с поста мэра города Алма — Ата.

Вывести Заманбека из опалы и вернуть его обратно во власть мог теперь только сам Назарбаев — однако, никакого служебного выхода на президента у моего колоритного соседа не было. Вот он и пришел с этой просьбой — организовать ему высочайшую аудиенцию.

Я организовал. Позвонил тестю, рассказал ему про вчерашний визит и высказал идею, что, возможно, не стоит такого заметного человека выталкивать из команды. Встреча состоялась, и через некоторое время Нуркадилов резко выступил против уже нового премьер–министра Кажегельдина, который успел проявить президентские амбиции помимо проведения экономических реформ в стране. Так Назарбаев использовал других с целью найти повод для смещения с поста и выдавливания из страны неугодных, а потом переходил к уголовному преследованию.

За участие в политической травле Кажегельдина Назарбаев отблагодарил Нуркадилова. Он стал акимом — губернатором Алматинской области.

Столица в те времена уже переехала в Астану. Это и явилось причиной очередного падения Заманбека. В отличие от любого нормального чиновника он не летал еженедельно бить челом о паркетные полы высоких кабинетов, а предпочитал сидеть в Алма — Ате, маленькой подведомственной ему области. Потом Нуркадилова перевели министром по чрезвычайным происшествиям с местом дислокации снова в Алма — Ате, из которой он ни под каким видом уезжать не хотел.

Когда же Нуркадилов в очередной раз ответил отказом на звонок другого премьер–министра, Даниала Ахметова, с требованием явиться на столичный ковер, его терпение окончательно лопнуло — хоть дело и обошлось на этот раз без трех букв. Но появилось его открытое заявление о коррупции в правительстве. Сценарий повторяется: обиженный Ахметов бежит к защитнику–президенту, и Нуркадилов снова остается без работы.

Отсюда и началось его путешествие в оппозицию, которое трагически закончилось 12 ноября 2005 года. Заманбек Нуркадилов был застрелен у себя дома тремя выстрелами —

двумя в грудь и одним контрольным в голову из своего личного табельного оружия — револьвера «Кобальт».

Если бы президентская власть не заставила расследование остановиться на самой фантастической, самой абсурдной, самой оскорбительной версии — самоубийства, я мог бы поверить, что она не причастна к этой трагедии. И что речь не идет о классическом политическом убийстве.

Разумеется, это не был суицид. Три пули, одна из них в голову. Пистолет не отброшен, не зажат в руке, а лежит аккуратно рядом на подушке. В ванной комнате — наспех стертая кровь. Положение тела не совпадает с траекторией пуль — значит, оно было перенесено. Это самые поверхностные факты, которые смогли расследовать журналисты газеты «Караван».

Полиция же получает приказ закрыть глаза на все факты, вещественные доказательства и прекратить расследование. Любой, кто знаком с механизмами нашей машины власти, прекрасно понимает, что такой приказ мог поступить только из одного центра: из президентского дворца «Ак — Орда». А в самой Ак — Орде только один человек может принять решение — это ее хозяин.

Удивительно, но ровно за месяц до этих трагических событий президент Назарбаев назначил новым министром внутренних дел Бауржана Мухамеджанова. Именно при его непосредственном участии были сфабрикованы многие уголовные дела, главной задачей которых являлось избавить Назарбаева от потенциальных конкурентов на президентский пост. Мухамеджанов справился с заданием «без чести», и с очень грязными руками. Не удивлюсь, если через некоторое время Назарбаев уже самого Мухамеджанова посадит в тюрьму или устранит, чтобы спрятать все концы в воду.

Будь это бытовое убийство или разбойное нападение, при таком публичном внимании следствие шло бы вперед, несмотря на любое давление заинтересованных сторон.

Нуркадилова убили за три недели до президентских выборов. Официальная пропаганда пыталась использовать этот факт в пользу Астаны: дескать, Назарбаеву было невыгодно дестабилизировать обстановку во время электоральной кампании. Это действительно так — если не учитывать одно обстоятельство. Крестного Тестя преследует один непреходящий страх — народных выступлений и демонстраций. Это тревожное чувство, с которым он живет все свои президентские годы: что доведенная до черты бедности протестующая молодежь, наконец выступит с массовыми акциями неповиновения диктатору. И именно перед президентскими выборами этот страх обостряется как никогда.

А южные кланы Казахстана всегда слушали Заманбека Нуркадилова, ставшего непримиримым критиком президента и его режима.

Таковы составляющие этого простого уравнения. Остановить полицейское расследование было выгодно только тому, кто отдал приказ на ликвидацию популярного политика. И мы знаем имя того человека, который единственный в стране мог остановить КНБ, полицию и прокуратуру. Верховенство закона приказало долго жить в Казахстане.

До сих пор жалею, что не встретился с покойным Заманбеком Нуркадиловым ровно за две недели до убийства. Он приходил к моим родителям и попросил о встрече со мной. Я в служебной суете и командировках не придал должное внимание его просьбе. Что же хотел сказать опальный политик, так и осталось тайной.

Главная жертва.

Глава 25
Кто убил Алтынбека Сарсенбаева

Соболезнование близким и родным было написано мной сразу после убийства оппозиционного политика А. Сарсенбаева. Опубликовано в газете «Караван» от 17.02.2006 год.

«Мы перестали быть друзьями, но и не стали врагами. Последние годы Алтынбек Сарсенбаев был нашим достойным оппонентом. И, как и в каждом споре, каждый остался с осознанием собственной правоты. Такова жизнь, такова судьба. А теперь Алтынбека не стало. И больше не удастся ни поспорить, ни — может быть, помириться …

Ничего сейчас нет важнее, кроме как найти и покарать тех, кто это совершил..»

Начало

25 января 2006 год.

Комитет национальной безопасности неожиданно резко прекращает незаконную оперативно–розыскную деятельность (все виды телефонной связи и Интернета, а также негласного наружного наблюдения) за лидером оппозиционного движения, бывшим Послом Казахстана в России Алтынбеком Сарсенбаевым. Прежде по личному указанию президента Назарбаева опальный политик непрерывно находился под колпаком «у Мюллера» — десятого департамента (политический сыск), и специальной информационной службы (техническая разведка) КНБ.

Девять дней одного года. Только факты. 5 февраля 2006 год.

Рустам Ибрагимов, подполковник, бывший заместитель начальника отдела криминальной полиции Департамента внутренних дел г. Алма — Аты встречается с руководителем аппарата Сената Парламета Казахстана Ержаном Утембаевым в городе Алма — Ате.

10 февраля

Ибрагимов звонит на мобильный телефон своему другу детства, сотруднику службы наружного наблюдения полиции Алма — Аты, майору Газиеву. Цель звонка: просит друга последить за перемещениями автомашины и Алтынбека Сарсенбаева. Газиев соглашается выполнить просьбу за вознаграждение.

11 февраля, ранний вечер

Группа боевых офицеров антитеррористического спецподразделения «Арыстан — Лев» КНБ получают в дежурной части полный комплект боевого оружия и спецсредств. В

ожидании специального задания они остаются на территории базы.

Газиев в процессе тайного наружного наблюдения узнает, что Сарсенбаев на автомобиле «Тойота Камри» направляется к себе на загородную виллу в сторону высокогорного катка «Медео». С этим сообщением Газиев звонит Рустаму Ибрагимову.

(Позднее Газиев заявит на суде, что не представлял, часть какого дьявольского плана он исполняет. Узнав из газет об убийстве, он переживет нервный шок и совершит попытку суицида, приняв большую дозу героина.)

Получив информацию о пути следования джипа «Тойота», Ибрагимов отдает распоряжение по мобильному телефону командиру бойцов спецподразделения «Арыс–тан» КНБ выехать на исполнение задания.

Бригада из пяти бойцов «Арыстана», одетых в военную форму, вооруженных табельным оружием (пистолетами Стечкина и автоматами Калашникова), выезжает на служебной машине с закрытой территории спецподразделения КНБ. Джип направляется вверх по проспекту Достык, в сторону горной зоны, где стоит особняк Алтынбека Сарсенбаева. Бойцы устраивают патруль–засаду по дороге в сторону известного высокогорного катка «Медео». Когда автомашина «Тойота» приближается к засаде, Ибрагимов дает бойцам сигнал к захвату. Сотрудники КНБ под предлогом проверки документов останавливают автомашину с Сарсенбаевым и молниеносно проводят захват и арест.

Пленников — самого Алтынбека Сарсенбаева, его 46-летнего водителя Василия Журавлева и 27-летнего частного телохранителя Бауыржана Байбосын — похитители рассаживают в разные машины и вывозят в район Малая станица. Там всех пересаживают на другую машину, джип Виталия Мирошникова — бывшего сотрудника КНБ, главного помощника Ибрагимова в организации заказного убийства. Из района Малой станицы похищенных везут к дому Булата Назарбаева, брата президента республики.

В этом доме Сарсенбаева ждет Нуртай Абыкаев, спикер сената парламента, ближайшее доверенное лицо президента, и генерал Амангельды Шабдарбаев начальник президентской охраны. Происходит встреча, на которой Абыкаев и Шабдарбаев передают пленнику ультиматум от имени Нурсултана Назарбаева. Либо он переходит на его сторону, как это сделал другой оппозиционный лидер Туякбай, под полный контроль и согласовываете президентом всю деятельность руководимой им партии, либо просто будет «казнен» за возможность участия в будущих президентских выборах и разглашение государственных

тайн.

Алтынбек Сарсенбаев отказывается от выдвинутых ему требований и предупреждает, что расскажет в СМИ о криминальных методах работы казахских властей и об участии спецподразделения «Арыстан» КНБ в преследовании оппозиции. После встречи Абыкаев и Шабдарбаев сообщают президенту Назарбаеву об отказе Сарсенбаева играть по его правилам. Затем они отдают Ибрагимову приказ на ликвидацию.

Алтынбек Сарсенбаев, Василий Журавлев и Бауыржан Байбосын были казнены предположительно между 21 и 22 часами, в неустановленном месте. Тела убитых брошены на 3-м километре дороги между поселком Коктобе и поселком 12-я бригада Талгарского района Алматин–ской области.

13 февраля

Тела Сарсенбаева, Журавлева и Байбосына случайно обнаруживает в предгорьях Талгарского района Алматинской области пастух Михаил Логвиненко. Потом он расскажет корреспонденту «Каравана»: «В 10 часов утра я погнал коров на верхнее пастбище. Прошагав от поворота около 40 метров, я наткнулся на три мертвых тела. Они лежали на обочине дороги. Вокруг никого не было. Я отогнал животных и сообщил в полицию … Мертвых людей я не рассматривал, потому что было страшно. Помню только, что у самого молодого возле уха виднелась засохшая струйка крови».

16 февраля

Полиция задерживает подозреваемых в исполнении убийства. Это пять сотрудников «Арыстана» во главе с майором по кличке Тайсон. После на допросах спецназовцы назовут организатора похищения, Рустама Ибрагимова.

21 февраля

Арестован Ержан Утембаев, руководитель аппарата сената Парламента.

По горячим следам.

Имена убийц и их покровителей должны были остаться в тайне навеки. Организаторы были уверены, что все под контролем. Все прежние убийства режима остались безнаказанными. Тем более спокойны были заказчики, когда планировали эту ритуальную казнь.

Тела могли спрятать, но в этом не было смысла. Вся операция была задумана именно как акция устрашения, и должна была произвести максимальный эффект. Это был сигнал каждому независимому политику: либо вы подчиняетесь, либо вас тоже может ждать выстрел в затылок.

Однако заказчиков подвела самоуверенность. Они не учли

сразу несколько факторов, которые в итоге сработали против них.

Во–первых, они переоценили умственный уровень исполнителей, которые забрали у убитых сотовые телефоны, чтобы подарить их своим подругам. Терминаторы не знали элементарного: что звонок можно отследить не только по Сим–карте, но и по IMEA-коду самого телефона (например, если набрать #06#, на вашем мобильном телефоне появится свой идентификационный код).

Второе упущение — они не приняли во внимание, что еще работают полицейские, которые занимаются настоящими криминальными расследованиями и поиском преступников.

В-третьих, они недооценили угрозу, которую представляла свободная пресса, еще не взятая окончательно под контроль президентской Ак — Орды.

Вот как сработала эта цепочка. Далекие от политики полицейские — низовые сотрудники МВД, которым было поручено расследование, передали сотрудникам технической разведки (СИС) КНБ серийные номера пропавших мобильных телефонов и попросили сделать биллинговую распечатку звонков с этих моделей. Это стандартная процедура, которая в таких случаях запускается автоматически, без привлечения руководства ведомств.

Сотрудники СИС обнаруживают, что с одного мобильного телефона по–прежнему кто–то звонит — очевидно, уже новый хозяин с другой СИМ-картой. Дальше остается вопрос оперативной техники: по мобильным сотам–антеннамдопографическим картам города Алма — Аты полицейские задерживают нового владельца телефона. Им оказалась любовница одного офицера КНБ, которая называет имя своего возлюбленного — участника убийства. А он называет других участников захвата. Все они являются сотрудниками антитеррористического спецподразделения «Арыстан» КНБ. Как только стало ясно что информация о сотрудниках КНБ стала достоянием СМИ, сразу же руководитель администрации президента Джаксыбеков дал указание генеральному прокурору Тусупбекову и министру МВД Мухамеджанову вылететь в Алма — Ату. Затем пригласить председателя КНБ Дутбаева и прямо на базе спецподразделения «Арыстан» арестовать сотрудников КНБ, тем самым локализовав утечку информации и, возможно, спустить на тормозах ход уголовного расследования полицией.

Все усилия оперативных служб КНБ по негласному распоряжению председателя комитета генерала Дутбаева в это время были брошены на дискредитацию автора этой книги. Это была вторая часть плана — пустить полицию по ложному пути.

Председатель КНБ был настолько увлечен этой фабрикацией, что не мог представить, что в стенах его же ведомства произойдет такая фатальная утечка в городскую полицию Алма — Аты.

Известие о ней приводит Дутбаева в ярость. Он вызывает к себе директора СИС, генерала Мажренова, и избивает его прямо в своем кабинете. (Двумя с половиной годами позже Жомарт Мажренов погибнет в следственном изоляторе КНБ 8 июля 2008 года в Астане).

На этом этапе все еще возможно остановить — если бы не независимая пресса. Известие об арестах и история с телефонами становятся известны журналистам. Редакция моей газеты «Караван», телеканал КТК и информационное агентство «Kazakhstan Today» проводят свои журналистские расследования и публикуют все подробности. Джин выпущен из бутылки: причастность КНБ к убийству известна уже всей стране.

Заказчикам приходится по ходу сочинять запасную версию: в преступлении будет обвинен связной — помощник Абыкаева, руководитель аппарата Сената Ержан Утембаев. Арестованный Утембаев в застенках следственного изолятора КНБ напишет покаянное письмо президенту и по закону мафии «Омерты» возьмет всю вину на себя. Уже 1 марта 2006 года Назарбаев зачитает это письмо в парламенте и, не дожидаясь судебного решения подконтрольного ему суда, заранее назначит Утембаева заказчиком убийства.

Схема, которую наспех сочиняют находящиеся на грани паники Дутбаев и Абыкаев, не менее абсурдна и оскорбительна, чем использованная прежде версия самоубийства Заманбека Нуркадилова. Следствие заставят установить, что Утембаев обиделся на давнюю ремарку Алтынбека Сарсенбаева в газетном интервью (где речь про абыкаевского помощника даже не шла), и решил отомстить. Для этого он взял кредит 80 тысяч долларов в банке «Центркредит» и организовал бригаду из бойцов «Арыстана», чтобы расстрелять не только обидчика, но и его шофера и телохранителя.

Как работает «Альфа — Арыстан(Лев)»

/// Тела лидера оппозиции Алтынбека Сарсенбаева, водителя Василия Журавлева и охранника Бауржана Байбосын в горах Алма — Аты. Жертвы были убиты офицерами спецподразделения «Арыстан — Лев» Комитета национальной безопасности Казахстана. Фото из архива владельца газеты «Караван» Рахата Алиева. (Газета закрыта по решению прокуратуры). Утро 13 февраля 2006 г. ///

В тот самый момент, когда мне стало известно, что убийство Алтынбека Сарсенбаева и его помощников совершили бойцы–

офицеры спецподразделения «Ары–стан» КНБ, я понял, кто был истинным заказчиком этого гнусного преступления. Потому что я знал об этом подразделении нечто такое, что не было известно практически никому за пределами узкого круга лиц в КНБ, допущенных к этой информации.

«Арыстан» был (и остается до нынешнего времени — несмотря на призывы со стороны общественности и оппозиции, это подразделение президент не стал распускать) осколком грозного и легендарного спецназа КГБ СССР «Альфа». Впервые об этом подразделении широкой публике стало известно после августовского путча 1991 года. Тогда бойцы «Альфы» отказались выполнить приказ ГКЧП о штурме российского парламента в Москве, в котором укрылись сторонники Бориса Ельцина.

В октябре 1993 года бойцы «Альфы» отказались выполнять приказы уже самого российского президента Бориса Ельцина. Они не стали штумовать Белый дом, а вошли в него под белым флагом и без единого выстрела вывели лидеров мятежного парламента — Руцкого, Хасбулатова, Зорькина.

Для «Альфы» та операция даром не прошла. Борис Ельцин разглядел в ней самостоятельную и весьма опасную силу и, вместо благодарности за помощь в сравнительно бескровном подавлении путчистов, расформировал подразделение, передав его в ведение Министерства внутренних дел.

В Казахстане за этими событиями наблюдали с особым интересом. Тут была своя «Альфа», уже переименованная по — казахски в «Арыстан — Лев», лишившаяся значительной доли штатного состава после того, как основная часть бойцов уехала в Краснодарский край, где расположена одна из главных баз спецназа «Альфа» ФСБ России.

В суете первых лет независимости, впрочем, о ней на некоторое время позабыли. Но потом на свет всплыли некоторые обстоятельства, которые заставили руководство Казахстана заняться делами «Арыстана» со всей серьезностью.

Дело в том, что оставшиеся без должного контроля бойцы элитного спецподразделения начали заниматься частными приработками, оказывая широкому кругу нанимателей услуги, равных в которых им, естественно, не было. На дворе была эпоха первоначального накопления капитала со всеми сопутствующими обстоятельствами, так что спрос на специфические услуги явно превышал предложение.

Выяснилось это случайно. В поле зрения следователей комитета нацбезопасности попал тогдашний заезжий магнат Биренбаум. Его заподозрили в каких–то махинациях с экспортом природных ресурсов. Тут–то и выяснилось, что бизнесмена

охраняли люди из «Арыстана» — они сопровождали его в полной боевой экипировке, вооруженные до зубов, на машинах, приписанных к гаражу КНБ.

Это было очень неприятное открытие. Президент и его помощники вдруг осознали, что суперменов из этого элитного отряда, головорезов из головорезов, прошедших через боевые действия (недостатка в них во времена, последовавшие за распадом Союза, к сожалению, не было, так что у бойцов «Арыстана» накопился солидный боевой опыт) — словом, весьма опасных людей запросто можно нанять на дело и посерьезнее. Например, взятие президентского дворца с его хозяевами.

Нурсултан Назарбаев приказал установить жесточайший контроль над подразделением комитетовского спецназа.

Занимался этим делом тогдашний руководитель администрации президента, человек, заслуживший прозвище Серого кардинала, один из ближайших соратников Назарбаева — Нуртай Абыкаев. Для наведения порядка в рядах «Арыстана» Абыкаев пригласил к себе советником генерала из ветеранов «Альфы» А. Алексеева, который после событий 93 года отказался изменить присяге и перейти под контроль российского МВД. А во главе казахского Арыстана руководитель администрации назначил полковника КГБ Б. Коржумбаева. Именно тогда Назарбаев дал полномочия назначать руководителя спецназа прямо из его администрации.

Тогда был разработан механизм функционирования и контроля, который не изменился и по сегодняшний день. Об этом механизме мало кому известно. Но те, кто о нем знает, ни на секунду не поверили официальной версии убийства оппозиционного политика. У бойцов «Арыстана» не было даже теоретической возможности оказаться за пределами базы со штатным оружием, системами связи и на транспорте из секретного гаража подразделения без прохождения нескольких этапов контроля и без приказа. В начале девяностых, на заре независимости, офицеры спецназа (а в «Арыстане» служат только офицеры, рядовых и сержантов тут нет) могли бы без особых проблем прихватить с собой автоматы и радиостанции. Но в 2006 году это было уже невозможно. Назарбаев хорошо представлял, на что способны бойцы этого отряда, и держал их в ежовых рукавицах.

Мало кому известно о том, кому именно подчиняется «Арыстан». А подчиняется он, между тем, только главе государства, напрямую, хотя и состоит на балансе у Комитета Национальной Безопасности и финансирование его идет по линии комитета. Согласно внутренним приказам, утвержденным

лично президентом Назабае–вым, указание на использование сил и средств этого элитного отряда дается лично председателем КНБ. Ни один из его замов, равно как и начальники областных управлений нацбезопасности, не имеют права отдавать приказания командиру и бойцам «Арыстана».

Также по секретному приказу Назарбаева «Арыстан» подчиняется и начальнику Службы охраны президента. Специальный отряд бойцов подразделения принимает участие практически во всех мероприятиях, в которых участвует наш мнительный, особенно в последние годы, пожизненный руководитель. Только люди из «Арыстана» проверяют, не заминирована ли дорога, по которой проедет президент, и трибуна, с которой он будет выступать. Арыстановские снайперы будут контролировать ситуацию с крыш близлежащих к месту публичного появления президента домов.

Здесь служат люди, прошедшие через ад гражданской войны в Таджикистане, охранявшие самую опасную границу СНГ — таджикско–афганскую, многочисленные учебно–тренировочные сборы в России, США и Израиле, словом, люди, с которыми меньше всего хотелось бы повстречаться лицом к лицу.

В подразделении действует жесточайшее правило Воинского Устава: приказы не обсуждаются, они исполняются.

Такие порядки действуют на обеих специальных автономных базах спецназа «Арыстан» в городах Алма — Ате и Астане и в летних учебных лагерях. В течение двух часов любая из боевых групп «Арыстан» должна добраться до любой точки в Казахстане, используя летную технику, как Министерства обороны, так и гражданскую авиацию. Нетрудно представить, какая в подразделении дисциплина.

Эти подробности я узнал в двухтысячном году, в период, когда мой тесть направил меня реформировать казахские спецслужбы. Он дал мне тогда много полномочий, а вынес только один запрет: даже не приближаться к «Арыстану».

11 февраля 2006-го года приказ выехать на боевое задание мог отдать только председатель комитета национальной безопасности Казахстана Дутбаев и начальник президентской охранки Шабдарбаев по согласованию с президентом Казахстана Назарбаевым.

Странности следствия.

Расследование преступления и последующий судебный процесс проходили под прямым руководством шефа президентской администрации Джаксыбекова, который дважды звонил мне с указанием прекратить давать информацию по расследованию убийства в моём медиахолдинге. На что я

посоветовал ему, если он хочет спасти имидж власти, то необходимо пригласить независимых экспертов, например из Федерального бюро расследований США. Что и было сделано, но другой вопрос, что их материалы не были приобщили к делу. Показания обвиняемых и свидетелей подвергались постоянной корректировке. Главная забота у дирижеров следствия была не в том, чтобы выяснить в подробностях все детали трагедии — вместо этого все усилия были направлены на то, чтобы вытравить из материалов дела все данные, указывающие на причастность к нему Абыкаева, Шабдарбаева и Дутбаева.

Подследственные подвергались постоянному физическому и психологическому воздействию. Против самых непослушных применялись пытки. В результате из протоколов допроса Ибрагимова и Утембаева уже на заключительных этапах расследования исключаются показания, прямо указывающие на осведомленность о планируемом преступлении самого Нурсултана Назарбаева. В частности тот факт, что Утембаев давал гарантии безопасности Ибрагимову, ссылаясь напрямую на президента страны, который, по его словам, знал о предстоящем порученном деле, будучи на отдыхе в Австрии.

Вот лишь некоторые факты, указывающие на управляемость следствия и вывода из под удара главных заказчиков.

• Хотя на месте трагедии побывало практически все руководство правоохранительных органов страны, спецслужб города и области, в протоколе не указана такая важнейшая деталь — была ли одежда на убитых мокрой или сухой. Возможно, виной тому простая халатность. Но может быть, это было сделано сознательно, чтобы настоять на версии следствия, что жертвы были расстреляны на том же месте, где были впоследствии найдены.

• Почему–то расследование всячески уклонялось от ответа на вопрос, почему тела не были запорошены снегом, хотя с 11 по 12 февраля шел снег. При осмотре места преступления следователи обнаружили бурые пятна, похожие на кровь, однако по необъяснимым причинам почва не была взята для анализа. Таким образом была упущена возможность определить по площади и глубине пропитки объем пролитой крови и ответить на вопрос, кровь ли это на самом деле. Эти три упущения не позволили установить с точностью — произошла ли казнь в горах, либо тела привезли из другого места.

• В пользу версии, что трагедия свершилась в другом, неустановленном месте, говорит та деталь, что на всех убитых задраны куртки — что можно объяснить тем, тела переносили. Следствие не пытается установить ни возможное место расстрела,

ни кто и на какой машине перевозил тела.

• В ходе судебно–медицинской экспертизы патологоанатомы не производят стандартных действий, которые позволили бы точно определить время смерти.

• На лице Сарсенбаева обнаружен синяк, что говорит о возможных избиениях. Следствие никак не объясняет этот факт.

• К материалам уголовного дела не приложен журнал выдачи оружия и спецсредств службы «Арыстан» за 11 февраля — очевидно, чтобы скрыть, выдавалось ли оружие сотрудникам официально, либо в обход установленных правил.

• Мобильные сотовые телефоны Журавлева и Байбосына были найдены и изъяты. По словам близких, у Алтынбека Сарсенбаева при себе было три сотовых телефона. Следствие по непонятным причинам не занималось их поиском.

• Как смогли узнать журналисты, жертвы были расстреляны пулями разного размера и цвета, хоть и одинакового калибра. При этом не проведена экспертиза — могли ли все эти пули быть заряжены в один пистолет, который следствие считает орудием убийства. Сам пистолет не был найден.

• В своих показаниях Ибрагимов указывал на участие в преступном сговоре некоего Кикшаева — гражданина России, бывшего сотрудника администрации президента Республики Казахстан. Почему–то следствие решило не проверять причастность этого человека к убийствам.

И наконец, самые важные показания ключевого обвиняемого, которые следствие и суд оставили без рассмотрения. Ибрагимов написал в своем заявлении: «15 февраля в Астане Утембаев Е. назвал мне фамилии людей, с которыми 11 февраля должен был встретиться Сарсенбаев А., и сказал, что нам нечего опасаться. После очной ставки Утембаев попросил меня не указывать фамилии названных мне людей, сказав, что у них все под контролем и они нам помогут через два–три месяца. После письма Утембаева я понял, что меня хотят сделать козлом отпущения в политических интригах. Не вижу смысла скрывать фамилии покровителей Утембаева, так как моей жизни угрожает реальная опасность в случае моего молчания. Поэтому называю этих людей — это председатель сената Абыкаев и бывший председатель КНБ РК Дутбаев».

Суд посчитал это завляение несущественным …

На допросах и в суде Ибрагимов категорически отрицал участие в убийстве, признавая лишь организацию похищения. Однако обвинение было в итоге построено на письме Утембаева, зачитанного президентом Назарбаевым в парламенте. В этом письме Утембаев и назвал Ибрагимова человеком, расстрелявшим

похищенных. Для суда этого оказалось достаточным.

Недостающее звено.

Во всей описанной картине не хватает главного фрагмента, без которого невозможно объяснить произошедшего. Понятно, что Ержан Утембаев служил лишь гонцом–посредником, исполнявшим поручения. Понятно, что Нуртай Абыкаев и Нартай Дутбаев спасли свои шкуры, списав все на беззащитного и бесправного Утембаева, запрятанного в застенки, из которых нет выхода.

Но все это не объсняет, почему был убит Алтынбек Сарсенбаев. И почему убийство было проведено как показательная казнь — с выстрелами в затылок и подчеркнутым нежеланием киллеров замести следы и спрятать тела.

Случайно я был свидетелем сцены, которая и является тем самым недостающим звеном.

Дело происходило в австрийском городке Клагенфурте в начале февраля 2006-го года. За месяц до этого президент победил на выборах с сокрушительным 91 процентом голосов. Чтобы обеспечить эту цифру, потребовалось много административной работы, и теперь тесть отдыхал от трудов неправедных в отеле–центре современной медицины «Viva» на берегу живописного озера Woerther see.

Австрия традиционно считалась «моей территорией», поэтому я отвечал за организацию этого визита и должен был следить, чтобы верховное лицо было всем довольно. Вообще, за право устроить отдых для президента среди окружения президента и его партнеров по бизнесу постоянно ведутся целые битвы. Потому что это, во–первых, знак высочайшего благорасположения, во–вторых возможность застать Крестного Тестя в добром настроении и выторговать себе какой–нибудь кусок пожирнее или решить какой то кадровый вопрос.

Я же тогда имел привилегию родственного общения, поэтому в схватках не участвовал. Тем более, что такой визит — это всегда очень утомительное предприятие для «принимающей стороны», и тем более для посольских работников. Особенно грустен для посольства был выбор именно санатория Viva, поскольку там человек проходит курс лечебного голодания и оздоровления.

Любитель бешбармака и обильных застолий, посаженный не просто на вегетарианскую, а на веганскую диету — не самый приятный собеседник. Особенно тяжело приходится на третий день стресса от голодовки, когда организм начинает очищаться, и человек становится особенно раздражительным. Одно дело гость, который ест шашлыки и запивает их красным вином, и совсем другое — голодный и рычащий на всех вокруг президент.

Наученная охрана не попадалась на глаза голодающему.

Признаться, мне как организатору лечения пришлось держать удар президента, хотя временами приходилось снимать напряжение в фитнес–центре. Однако на пятый день жестокой диеты очищенный организм начинает ощущать легкость бытия, и к человеку вовращаются его коммуникационные способности.

9 февраля 2006 года Назарбаев внезапно вызвал к себе спикера Абыкаева. Тот вместе со своим ставленником Ержаном Утембаевым представлял Казахстан на межрелигиозном форуме в Вашингтоне. Оттуда пара должна была возвращаться через Амстердам напрямую в Алма — Ату. Но президент почему–то срочно затребовал спикера сената к себе.

В вип–зале венского аэропорта «Швехат» неожиданного гостя встречал мой друг — наш посол в Австрии Дулат Куанышев. А из Вены в Клагенфурт, который находится почти на границе с Италией, спикера вез дипломат, он же разведчик КНБ майор Даурен Масенов.

Ужинали все вместе, какими–то овощами. Затем отправились на прогулку вокруг озера, но здесь президент дал сигнал, чтобы его не беспокоили: он отправился вперед вдвоем с Абыкаевым. Мы вместе с охранниками шли на почтительном удалении. Австрийская же охрана продолжала идти, благо они не понимали языка. Слышать ничего не могли, но было видно, что между собеседниками впереди идет очень серьезный разговор. Оба держались необычно близко друг к другу — похоже, говорили шепотом, хотя вокруг никого не было.

На следующее утро Абыкаев сразу улетел в Амстердам, где его дожидался Утембаев. Из Амстердама оба тут же отбыли в Алма — Ату. Провожал их наш посол в Бенелюксе Константин Жигалов. Он позвонил Назарбаеву, доложился, что все ОК. Президент сразу потребовал соединить его с Шабдарбаевым. Разговор с начальником охраны был короткий — мы все, кто находились рядом в холле, могли его слышать: «Сам встреть Нуртая, лично. Там важное дело, он расскажет. Не по телефону, всё».

На следующий день Назарбаев сам засобирался. Это было утро пятницы, 11 февраля. Мы кортежем поехали в аэропорт, откуда тесть улетел на своем «Boeing» в город Маракеш (Марокко) по приглашению арабских шейхов (ровно через неделю он переместился в Дубай). Перед вылетом прямо у трапа Назарбаев вдруг начал расспрашивать, когда я собираюсь в Казахстан. Дескать, хватит отдыхать, нужно работать. Я сослался на то, что меня ждет в Италии Дарига с дочкой, и что я задолго предупреждал министра Токаева, что возьму недельный отпуск.

Это была правда, хотя дело было не только в отпуске. Любой человек, хоть сколь–нибудь посвященный в отечественную политику, знает — если президент улетел за границу или в другой город, что–нибудь произойдет. Либо парламент распустят, либо кого–то арестуют. В день, когда был застрелен Заманбек Нуркадилов, тестя тоже не было в стране. Потом он прилетает и начинает разбираться — дескать, что это вы здесь без меня натворили. Даже если это чистые совпадения, их частота заставляет поверить в назарбаевские приметы.

Но особенно настораживающим был именно скоропалительный визит Абыкаева. Важное дело, в которое не мог быть посвящен никто из нас? Дело, которое можно доверить только куратору спецслужб Абыкаеву и личному охраннику Шабдарбаеву. Я не имел никакого представления, что это могло быть, и пытался отогнать тревожные мысли.

В воскресенье, 13-го февраля, я был уже в Италии. Вечером мы с Даригой узнали, что пропал Алтынбек Сарсенбаев. Именно в тот день мои пути с Крестным Тестем разошлись бесповоротно.

Я обвиняю.

У меня нет сомнений, что в среду, 9 февраля, на территории отеля–санатория Viva под Клагенфуртом президент Казахстана Нурсултан Назарбаев отдал спикеру сената Нуртаю Абыкаеву распоряжение о приведение в исполнение разработанной операции по устранению лидера оппозиционного движения Алтынбека Сарсенбаева.

Как эта операция готовилась, уже известно. Этот клубок мог бы распутать любой следователь, которому позволили бы профессионально исполнять свои обязанности, не озираясь на главу государства.

Нуртай Абыкаев поручает председателю КНБ генералу Дутбаеву сформировать штурмовую бригаду для ликвидации политика и придумать план дезинформации, то есть прикрытия.

Дутбаев подбирает круг исполнителей из бойцов «Арыстана» и определяет ролевое участие каждого.

Переговоры с исполнителями, оплату их работы и предоставление гарантий безопасности Абыкаев поручает непосредственно своему человеку, руководителю аппарата сената Ержану Утембаеву.

На роль координатора действий штурмовой группы организаторы выбирают бывшего сотрудника полиции Рустама Ибрагимова. Это решало сразу две задачи. Во–первых, Ибрагимов способен управлять работой группы штурмовиков. Во–вторых, в случае провала операции или утечки информации участие милицейского сотрудника в роли «организатора» призвано было

навести прессу и расследователей на ложный след и выгородить руководство КНБ.

Как Ибрагимов попал на радары Дутбаева и Абыкаева? На протяжении нескольких лет он находился в поле зрения оперативных подразделений КНБ — в частности, управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Причина в том, что он являлся одним из лидеров организованной преступной группировки, занимавшейся контрабандой товаров через знаменитый таможенный пост «Хоргос».

Руководителям КНБ была известна связь Ибрагимова с офицером «Арыстана» Абикеновым. В свободное от боевых дежурств время, Абикенов вместе с сослуживцами подрабатывал у криминала, выбивая деньги и объясняя правила поведения бизнесменам, провозившим свои грузы через «Хоргос».

Начальник Департамента КНБ по Алма — Ате генерал Косбасар Нурбеков через своего подчиненного, начальника 5 управления подполковника Булата Мусатаева предупредил майора Абикенова, что следующее задание в начале февраля тот получит напрямую от бывшего полицейского Ибрагимова, и оно является делом государственной важности. И что руководство КНБ будет следить за его выполнением, а участников операции ждет продвижение по службе.

Именно майору Абикенову было поручено подобрать надежную штурмовую группу из сотрудников «Арыстана». В нее вошли в итоге офицеры Едигеев, Еспенбе–тов, Ералиев и Тажиев.

Параллельно сам Ибрагимов договаривается со своим знакомым полицейским Газиевым, что тот берет на себя слежку за Алтынбеком Сарсенбаевым. Для подполковника Газиева это была привычная работа: он служил в подразделениях наружного наблюдения МВД.

Для облегчения работы Газиева и для ускорения операции генерал Дутбаев передает Утембаеву уже известную КНБ информацию: карту типичных перемещений Алтынбека Сарсенбаева, названия и номера его машин, график работы и перечень людей из ближайшего окружения.

Когда подготовительная работа была завершена, Ибрагимов запрашивает о встрече с Утембаевым, на которой докладывает ему об успехах. Тот передает информацию о готовности команды своему боссу Абыкаеву.

Спикер парламента извещает президента о готовности и ждет вызова для окончательных переговоров и получения команды. Назарбаев предпочитает отдать такое распоряжение, находясь за границей. Он вызывает Абыкаева в Клагенфурт и отдает последние распоряжения: в случае, если политик не соглашается

на ультиматум и не становится ручным агентом влияния в стане оппозиции, он подлежит расстрелу.

Оперативное прикрытие операции ведут подручный Абыкаева — шеф КНБ Дутбаев и подручный Назарбаева — шеф службы охраны президента Шабдарбаев.

Алтынбек Сарсенбаев казнён профессиональными киллерами из спецподразделения КНБ «Арыстан» 11–13 февраля 2006-го года.

Я получил от генерала Жомарта Мажренова документы копии аудиофайлов зафиксированных телефонных переговоров высокопоставленных фигурантов дела по убийству А. Сарсенбаева, которые я впервые публикую. Разумеется, в них ничего не говорится в открытую. Закон «не по телефону» действует на верхних этажах власти железно. Но эти разговоры служат прямым доказательством вовлеченности казахской власти в устранение опального политика и заметание следов этого преступления.

Генерал Мажренов поплатился за эти документы своей жизнью. Он знал, что настоящие заказчики убийства находятся на свободе и руководят государством. Он знал, что является свидетелем, с которым мафия обязательно расправится. Поэтому он передал материалы за границу — чтобы они не пропали вместе с ним …

ИНФОРМАЦИОННАЯ СВОДКА СИС КНБ РК

(подлежит возврату, гриф «секретно» экз.1, Ин-р: СИС КНБ. Д 01)

Астана, 12.02.06 г.

23.20 Абыкаев (номер 83007774040) позвонил неустановленному мужчине (НМ-номер 6591397898), выяснил, может ли говорить. На утверждение НМ, Абыкаев сообщил, что обсуждения ничего не дали. При этом он еще и угрожает, в общем всё бесполезно. На что НМ сказал, что он ничего не знает, всё, забудьте эту историю и больше по телефону не звоните ему.

Астана, 24.02.06 г.

10:4 °Саудабаев (номер — 12026252390 посол Казахстана в США) выяснил у Абыкаева (номер-83007774040 спикер парламента), что убийство Сарсенбаева — это хорошо спланированная операция, где удар пришелся по слабому месту. Абыкаев надеется на быстрые результаты следствия. Одним из положительных моментов в данной ситуации Саудабаев считает приглашение из Америки представителей ФБР. При этом интересуется у Абыкаева о настроении президента и кто был инициатором приглашения американцев.

20:07 Ертысбаев (номер — 83172241661, министр

информации), проинформировав Тажина (номер-83002150011, заместитель президентской администрации) о заявлении Абыкаева, уточнил, что осветить необходимо лишь первую часть, опустив момент в отношении Утембаева (руководитель аппарата парламента).

20:18 Джаксыбеков (номер — 83002153300 руководи-н'ль президентской администрации) сообщил Абыкаеву (номер — 83007774040), что сегодня «его» допрос произошел в присутствии адвоката. В конце разговора А. уточнил, что мероприятие запланировано на первое марта, после чего будет подготовлено информационное послание (не пояснил). Д. Заверил А., что телеканалу КТК будет дано указание со следующей недели не касаться темы убийства Сарсенбаева.

21:28 Джаксыбеков (номер — 83002153300) сообщил Утемуратову (номер — 83001110025, управляющий делами президента), что на сайте «Навигатор» опубликована ложная информация о гибели от сердечного приступа Утембаева. Утемуратов проинформировал о телефонном разговоре с Абиловым, который интересовался данной информацией. В конце разговора собеседники заговорили о заявлении Абыкаева. Со слов Д., прилетевший в Астану Тасмагамбетов (мэр г. Алма — Аты), предлагал Абыкаеву включить в заявление слова об Утембаеве, как о профессионале. У. полагает, что заявление А. — политически неграмотный шаг. В крайнем случае, ему нужно было предварительно согласовать текст заявления.

Астана, 2 5.02.06 г.

11:21 Джаксыбеков (номер — 23002153300) сообщил Тажину (номер — 83002150011), что прокурор Алматинской области в своем выступлении на телеканале «Хабар» осветил местные события. Тажин пояснил, что прокурору было поручено давать информацию официального характера. Д. полагает, что по телеканалам необходимо транслировать лишь интервью министра МВД Мухамеджанова. Т., возразив, отметил, что выступивший вчера спикер Сената — второе лицо государства.

19:46 Джаксыбеков (номер 83002153300) выяснил, что Абыкаев (номер — 83007774040) находится в Астане. А. — .,)то нужно сделать? Какая разница, я здесь лягу». Д. — «вы чн> решили, что они это самое?» А. — «но остается если в силе, то все, действуем». Д. — «нет, Нуреке, вы что думаете, я сам придумал это, что ли?» А. — «нет, почему. Хорошо». Д. — «поэтому он одобрил интервью». А. — «заявление». Д. — «да, говорит, согласовывали? Я говорю — в принципе, нет, но потом переговорили. Потому что в обед говорили, что надо ему выступить в форме пресс–конференции, но он решил в форме

брифинга. Он говорит, ну наверное, это правильно… Надо завтра Нуреке слетать в Алма — Ату. Там этих новостей особо нет. Этого туда увезли, в Алма — Ату. Там скорее всего, этот уйгур наговорил». Д. — да, ну это самое, дадим указание министру. А. — А зачем этих американцев пригласили. Д. — да ладно, Нуреке, не беспокойтесь это для внешнего пользования, а так мы их пускать никуда не будем. В конце разговора Д. выяснил о приезде «Ваке» и «Имашки», которые встречались с президентом по поводу предстоящих завтра событий.

20. 01 Джаксыбеков (83002153300) дал указание Токаеву (номер 83332188888, министр иностранных дел), что 1 марта состоится заседание парламента и прочтение послания президентом, на которое нужно пригласить весь иностранный дипкорпус. Т. уточнил, что в деле проясняется? Заговорив об Утембаеве, собеседники заявили следующее. Д. — Когда эти проблемы кончатся? Т. — наверно, у Утембаева шизофрения на почве алкоголизма? Д. Проинформировал, что завтра друзья–оппозиционеры планируют провести митинг. В ходе беседы Д. отметил, что решение пригласить ФБР было своевременным. В конце разговора собеседники пришли к выводу, что Абыкаев и Утембаев подставили первого, вынудили уйти в отставку Дутбаева, что привело в «трясущееся» состояние весь госаппарат.

Астана, 26.02.06 г.

12:35 Абыкаев (номер — 83007774040) выяснил у Джаксыбекова (номер — 83002153300), что митинг, на котором присутствуют около 900 человек, проходит в Алма — Ате. Д. посоветовал А. не беспокоиться, пообещал, что в СМИ митинг освещаться не будет. По мнению А., основной задачей на данный момент является упредить провокационные моменты. А. решил вылететь вечером в Алма — Ату чартерным рейсом.

12:52 Абыкаев (номер-83007774040) сообщил Шабдарбаеву (номер-83001110002 начальник охраны президента), что в 21:00 чартерным рейсом по указанию 01 срочно вылетает вместе с охранниками в Алма — Ату. Ш. предупредил А., что в Алма — Аты к его услугам будут предоставлены сотрудники охраны из отдела визитов.

Ш. — Я передал шефу (президенту Назарбаеву) прошлый разговор.

А: Сказал? Хорошо воспринято?

Ш: Все сказал. Но он так сказал, что тот человек (Утембаев), после его уговоров все взял на себя.

А: Ну это, ладно, самое главное, как закрыть.

Ш: Вы сейчас никому не доверяйте. Нас могут тоже подставить.

А: Нет, кому доверять?

Ш: Ваш Нартай (Дутбаев — председатель КНБ) всё таки немного подвел, потому что система, так сказать, не сработала. Это он виноват.

А: Нет, я ни с кем не говорю.

Ш: Нет, нет, если что–нибудь внутри вылезет, не удивляйтесь, есть вопросы. Все ваши мысли, которые вы призносили, верны.

А: сейчас этих ФБР-цев еще пригласили. Это все Адиль–бек с Рахатом.

Ш: Но я не понял, зачем надо этих американцев приглашать, я так не понял. Нам надо хорошо обдумать, кто теперь будет там.

А: Ну, надо все обдумать, нужен 100 процентов свой.

Ш: А то опять первого подставят.

А: Ладно, об этом не будем говорить по этому телефону.

Ш: Хорошо. Затем, тот парень, который вас защищал, он тоже, там же внутри.

А: Меня защищал?

Ш: Да, со следствия. Он здесь и там.

А: Ладно, ты делай анализ, а я буду у Бекмахана в совминовской …

Ш: Никому не верьте, никого не защищайте.

14:28 Мухамеджанов (номер 83002150005, министр внутренних дел) получил указание от Джаксыбекова (номер 83002153300) провести пресс–конференцию завтра в г. Астана.

18:46 Тусупбеков (номер 83007341944, генеральный прокурор) получил задание от Джаксыбекова (номер-83002153300), что в соответствии с указанием всех зачинщиков митинга в Алмате необходимо подвергнуть административному наказанию: заключить в СИЗО ДВД минимум на 10 суток, кроме Туякбая — ему штраф.

21:12 Н. Назарбаев (номер 83002111122) сообщил Утемуратову (номер — 83001110025), что вчера Абилов, выступая по ТНК «31 канал», призывал народ выйти на площадь. Митинг, на котором присутствовало 4 тысячи человек, состоялся сегодня. Н. Н. подчеркнул, что «31 канал» — единственный телеканал, который предоставил А. час эфирного времени для выступления. С его слов, в настоящий момент все обвиняют Утемуратова в причастности к произошедшему событию.

Н. Н. — я тебе давно сказал, если ты не можешь управлять, продай мне эти 50 % канала. Я сам буду управлять… Говорим одно, делаем другое, так получается? Слушай, я конкретно даю задачу, отдай мне пакет акций канала. Я тебя прошу. Отдай. Если хочешь, я тебе заплачу. Из–за такой бучи теперь ОРТ показывает, что там происходило.

В конце беседы Н. Н. пришел к выводу, что У., финансирующий канал на собственные деньги, не может им управлять.

Оригиналы всех приведенных сводок хранятся в КНБ. За их подготовку отвечал генерал Ж. Мажренов, погибший 8 июля 2008 года в следственном изоляторе КНБ г. Астана.

Итоги.

Десять человек, участвовавших в похищении и убийстве Алтынбека Сарсенбаева, Бауыржана Байбосына и Василия Журавлева признаны виновными и приговорены к разным срокам заключения. Объявленный заказчиком Ержан Утембаев получил 20 лет тюрьмы. Объявленный киллером Рустам Ибрагимов — смертную казнь, замененную на пожизненное заключение.

Генерал Дутбаев выведен из–под удара, но вынужден подать в отставку с поста председателя КНБ. Впрочем, далеко Дутбаев не уходит — он возвращается руководителем Академии КНБ, а летом 2007 года президент Назарбаев вновь назначает его своим советником по спецслужбам и правоохранительным органам.

С этого момента начинается восхождение во власть могущественного президентского охранника Шабдарбаева — того самого, который уже посылал охраняемого им Нурсултана Назарбаева на три буквы. Он становится председателем комитета национальной безопасности как раз в го время, когда в стране окончательно начинают демонтироваться гражданские свободы и ликвидируется свобода прессы. Влияние КНБ возрастает многократно и заставляет вспомнить времена его предшественника КГБ, наводившего ужас на каждого советского гражданина.

Теперь Шабдарбаев охраняет как президента (он оставил за собой полный контроль над его службой безопасности), так и всех граждан страны. Причем охранник из него все больше получается тюремный. Любой, кому приходилось ходить с телохранителем, знает, что в итоге твои же защитники становятся твоими начальниками и начинают ограничивать твою же свободу. Они начинают решать, что можно делать, а что нельзя, куда можно идти, а куда нельзя.

А уж тем более зависим от них президент, который боится всего — людей, еды, информации. Все его блюда тестирует «грибной человек», от народа он защищен форпостом дворцом «Ак — Орда», единственный источник информации — девятичасовые новости телеканала «Хабар», и плюс к ним сводки КНБ. Что в эти сводки попадет, тщательно отбирается специально натренированной командой. В них не должно быть ничего, что может расстроить Крестного Тестя, кроме информации,

компрометирующей врагов Шабдарбаева. Ключ от этой золотой клетки, в которую добровольно заключил себя президент, находится в надежных руках личного охранника генерала Шабдарбаева.

Дни независимой прессы после убийства Алтынбека Сарсенбаева оказываются сочтены. Нурсултан Назарбаев увидел, какую угрозу представляют собой информационные агентства, газеты и телеканалы, не взятые под его личный контроль.

В разгар расследования, которое без цензуры освещают агентство Kazakhstan Today, газета «Караван» и телеканал КТК, я получаю первое предупреждение от Крестного Тестя — отдать ему все эти медиа–активы. Я отвечаю отказом, но мы оба понимаем, что теперь это только вопрос времени. Время истекло в мае 2007-го года.

Дни независимой оппозиции все дальше уходят в прошлое. Со смертью Алтынбека Сарсенбаева в стране наступает долгая холодная политическая зима.

Документы из дела оперативного документирования «Сарсен» И) Департамента и 1 Центра СИС КНБ Казахстана переданные мне генералом Жомартом Мажреновым (1)

Совершенно секретно

Экз.№

СПРАВКА

в отношении объекта «Сарсен»

Политическая деятельность объекта

«Сарсен» (Сарсенбаев Алтынбек) — сопредседатель партии «Настоящий «Ак Жол», член президиума движения «За справедливый Казахстан» (ЗСК).

Являясь одним из лидеров вышеназванных политических объединений, «Сарсен» проводит активную деятельность по претворению в жизнь декларируемых задач парти: через принятие новой Конституции РК усиление полномочий Парламента, и вплоть до перехода от президентской формы правления к президентско–нарламентской, усиление контроля за правительством, за реализацией госпрограмм и расходованием (бюджстных средств и т. д. При этом скрытыми задачами партии являются передел ниш и собственности в своих интересах, получение реальных рычагов управления страной посредством участия в президентских выборах.

Формами деятельности партии «Настоящий «Ак жол» и ЗСК являются политическая пропаганда собственных идей и критика государственного курса; проведение пресс–конференций и Круглых столов, публикация обращений и пресс–релизов, проведение других акций.

В этой связи достаточно активна деятельность «Сарсена» в плане сотрудничества с представителями казахстанских и российских СМИ. Во время поездок по республике и за рубежом, в своих публикациях и интервью объект заявляет о причастности высшего руководства страны, в т. ч. главы государства, ко многим международным скандалам, связанным с коррупцией, подвергает резкой критике закон о политических партиях и изменения избирательного законодательства.

Как известно, с 1993 года «Сарсен» в течение восьми лег занимал пост министра печати и средств массовой информации, в 2001 секретаря Совета безопасности при

Президенте РК, в 2002 чрезвычайного и полномочного посла РК в РФ.

Впервые как серьезная политическая фигура «Сарсен» заявил о себе еще в 2001, когда еще находясь на должности секретаря Совбеза, публично выразил поддержку создателям ДВК. А в конце 2003 «Сарсен» добровольно оставил должность посла РК в РФ для того, чтобы заняться политической деятельностью, позже вступил в партию «Ак жол» и стал одним из ее сопредседателей.

В июле 2004 «Сарсен» назначается министром информации, в сентябре — подает в отставку, в апреле 2005 становится сопредседателем ДНК «Настоящий Ак жол».

Имеющиеся материалы свидетельствуют о неоднозначном характере «Сарсена» как политика — лидера политической партии, которая за непродолжительный срок претерпела ряд изменений в составе, названии и т. д.

Так, в период создания движения ДВК в ноябре 2001 «Сарсен» был в курсе событий и поддерживал идею создания движения, однако на момент официального объявления о его создании заявлений о вступлении или открытой поддержки с его стороны не последовало. Тем не менее, сразу после официального объявления о создании движения «Сарсен» дал развернутое интервью в плане оказания поддержки учредителям ДВК, которое по указанию М. Аблязова было опубликовано в газете «Республика» и неоднократно транслировалось по телеканалу «Тан». Позднее через свои связи в среде руководителей СМИ «Сарсен» прилагал определенные усилия для того, чтобы остановить публикацию негативных материалов в адрес лиц, заявивших о своем членстве в ДВК. В разговоре с президентом Национальной ассоциации телерадиовещателей Казахстана А. Байтасовым (ТРК «31 канал») «Сарсен» высказал пожелание об инициировании со стороны журналистов обращения о недопустимости преследования граждан за их политические убеждения, подразумевая при этом А. Байменова и О. Жандосова.

Отдельные материалы переписки М. Аблязова и А. Кажегельдина указывают на то, что «Сарсен» входил в близкий круг доверенных лиц инициаторов создания ДВК, с самого начала имел полную информацию о назревающей ситуации. По утверждению Аблязова, задолго до официального объявления о создании ДВК были достигнуты определенные договоренности с «Сарсеном» и М. Тажиным, в рамках которых «Сарсен» оказал Аблязову содействие в приобретении ТВ-частот в регионах, что впоследствии позволило на первых порах организовать освещение деятельности ДВК практически по всей республике. По утверждению Аблязова, благодаря вмешательству «Сарсена» и М. Тажина, он был освобожден после задержания в аэропорту г. Алматы в сентябре 2001.

Занимая должность посла РК в РФ в 2002–2003 «Сарсен» продолжил активное сотрудничество с А. Байменовым, О. Жандосовым и Б. Абиловым, которые в начале 2004 официально объявили о своем выходе из состава ДВК и учредили ДНК «Ак жол». В этот период отмечены неоднократные встречи «Сарсена» с Жандосовым, во время поездок последнего в г. Москву, в ходе которых возможно обговаривались основные аспекты деятельности партии «Ак жол». «Сарсен» оказал поддержку Б. Абилову, выдвинувшему свою кандидатуру на довыборах в Мажилис Парламента Казахстана 28 декабря 2002, организовав через свои каналы поиск информации компрометирующего характера в отношении его оппонента.

В период деятельности в партии «Ак жол» совместно с А. Саримовым и другими однопартийцами «Сарсен» принимал участие в подготовке многочисленных интервью, заявлений и обращений для публикации на страницах печатных и электронных СМИ. На начальном этапе пребывания «Сарсена» в партии характер отдельных высказываний «Сарсена» в СМИ о необходимости углубления политических реформ в стране свидетельствовали о том, что в большей степени он подвергает критике не самого Президента РК, а его близкое окружение, в частности Н. Абыкаева и Д. Ахметова, Однако последующие материалы «Сарсена» в отношении общественно–политической ситуации в республике (проводимая первыми руководителями страны политика, имеющееся законодательство, выборный процесс и т. п. вопросы) стали приобретать более критический характер.

Решение «Сарсена» вступить в ДПК «Ак жол», очевидно, носит не спонтанный характер, а явилось обдуманным и взвешенным шагом. Еще в январе 2002 он признавался Б. Утемуратову, что информировал Президента РК о поступившем предложении

вступить в «Ак жол» и получил принципиальное согласие на данный шаг.

В партию «Ак жол» «Сарсен» вошел в ноябре 2003 на III съезде партии, на котором четко и ясно изложил свою позицию, основными моментами которой были обозначены следующие: активизация политических реформ, создание среднего класса, признание смешанной экономики, введение нового Закона «О выборах» и т. п. Согласно распределению обязанностей среди сопредседателей ДПК «Ак жол» «Сарсен» взял на себя ответственность за информационно–аналитическое обеспечение деятельности партии. В этот период отмечена информация о намерении объекта создать в г. Алматы некую информационно–аналитическую структуру, которую должен был возглавить А. Саримов.

Примерно в этот период отмечены критические замечания «Сарсена» в адрес новой партии «Асар», лидером которой стала Д. Назарбаева. Объект считает партию «Асар» конъюнктурным пиар–проектом, для реализации которого мобилизованы все национальные телеканалы медиа–холдинга Д. Назарбаевой, все его кадровые и интеллектуальные возможности.

Предложение главы государства возглавить министерство информации в предвыборный период «Сарсен» принял, выступил с заявлением о том, что рассматривает это назначение «как реальную возможность для начала конструктивных и тимоотношений между властью и всеми политическими силами страны во благо нашего государства и его граждан» (июль 2004).

На IV съезде партии «Ак жол» 31 июля 2004 «Сарсен» был утвержден под № 2 в партийном списке лиц (кандидатов) для избрания в депутаты Мажилиса Парламента РК по территории единого общенационального избирательного округа. Также на съезде «Сарсен» предложил делегатам съезда принять два обращения к главе государства: с просьбой проявить акт гуманизма в виде помилования и освобождения Г. Жакиянова, с просьбой обеспечить объективное и справедливое рассмотрение судебного дела в отношении одного из сопредседателей партии Булата Абилова.

По итогам парламентских выборов в сентябре 2004 партия «Ак жол» заявила, что выборы депутатов Мажилиса Парламента РК прошли с грубейшими нарушениями Конституции и законодательства о выборах, являются несвободными и несправедливыми. «Сарсен» в знак протеста подал в отставку.

В сентябре–окгябре «Сарсен» в одной из своих статей опять подверг критике Д. Назарбаеву, заявив о наличии пяти телеканалов, на содержание которых ежегодно из бюджетных

средств выделяется 5 млрд. тенге и т. п. В итоге на него со стороны Агентства «Хабар» был подан иск с требованием о публичном опровержении «Сарсеном» сведений, порочащих деловую репутацию Агентства, а также о взыскании с него компенсации за нанесенный моральный вред в размере 1 млрд. тенге. Несмотря на это, в своих интервью «Сарсен» продолжает развивать эту тему.

«Сарсен» принял участие в работе международной конференции «Демократия в Евразии» (Лондон, 12 ноября 2004), в которой также приняли участие Б. Абилов, О. Жандосов, А. Кажегельдин, Р. Нугманов, Н. Масанов, А. Кожахметов (ДВК), Т. Тохтасынов, С. Абдильдин (КПК), а также посол РК в Великобритании Е. Идрисов. Организатором конференции выступил Рашид Нугманов, генеральный директор international Freedom Network. Отмечены данные, что А. Кажегельдин обсуждал с Е. Бапи поездку в Лондон «Сарсена», Жандосова и Б. Абилова (информация от 6.11.2004). Отдельные материалы указывают, что представители партии «Ак жол» выезжали в Лондон по приглашению других лиц, у них был отдельный график встреч.

В докладе для конференции «Сарсен» и его помощник А. Саримов планировали осветить несколько тем, среди которых: необходимость политических реформ, реальное противоречие реформаторов с властью в 2001 г.; начало репрессий против Жакиянова и Аблязова; регрессивный для Казахстана период с 2001 г., переход от авторитаризма к тоталитаризму.

Материалы в отношении раскола в партии «Ак жол», начавшегося с конференции партии в феврале 2005, на которой «Сарсену» должны были выразить недоверие, свидетельствуют, что «Сарсен» тяжело переживал данную ситуацию. Накануне пресс–конференции по итогам партийного форума, «Сарсен» попросил И. Мельцера задать ряд вопросов в отношении дальнейших планов Байменова без «Сарсена» и других сопредседателей и т. п. Следует отметить, что в этот период «Сарсена» поддержал А. Кажегельдин, призвав не переживать и заниматься новой организацией, нюансы которой они обсуждали ранее.

Весной 2005 «Сарсен» активно занимается политической деятельностью, 13 марта проводит ответную общереспубликанскую партийную конференцию, на которой принимается обращение участников конференции о поддержке инициативы группы граждан о создании общенародного предвыборного движения «За справедливый Казахстан», а также о выражении доверия сопредседателю партии «Сарсену». 30 марта

— дает интервью «Эхо Москвы», 29 мая — «Central Asia Monitor». В апреле инициативная группа по созданию ДПК «Настоящий «Ак жол» выступила с заявлением о создании новой партии «Настоящий «Ак жол».

В настоящее время «Сарсен» в рамках «ЗСК» активно общается с Ж. Туякбаем, который выезжает в регионы, в частности сопровождал его в поездке в Чилик Алматинской области, продолжает публикацию статей в газетах «Время», «Жас Алаш» и др.

Устойчивые связи и характер контактов

Круг связей «Сарсена» среди представителей казахстанских государственных структур, политизированных структур и СМИ, сотрудников МНПО и дипломатических представительств, аккредитованных в РК, условно можно распределить на следующие группы:

1) представители казахстанских государственных и политизированных структур

Отдельные материалы указывают на доверительный характер отношений «Сарсена» с Б. Утемуратовым. Так, в конце 2001 — начале 2002 отмечены телефонные переговоры, в которых Утемуратов информировал «Сарсена» о принятии решения о назначении «Сарсена» послом в РФ, отмечая при этом по–прежнему доброжелательное отношение главы государства к объекту. Утемуратов также оказывал поддержку деятельности ДПК «Ак жол», выполняя при этом роль связующего звена между высшим руководством страны и лидерами «Ак жол», корректируя при необходимости те или иные политические шаги партии. Так в ответ на передачу «Общественное мнение» в отношении принадлежности предприятий Балхашского региона, Утемуратов выразил крайнее недовольство, отметив о нарушении данной передачей негласных правил. В этой связи «Сарсен» заверил, что подобное в дальнейшем не повторится, а Абилов скорее всего, передаст полномочия ведущего программы Асылбеку Абдуллову. В апреле 2005 «Сарсен» выходил на Утемуратова, кратко изложив вопрос одного судебного процесса, в ультимативной форме призвал принять соответствующее решение, чтобы не довести дело до «запасного варианта».

В близкий круг дружеских связей «Сарсена» этого периода входили Байменов, Аблязов и Жандосов, с последним у объекта сложились наиболее доверительные отношения (неоднократные встречи «Сарсена» и Жандосова, в т. ч. в неформальной обстановке, в период нахождения объекта на должности посла РК в РФ). Возможно, дружеские отношения между ними возникли во время их учебы в МГУ РФ на параллельных курсах в середине 80-

х годов. «Сарсен» поддерживает тесные и довольно доверительные отношения с Жандосовым и в настоящее время.

В отношении дружеских связей «Сарсена» с Байменовым отдельные материалы также указывают на их продолжительный характер. Согласно утверждениям отдельных авторов материалов Интернет сайтов, успешной карьерой в высших органах власти Байменов обязан «Сарсену», оказавшему ему поддержку в начале 90-х годов, выдвинув его кандидатуру на назначение в высшие органы власти. Однако сразу после проведения съезда партии в начале 2004 между двумя сопредседателями возникли некоторые разногласия, причиной которых могли явиться разные точки зрения на дальнейшую стратегию партию. Также свою роль в возникновении непонимания между ними, возможно, сыграли третьи лица, в числе которых и Н. Суханбердин. При этом отмечена готовность «Сарсена» отойти от политической деятельности в партии «Ак жол», если это может стать причиной ухудшения отношений с Байменовым. Как отмечалось ранее, «Сарсен» тяжело переживал в морально–этическом плане ситуацию, сложившуюся на конференции партии в феврале 2005. По его утверждению, Байменов, которого он поддерживал во время его госслужбы и для поддержки которого он Перешел в «Ак жол», оказался предателем. В настоящее время отношения не iu удерживаются.

На начальном этапе совместной работы в партии «Сарсен» не считал Абилова серьезным политиком, предполагая, что тот отойдет от активной политической деятельности, если получит более выгодное предложение. Дальнейшая совместная деятельность несколько изменила отношение «Сарсена», который в силу своих прямых обязанностей и возможностей оказывал всяческую поддержку Абилову.

Отмечены единичные контакты «Сарсена» с Кажегельдиным, хотя косвенные данные указывают на их тесное сотрудничество по партийной линии. По всей иидимости, Кажегельдин делает большие ставки на Ж. Туякбая и «Сарсена».

Также отмечены редкие контакты с Жакияновыми: в марте 2005 «Сарсен» поздравил Г. Жакиянова с праздником Наурыз, обменялся информацией по событиям в Кыргызстане. К. Жакиянова связывалась с «Сарсеном», информировала о положении дел супруга, обращалась к объекту с просьбой о встрече.

Неоднозначные отношения у «Сарсена» сложились с З. Нуркадиловым, который в силу своего неуравновешенного характера позволил выпады в адрес «Сарсена», в связи с чем объект пригрозил отомстить обидчику, если тот публично не

попросит прощения. После уговоров со стороны своего окружения Нуркадилов пошел на компромисс, что было незамедлительно отмечено «Сарсеном», который поблагодарил его за поступок.

представители зарубежных официальных кругов, МНПО:

29 октября 2004 — пресс–конференция Госсекретаря США, на которой присутствовали «Сарсен», Абилов, Жандосов. По утверждению журналистки, аккредитованной «Казахстан Тудэй», диалог получился протокольным, т. е. «все прошло политически корректно, в лучших традициях дипломатии». Тем не менее, после встречи Госсекретарь заявил, что они его «достаточно сильно подзарядили», высказал мнение, что они преданны демократическим принципам и Казахстану, выразил надежду на будущую встречу с ними.

29 апреля 2005 — в офисе движения «ЗСК» прошла встреча делегации Национального комитета по американской внешней политике из Вашингтона с Ж. Туякбаем, А. Косановым, О. Жандосовым и «Сарсеном».

31 мая 2005 — в офис Европарламента для обсуждения политических вопросов приглашены «Сарсен», А. Косанов, Ж. Туякбай, А. Кожахметов, С. Абдильдин, І. Гохтасынов, Б. Абилов, О. Жандосов и З. Нуркадилов.

2 июня 2005 — по итогам встречи с «Сарсеном», Жандосовым и Абиловым Д. Стюарт (исполнительный директор ИРИ) негативно отозвалась о поведении Жандосова в частности и об их стратегии в целом, о чем намеревалась рассказать Д. Ьайменову.

ЧСМИ:

Как отмечалось выше, «Сарсен» активно дает интервью казахстанским и зарубежным СМИ, и совместно с Саримовым, иногда с П. Своиком и В. Козловым координирует публикацию материалов (пресс–релизы пресс–службы «Ак жол», свои Статьи и интервью, тезисы выступлений Абилова и др.) на страницах печатных и электронных СМИ. Многие материалы печатаются в газетах «Свз» и «Жас Алаш», а также на сайте «Навигатор».

На начальном этапе политической деятельности отмечены Ю. Мизинов (редактор Интернет–сайта «Навигатор») и Н. Аблязов (ранее шеф–редактор газеты «Время По»). При этом в отношении Мизинова прямых контактов с «Сарсеном» не зафиксировано, только косвенные — помещенные в Интернет–газете «Навигатор» интервью «Сарсена». Также отмечено утверждение корреспондентки А. Омаровой в разговоре с Саримовым, что по неофициальной новости Интернет–газета Навигатор переходит в собственность «Сарсена». В настоящее время «Сарсен» поддерживает контакты с А. Омаровой, которая считает его «самым умным среди всех интриганом».

Из числа выявленных устойчивых связей объекта также можно отметить И. Мельцера, газета которого на протяжении последних лет является негласным рупором партии «Ак жол». «Сарсен» неоднократно встречался с Мельцером, в т. ч. и в неформальной обстановке.

Отмечены контакты «Сарсена» с Г. Ергалиевой и Ш. Курабаем в отношении подготовки тех или иных материалов, а также с корреспондентами Радио «Азаттык».

Личностные и психологические характеристики объекта

«Сарсен» родился 12 сентября 1962 в с. Кайнар Нарынкольского района Алматинской области.

Речь «Сарсена» уравновешенная, спокойная. В совершенстве владеет казахским и русским языками.

Женат, супруга — Салтанат, не посвящает ее в свои планы.

Имеет сына и дочь. Планирует обучение дочери в Великобритании.

«Сарсен» не склонен к спонтанным поступкам, тщательно просчитывает свои действия.

Высокомерен, тщеславен. Обидчив и мстителен.

Мнения о «Сарсене»

По мнению отдельных представителей радикально настроенных политизированных структур, вступление «Сарсена» в ряды ДПК «Ак жол» стало хорошо спланированным шагом официальных властей, направленным на вытеснение т. н. «настоящей оппозиции» в лице РНПК и ДВК. Так, по мнению Б. Габдуллина, значительна выросшая в политическом плане партия «Ак жол» с вступлением в нее «Сарсена» приобрела еще больший вес и стала современной партией буржуазного толка, имеющей реальные шансы победить в парламентских выборах 2004 года. В этой связи, признавая проигрышную ситуацию, в которую попала РНПК, Габдуллин заявлял о своей готовности сотрудничать с «Ак жол» с тем, чтобы вернуться в Казахстан и принять участие в выборах.

По данным Социологической службы Национального рейтингового агентства «KAZRATTNG», рейтинг общественных деятелей Казахстана в апреле 2005 показал «Сарсена» вторым потенциальным кандидатом после Ж. Туякбая на президентский пост.

Отношение к органам национальной безопасности

Объект и его связи подозревают о прослушивании их телефонных переговоров и перехвате электронной почты. В частности, отмечены применение «Сарсеном» и его связями разного рода условностей, недомолвок. Многие моменты «Сарсен» предпочитает обсуждать при личных встречах, им

допускаются ироничные замечания в адрес спецслужб, проводящих данные действия.

1 Центр СИС КНБ РК Инициатор — 10 департамент КНБ РК

НагызАкЖол

1. «Сарсен» (А. Сарсенбаев) — 3004288377, 3004116514, 3332228809, 0951392956, 0954145641

2. «Бурагоз» (Б. Абилов) — 3001111122, 3007775200, 3007546515

3. «Удод» (О. Жандосов) — 3001110005

связи

«Временщик» (И. Мелыдер) — 3332152631

А к Жол

\. «Байали» (А. Байменов) — 3007112378

Контроль связей Дутбаева и Утембаева проводился по IMEI. Это международный идентификатор мобильного оборудования, число (обычно 15 разрядное в десятичном представлении), уникальное для каждого GSM и UMTS мобильного телефона. Играет роль серийного номера аппарата. Передается в эфир при авторизации в сети. IMEI используется для отслеживания аппаратов и для блокирования краденых телефонов на уровне оператора сотовой связи.

Установлены следующие контакты:

Утембаев IMEI-3362006429550

Лист 2

05.01.2006 13:37 7774040 117 (Абыкаев)

05.01.2006 17:33 83272990972 103 (Дутбаев раб.)

Incoming 353362006429550

Outgoing 353362006429550

Лист 4

«Спас» (Нуркадилов З. К.) — 607777 «Боря» (С. Алибаев) — 3332168813

07.01.2006 10:57 3007774040 07.01.2006 11:30 7177100 07.01.2006 11:59 3007774040 07.01.2006 13:17 7177100 07.01.2006 15:56 1117300 07.01.2006 15:58 1117300

351 (Абыкаев) 178 (Дутбаев) 132 (Абыкаев) 144 (Дутбаев) 54 (Нурбеков) 34 (Нурбеков)

Incoming Incoming Incoming Outgoing Outgoing Outgoing

353362006429550 353362006429550 353362006429550 353362006429550 353362006429550 353362006429550

Лист 10

САРСЕН-2_А 73007239662 Поставлен на контроль с 05/11/2005

САРСЕН-2 73007239662 Поставлен на контроль с 05/11 /2005

15.01.2006 1:32 15.01.2006 1:37 15.01.2006 10:22 15.01.2006

11:59

3007774040 7774040 7177100 1117300

180 (Абыкаев) 154 (Абыкаев) 134 (Дутбаев) 263 (Нурбеков)

Incoming Outgoing Outgoing Outgoing

353362006429550 353362006429550 353362006429550 353362006429550

Лист 19

1 ЦЕНТР СИС КНБ РК

26 01.2006 10:09 3007774040 26.01.2006 12:20 83272990972 26.01.2006 15:08 3007177100

130 (Абыкаев) 459 (Дутбаев, раб.) 577 (Нурбеков)

Incoming Outgoing Outgoing

353362006429550 353362006429550 353362006429550

Лист 22

30.01.2006 13:48 30.01.2006 14:21 30.01.2006 14:46 30.01.2006 14:49 30 01.2006 15:12 30.01.2006 15:13

3007774040 3007177100 3001117300 3001117300 3001117300 3001117300

131 (Абыкаев)

222 (Дутбаев)

8

3

15

637 (Нурбеков)

Incoming Outgoing Outgoing Outgoing Outgoing Outgoing

353362006429550 353362006429550 353362006429550 353362006429550 353362006429550 353362006429550

Дутбаев IMEI-354327007543920 Лист 8

01.07.2006 11:30 | Утембаев 73332113703 j ~ 178[Outqoinq~

01.07.2006 12:50 Абыкаев 3007774040 84 Incoming 354327007543

01.07.2006 13:17 Утембаев 73332113703 144 Incominq 354327007543

01.07.2006 13:28 Нурбеков 3001117300 120 Incominq 354327007543

Лист 17

15.01.2006 10:22:24 Утембаев 73332113703 134 Incoming 354327007543:

15.01.2006 10:32:41 Нурбеков 1117300 4 Outqoinq 354327007543:

15.01.200610:33:25 Нурбеков 3001117300 23 Incoming

15.01.2006 10:33:51 Нурбеков 1117300 69 Outqoinq 354327007543!

15.01.2006 10:37:16 Нурбеков 1117300 17 Outqoinq

354327007543!

Лист 32

30.01.2006 14:21:41 Утембаев 73332113703 222 Incoming 354327007542

31.01.200613:36:34 Нурбеков 1117300 28 Outgoing 354327007543

Лист 35

С февраля в оригиналах биллинга переставлены число и месяц.

I 02.03.2006 14:44J Мажеренов 7221890J ~~170|Outgoing [354327007543

Лист 40

02.10.2006 9:07 Утембаев 73332113703 117 Incoming 354327007543$

02.10.2006 18:13 Нурбеков 1117300 522 Outgoing

После этого разговора с Нурбековым биллинг уничтожен до марта 2006 года.

Детализация вызовов. За период с 01.01.2006 по 19.04.2006. MEt 354327007543920.

(Ю)

Ol)

Детализация вызовов. За период с 01.01,2006 по 19.04.200v. IMEI 354327007543920.

Глава 26
Памяти генерала Мажренова

«Я бы очень хотел, чтобы у власти сидели люди, которым нельзя было сказать: вы убили» Алексей Толстой, русский писатель.

Генерал Мажренов погиб 8 июля 2008-го года в секретном следственном изоляторе комитета национальной безопасности в городе Астана. Это первый случай в пост–сталинской истории, когда спецслужбы убили в застенках своего высокопоставленного руководителя, человека, который отдал службе более 25 лет своей жизни.

Официальная версия — Жомарт Мажренов покончил жизнь самоубийством, повесившись на своем нижнем белье. Эта лживая версия никого не обманывает. В следственном изоляторе человек не предоставлен самому себе, он находится под постоянным надзором: 24 часа в сутки ведется скрытое видеонаблюдение и аудиоконтроль.

Генерала Мажренова убили — за то, что он слишком много знал. Только благодаря смелости и принципиальности этого человека было раскрыто политическое убийство оппозиционера Алтынбека Сарсенбаева. Возглавляя Специальную информационную службу (техническую разведку) КНБ, он отследил звонки близких убийцам людей с мобильных телефонов жертв — и передал эту информацию оперативно- следственной группе МВД.

Без этого следа расстрел оппозиционного политика так и остался бы нераскрытым преступлением — либо позже его взяли бы на себя какие–нибудь наркоманы или рецидивисты по приказу руководства КНБ. Что наша репрессивная машина довела до совершенства — так это выбивание под пытками нужных показаний из граждан, содержащихся под следствием или под домашним арестом.

Однако Мажренов знал нечто большее — содержание телефонных переговоров, которое указывало на истинных влиятельных заказчиков этого преступления. Информация, которой по долгу службы владел Жомарт Мажренов, была настолько опасной для президента Назарбаева и его помощников, что его держали в изоляции, не позволяя появиться в зале военного суда — даже в качестве свидетеля.

Для этого его даже вывели из числа обвиняемых по уголовному делу, жертвами которого стали двенадцать бывших

сотрудников специальной информационной службы, подчиненных генерала.

Со своими знаниями он был опасен для Крестного Тестя и его штурмовиков — Шабдарбаева и Дутбаева. А режим, который однажды пошел на убийство, не остановится перед ликвидацией опасного свидетеля.

Жомарт Мажренов был виновен только в том, что честно исполнял профессиональные обязанности. В сегодняшнем Казахстане это может быть смертельно опасно. Светлая память о Жомарте Мажренове навсегда останется в памяти друзей и коллег.

Глава 27
Оппозиция его Величества

В октябре 2007 года политический кризис в Казахстане достиг критической черты. Распад элиты, локальные войны за энергоресурсы, влияние, силовые позиции, бесконечный раздел и передел собственности уже невозможно стало скрывать от посторонних глаз. Возникла ситуация, со стороны похожая на войну всех против всех. И все это на фоне разрастающегося банковского кризиса в Казахстане, из–за нехватки наличных денег.

В таких условиях, естественно, публика стала свидетелем мощного выброса компрометирующих материалов в прессу и Интернет. То, что в окружении президента Назарбаева, в силовых ведомствах и даже частных охранных структурах все слушают всех и вся — это ни для кого не секрет. Как написал об обострении «войны компроматов» один журналист — «пишут пожарные, пишет милиция». Во многих крупных частных банках существуют службы безопасности, а в их составе есть секретные группы, которые занимаются коммерческим шпионажем и слежкой за конкурентами, с использованием систем слежения и подслушивающего оборудования.

Первый гражданский министр внутренних дел Бауржан Мухамеджанов в свое время был первым казахским чиновником, которого КНБ и Генеральная прокуратура обвинили в организации несанкционированной прослушки, о чем стало известно СМИ. Тогда он занимал другой пост — министра юстиции. В стране, где никто не доверяет никому, министерство юстиции не было исключением: Мухамеджанов слушал своих подчиненных, а за самим Мухамеджано–вым зорко присматривал комитет нацбезопасности.

Его специалисты и обнаружили кабельную систему, которая вела из комнаты помощника министра едва ли не во все кабинеты министерства. Возбудили уголовное дело, бедному Бауржану пришлось некоторое время сильно понервничать (с того малоприятного времени за ним и закрепилось прозвище «Ушастик»). Некоторое время судьба его висела на волоске. Но, во–первых, такой «слуга» обладал беспринципностью, раболепием перед теми, кто выше его в неформальной астанинской иерархии и также готовностью по первому требованию нарушить любые моральные ограничения, он выделялся даже на фоне других ярчайших представителей назарба–евской рати. Так что он был

нужен Хозяину. Во–вторых, прегрешение его по астанинским меркам было невелико и заключалось скорее не в том, что он натворил, а в том, что попался. Ну, подумаешь, слушал своих подчиненных … с кем не бывает!

Конечно, незаконные прослушивания любой структурой с помощью технических средств, моментально напрягают всех чекистов КНБ, которые испытывают нечто вроде приступа ревности, поскольку информационный контроль за средствами связи — это святая святых секретной спецслужбы еще со времен советского КГБ.

Тогда Бауржан Мухамеджанов отделался легким испугом. Правда, для этого ему пришлось простоять (как рассказывали мне потом люди из СОПа, президентской службы охраны) полчаса на коленях перед Назарбаевым, молить о прощении и называть себя земляным червяком. Суперхан помиловал. На том дело и закончилось. В любой другой стране такие, как Мухамеджанов, оказались бы под судебным следствием, как минимум лишились бы должности, но только не в казахском «королевстве кривых зеркал».

Наказали стрелочника, то есть техника, который тянул провода из комнаты отдыха министра в кабинеты его подчиненных. Однако, возникла одна щепетильная проблема. Уголовное дело уже возбудили, и нужно было его под каким–то предлогом закрывать. При решении этой задачи проявилось одно любопытное обстоятельство, не всегда заметное сторонним наблюдателям за жизнью официальной Астаны.

С одной стороны, кадровая политика Назарбаева заключается в том, чтобы последовательно и регулярно выдавливать из своего ближайшего окружения всех, кто мог бы составить ему конкуренцию. Побочным следствием реализации такой политики является регулярное снижение интеллектуального уровня окружения президента. Если бы кто–то взялся нарисовать «коллективный IQ» назарбаевского клана, то он бы походил на график показателей отсталого «колхоза» с карикатуры из советского журнала «Крокодил».

С другой стороны, культивируемое среди клевретов Назарбаева презрение к общественному мнению (которое выразилось в знаменитой фразе Назарбаева «Независимая пресса у нас потому независимая, что от нее ничего не зависит») год от года становится все откровеннее и, главное, циничнее. И часто кажется, что близкие люди президента пытаются перещеголять друг друга в демонстрации этого презрения к прессе, общественному мнению и вообще — к обществу.

В результате, чтобы вывести Мухамеджанова из–под удара,

придумали такую комбинацию: якобы следствию так и не удалось установить лицо, которое слушало разговоры министерских клерков из комнаты отдыха министра и его помощника. Картина эта вряд ли кого–то оставит равнодушным — пока Бауржан в своем кабинете строго бдит за соблюдением законности в стране, какой–то неустановленный злодей, развалившись на диванчике в комнате отдыха через стенку от министерского стола, слушает, о чем говорят верные бюрократы министерства.

Не доведённое до суда, дело министра Мухамеджанова дало сигнал элите. Во–первых, Хозяин не будет сильно гневаться, если кто–то кого–то станет слушать. Во–вторых, при сочинении объяснений для общественного мнения можно не удерживать себя в рамках «капиталистического реализма», а прибегать к самым фантастическим жанрам — пипл схавает, как говорил некогда популярный шоумен, а если даже и не схавает, то это исключительно его, пипла, проблемы. Последующие события показали, что элита правильно поняла высочайший мессадж. Все стали слушать всех уже безо всякого стеснения.

Сегодня, когда меня спрашивают, имею ли я отношение к публикациям распечаток переговоров людей из высшего руководства Республики Казахстан, я всегда хочу задать встречный вопрос: как это представляется тем, кто задает мне подобные вопросы? Каким образом я могу фиксировать телефонные переговоры высших назарбаевских холуев между собой, живя в Вене, путешествуя по Европе? Очевидно, это невозможно даже технически.

У меня есть свой ответ на вопрос, кто вбрасывает в общество распечатки телефонных переговоров деятелей из назарбаевского окружения.

Я уверен, что кризис модели авторитарного правления а-ля Назарбаев, распад и разложение, необузданное разворовывание бюджета и богатств страны вызывают боль и негодование у многих людей, у многих наших сограждан. Несомненно, среди этих людей есть и сотрудники контрразведки и технической разведки, которые воспитаны как патриоты своей Родины, в чьем распоряжении имеются необходимые доказательства преступлений. Эти люди лишены какой–либо легальной возможности дать обществу знать о грозящей ему опасности. У них нет никакой законной возможности протеста. Они оказались перед тяжелым выбором — либо покрывать преступников из Дворца «Ак — Орда», незаконно удерживающих власть путем фальсификации выборов. И что самое циничное, напрямую еще руководящих Комитетом национальной безопасности. Прячась за пунктами приказов и внутриведомственных инструкций, пойти на

сделку с совестью, утаивая, как растаскивают страну все эти «Володи» и «Владимиры Васильевичи», либо — не покрывать эту банду преступников и их преступления. В конце концов, речь шла о коррумпированных чиновниках и честных офицерах, которые должны быть подотчетны народу и закону.

Они сделали свой выбор. Возможно, кто–то их осудит за этот выбор, за выбранный ими метод информирования общественного мнения. Я бы хотел напомнить, что никакого легального способа уведомить общество о грозящей ему опасности у этих патриотов нет. Они и так рискуют слишком многим.

В октябре 2001 года, семь лет назад, я тоже многое знал о нравах президентского круга, о криминальных схемах перемещения денег из государственного бюджета в карманы нескольких избранных из окружения Назарбаева, да и его самого. Я пробовал пойти официальным путем: подал рапорт с просьбой позволить сделать мне доклад в парламенте. Доклад был готов. Я уверен, что если бы тогда парламентарии и народ смогли бы его услышать, наша страна не оказалась бы теперь там, где она оказалась.

Но я был слишком наивен. Назарбаев через Марата Тажина, занимавшего в это время пост Председателя КНБ, просто запретил мне выступать перед депутатами, договоришись со спикером мажилиса–парламента Жар–маханом Туякбаем. Вспоминая сегодня те дни, я думаю, что нельзя осуждать людей, организовавших эти утечки записанных разговоров в прессу. Благодаря этим неизвестным патриотам люди увидели, что представляют собой и король, и его свита. Про свиту и так многие догадывались, а вот король–то оказался голым!

Но я хочу сказать здесь не о короле, не о свите, а, как говорят в Англии, об оппозиции его величества. О той части нашей казахской оппозиции, которая рекламирует себя как самую принципиальную, самую последовательную, самую–самую оппозицию. И о некоторых ее лидерах: бывшем генпрокуроре Туякбае и бизнесмене, известном больше под кличкой «Бутя» — Булате Абилове.

Итак, в октябре 2007 года, благодаря помещенным в Интернете записям телефонных разговоров, в стране возникла качественно новая ситуация. Вуаль, годами скрывавшая подлинное лицо действующей власти, вдруг спала, и граждане увидели наконец, это лицо. Увидели — и испытали, чего там скрывать, сильное потрясение. Как пела российская группа ДДТ — «а она нам нравится, хоть и не красавица». Что не красавица, догадывались многие, но что настолько уродина …

Большего подарка для лидеров оппозиции и представить

трудно. Внезапно, не приложив к тому никакого труда, они оказались в положении нападающего (тут я вспоминаю терминологию моей любимой игры — футбола) с мячом перед пустыми воротами противника. И никого вокруг. Легкое движение — и мяч в воротах. Стадион ждет. Но странно … наши форварды, наши без пяти минут чемпионы мира (по части оппозиционности и принципиальности) отчего–то не забивают неминуемый гол …

Действительно, странно. Столько лет изображать непримиримое неприятие режима, так яростно ему оппонировать — и так откровенно проигнорировать уникальную возможность укрепить свои политические позиции и ослабить позиции власти. А может, не только ослабить, но и вообще отправить ее в отставку, в политическое небытие. Чем не мечта для настоящего борца с режимом?

Но проходит день за днем, а наши оппозиционеры молчат. Молчат, теряя последние крохи немалым трудом и немалыми вложениями созданной репутации. Молчат, когда продолжать молчать даже не неприлично, но невозможно.

Они не требуют отправить в отставку министра внутренних дел, который лебезит перед авторитетным криминальным пенсионером (чья сила состоит только в том, что он близок к телу хозяина и всегда может замолвить словечко за нужного человечка). И, чуть не плача, просит у того, чтобы его протеже бизнесмен Володя Ким (как можно понять, по уши погрязший в криминальных разборках) не бегал с жалобами на него, министра МВД, к Хозяину, а прямо говорил, чего ему нужно от МВД.

Вот и получается, что больше власти именно у этих людей, близких к телу Хозяина — только они решают в итоге, где поставить запятую в приказе «казнить нельзя помиловать».

Они не требуют отправить в отставку управляющего делами президента, который, оказывается, не простой хозяйственник, а держатель уголовного общака.

Они не требуют от президента объяснить, что происходит в стране.

Они ничего не требуют. Они молчат. Как рыбы.

Сейчас вы поймете, почему.

Часто случается так, что одна фотография оказывается красноречивее, чем десятки и сотни страниц текста, посвященное тому, что на ней изображено. (Фото, где Булат Абилов и Загипа Балиева, веселяться на праздничном банкете).

14 февраля 2003 года, гостиница «Анкара», Большой банкетный зал, город Алма — Ата. Здесь была свадьба моего старшего сына Нурали. Но и тут не обошлось без президента,

который решил устроить очередную политическую интригу. Списки счастливчиков, удостаивающихся приглашений на подобные тусовки с присутствием первой персоны «01», лично корректирует сам же Назарбаев, после чего он передает их своей протокольной службе. Затем приглашенные еще раз проверяются на благонадежность службой безопасности президента. Здесь бывают только самые–самые, чужих сюда не пускают. Ведь роль свадебного генерала, будет играть сам аташка- дедушка Нурсултан Абишевич.

Отчеты о таких закрытых мероприятиях, как нетрудно догадаться, никогда не попадают в светские хроники СМИ. В кругу своих президент иногда позволяет себе расслабиться — и, понятное дело, никто кроме своих никогда не должен видеть сильно расслабившегося Крестного тестя. Таков первый закон паблик рилейшнз: лидер всегда собран и готов к бою. Галстук затянут, взгляд устремлен вдаль. Страна в надежных сжатых руках.

Лицезреть же лидера в его человеческих проявлениях, видеть не политсупермена, а нормального человека — веселого, заводного, подвыпившего балагура — это разрешено единицам. Много лет я был вхож в этот круг и часто, наблюдая президента в неофициальной обстановке, думал, насколько же симпатичнее реальный Нурсултан Назарбаев от его общеизвестного шаблона. И еще — какой замечательный, талантливейший актер–шоумен умер в нашем президенте.

Естественно, такие крамольные мысли посещали не только меня, но и два, от силы три десятка граждан нашей страны и пять–шесть иностранцев, допущенных в самый ближний (и самый закрытый) круг. По негласной традиции никто из них никогда не делился с посторонними не только своими наблюдениями за привычками расслабленного «Суперхана», но и перечнем счастливчиков, допущенных до такого зрелища. Это у нас один из главных государственных секретов.

Но я его все–таки раскрою. Сладкая парочка на фото — министр юстиции Загипа Балиева и Бутя, он же Булат Абилов — лидер непримиримой квазиоппозиции, спонсируемой казахским «Казкоммерцбанком» (кстати, тоже наполовину принадлежащего Назарбаеву). Здесь, в неофициальной обстановке, вдали от объективов и посторонних глаз, товарищам по работе можно не скрывать своих чувств. Здесь все свои. Каждый — на своем месте, на своем посту. Кто–то — министр, кто–то — засланный в ряды недовольных (странно, конечно, что такие еще есть в нашем царстве–государстве) агент–провокатор. Завтра снова в бой, снова играть свою роль, не отклоняясь от сценария, снова изображать

противников по разные стороны политических баррикад …

А сегодня можно расслабиться. Кругом все свои. И министр свой, и «лидер оппозиции» — как пел Высоцкий, — проверенный, наш товарищ…

Тяжким грузом на душе Булата Абилова до сих пор висит закрытое финансовой полицией уголовное дело по обвинению в мошенничестве и финансовых преступлениях, заведенное на него когда–то по прямому указанию президента Назарбаева. Почему его так беспокоит это закрытое дело? Как у нас обычно бывает, закрытое дело очень легко открывается вновь по первому желанию властей.

В июле 2006 года я спрашивал руководителя администрации Адильбека Джаксыбекова, для чего фабриковать уголовное дело в отношении Бути — будет много шума из ничего, а цели можно и не достичь. Адильбек ответил, что «Шеф» сказал: Бутю нужно по родительски проучить и главное, чтобы он осознал тягостное долгое ожидание самой процедуры суда. А за это время можно еще довос–питывать случайно оступившегося человека.

Что же касается бывшего кандидата в президенты образца 2005 года, Жармахана Туякбая (Туякбаев), то он служит агентом–осведомителем КГБ-КНБ с 1986 года, когда он был простым следователем Генеральной прокуратуры Казахской ССР. Именно его руками фабриковались уголовные дела в отношении студентов и молодежи после декабрьских событий 1986 года в Алма — Ате.

Глава 28
Клоуны режима

У Крестного Тестя есть не только подельники–сообщники. Важную услугу его режиму оказывают клоуны–провокаторы, которые разыгрывают для публики внутри и зарубежом спектакль под названием «политическая жизнь Казахстана».

Должен признать, что я сам был причастен к запуску на арену двух шумных марионеток — в те времена, когда еще сам служил верой и правдой Назарбаеву.

Дело было так. В преддверии президентских выборов 1999-го года мне позвонил тесть с оригинальным заданием: нужно срочно найти «клоуна–кандидата в президенты». Как он сам выразился, это нужно только для Запада, он должен будет изображать конкуренцию во время электоральной кампании. При этом все будет под контролем и спонсированием администрации президента, разумеется.

Я в то время работал первым заместителем министра государственных доходов и отвечал за финансовую полицию, и поиск цирковых работников в мои служебные функции никак не входил. Однако, указания президента не обсуждаются, какими бы странными они не были: они только исполняются. «Возьмите Гани Касымова из нашей таможни», — предложил я в ответ. Гани славился в то время в таможенных органах своим безбашенным самодурством. Насколько я понимал, это качество и нужно было президенту.

Назарбаев какое–то время подумал и предложение одобрил — выборы уже надвигались, и давил временной цейтнот. Он поручил мне же и самому предварительно переговорить с Касымовым — дескать, твоя идея, ты и вербуй, главное принеси его «клятву» на бумаге и скрытую видеосьемку для надежности.

Таможенника предложенный ему проект поначалу не вдохновил. «Они меня используют, а потом выбросят как г — высказал он свое резонное сомнение при первой встрече. Я обрисовал ему перспективы его деятельности и главное, что это трамплин в политику: будешь депутатом и руководителем комитета по международным отношениям. Тем временем согласовал встречу Гани с президентом в его личных апартаментах президентского дворца, тет–а–тет, на следующий день.

Встреча прошла успешно, Назарбаев утвердил кандидатуру Касымова в качестве своего липового конкурента на предстоящих

выборах и убедил своего подчиненного, что бояться нечего: за службу его ждут только награды.

Однако впереди ждала неожиданная проблема: собрать необходимое количество подписей в пользу таможенника и других кандидатов, таких как лидер коммунистов Абдильдин, никак не получалось. Люди боялись выдвигать кого–то, кроме президента — особенно на юге. И Тараз, и Шымкент, и Кызыл — Орда проваливали сбор подписей начисто.

Что делать? Президент звонит по прямому правительственному телефону мне, требует, чтобы я мобилизовал на сбор подписей всех сотрудников Министерства госдоходов. Задание строго конфиденциальное. Я не задумывался над законностью приказов и указаний президента и считал, что главное- выполнить задание государственной важности, тем более, исходящее от главного представителя верховной власти. Сразу же провожу республиканское селекторное совещание с областными управлениями министерства. Обьясняю задачу начальникам областных финполицейских, таможенных, налоговых комитетов и даю им поручения — собирать не только налоги в бюджет, но и подписи в пользу Касымова и Абдильдина. Сослаться на президента при этом, конечно, не могу. Мои собеседники чуть ли не в панике, ничего не могут понять. То ли их непосредственный куратор- заместитель министра сошел с ума, то ли с верховной властью творится неладное.

Поручение все выполняли нехотя, лишь бы не быть обвиненными в саботаже. Однако, всем миром–фискальщиков и налогоплательщиков — удалось–таки наскрести недостающие для регистрации подписи.

Через некоторое время Гани снова звонит мне с очередной проблемой: как же он будет сдавать экзамен на знание казахского языка, если он его не знает? Эту задачу Крестный Отец решил совсем просто — дал указание Загипе Балиевой, и в Центральной избирательной комиссии таможеннику выдали бумагу об успешной заочной сдаче экзамена, на который он даже не появился.

А дальше спектакль под названием «Справедливые казахские выборы» разворачивался уже у всех на глазах. Гани Касымов забегал в толпу покупателей на «Зеленом базаре» и ломал в руке стекляный стакан для воды перед телекамерами. Стакан, правда, был предварительно уже сломан и аккуратно склеен из осколков. А бравый таможенный генерал все боялся порезаться — эту историю потом долго рассказывали в стенах телеканала. Однако в эфир попала только героическая запись.

Но самое интересное происходило за кулисами.

Новоиспеченный кандидат, кажется, сам поверил в свою избранность и начал демонстрировать президентские замашки. Терпение Назарбаева закончилось, когда Гани позвонил акиму–губернатору Костанайской области, в то время Умирзаку Шукееву, и накричал на него — почему его предвыборный штаб переместили из одного помещения в более плохой офис.

Немало удивленный Умирзак выслушал тираду, что «еще неизвестно, кто на выборах победит». И узнал, что с ним произойдет, когда его собеседник станет президентом.

После этого случая Касымову доходчиво напомнили, что он в этом театре играет роль только марионетки. С ролью он в итоге справился хорошо: выборы проиграл, а на фоне запойного алкоголика Нурсултан Назарбаев смотрелся очень убедительным, стабильным и прогнозируемым кандидатом, за которого люди даже добровольно шли голосовать.

Однако той истории со звонком Шукееву президент своему бывшему липовому конкуренту так и не простил. У него так и осталось подозрение, что Касымов метит–таки на его место. В результате Гани лишился своей таможни, а новых постов так и не получил. Но прошло несколько лет, и он снова оказался полезным — теперь как «свой человек» в стане оппозиции. К счастью, к этому я уже не был никак причастен.

К чему я был причастен (к сожалению), так это к появлению на политической арене второго клоуна, еще более живописного — врача Ерасыла Абылкасымова.

Сценарий был тот же самый. Звонит тесть: «Нужен еще один человек, типа Жириновского. Чтобы у нас в парламенте спектакли разыгрывал». Я был на тот момент уже обучен, что исполнение таких поручений дает только головные боли, поэтому решил предложить заведомо непроходную кандидатуру. И вспомнил про «народного врача–целителя», которого знал еще по работе в Минздраве. Честно говоря, не смог даже подавить улыбки, когда представил, как этого персонажа будут делать депутатом.

По старой схеме организовал кандидату в клоуны встречу с президентом. Назарбаев позвонил мне немедленно после свидания и не мог скрыть удивления: «Он же сумасшедший!» Спорить с этим наблюдением не было никакой возможности. Однако целитель давно успешно трудился на ниве информаторства в Финансовой полиции и КНБ под скромным псевдонимом «Мухтар».

Однако дальше настала очередь удивляться мне самому: сумасшедший «Мухтар» Назарбаеву понравился. Он посчитал, что это именно то качество, которое будет полезно для его парламента. В итоге Петрушка — Мухтар Абылкасымов

развлекает благородную публику вот уже девятый год. Более того, он так понравился Крестному Тестю, что теперь уже именно ему достается честь соседствовать с Назарбаевым в избирательных бюллетенях.

И если выбирать из них двоих, даже я отдал бы свой голос за первого президента.

Разумеется, жанр клоунады на астанинской сцене занят не только Касымовым и Абылкасымовым. Там царит уже жесткая конкуренция, в которой на этот момент лидируют ставленники, туго сидящие на собачьем поводке в руках Комитета национальной безопасности.

Чего стоит новый государственный секретарь Канат Саудабаев, в прошлом сам директор Алматинского цирка, успешно проводящий «клиринг» с подрастающим поколением и интеллигенцией.

Но на первое место вырвался бывший генеральный прокурор, ныне «видный оппозиционер» — по определению газеты «КазПравда» — Жармахан Туякбай. Можете себе представить, чтобы назарбаевская правительственная газета назвала реального оппозиционера «видным» и ссылалась на него как на авторитетный источник информации?

Второе место с некоторыми усилиями удерживает бывший бизнесмен, ныне заслуженный деятель квазиоппозиции Булат Абилов — одинаково частый гость как президентской «Ак — Орды», так и антиправительственных собраний, но сильно боящийся разных разговоров «анау–мынау» и т. д. и т. п.

Третью строку рейтинга занимает бывший глава администрации, ныне, конечно же, оппозиционер — Алихан Байменов. В его досье один старый, но выдающийся подвиг — кража оппозиционной партии «Ак — Жол» у ее реальных главных учредителей — основателей Алтынбека Сарсенбаева, Мухтара Аблязова, Галымжана Жакиянова и Ораза Джандосова.

По личному заданию Крестного Тестя втершийся в доверие к своим друзьям Алихан Байменов захватил печати и офис партии, провел региональные собрания (при активной поддержке Комитета национальной безопасности и правительства) и вывел настоящих учредителей из руководства партии. Тоже имел удовольствие участвовать кандидатом в президенты в электоральной гонке. Каждый делает бизнес на чем может. Главное, что страдают от этой фальши простые зрители в театре абсурда «Казахстан».

Глава 29
Героин в матрешке или Интерпол на службе у диктатора

Уважающий себя тиран способен даже Интерпол заставить работать на себя. Я был не первым инакомыслящим, кого арестовала эта уважаемая международная организация по сигналу казахских властей.

В сентябре 2006 года киргизский оппозиционер, бывший Председатель парламента Киргизии Омурбек Теке–баев был взят «с поличным» в варшавском аэропорту. В его багаже обнаружили больше полукилограмма героина, упакованного в типичный русский сувенир — матрешку. После недолгого судебного разбирательства поляки отпустили Текебаева, решив, что героин ему подбросили киргизские спецслужбы еще в Бишкеке.

Но дело в том, что сигнал варшавской полиции поступил от казахского Интерпола. Текебаев вылетел в Польшу напрямую из Бишкека. Но именно из нашего казахского бюро Интерпола отправили сфабрикованное сообщение о героине в багаже пассажира. Вполне возможно, этот странный звонок — откуда же вы узнали про героин? — и побудил польскую сторону быстро отпустить экс–спикера Киргизии.

Получается, что сотрудники казахского бюро Интерпола вмешиваются в политическую жизнь иностранных государств на стороне властей, незаконными методами борются с оппозицией, да и вообще занимаются криминалом. Тот случай должен был бы привести к большому скандалу и расследованию, а также исключению Казахстана из Интерпола. Но и наше правительство, и Интерпол вскоре тихо замяли это дело.

Допускаю, что в Интерполе пока не догадываются о том, что центральноазиатские диктаторские режимы используют эту международную организацию вовсе не для борьбы с преступностью — этому–то они как раз неплохо способствуют — а для войны с инакомыслием в Казахстане и за его пределами.

Наверное, им сложно представить, что родной брат киргизского президента Бакиева, он же заместитель начальника киргизской службы безопасности лично просит генарала казахских спецслужб Шабдарбаева оказать братскому киргизскому режиму маленькую услугу …

Глава 30
Да пошел ты на х Нурсултан!

Председатель комитета национальной безопасности Амангельды Шабдарбаев (всеми в Ак — Орде за глаза называемый по кличке «Телок» или «Жук», наверное, и есть тот человек, который знает президента лучше всех. Ни первая супруга Сара Алпысовна, ни Дарига, никто из членов семьи и ближайшего окружения президента не проникал так далеко в глубины президентского сознания, не играл так умело на слабостях, тщеславии и тайных страхах моего тестя. Назарбаев прощает своему верному охраннику то, чего бы никогда и ни при каких обстоятельствах не простил кому–то другому. Даже публично нанесенное оскорбление.

Можете не верить, но в службе охраны президента надолго запомнили случай, когда в присутствии нескольких десятков сотрудников охраны Шабдарбаев послал президента Республики Казахстан Назарбаева по одному хорошо известному в народе далекому адресу — на три буквы.

Вскоре после этого эпизода в карьере Телка или Жука произошли перемены. Благоприятные. Он пошел на повышение.

А началась эта история в другой части света, в Америке. Завершился очередной государственный визит, которому американская пресса уделила несколько строк, казахская же официальная объявила его эпохальным, историческим, а беседу президентов назвала «разговором личных друзей».

В точном соответствии с протоколом все члены делегации после очередной зарубежной поездки загрузились в президентский «Boeing» и стали ждать президента. Наконец, после короткой прощальной церемонии, на борту появился и сам Назарбаев.

Я много раз сопровождал президента во время его официальных и неофициальных визитов, хочу воспользоваться случаем и рассказать здесь некоторые детали, наверняка неизвестные широкой публике. Поскольку все эти поездки оплачиваются из государственного бюджета, и на содержание президентских лайнеров идут деньги налогоплательщиков, наши граждане имеют право знать, что происходит на борту этих лайнеров.

Прощальный церемониал прошел без запинки. Президентские носки на этот раз были на месте, свита вовремя загрузилась в хвост самолета, Нурсултан Абишевич с чувством выполненного

долга прошел по ковровой дорожке. Ничто не предвещало неприятностей.

По заведенному самим же президентом и тщательно исполняемому протоколу Нурсултан Абишевич прошел в бизнес — салон, пообщался с сопровождавшими его членами официальной делегации, помощниками и журналистами из правительственных изданий и телеканалов. Настроение после успешного, как он считал, визита было хорошее. Соответственно, и в салоне царило приподнятое настроение — сидевшие в хвосте журналисты готовились во время полета писать восторженные репортажи об успехах президентской дипломатии, кто–то рассчитывал хорошо поспать, кто–то — хорошо поесть и попить.

Пообщавшись с министрами, президент ушел в в носовую часть «Boeing», в свой королевский люкс- салон. В этом отсеке оборудована роскошная спальня с двухместной кроватью и душем, далее идут рабочий кабинет и большой зал с круглым столом для переговоров и королевской трапезы. До Крестного Тестя этот самолет принадлежал Султану Брунея, но был продан в Казахстан в качестве люксового секонд–хэнда.

Стали готовиться ко взлету.

Прошло минут десять. Самолет стоял на месте, не запуская двигатели, не начинал, как говорят пилоты, рулежку. Это было странно: обычно президентский борт считается приоритетным и немедленно получает право на взлет, для него заранее расчищается воздушный коридор.

Прошло еще десять минут. Двигатели по–прежнему не запускались. Ситуация была явно нестандартной, это чувствовали все члены делегации, часто летавшие с президентом.

Еще через десять минут в сторону президентской каюты побежала стюардесса: загорелась кнопка вызова. Назарбаев спрашивал, почему борт не взлетает. Стюардесса что–то прощебетала про задержку, что вот–вот разрешение на взлет будет получено. На некоторое время пассажир номер один успокоился. Хотя вокуг началась хаотичная суета борт–персонала.

Прошло еще минут десять. Пауза уже становилась вызывающей. Назарбаев вызвал командира экипажа. Все, кто сидел во втором отсеке и мог наблюдать за суетой у президентского салона, начали заметно нервничать: во–первых, всем было понятно, что настроение президента изменилось в худшую сторону, что не предвещало ничего хорошего людям из ближайшего окружения, во–вторых, дело все–таки происходило в самолете. Даже те члены делегации, кто не страдал аэрофобией, начинали волноваться.

Но, как выяснилось, с самолетом все было в порядке.

Командир корабля не стал темнить и рассказал главному пассажиру, в чем причина задержки: экипаж получил команду не взлетать от начальника личной охраны президента. Оказывается, высокая делегация томилась в самолете в ожидании, когда на борт прибудет личный багаж генерала Шабдарбаева, который везли два его сотрудника на дипломатической машине.

Дальнейшее нетрудно вообразить. Нурсултан Абишевич затребовал начальника своей охраны к себе и так на него орал, что было слышно в самых дальних закутках президентского самолета. В этот момент как раз привезли запоздавшие чемоданы Шабдарбаева, что, конечно, никак не улучшило его положения. Через открытую дверь президентской каюты пассажиры первого салона услышали президентский приказ: «Пиши рапорт!»

Путешествие было испорчено. Президент все время просидел в своем отсеке. Члены делегации провели полет в большом напряжении, не решаясь спать, есть, пить … Шабдарбаева, как всегда в случаях, когда кто–то попадает в немилость у Назарбаева, все сторонились. Он ушел в хвост самолета и там просидел весь полет.

Борт приземлился в Астане, где вышли почти все члены делегации во главе с президентом, и улетел на базовый аэродром — в Алма — Ату. На борту самолета из пассажиров остался только один человек — Шабдарбаев. Всем было ясно, что дни его в окружении первого лица государства сочтены.

Однако, дальше произошло невероятное. Шабдарбаев написал рапорт, прислал его по факсу из Алма — Аты … и исчез.

Это был гениальный аппаратный ход. Любой бы на месте опального начальника охраны высиживал бы часы в приемной, вымаливал бы прощение, унижался, клялся в вечной верности. Результат был бы гарантирован: президент, насладившись сценами уничижения павшего подчиненного, отправил бы его в политическое небытие. Тонкий психолог Шабдарбаев, прекрасно изучивший охраняемое лицо за долгие годы работы, это понимал лучше кого бы то ни было. Он пошел другим путем.

Шабдарбаев залег на дно. Две недели его было не слышно, не видно.

К исходу второй недели отсутствия начальника своей личной охраны Назарбаев занервничал. Он велел любой ценой разыскать беглеца и велеть ему прибыть в Астану.

Вскоре пораженные сотрудники личной охраны и люди из свиты увидели, что из загородней виллы «Кызыл Жар» президент приехал в свой дворец в центре Астаны, в сопровождении своего пропавшего было начальника личной охраны. Они молча вышли из машины и так же молча прошли по дорожке. Видимо,

выяснение отношений было шумным еще внутри бронированного мерседеса, но его пришлось прекратить. В какой–то момент Назарбаев сказал: «Ладно, Аман, не обижайся …»

Дальше случилось такое, при воспоминании о чем свидетели той сцены до сих пор покрываются холодным потом. Шабдарбаев то ли умело разыграл, то ли, в самом деле, впал в истерический припадок. Остолбеневшие охранники улышали, как он отреагировал на предложение не обижаться: «Да пошел ты на х Нурсултан!»

Альнур Мусаев — прямой начальник Шабдарбаева отвечавший за всю службу и обеспечение безопасности первого лица государства, рассказывал мне, что только большим усилием воли сдержался и не отвесил оплеуху своему подчиненному Шабдарбаеву.

Но сам Нурсултан Абишевич отреагировал на оскорбление на удивление спокойно. И даже наоборот — начал настойчиво уговаривать его забыть и простить друг другу обиды. Сколько длились эти уговоры, никто из свидетелей впоследствии не мог вспомнить — в таком все были шоке. Однако, их итог можно включить в перечень успехов президентской дипломатии: поссорившиеся соратники в итоге помирились и работают плечом к плечу до сих пор. Говорят, что они чуть ли не клялись друг другу в верности на крови.

Может, терпеливый Назарбаев испугался тогда своего охранника — а вдруг выкинет такой же финт, как генерал Коржаков по отношению к Борису Ельцину. А может, дело в тайнах личной интимной жизни Назарбаева, ведь охранник за годы службы становится очень близким к охраняемому «телу» и видит президента–артиста и президента–человека. Фактически 24 часа в сутки рядом, ближе, чем любимая женщина и дети. А может, постоянный страх за свою жизнь связал охраняемого президента и его охранника чем–то вроде детской пуповины.

Хотя впервые Назарбаев отстранил Шабдарбаева из своей охраны и отправил его в государственный следственный комитет, а затем руководить спецподразделением «Арыстан» в 1995 году. История заключалась в том, что Шабдарбаев взял на работу в Службу охраны президента своего родственника, молодого офицера из Министерства обороны и поручил ему осуществлять охрану младшей дочери президента — 15-летней Алии. Молодой лейтенант начал так усердно заботиться о безопасности Алии, что Назарбаев был напуган педо–фильными наклонностями своего охранника и его патрона Шабдарбаева, что одного быстро выгнал со службы, а другого перевел с глаз подальше.

Данные инцинденты бывают между охраняемым лицом и его

охранником, который является 24 часовым спутником его жизни, его, если хотите, постоянной тенью. Например, Аман Шабдарбаев, будучи охранником у Кунаева, параллельно был замечен в любовной афере с женой племянника Кунаева — Дилярой, с которой не может расстаться до сегодняшнего дня. По видимому, со временем между охраняемым лицом и телохранителями бывают настолько крепкие психологические узы, что их могут разъединить только чрезвычайные события.

Глава 31
Письмо Кунаеву

Однако, возможно, не только тонкое знание психологии начальства спасло генерала Шабдарбаева. У него был в наличии еще один тайный спасительный аргумент, о котором, скорее всего, знал и президент.

Однажды, разоткровенничавшись за ужином в VIP-ресторане на последнем этаже гостиницы «Анкара» в Алма — Ате, начальник президентской охраны рассказал мне такую историю. Это было весной 2003 года.

Незадолго до кончины Динмухамед Кунаев передал своему верному человеку, телохранителю Шабдарбаеву, несколько документов. К чести Шабдарбаева нужно сказать, что он был едва ли не единственным человеком, который не отвернулся от Динмухамеда Ахмедовича после того, как «первый президент Казахстана», если называть вещи своими именами, заточил своего предшественника под домашний арест и изолировал от внешнего мира.

Шабдарбаев, бывший в свое время сотрудником 9-го отделения КГБ Казахской ССР и охранявший первого секретаря коммунистической партии Казахстана, оставался верен своему шефу. Часто единственным человеком, с которым Кунаев общался в течение дня, был его верный телохранитель Аман. Я думаю, такую преданность оценил хитрый царедворец Назарбаев и в дальнейшем приблизил Шабдарбаева к себе. Возможно, Шабдарбаев снабжал Назарбаева информацией о планах Кунаева во время его опалы, после 1985 года.

Кунаев отдал ему папку с документами. Среди них был один, который наверняка Назарбаев хотел бы увидеть в последнюю очередь. А тем более знать, что его видели другие, поскольку именно после получения этой бумаги Кунаев произвел Назарбаева в ранг Премьер — Министра Казахской ССР в 1984 году.

Это было верноподданническое письмо молодого коммунистического выдвиженца Нурсултана Абишевича признанному республиканскому лидеру Димашу Ахмедовичу. Молодой коммунист клялся, что никогда не предаст своего старшего товарища — вождя, всегда будет держать его пример у себя перед глазами, руководствоваться его идеалами, и еще что–то про единственно верное учение Маркса — Ленина, ради которого пламенный коммунист готов был пожертвовать всем. Не

знаю, при каких обстоятельствах было написано это письмо, было ли оно сочинено по велению души либо из каких–то актуальных на момент написания конъюнктурных соображений, или (в чем я все–таки сильно сомневаюсь) по требованию адресата. По прошествии многих лет Нурсултан Назарбаев, уже произведший себя в президенты, ввел в практику подобное письмотворчество. Каждый человек из окружения президента должен был подписать, как это у нас называлось, «личную клятву Хозяину».

В 2002 году очередь дошла до меня. Перед выездом на посольскую работу в Вену Назарбаев пригласил меня на завтрак к себе домой, благо мы жили в пяти минутах ходьбы. Я, ничего не подозревая, выпил кофе, поговорили о том о сем. И вдруг Назарбаев заявил, что он мне доверяет и ценит меня, но проклятые мои враги пишут доносы и нашептывают ему про меня разные слухи о моей нелояльности. И чтобы развеять этот навет, я должен написать ему лично свою клятву. Это якобы необходимо для спокойствия, прежде всего моего. Я, конечно, в эту хитроумную разводку не поверил, но и в очередной раз конфликтовать с тестем не хотел. Я под копирку собственноручно переписывал данный мне Назарбаевым текст. Он просто кишел орфографическими ошибками. На всякий случай я не стал их исправлять и даже вписал несколько гротескных пассажей про то, что получил генеральские погоны «из ваших рук, дорогой Нурсултан Абишевич» и якобы, как преданный баран, млею от восторга. Анекдотичность этого письма, как мне кажется, ясна всякому беспристрастному читателю. Тем более, что теперь с нашей внутрисемейной перепиской может ознакомиться любой желающий: в бессильной злобе Назарбаев «организовал утечку» — письмо утекло из секретного архива президента в редакцию подконтрольного бульварного листка.

Конечно, факт написания подобных посланий меня вовсе не красит, но об адресате он говорит, мне кажется, никак не меньше. Я уже писал по этому поводу: хотел бы я посмотреть на того, кто бы отказался подписать «личную клятву Хозяину».

Через много лет после того, как Шабдарбаев получил оригинал клятвы верности Нурсултана Абишевича Димашу Ахмедовичу — уже после того, как Назарбаев благополучно и вовремя предал Кунаева и уселся на его место — новый охранник нового президента рассказал своему охраняемому лицу, что Кунаев некогда отдал ему это письмо. «Жук», конечно же, не будь дураком, уверил президента, что сразу после смерти Кунаева уничтожил это письмо.

Назарбаев, тоже человек далеко не глупый, особенно если речь идет об аппаратных интригах, и в то время еще не

страдавший от поражающей любого узурпатора власти паранойи, естественно, сделал именно те выводы, на которые рассчитывал его охранник. Если бы Шабдарбаев действительно уничтожил то письмо, зачем бы ему понадобилось раздражать президента рассказом о том, что он знает о факте его существования? Он даже явно читал то письмо. Нет, очевидно, Шабдарбаев не сжег это письмо в камине, не утопил в унитазе, не порвал и не проглотил обрывки. Он припрятал его в надежном месте до той поры, пока оно — все возможно в этом мире — не пригодится, пока не пробьет его час. Как гарантию от непредвиденных неприятностей.

Президент и его охранник поняли друг друга.

Шабдарбаев много лет находится рядом с Назарбаевым. Врага надо держать близко, чтобы когда–нибудь удушить в собственных объятиях. Именно эту восточную пословицу любит повторять Назарбаев.

Письмо молодого коммуниста партийному вождю ждет своего часа в тиши надежного сейфа.

Если когда–нибудь блестящая карьера верного оруженосца Димаша Ахмедовича прервется, дверцы сейфа раскроются. А не прервется — не раскроются.

Мудрым человеком был Динмухамед Кунаев …

Глава 32
Прощай, оружие!

Этот человек плохо кончил. При загадочных обстоятельствах его задушили в медицинском отсеке киевской тюрьмы в июне 2007 года. К тому моменту он провел в чешских и украинских тюрьмах больше года, перенес инсульт, забыл английский, с трудом вспоминал слова родного языка и даже собственное имя. Тюремные врачи признали его невменяемым, но против всех правил почему–то не перевели в больницу. Газеты писали, что его убил специально подсаженный в камеру сумасшедший.

Ко времени этих трагических событий на мировых экранах второй год шел голливудский блокбастер «Оружейный барон» с Николасом Кейджем в главной роли. Его герой покупал любое оружие там, где не было никакой возможности его купить, и с не меньшим успехом продавал его туда, где не было никакой возможности его продать.

Мало кто знал, что у главного героя этого правильного, поучительного и немного скучноватого триллера был живой прототип, куда более яркий, дерзкий и до поры до времени везучий. Звали его Олег Орлов.

Впервые я увидел его в 1995 году, в Алма — Ате. На тогдашнем скудном постсоветском фоне он производил неизгладимое впечатление. Харизматичный интеллектуал с огромной золотой цепью на шее, типичный новый русский, соривший деньгами, раздаривавший направо и налево золотые «Rolex», окруженный охранниками, сторожевыми собаками, раскатывавший на черном 500-м «Мерседесе» с военными номерами министра обороны Казахстана, он был самым удачливым торговцем оружием на всем постсоветском пространстве.

Орлов был близким другом российского министра обороны Павла Грачева, известного также под кличкой «Пашамерседес». Эта дружба открывала ему широчайшие бизнес–возможности, и он не упускал случая ими воспользоваться. В Алма — Ате он никогда не расставался со своим телохранителем — дикого вида и грандиозного роста чеченцем, настоящим абреком с густой бородой, с двумя пистолетами Стечкина подмышкой. Я тогда в первый раз увидел бизнесмена с частным телохранителем. До этого охрана с оружием была только у первого лица государства.

Также всегда при нем был его черный дипломат. В кейсе лежало досье — кому, когда, какое оружие было нужно, кто, как и

сколько был готов за него заплатить. А также — где, на каких складах, под чьим контролем, какое именно оружие находилось, каков был его ресурс. Я думаю, это было одно из самых полных оружейных досье в мире. Орлов продавал радарные установки Эритрее и в то же самое время — ракетные установки «Град» воюющей с ней Эфиопии, советские крылатые ракеты и морские торпеды в Китай и Иран, танки в Индию, истребители в Северную Корею. Не было такой горячей точки на земном шаре, такой страны, которой было бы запрещено продавать оружие из–за международных санкций, которая не интересовала бы этого преуспевающего бизнесмена. Некоторое время ему удавалось невозможное.

Разумеется, такой человек никак не мог не оказаться в Казахстане начала девяностых. В стране, находившейся в состоянии жесточайшего финансового кризиса. В стране, армия которой была на грани распада. И в то же время на многочисленных складах затерянных в степях и пустынях баз и гарнизонов бывшего советского Среднеазиатского военного округа лежали сотни тысяч единиц оружия, техники и боеприпасов. Оружия вполне боеспособного и невостребованного. У этого бесхозного оружия постепенно истекал боевой ресурс, и не сегодня–завтра оно бы превратилось в кучу металлолома. Разумеется, и металлолом можно продать, и миллионы тонн нашего лома за копейки ушло и еще уйдет в Китай, на многие годы обеспечив работой его металлургические комбинаты. Однако, одно дело — истребитель по цене металла, и совсем другое — истребитель по цене истребителя.

Второе обстоятельство, привлекшее в нашу страну господина Орлова, было не менее важным, чем наличие огромного массива боеспособного, плохо охраняемого и никому не нужного оружия. Это обстоятельство — люди.

Здесь, в Казахстане, его ждали верные партнеры. Они нуждались в деньгах, то есть в нем, он нуждался в них, чтобы сделать еще больше денег. Эти партнеры — люди из ближайшего окружения президента Назарбаева, особо доверенные лица. Еще не заработаны миллионы и миллиарды на торговле нефтью и прочими богатствами страны, на взятках–откатах за строительные подряды, лицензии, налоговые и таможенные льготы. Они еще относительно молоды и относительно бедны. Им нужно успеть схватить оружейную фортуну за хвост. И они, конечно, не упустили своего шанса.

В Казахстане удача впервые отвернулась от Олега Орлова. Верные партнеры предали его при первом подвернувшемся случае, реквизировали имущество (оглядываясь назад, должен

признать, что абсурдный юридический акт «переписывания активов», невозможный ни в одном более или менее цивилизованном обществе, впервые, видимо, был применен не против меня, а против российского оружейного барона Орлова), отобрали оружейный бизнес.

Но все это будет потом, а пока, в середине девяностых, Олег Орлов привез в своем заветном чемоданчике два контракта, с которых начались две крупнейшие международные аферы назарбаевского режима по части торговли оружием. Первая афера обернулась большим позором, вторая — большой кровью.

1. МИГи

Суббота, 7 августа 1999 года. В моем кабинете начальника финансовой полиции раздается звонок по правительственной связи. Звонит Булат Утемуратов, занимавший тогда пост помощника президента по международным делам. Голос дрожит от волнения, что с ним случается нечасто. Просит, чтобы я срочно подъехал к министру иностранных дел, есть неотложное дело, нужно немедленно переговорить и посоветоваться.

Министром иностранных дел был в этот момент Касым–жомарт Токаев (теперь он значится как Касым — Жомарт, но тогда его имя еще писалось слитно).

Ехать минут пять. Бегу к машине, выезжаю.

В кабинете министра уже ждут в крайне возбужденном состоянии сам Касымжомарт Кемелевич и помощник президента Булат Утемуратов. Никогда не видел до такой степени напуганного Токаева — он, конечно, и раньше не отличался особенной смелостью, но впервые был в настолько подавленном состоянии. Я подумал, уж не война ли — обстановка в кабинете была необычайно наэлектризованной. Утемуратов тоже казался страшно перепуганным. Назревает какой–то крупный международный скандал. Надо было что–то делать, поскольку через сутки с Назарбаевым хочет переговорить по телефону вице–президент США Альберт Гор.

Первым заговорил Токаев.

— Нуртай опять подставил шефа, — сказал он. Будет большой скандал! Надо срочно что–то делать.

Здесь нужно объяснить, о ком идет речь. Нуртай — тогдашний председатель комитета национальной безопасности Казахстана Нуртай Абыкаев. Министр обороны республики генерал Алтынбаев беспрекословно подчинялся Нуртаю. Шеф, как нетрудно догадаться — сам президент Нурсултан Назарбаев. В переводе с чиновно–меж–дусобойного языка на нормальный фраза звучала бы так: «Председатель комитета нацбезопасности и министр обороны опять подложили свинью президенту. Крупную

свинью». При этом мы все трое прекрасно понимали, что Назарбаев все знал и даже благословил эту операцию — конечно, не безвозмездно. И все–таки, верить в это не хотелось. Внутренне мы хотели спасти Назарбаева от международного позора. Чтобы не было знака равенства между диктаторами Ким Чен Ир — Назарбаев.

На этих словах, вернее, при перечислении этих имен, все стало понятно. Значит, так замечательно начинавшаяся махинация с продажей северокорейскому режиму старых самолетов МиГов в обход международных санкций, все–таки стала известна американцам. Честно говоря, я бы сильно удивился, если бы этого не произошло.

А начиналось все, как казалось участникам сделки, и в самом деле распрекрасно. В волшебном чемоданчике Олега Орлова среди прочих фантастических бумаг лежал контракт на приобретение Северной Кореей (находившейся тогда под действием жестких санкций международного сообщества как страна, разрабатывавшая секретную военную ядерную программу в обход МАГАТЭ и нарушавшая режим ядерного нераспространения) крупной партии (аж 133 штуки) старых советских боевых самолетов МиГ-21. Поскольку у корейцев не было средств доставки ракет дальнего радиуса действия, им нужны были самолеты, начиненные атомными бомбами, для, так сказать, одноразового использования — пилот–камикадзе должен был поднять его в воздух, долететь до Японии и направить на какой–нибудь крупный объект — например американскую военную базу. Ни на что большее эти самолеты устаревшей конструкции с выработанным летным ресурсом, стоявшие в неприспособленных ангарах, не годились.

Олега Орлова все эти детали, разумеется, нисколько не беспокоили. Клиент нуждается в товаре, клиент должен товар получить. А уж что он там с ним собирается делать, поставщика заботить не должно. Как говорится, ничего личного, только бизнес.

В Казахстане ближайшим деловым партнером Орлова был некий Александр Петренко — сомнительный тип, подвизавшийся на сомнительных сделках, впоследствии держатель светского салона и строитель частной православной часовни. В описываемое время этот экзотический тип всюду представлялся советником Нуртая Абыкаева (кем, видимо, и являлся на самом деле) — всемогущего назарбаевского сподвижника, которого часто называли просто серым кардиналом при президенте.

«Советник Абыкаева» по своим каналам быстро выяснил, что Казахстан способен снабдить самолетами аж 133 северокорейских

камикадзе. В деле, естественно, было никак не обойтись без военных — своей авиации у Комитета национальной безопасности тогда не было. Нет ее и сейчас. Но если эволюция назарбаевского режима будет продолжаться в том же направлении, что и сегодня, не исключено, что завтра она появится — под благовидным предлогом борьбы с международным терроризмом, например.

Так началась одна из самых «славных» совместных операций комитета нацбезопасности и министерства обороны нашей страны за всю историю их существования.

Далее события развивались в полном соответствии с законами политического триллера.

Заинтересованные стороны быстро согласились на том, что лучшая форма оплаты по данному типу контракта — наличный расчет. Никаких банковских проводок, никакого риска. Новыми купюрами в чемоданах — просто, надежно, современно.

Самолеты перебазировали на военный аэродром в Сарыозеке (Алма — Атинская область). За эту часть операции отвечал министр обороны. Абыкаев обеспечивал политическое прикрытие сделки — то есть, попросту говоря, согласие президента Назарбаева на продажу самолетов в Северную Корею. Корейцы привозили наличные, Орлов и Петренко их принимали по поручению Абыкаева. Некоторое время все шло как по маслу.

Конечно, среди узкого круга посвященных было несколько противников этой сделки — если о ней стало бы известно международному сообществу, назарбаев–ский режим ожидали бы крупные неприятности. Самым активным противником сделки с северокорейцами был заместитель Абыкаева, генерал Альнур Мусаев. По своим каналам он выяснил, что о контракте Орлова, еще до того, как тот приехал в Казахстан, знали американцы. Американская разведка контролировала все возможные каналы поставок самолетов в Пхеньян.

Мусаев начал изучать Орлова, и очень быстро обнаружил, что тот находится под колпаком у многих разведок, и что едва ли не все контракты и протоколы о намерениях из волшебного чемоданчика оружейного барона хорошо известны людям из ЦРУ.

Казалось, всем должно было стать ясно: сделка невозможна, ее участники быстро засветятся, о продаже МиГов в обход санкций непременно узнают американцы и европейцы. Будет огромный скандал. Наша репутация на тот момент и так уже была далеко не блестящей, а тут такой конфуз, причем неминуемый. Но назарбаевских горе–бизнесменов все это, как оказалось, мало волновало.

В июне 99-го в кабинете председателя комитета

национальной безопасности Казахстана Нуртая Абыкаева состоялось совещание с участием нескольких руководителей военной контрразведки и «православного бизнесмена» Петренко. Посвящено оно было только одной теме: надо продавать!

Мусаев еще раз сказал, что о сделке знают американцы, что доставить всю партию из 133 самолетов в Северную Корею так, чтобы это никто не засек, технически невозможно. Начальник контрразведки генерал Божко был настроен куда более оптимистично. Потом слово взял Александр Петренко. Он сказал, что никакого риска нет, все будет шито–крыто, все расчеты по сделке произведут только наличными. А также будет подготовлено два контракта, один для операции прикрытия — якобы поставка будет в чешскую фирму «Агропласт», для вторичной металлопереработки, второй же договор — настоящий. Погрузка же разобранных самолетов МиГов будет производиться только в ночное время, что обеспечит светомаскировку от американских спутников–шпионов.

В завершении своего спича Петренко продемонстрировал чемоданчик с восемью миллионами долларов США — это была только предоплата.

В конце совещания Нуртай Абыкаев подвел итог: будем продавать! При этом он многозначительно показал на «высочайший» портрет пожизненного президента, висящий над его креслом — добро, мол, получено.

Нужно отметить, что к этому моменту в головах казахских участников бизнес–комбинации окончательно утвердилась идея, некогда посетившая Остапа Бендера во время переговоров с Кисой Воробьяниновым в зачумленной дворницкой: «У меня есть все основания предполагать, что я один могу справиться с вашим делом». Покупатель был известен, товар готов к отгрузке, предоплата получена. Самое время избавиться от посредника.

Так закончилась короткая эпопея Олега Орлова в Казахстане. Под нажимом Абыкаева суды завели на него несколько фиктивных дел, два дома в алма–атинских предгорьях, машины и все добро, которое находилось в домах, переписали на Петренко и его жену–журналистку Евгению Доцук (впоследствии в этих домах любил собираться алматинский бомонд), а проблему отсутствия некоторых необходимых бумажек решили еще быстрее — их просто подделали. Кстати, потом этот дом стал «яблоком раздора» при бракоразводном процессе этой парочки.

Друзья рассчитывали доставить товар покупателю транспортными самолетами. Петренко провел маркетинговое исследование и выяснил, что украинский «Руслан» может взять на борт сразу шесть самолетов МиГ-21, а российский транспортник

Ил-76 — только два. Заказали «Руслан». Чтобы сбить с толку иностранные разведки, маршрут наши друзья придумали такой: из военного аэропорта «Сарыозек» украинский транспортник Ан-123 «Руслан» улетал сначала в Баку, там заправлялся и оттуда уходил на Китай и, после еще одной заправки в Китае, летел в Пхеньян. Наверное, эта схема казалась Абыкаеву с Петренко вершиной конспирации.

То ли по причине разгильдяйства военных, то ли из–за атмосферы полной вседозволенности, но погрузку военной техники в транспортный самолет на военной базе Сарыозек засек–таки американский спутник–шпион. Сразу же после вылета первого «Руслана» (всего ему удалось сделать два рейса, да и то во второй раз груз был арестован в бакинском аэропорту) посольство США направило в министерство иностранных дел Казахстана резкую ноту протеста. В ней говорилось, что Казахстан в обход международных санкций осуществляет поставки вооружений в Северную Корею, страну, подозреваемую мировым сообществом в спонсировании международного терроризма и уклоняющуюся от исполнения международных соглашений в области контроля над ядерными технологиями.

Тайная сделка провалилась — это было ясно всем, кроме серого кардинала и «правой руки» Назарбаева. Уже едва ли не ежедневно в МИД звонил посол США. Уже статьи о тайной торговле оружием появились в западных и даже (сегодня в это трудно поверить, но еще восемь лет назад не вся казахская пресса была так «зачищена») в местных газетах, а наши оружейные бароны все никак не могли угомониться — они отправили второй борт. А группа казахских техников была уже переправлена в Китай, чтобы оттуда забросить их в Пхеньян. Когда началась шумиха, китайцы техников арестовали и долго не могли понять, что с ними делать и кому их выдавать. Через некоторое время их отправили обратно на Родину.

Все это мне уже было известно. Зная кое–что о возможностях техники спутникового слежения и работе западных разведок, я нисколько не сомневался, что северокорейская афера закончится именно так. Уже тогда между мной и Абыкаевым сложились весьма неприязненные отношения, так что не буду кривить душой, говоря, что сильно переживал из–за провала его и всей компании. Но в девяносто девятом я все еще считал себя преданным солдатом президента и, видя, что оба собеседника-Токаев с Утемуратовым, близки к полному ступору, стал думать, как же вывести его из–под удара. Тогда я думал только о престиже Казахстана.

Времени на размышления было в обрез. Токаев сообщил, что

завтра Назарбаеву будет звонить вице–президент США Альберт Гор, и к этому моменту нужно утвердить нашу окончательную позицию. О звонке Гора Токаеву сообщил американский посол — Джоунс. Разговор министра с послом был очень нервным, чувствовалось, что американцы готовы на самые суровые меры, вплоть до режима санкций, что в условиях азиатского экономического кризиса 1998 года могло крайне отрицательно отразиться на экономике Казахстана.

Гор должен был позвонить Назарбаеву в воскресенье, в восемь или девять утра, с борта самолета — у него был длинный перелет, и разговор с президентом Казахстана значился в списке неотложных дел. Как я понял, именно нашей группе нужно было предложить Назарбаеву сценарий разговора, его позицию.

Вариантов, собственно, было всего два. Первый: президент не сдает своих старых друзей, и тогда страна гарантированно получает массу проблем (а вместе со страной и сам Назарбаев — его могли перестать пускать в страны Запада, как белорусского коллегу Александра Лукашенко). Либо президент выставляет американцам козлов отпущения — то есть делает вид, что сам ровным счетом ничего не знал, ни о каком экспорте самолетов в Северную Корею не знает, очень возмущен и во всем разберется и накажет виновных, которые за его спиной проворачивает плохие делишки. Этот вариант означал, что два назарбаевских соратника, его близкие люди — Абыкаев и Алтынбаев, должны подать в отставку со своих постов, а какие–то стрелочники — пострадать чуть посерьезнее. Одновременно этот вариант означал фактическое признание того факта, что глава государства слабо или совсем не контролирует своих силовиков, промышляющих торговлей оружием. Это было неприятно, но не смертельно. Главным на тот момент было успокоить американское и японское правительства, а всякими побочными проблемами типа общественного мнения в собственной стране можно заняться потом.

Естественно, я предложил второй вариант. Оба деятеля заварили эту кашу, оба и должны ее расхлебывать. Тем более, насколько я понимал, американцам нужны были две вещи: во–первых, напугать казахское руководство так, чтобы желание что–то там продавать в обход санкций пропало надолго, и, во–вторых добиться каких–то церемониальных жертвоприношений, абсолютно символических. Вряд ли они были настолько наивны, чтобы всерьез поверить в версию, будто президент Казахстана ничего не знал о том, что творится у него под носом.

Все эти аргументы я и изложил собеседникам. Токаев меньше всего хотел ссориться с могущественным Абыкаевым, но никакой

альтернативы моему предложению у него не было, и именно он должен был сформулировать наше решение.

В итоге, с лицом человека, идущего к плохому дантисту, он сел за стол и написал письмо президенту, которое мы скорректировали. Смысл был таков: чтобы минимизировать негативные последствия этой истории, президенту нужно решительно дистанцироваться от нее, заявить, что он возмущен самодеятельностью злоумышленников, намерен строго наказать их, а также и тех, кто должен был не допустить подобного рода злоупотреблений … и далее в том же духе.

Заручившись нашей поддержкой, с готовым письмом Токаев сразу же спецсамолетом улетел в Астану. Я, помнится, тогда еще подумал, что господину Петренко придется на некоторое время прервать свою салонно–благо–творительную деятельность, потому что из всей компании, замешанной в афере, по статусу и по положению в негласной иерархии посадить могли только его. Шеф комитета нацбезопасности и министр обороны были надежно защищены от такого варианта. Так впоследствии и получилось.

Президент не сразу принял наш вариант. Некоторое время он еще хорохорился, говорил, что он руководитель независимой страны, сам себе хозяин. Что не допустит того, чтобы вместо московского ЦК КПСС теперь контролирующие функции выполняли американцы, капиталисты (как бывший советский рабочий, президент Назарбаев до сих пор недолюбливает классовых врагов–американских капиталистов). Назарбаев говорил, что он не сдает своих верных друзей и далее в том же духе. Об этом мне позже рассказывал Токаев.

Ему и в самом деле было нелегко. Выстроенная им система абсолютной вертикальной власти могла функционировать лишь при соблюдении главного принципа: своих в беде не бросать. Какой бы эта беда ни была. Сегодня ты сдаешь своего верного соратника — завтра он сдаст тебя. И будет прав. Круговая порука — непременный атрибут подобного рода мафиозных организаций, гарант того, что завтра в них не начнется война всех против всех. В конце концов, его соратники действовали не на свой страх и риск, все было согласовано, шкура неубитого медведя была предварительно разделена. А теперь ему нужно выставить их виноватыми, отправить в отставку, убрать на некоторое время из ближайшего окружения. Назарбаеву было трудно решиться на этот шаг, очень трудно.

Но другого пути у него не было. Может быть, он бы еще как–нибудь пережил запрет на въезд в Соединенные Штаты и страны Европы. Но интерес американских правоохранительных органов к

нескольким счетам в швейцарских и лихтенштейнских банках, и так к моменту описываемых событий весьма его беспокоивший, в случае конфронтации с американцами непременно бы усилился, а это в планы нашего лидера никак не входило.

Поэтому я, честно говоря, был уверен, что в итоге он примет мой вариант.

К этому времени я знал президента уже много лет, и некоторые его привычки и стереотипы его поведения были мне неплохо знакомы. Перед тем, как решиться на игру против правил (а тут ему предстояла именно такая игра, более того — против правил, им же самим и введенных), он непременно должен был найти внутреннее самооправдание. Возможно, неубедительное для других, зато убедительное для него. В случае с неудавшейся контрабандой такое самооправдание не нужно было долго искать. В конце концов, он давал разрешение на операцию, а дело исполнителей было позаботиться, чтобы она не провалилась. Но они ее провалили и теперь должны будут ответить. Не перед законом, конечно, а перед Хозяином.

Воскресным утром 8 августа президент говорил с Гором. Разговор длился около получаса. Назарбаев сказал, что очень сожалеет о случившемся, что сам он, естественно, не знал о происходящем, что организаторы и исполнители этого нехорошего дела будут наказаны в соответствии с нашими строгими, но справедливыми законами, что Казахстан — горячий сторонник и партнер Америки, а его лидер — пламенный борец за все хорошее и против всего плохого. Гор, кажется, удовлетворился услышанным. Кстати, он был в доме Назарбаева на семейном ужине в 1993 году, где был поражен гостеприимством Назарбаева и, конечно же, его музыкальными способностями.

На следующий день президент пригласил к себе двух неудачливых торговцев оружием и объявил им, что нужно устроить шоу для американцев. Они должны подать в отставку со своих постов «как настоящие генералы». Естественно, они не пропадут, беспокоиться никто не должен. «Генералы» изобразили, что они оскорблены в лучших чувствах, но деваться было некуда. На тут же созванном совещании Совета безопасности оба подали прошение об отставке. Прошения были сразу же удовлетворены.

На все ушло несколько минут. Спектакль для американцев был проведен на «отлично».

Сразу после заседания президент вызвал Альнура Мусаева и объявил, что вновь назначает его председателем комитета нацбезопасности. Выглядел он при этом удрученным. Тому было две причины. Одна — очевидная: только что Назарбаев, как это

ни называй, сдал своих друзей, своих ближайших людей. И кому? Американцам! В который уже раз ему приходилось считаться с тем, что и после распада Союза у него нет стопроцентной власти, и над ним снова висит контролирующая инстанция. То ему не дали стать лидером ядерной державы, причем не дали в грубой форме, без соблюдения особых политесов, теперь вот не получилось элементарное дело — торгануть никому не нужным хламом за приличные деньги — сорок миллионов долларов наличными. И это было очень обидно.

Но была и вторая причина, о которой никто не догадывался. Погоревшие торговцы объяснили свой провал очень незамысловатой причиной: кто–то их сдал. И в самом деле, как можно с неба разглядеть, что делается на земле? Все эти байки про какие–то спутники–шпионы — для глупцов, все это из области ненаучной фантастики, и в действительности таких чудес, конечно же, не бывает. А шпионы — бывают. Именно так объяснили свой провал министр обороны и шеф госбезопасности.

Кто были эти шпионы — президенту оставалось догадываться самому. В ближайшем окружении, среди людей, осведомленных о корейской афере, на эту роль лучше всего подходили две кандидатуры: моя и Мусаева. Оба мы не питали, мягко говоря, никаких симпатий к Абыкаеву, оба хотели отодвинуть этих замаравшихся, как нам казалось, теневиков от президента. Оба, по этой логике, оказывались под подозрением. Для тех, кто не знаком с нравами президентского окружения, все это, конечно, звучит дико, но в реальности там готовы поверить и не таким слухам.

Все–таки я думаю, что президент тогда не принял на веру фантастическую версию провала своих подельников, иначе вряд ли повторно назначил бы Мусаева на такой пост. Но в глубине души подозрения все же затаил.

Дальше события развивались стремительно. В этот же день новоназначенный председатель КНБ Мусаев приказал арестовать и депортировать группу из двенадцати северокорейских специалистов, все еще дожидавшихся обещанных самолетов. Нужно было демонстрировать рвение по части исправления ситуации.

Я отправил группу сотрудников финансовой полиции Алма — Аты в офис фирмы «Гольфстрим», которая принадлежала Петренко. Офис опечатали, все документы о сделке изъяли и передали в прокуратуру.

Тональность переговоров Токаева с американским послом постепенно нормализовалась до обычного уровня.

Итог операции был таков:

Посланцев режима Ким Ир Сена выслали.

Южнокорейская разведка, по словам своего шефа Чун Йонг Таека, в те дни обнаружила у своего северного соседа аж 24 МиГа из Казахстана. Казахских техников вернули в страну.

Самолеты остались в ангарах и пришли в окончательную негодность, к тайной радости несостоявшихся северокорейских камикадзе.

Обиженный Абыкаев некоторое время занимался «нефтяным бизнесом», был членом совета директоров в частной нефтяной компании «Мангистаумунайгаз» у Рашида Сарсенова, потом был снова приближен к правителю и немедленно возвращен на госслужбу.

Алтынбаев из кресла министра переместился в кресло начальника Военно–воздушных сил, а его сменщик генерал СатТокпакбаев тут же вляпался в очередной скандал.

Неудачливый оружейный торговец Петренко был вынужден отдуваться за всех: его посадили в изолятор КНБ, но в итоге и для него все закончилось хорошо.

Через пару месяцев он вышел на свободу, суд признал его виновным в организации незаконной сделки и (иногда казахское правосудие являет собой пример невиданного гуманизма) назначил условное наказание. Бомонд снова стал собираться в отнятых было домах и говорить о высоком, о вечном.

Олег Орлов несколько лет еще играл на оружейном рынке, но дела шли все хуже, особенно после отставки Грачева. В конце концов, потеряв весь бизнес, он попросил убежища в Чехии, но был выдан Украине и задушен в киевской тюрьме.

Изъятые у Петренко восемь миллионов наличных долларов (предоплата от корейских покупателей) лежали в специальном сейфе комитета госбезопасности как вещественное доказательство — до того момента, пока их там не обнаружил назначенный после Мусаева шефом КНБ генерал Дутбаев. Видимо, он был приятно удивлен, инспектируя принятое хозяйство.

Больше этих денег никто никогда не видел.

Дутбаев просидел в кресле ровно пять лет, до убийства лидера оппозиционного движения Алтынбека Сарсенбаева в феврале 2006 года.

Глава 33
Прощай, оружие — 2

В отличие от многих других бизнесменов, погоревших на сотрудничестве с партнерами из Казахстана, Олег Орлов был сильной личностью. Ни провал многомиллионной сделки, ни обман и предательство ближайших друзей, ни конфискация имущества, ни даже судебное преследование не заставили его отвратить взор от широчайших возможностей казахского оружейного рынка.

Я думаю, что дело тут было не в какой–то особенной любви, которую испытывал к нашей республике международный оружейный барон. Все объяснялось проще: у нас в стране было огромное количество никем не учтенной, плохо охраняемой, но все еще хорошо стреляющей советской военной техники. Разница между официальными и неофициальными данными о количестве оружия составляла разы, а иногда даже порядки. Вот только один пример: согласно официальной статистике, на вооружении казахской армии состояло шестьсот танков. В то же время, по данным министерства обороны СССР, которые попали в печать, во времена лихорадочного ухода советской армии из стран Восточной Европы в Казахстан было передислоцировано около шести тысяч боеспособных танков с полными боекомплектами. После распада Союза все эти машины остались на нашей территории.

И второй фактор: здесь был именно тот режим, в отношениях с которым оружейный торговец Орлов чувствовал себя как рыба в воде. Он никогда не «заплывал» нате территории, где были в наличии признаки регулярного государства, где экспортный контроль и законы были едины для всех, включая представителей верховной власти. Но в странах типа воевавших тогда между собой Эфиопии и Эритреи, в закрытых государствах вроде Китая и Ирана, на территориях, которыми распоряжались самоназначенные правители, как, например, в Сьерра — Лионе или Анголе той поры, Олег Орлов был непобедим. Когда надо, его щедрость не знала границ.

Ради следующей сделки, которая должна была принести ее участникам уже не миллионы, а десятки, если не сотни миллионов долларов, Орлов сумел подняться над мелкими личными обидами. Он снова сделал своим казахским партнерам предложение, отказаться от которого у тех не было ни сил, ни желания.

Это была сделка по продаже современных российских танков в Индию. В отличие от истории с северокорейскими МиГами, она закончилась не большим обломом, а большой кровью.

Ночью 14 апреля 2000 года на тихой улице в квартале от главного проспекта Алма — Аты, на пересечении улиц (Тулебаева и Виноградова) на пороге своего дома шестью выстрелами в голову был убит генеральный директор РГП «Казспецэкспорт» Талгат Ибраев. Киллер действовал профессионально и не оставил жертве ни малейшего шанса.

Это была первая смерть в череде нескольких убийств, самоубийств (очень похожих на убийства) и исчезновений. Сегодня жертвы тех событий благополучно забыты, исполнители или мертвы, или надежно упрятаны за толстые стены казахских тюрем, а главные герои по–прежнему играют роль уважаемых членов общества и поучают сограждан с экранов телевизоров и газетных страниц.

Но сначала нужно рассказать, кем был убитый Ибраев, и что собой представляла государственная компания по продаже оружия, которой он руководил.

В газетах того времени о личности погибшего писали много, но однотипно и не всегда правдиво. По версии журналистов, особенно из государственных изданий, Талгат Ибраев боролся за прозрачность казахского оружейного рынка, за что и был ликвидирован таинственными злодеями. Роль злодеев отводилась разнообразным врагам независимого Казахстана и его президента.

Самую смелую и самую патриотичную теорию выдвинул тогда партнер Орлова — проштрафившийся оружейный делец Петренко. По его версии, убийство Ибраева организовали те, кому был не нужен сильный преуспевающий Казахстан. То есть американцы. Со стороны все это выглядит, конечно, трагикомично: Америка, испугавшись казахской мощи и преуспевания, наносит коварный удар в самое сердце — подсылает наемного убийцу к директору фирмы, торгующей оружием запаса Минобороны.

В действительности Талгат Ибраев был близким другом и партнером Олега Орлова. Настолько близким, что именно ему Орлов доверил, наверное, самое важное дело из досье, которое хранилось в волшебном чемоданчике. Это был один из крупнейших заказов на оружейном рынке того времени, за ним охотились самые известные торговцы смертью.

Естественно, этот заказ оказался в портфеле Орлова.

А речь шла вот о чем. Индия собиралась прибрести крупную партию современных российских танков Т-75. Общая цена

контракта — 300 миллионов долларов. Покупатель надежный, кредитоспособный, готов заплатить щедрую предоплату. Главная проблема заключалась в том, что поставка такой партии танков нарушит баланс сил, сложившийся в этом взрывоопасном регионе, и неминуемо вызовет неприятные последствия на официальном уровне. Именно из–за этих соображений российские официальные инстанции отказывались от прямой поставки оружия и искали посредника, на которого в случае чего можно было бы свалить ответственность.

И, конечно, такой посредник нашелся очень быстро.

Президент Назарбаев, попавший в капкан в скандале о взятках в американском уголовном деле Джеймса Гиф–фена под звучным названием «Казахгейт», но втайне лелеющий надежду когда–нибудь получить Нобелевскую премию мира, в конце девяностых и в первые годы этого века, стараясь «пропиарить» свою кандидатуру, занимался активной миротворческой деятельностью. Вернее сказать, имитацией бурной миротворческой деятельности. Он мирил иудеев с мусульманами, индийцев с пакистанцами, израильтян с палестинцами, армян с азербайджанцами и вообще всех, кто готов был слушать его проповеди. Сегодня уже понятно, что результат миротворческих усилий моего тестя оказался нулевым — и по части прекращения конфликтов, и по части получения заветной премии. Но тогда мода на миротворчество была в самом разгаре.

Могла ли эта мода воспрепятствовать успешной продаже танков индийцам? Конечно же, нисколько. Миру — мир, а триста миллионов на дороге не валяются!

В Астане очень тщательно приступили к подготовке сделки. Орлов уже не рисковал приезжать в Казахстан, к своим верным партнерам и преданным друзьям–предателям, и поэтому поставил во главе операции доверенного человека — Талгата Ибраева. Это был успешный коммерсант без определенного на тот момент рода деятельности (сегодня такое определение звучит странновато, но в описываемый период отечественной истории такие типы встречались на каждом шагу, так что ничего удивительного в кандидатуре орловского посланника не было).

Специально для реализации этого контракта было создано республиканское государственное предприятие (РГП) «Казспецэкспорт». Директором назначили Талгата Ибраева, а предприятие для надежности подчинили напрямую канцелярии правительства. Это было нарушением всех возможных законов, но руководителем канцелярии тогда был Канат Саудабаев, президентский товарищ и деловой партер, и это обстоятельство было поважнее каких–то там пунктов и параграфов. Саудабаев

раньше служил директором цирка и давно был известен тем, что свои комиссионные, свои 10 процентов, никогда не упускает и, мало того, может выбить любыми средствами.

Только что утих международный скандал с несостоявшейся поставкой МиГов в Северную Корею. Напуганная жесткой реакцией американцев, официальная Астана старалась больше в подобные проблемы не вляпываться, и потому правительство все–таки следило за тем, кто, как и кому распродает отечественное оружие.

Но, опять–таки, Америка Америкой, а триста миллионов долларов — это триста миллионов долларов. Тем более что Индия — уважаемая страна, лидер Движения неприсоединения, а не какая–то там страна–изгой, с которой одна морока и сомнения, не фальшивые ли банкноты.

Схема выглядела так. Частная фирма Олега Орлова «Омарус» передавала все права по контракту на поставку танков частной компании «Улан». В свою очередь «Улан» заключал договор с государственной компанией «Казспецэкспорт». Такая конструкция нужна была для того, чтобы решить непростую задачу — с одной стороны, получить все необходимые сертификаты конечного пользователя и лицензии, которыми частной фирме обзавестись практически невозможно, а с другой — провести прибыль мимо бюджета. А прибыль ожидалась солидная.

Это обстоятельство впоследствии и погубило само предприятие и многих его участников.

Но вначале, в период дележа шкуры неубитого медведя, все складывалось замечательно. Главное — президент снова устно дал добро на сделку. Права и обязанности сторон тоже были вроде бы всем понятны. Интересы Орлова представлял Ибраев, что же касается казахской стороны, то здесь расклад был таков: общее руководство осуществлял аппарат правительства в лице Саудабаева, за отсутствие дипломатических неприятностей отвечал министр иностранных дел Идрисов, а за все технические аспекты отвечало министерство обороны во главе с преемником погоревшего на МиГах Алтынбаева, генералом Токпакбаевым.

Естественно, отщипнуть кусочек от пирога хотелось многим. Грубая немецкая поговорка «Что известно двоим, известно и свинье» очень точно обрисовывала сложившуюся ситуацию — о сверхсекретной сделке в астанинских властных коридорах не судачили разве что уборщицы. Все знали и про индийцев, и про танки, и про их цену.

Естественно, в силу своего тогдашнего статуса, я был об этой сделке хорошо осведомлен. И подумал, что и эта афера плохо закончится.

У Ибраева был заместитель — Анатолий Адамов, бывший полковник КГБ. Об этом человеке ходили легенды. Он пережил трагедию — бандиты ограбили и убили его жену, а тело утопили в алма–атинском озере Сайран. Адамов вскоре ушел из органов и стал кем–то вроде частного детектива. Создал агентство, деятельность которого старался не афишировать. Сначала работал с сотрудниками МВД, потом, убедившись в повальной продажности и непрофессионализме этой публики, восстановил контакты с органами госбезопасности. Было известно о связях Адамова с российским ГРУ. Ходили слухи, что он нашел убийц своей жены и расправился с ними. Когда в алма–атинских горах нашли несколько неопознанных трупов, молва приписала убийство бывшему офицеру, отомстившему за смерть жены.

Вскоре у Ибраева появился второй заместитель. Это тоже был бывший полковник КГБ, уволенный из органов нацбезопасности, Эрса Кашкаров, дунганин, отвечавший в свое время за китайское направление в разведке. И после увольнения из органов он поддерживал хорошие связи со службой внешней разведки «Барлау» и, по слухам, с российским ГРУ. Каждый, кто имел отношение к готовящейся сделке, знал, что назначение Кашкарова в заместители директора «Казспецэкспорта» пролоббировал бывший председатель КНБ, ныне министр обороны Сат Токпакбаев. Он является близким родственником Государственного секретаря — Каната Саудабаева, оба выходцы из села Узун — Агач под Алма — Атой.

Планировалось, что денежная цепочка должна иметь такую схему: через Ибраева к Саудабаеву и далее к Назарбаеву. Но Токпакбаев самовольно внедрил еще одно звено в лице Кашкарова и самого себя.

До поры до времени все шло хорошо. Все необходимые бумаги были оформлены, щедрая предоплата поступила на секретный счет «Казспецэкспорта». Но, как известно, аппетит приходит во время еды — пришел он и к разношерстной компании братьев по оружию. Каждый начал тянуть одеяло на себя.

Как показало впоследствии секретное расследование МВД (результаты которого, естественно, сильно расходились с тем, что президент позволил сообщить простой публике), роковую роль в этой истории сыграла жадность генерала Токпакбаева. Имея перед глазами печальный пример Алтынбаева, который и денег не заработал, и пострадал неизвестно за что, Токпакбаев решил взять все в свои руки. Именно тогда он и внедрил в компанию своего представителя — Эрсу Кашкарова, который сразу же стал копать под Ибраева.

И без того не самая дружная «группа товарищей» очень быстро окончательно рассорилась. Каждый начал играть свою игру. Адамов возобновил старые контакты с людьми из Рособоронэкспорта, что довольно быстро выяснил по своим каналам Кашкаров. Ибраев курсировал между Дели, где начинали нервничать индийские покупатели, Москвой, где многоопытный Орлов держал ситуацию под полным контролем, и Астаной, где каждый посвященный в тайну сделки тянул одеяло на себя.

Как это обычно и бывает, на поле дворцовых интриг военные потерпели решительное поражение. В конце зимы 2000 года всем посвященным стало очевидно, что генералам отводится роль лишь технических исполнителей, а прибыль казахских участников предприятия будет разделена между Саудабаевым и вышестоящими господами.

Естественно, генералы с поражением мириться не захотели.

В последний день жизни Талгат Ибраев посетил в Астане министра обороны Токпакбаева, своего прямого куратора Саудабаева и председателя КНБ Мусаева. О чем он говорил с первыми двумя, мне неизвестно. Альнуру Мусаеву директор «Казспецэкспорта» жаловался на то, что сделка не двигается с места, все погрязли в бесконечных интригах, все вот–вот сорвется и придется возвращать предоплату. Мусаев посоветовал ему быть осторожным и максимально прозрачным для правительства — увы, жить Ибраеву оставалось часа три, и выполнить совет он не успел.

Сразу из главного здания КНБ Ибраев уехал в аэропорт Астаны, прилетел в Алма — Ату, сразу поужинал в ресторане. На свою беду ресторанный скрипач сыграл позднему визитеру, погруженному в тяжелые раздумья, несколько мелодий. На следующий день визитер был мертв, а несчастному выпускнику консерватории полицейские подкинули героин и «кололи» его на причастность к убийству. Прямо в больнице арестовали шофера Ибраева, раненого в ногу во время покушения, а второму водителю Казспецэкспорта подбросили для разнообразия не героин, а гранату. Обоих пытали в полицейской тюрьме, но когда стало понятно, что при всем желании бедолаги ничем помочь следствию не могут, выпустили на волю. Министр внутренних дел того времени Каирбек Сулейменов, недалекий партработник и солдафон, бравировавший заявлениями о том, что если вместе с десятком виновных он посадит одного невиновного, то большой беды в том нет, вынужден был даже процедить что–то невнятное о «сожалении по поводу этого единичного случая».

Пока следователи избивали водителей и запугивали беззащитного скрипача, наверху лихорадочно искали выход из

сложившегося положения. На освободившееся место директора госкомпании министр обороны Токпакбаев посадил своего человека, отстранил от дел Адамова и попытался переиграть ситуацию в пользу военной группы участников предприятия. Подозрения в причастности генерала Токпакбаева к убийству Ибраева были настолько очевидными, что игнорировать их у следствия не было никакой возможности. Генерала несколько раз вызывали в МВД на допросы. От ареста его спасло только то обстоятельство, что генерал, как говорится, консерва–ториев не кончал, зато занимал такой пост в иерархии власти, который гарантировал его полную неприкосновенность. А самое главное — он ведь был подельником Назарбаева по южнокорейским взяткам, а президент членов своей мафии не сдает.

Вместе с тем и игнорировать общественное мнение в 2000-м году власти еще не могли. Тем более что заказные убийства тогда случались, к счастью, не так часто, и расстрел генерального директора прямо в центре тихого квартала Алма — Аты наделал немало шума. Назарбаев потребовал от Сулейменова в короткие сроки «раскрыть» преступление. Отдать расследование в КНБ под руководством генерала Альнура Мусаева тесть не решился.

Ни несчастный скрипач, ни шоферы на роль заказчиков убийства никак не годились. Зато оба заместителя погибшего торговца оружием подходили на нее как нельзя кстати. Вскоре их арестовали — и Кашкарова, которого в тюрьме посетил Токпакбаев с советом помалкивать о деталях убийства, если тот желает сохранить себе жизнь, и Анатолия Адамова, которого в номере гостиницы в Астане арестовал сам министр внутренних дел Сулейменов, имевший к нему какие–то старые счеты. Отправив за решетку обоих заместителей, новые управляющие компании «Казспецэкспорт» и их покровитель решили сразу две задачи: устранили конкурентов и выставили для публики «заказчиков» громкого убийства.

Публика проглотила версию, которую озвучивали представители МВД и сам министр Сулейменов, даже не задавшись вопросом, зачем Кашкарову и Адамову нужно было убивать Ибраева. Казспецэкспорт, в конце концов, был не частной лавочкой, а государственным предприятием, и, в отличие от кооператива, заместитель, убивающий своего начальника, мог сесть в его кресло не автоматически, а только с согласия соответствующих государственных инстанций. И Адамов, и Кашкаров были тертыми калачами и хорошо понимали это, в отличие от простых граждан.

Очень скоро «военным коммерсантам» пришлось убедиться, что продажа пары списанных Калашниковых через забор воинской

части местным бандитам — это одно, а продажа огромной партии танков по трехстороннему межгосударственному соглашению — совершенно другое. Ни покупатель (индийские военные), ни продавец (компания Орлова) не желали иметь дело с таким посредником. К лету двухтысячного года даже до министра Токпакбаева наконец дошло, что из затеи уже ничего не выйдет.

Тем более что на первый план у коммерсантов в погонах вышли совсем другие проблемы. Где–то на свободе оставался киллер, застреливший Талгата Ибраева. Он знал слишком много, и допустить, чтобы он заговорил, было бы для заказчика равно самоубийству.

И наемный убийца не заговорил.

21 августа 2000 года в Алматинском районе Орбита в результате полицейской операции, больше похожей на расстрел, погиб бывший сотрудник ГРУ Минобороны майор Амангельды Амангалиев. Об этом секретном сотруднике было известно немногое. В свое время он служил в Афганистане (хотя точных сведений об этом периоде не сохранилось), прошел диверсионно–штур–мовую спецподготовку в ГРУ Генштаба Минобороны СССР (в «Аквариуме»), числился в секретном подразделении Минобороны Казахстана и выполнял специфические поручения — был киллером–одиночкой высочайшей квалификации, стрелял с двух рук одновременно (так называемая стрельба по–македонски).

Амангалиева расстреляли на выходе из кафе, где он в тот вечер ужинал. Хотя весь город к тому времени был увешан его портретами с надписью: «Разыскивается опасный преступник», он почему–то не скрылся из города. Полицейские объявили, что Амангалиев начал отстреливаться, они открыли ответный огонь, трижды его ранили, после чего он, не желая сдаваться, застрелился. Правда, судмедэксперты тут же выяснили, что два смертельных выстрела в голову были произведены с расстояния в полтора метра, но это обстоятельство не смутило ни министра внутренних дел Сулейменова, ни его подчиненных. То, что везде бы расценили как полный провал (потеря важнейшего свидетеля) или даже преступление (ликвидация возможного убийцы), полицейские объявили своей большой победой. Вскоре на убитого Амангалиева, как это водится у полиции, повесили едва ли не десяток нераскрытых «висячих» убийств. А два контрольных выстрела в голову с полутора метров следствие признало самоубийством (через шесть лет после этих событий другой «самоубийца», бывший соратник Назарбаева Заманбек Нуркадилов, покончит с собой тремя выстрелами в грудь и голову …)

Впрочем, с определенной точки зрения, это и был успех: дать показания против министра обороны страны было уже некому. Концы были надежно спрятаны в воду.

Как незадолго до этого МиГи не долетели до Северной Кореи, так и теперь танки не доехали до Индии. На этот раз итоги операции были таковы:

Талгат Ибраев получил шесть пуль в голову.

Амангалиев был убит во время полицейской операции сотрудниками спецназа по прямому указанию министра внутренних дел Сулейменова во время перестрелки и добит двумя контрольными выстрелами в голову, чтобы этот киллер навечно замолчал.

Адамов был убит в тюрьме через шесть месяцев после описываемых событий. Тюремные власти, естественно, объявили, что у него «внезапно остановилось сердце» …

Кашкарову повезло больше. Его обвинили в организации убийства Ибраева, приговорили к длительному заключению, но не убили. У него оказалась надежная защита: код к секретному счету в «ТуранАлем» банке, на котором остались десять миллионов долларов индийской предоплаты. Доступа к этим деньгам так и не смог получить никто — кроме бывшего председателя КНБ Нуртая Дутбаева. После убийства президента Банка «ТуранАлем» Татищева, Дутбаев снял эти деньги для передачи наверх. По делу о продаже танков дипломатического скандала, как ни старалось министерство иностранных дел, избежать не удалось. Пытаясь отвлечь общественное внимание от несостоявшейся трехсотмиллионнои сделки с индийцами, умники из МВД несколько увлеклись и на суде над Кашка–ровым обвинили его в продаже самолетов Су-24 злейшим противникам Индии — пакистанцам. По версии полицейских фантазеров, Кашкаров получил от пакистанцев ни много, ни мало четыреста миллионов долларов! Естественно, это было вранье, правительство тут же получило жесткую ноту от пакистанского МИДа.

Индийцы никаких нот в наш МИД не направляли, хоть и потеряли на несостоявшейся сделке огромные деньги. Их военные, активно закупающие вооружения на мировых рынках, теперь обходят Казахстан, как говорится, за три версты, какие бы выгодные предложения им ни делали наши военные коммерсанты.

Генерала Токпакбаева вскоре освободили от должности министра обороны, я думаю, к большому облегчению всех посвященных в подробности этой темной истории. На некоторое время я потерял его из виду. Но не стоило беспокоиться: мой

тесть, к чести его будет сказано, не оставляет в беде старых товарищей. После нескольких лет безвестности ветеран коррупционных и военно–коммерческих фронтов всплыл в мажилисе — депутатом от партии Назарбаева. Теперь он переквалифицировался в борца с коррупцией (поневоле задумаешься об особенной природе этого печального явления в нашей стране — кто с ней только ни боролся, а коррупция по–прежнему живее всех живых).

Моей скромной персоне этот военный шут посвятил не так давно следующий пламенный спич: «Нанесен международному имиджу нашего государства значительный ущерб. Закономерен вопрос: где были и куда смотрели в то время представители службы охраны президента и других органов, когда на протяжении длительного времени, находясь в близости к охраняемому лицу, этот безнравственный человек с ярко выраженными уголовными наклонностями творил свои грязные деяния, вопиюще нарушая присягу на верность Отечеству?» От «депутата» Токпак–баева слышать разглагольствования о международном имидже, скажу честно, даже как–то трогательно …

Осенью 1999 года меня неожиданно вызвал Назарбаев к себе в кабинет и дал задание как можно быстрее уладить отношения с американцами, поднять уровень партнерства и сотрудничества выше чем у соседнего Узбекистана. В короткий срок я провел множество двухсторонних встреч как за рубежом, так и в Казахстан е. Результаты не заставили ждать-Казахстан посетили за короткий промежуток времени Госсекретарь США М. Олбрайт, Директор ЦРУ Дж. Тенет, Директор ФБР Л. Фри, Руководители Министерства обороны США. Поэтапно удалось сгладить напряженность в двухсторонних отношениях.

Embassy of the Untied States of America

12 сентября, 2001 Алматы, Казахстан

I с. Марат Мухам етказийевич Тажин

Председатель Комитета Национальной Безопасности

97 ул. Кенесары

Астана, Республика Казахстан

Уважаемый господии Тажин,

От имени Президента Буша и американского народа, я благодарю Вас за Ваше выражение соболезнования в связи со вчерашней трагедией в Соединённых Штатах Америки. Невозможно словами выразить эмоции, которые я чувствую как американец в связи с событиями в Нью — Йорке и Вашингтоне.

Я благодарен за непосредственное предложение помощи Вашего государства вечером, во вторник, 11 сентября, в защите

американских объектов в Казахстане. Мне хотелось бы поблагодарить Первого — Заместителя господина Рахата Алиева, за то, что он лично подтвердил что пиротиво–террористические силы и оборудования были быстро расположены в оборонительные позиции вокруг наших объектов. Это явилось ярким и подтверждающим символом нашего сотрудничества.

Как заявил ранее сегодня Президент Буш, Соединённые Штаты Америки присоединяются ко всем, кто хочет мира и безопасность в мире и мы выступаем вместе чтобы победить в войне против терроризма.

У Соединённых Штатов Америки и Казахстана общий интерес в борьбе с терроризмом в Центральной Азии, в Северной Америке и во всем мире. Я надеюсь что мы будем продолжать работать вместе в борьбе с угрозой террористов перед нами.

Глава 34
Национальный вопрос Крестного Тестя, или «Халатные» отношения

Наш президент любит поставить себе в заслугу мир и согласие, в которых живут в Казахстане десятки народов — как будто это его заслуга. Хотя всё, что требовалось от верховной власти для подержания этого мира — просто ничего не трогать после советских времен. Потому что наши народы сами поддерживают согласие друг с другом, и неуклюжая астанинская политика здесь ни при чем.

Лучшее, что смог придумать Назарбаев в своих неуклюжих попытках проводить национальную политику — это проект «Ассамблея народов Казахстана». Согласно официальной пропаганде, это собрание должно было представлять собой некое подобие парламента наций. За тем исключением, что в настоящем парламенте депутаты избираются гражданами и представляют интересы своего электората. Но эта формула не для современного Казахстана.

У нас и настоящее законодательное собрание представляет интересы своего единственного настоящего выборщика — президента, чего уж требовать от таких «подставных» организаций с громким названием, как Ассамблея народов.

С момента своего создания в недрах президентской администрации она успешно выполняла свою роль петуха–провокатора, который первым выкрикивал очередные затеи своего хозяина. Если президенту Назарбаеву требовалось в обход конституции пойти на очередные — все уже сбились со счета: то ли четвертые, то ли пятые — выборы, в этом его непременно уговаривала Ассамблея народов. Причем, непременно от имени и по поручению всего народа Казахстана. Если президенту требовалось распустить очередной — все уже сбились со счета: то ли пятый, то ли шестой — состав парламента, с этой идеей выступали члены Ассамблеи, обязательно от имени и по поручению народов многонационального Казахстана.

Другие цели ставила администрация перед вторым органом национальной политики — Курултаем (собрание всех) казахов: этот был призван служить на ярмарке президентского тщеславия. В роль Курултая, по замыслу его астанинских создателей, входило воздавать хвалу великому правителю — Хану Казахстана. Делегаты со всего мира, привезенные на историческую родину из Турции, Монголии, Европы и США, должны были пасть ниц перед

«Отцом» всех казахов и воспеть ему вечную славу.

Но коллективного поэта Джамбула вырастить не получилось. В гениальном плане был только один изъян: в спектакле предполагалось задействовать иностранных граждан. Им оплатили билеты, купили национальные чапаны–халаты, кормили традиоционным бешбармаком — а они, неблагодарные, злом отплатили за предобрей–шее. Билеты использовали, чапаны забрали — а в ответ вместо демонстрации вечной признательности и безграничной любви принялись давать великому «Хану» Назарбаеву свои советы и наставления.

Они, в отличие от более послушных жителей исторической родины, еще не поняли, ради кого разыгрываются спектакли в придворном театре. До них еще не дошло, что у всех актеров подобных постановок есть только одна роль — бить поклоны.

Им, конечно, пытались объяснить за кулисами, что в благодарность за чапаны кланяться полагается. Но по–хорошему они, делегаты Всемирного курултая казахов, не понимали. А по–плохому их — вот беда! — не прижмешь. Они хоть и казахи, но какие–то неправильные, одно название. Бизнес у них не отберешь, родственников из госорганов не выгонишь.

Президент, конечно, к такому повороту готов не был: он пришел на Курултай слушать осанну, а вместо нее услышал попытку диалога. Казахи из разных стран начали рассказывать о своих нуждах и делиться идеями, как бы лучше распоряжаться природными ресурсами. Как будто их кто–то спрашивал.

А у моего тестя есть одна особенность — вернее, она развилась в последнее время. Прежде он был искусным дипломатом, мастером балансировки и манипуляций. Но годы восславления и игры в одни ворота сделали свое дело: президент начал быстро выходить из себя, попадая в непонятную для него ситуацию. В лучших случаях результатом становится потеря контроля над собой.

Один из таких казусов случился как раз на последнем Курултае: президент сорвался и начал поучать казахов всего мира, что они должны не ждать от родины поддержки, а сами помогать нефтяному государству. К сожалению, чисто казахского застолья и «халатных» отношений друг с другом не получилось. Традиционный обмен «бархатными чапанами–халатами» был отменен сразу. На том и разъехались, недовольные друг другом. С тех пор про иностранных сородичей главе государства лучше не напоминать.

Но недовольство ими не идет ни в какое сравнение с тем страхом, который президент испытывает перед своим собственным народом — казахами, которые живут в его

Казахстане. Это не страх перед бунтами — Назарбаев уже не боится того, что когда–нибудь под стенами его дворца соберутся граждане и спросят многолетнего правителя, как много он сделал для их блага — и как много для собственного.

На то Астана и строилась, чтобы за крепостными стенами никто собраться не мог. А во–вторых, президент уже сам искренне поверил, что потоки лести, которые льются на него изо всех дыр — с экранов телевизоров, с газетных страниц, с уст уважаемых людей, — на самом деле отражают мнение людей о своем султане. То есть Нурсултане.

Президент боится не восстаний. Его жизнь проходит в паническом ожидании прихода преемника. Он знает, что этот человек уже растет, что диктаторское кресло дается человеку максимум на несколько десятилетий, но рано или поздно его придется покинуть. И рано или поздно неизбежно придет день, когда место правителя займет другой представитель его народа. Именно эта мысль грызет президента каждый день. Но главный его страх в том, что этот день наступит еще при его жизни.

Это неправда, что Назарбаев готовит себе преемника и продумывает стабильную передачу власти в надежные руки. Мне всегда было смешно читать гадания на кофейной гуще московских и иностранных политологов, которые пытались разобраться в тумане астанинской политики. Чаще всего титул избранного моим тестем преемника они присуждали мне или Дариге. Следом в рейтинге шли Тасмагамбетов и Токаев.

Дело втом, что президент действительно высматривает преемника — это важнейшая часть каждого рабочего дня нашего Диогена. Но этот поиск ведется под девизом «найти и уничтожить».

Назарбаева не волнует, что будет после него. Какая разница? Пирамиду Нурсултана в Астане для своего могильника он уже построил. Главное, чтобы Астану его именем назвали и улицу Фурманова в Алма — Ате — а в остальном хоть потоп. Как его может беспокоить плавная передача власти, если сама мысль об этой передаче портит ему аппетит и отравляет сладкий вкус его безграничного правления.

Именно поэтому Назарбаев пристально следит, чтобы наши природные ресурсы и самый прибыльный бизнес попадал в руки тех, кто не может напрямую претендовать на трон — прежде всего по «пятой графе–националь–ность» в старом советском паспорте.

Александр Машкевич, Фатах Шодиев, Алиджан Ибрагимов, Владимиры Ни и Ким, Лакшми Миттал — такими фамилиями пестрит список олигархов, распоряжающихся нашими богатствами. «Были ваши — стали наши», могут сказать они

казахстанскому народу, имея на то все основания.

Ни Машкевич, ни Шодиев, ни Ким с Ни, ни тем более индус Миттал баллотироваться в казахские президенты не будут, тем они Нурсултана Назарбаева и устраивают. Конечно, чемоданы с деньгами (причем в буквальном смысле — Назарбаев с некоторых пор побаивается безналичных взяток, после наложения ареста на его личные счета в швейцарских банках) тоже помогают им удержаться в седле. И все–таки, главное в их случае — это национальная принадлежность. Вернее, непринадлежность к казахской нации.

У самых же ярких представителей казахского народа за всю историю правления Назарбаева была только одна дорога — вниз. Их ждала либо ссылка (кому почетная, кому изгнание), либо забвение на задворках коридоров власти, либо гонения, либо девять граммов свинца.

Серикболсын Абдильдин, Тохтар Аубакиров, Акежан Кажегельдин, Мурат Ауэзов, Галымжан Жакиянов, Серик Абдрахманов, Шалбай Кулмаханов, Амалбек Тшан, Газис Алдамжаров могут рассказать вам об этом подробнее. Ерик Асанбаев, Марат Оспанов, Заманбек Нуркадилов и Алтынбек Сарсенбаев уже ничего не расскажут.

Таким образом, Нурсултан Назарбаев прокладывал себе дорогу к многолетнему правлению. И каждый раз с приближением очередных «выборов» мы слышали старую песню: президенту нет альтернативы. Конечно, нет — он сам об этом «по–отечески» хорошо позаботился.

Может быть, большей благосклонностью всесильного правителя Казахстана пользуются русские? Тем более, что Назарбаев любит разыгрывать роль друга России, самого близкого и верного соратника Москвы.

На самом деле и в Кремле давно уже поняли, что это не более чем ширма, за которой наш президент играет в свои политические игры. Ему ведь действительно хочется чувствовать себя лидером мирового масштаба, и временами он и сам верит в свои очередные инициативы — то по реставрированию СНГ, то по строительству Евразийского экономического пространства, то по объединению Центральной Азии, то по примирению Индии с Пакистаном, то по строительству очередного канала из Каспия в Черное море.

Ему нравится играть — вернее, заигрывать, — с сильными этого мира. Вашингтону он обещает пустить казахскую нефть через Баку — Джейхан, Москве клянется в вечной преданности «Газпрому», а сам направляет казахский газ в Китай, и толкает Туркмению по этому же маршруту. Он отправляет наших военных

— саперов на минные поля в Ирак, и один из офицеров уже отдал свою жизнь за президентские реверансы в сторону Вашингтона. И в то же время Казахстан участвует в военных учениях с китайскими войсками в угоду Пекину в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Официальная пропаганда пытается представить такую внешнеполитическую бесхребетность как мудрую политику хитрого восточного лидера. В действительности все уже давно раскусили эту игру, в результате которой Казахстан перестает восприниматься на международной арене как надежный, серьезный и, самое главное — последовательный и ответственный партнер.

И недавнее резкое похолодание отношений между хозяином Астаны и руководством Кремля выплеснулось даже на страницы прессы — хотя обычно политики умеют держать тайны закулисной политики за семью печатями.

Что же касается отношения Назарбаева к русским, то его легко увидеть, походив по астанинским коридорам. Здесь вам сразу бросится в глаза интересная диспропорция. За пределами властных кабинетов славяне составляют как минимум треть населения страны — казалось бы, такой же процент их должен работать и в органах государственного управления, и в национальных компаниях. Но мы все знаем, что это не так. И чем выше по властной пирамиде, тем меньше русских фамилий на табличках кабинетов. Вспоминаю смешной случай в МИДе: на двери перед кабинетом моего предшественника, заместителя министра Волкова висела табличка с его фамилией. Когда хозяйственники переписывали все таблички с русского языка на казахский, фамилия замминистра изменилась, он стал Каскыров…

Разумеется, это не случайное совпадение, а целенаправленная политика. Просто президент не доверяет русским, по–прежнему считая их представителями другого государства, неким национальным анклавом. И он боится их силы, боится того, что славянское население поднимет свой голос и начнет активно участвовать во внутренней политике. В общем, он рассматривает эту часть народа Казахстана как своего рода «пятую колонну» Кремля, которая оттуда получает инструкции по голосованию на выборах и только и смотрит в рот Москве, чтобы при первом же удобном случае «предать» его — Назарбаева — интересы.

Даже в качестве одного из полуофициальных объяснений перевоза столицы в Астану нам говорили в открытую о необходимости «укрепления национального присутствия' на

севере страны». А помните истерику раннего периода независимости, когда высшее руководство всерьез думало, что север Казахстана вот–вот отколется к России? Насколько нужно было не знать реальной ситуации и так не верить в народ своей страны, чтобы выставлять абсурдные полицейские кордоны на северных дорогах, как это делалось в начале девяностых.

Эти дела давно минувших дней вылились, однако, в сегодняшние проблемы. Потому что благодаря подозрительности одного человека государство не смогло задействовать потенциал миллионов людей, из среды которых могли выйти государственные деятели и управленцы национальной индустрии.

На словах у нас царит национальное равноправие. В действительности Назарбаев отказался от тысяч квалифицированных работников, поставив их за предел языкового порога.

А как же министры Школьник и Божко? А для того их и держит президент во всех сменяющих друг друга правительствах, чтобы ответить на вопрос про славянское представительство: вот, дескать, у нас даже министры есть.

Слегка более показательным можно посчитать пример градоправителя Виктора Храпунова, самого популярного политика со славянской фамилией. Любой алматинец вспомнит, что во времена его правления старой столицей в городе всегда были и свет, и газ, и вода — за то его и уважали. И все ожидали, что следующей должностью мэра будет пост премьер–министра, потому что стране тоже не помешали бы свет и вода. Как бы не так.

Храпунова скоропалительно, без объяснения причин, выпроводили из Алма — Аты и заодно из большой политики, и задвинули на задворки в Усть — Каменогорск, откуда его не было ни слышно, ни видно. Но и этого показалось мало — против него понадобилось развернуть кампанию травли. Оказывается, это именно он один виноват в неправедной застройке Алма — Аты, в том числе той, что продолжалась (совсем уж безумным образом) после его отставки.

Крики президента на тогдашнего Акима–мэра Алма — Аты и нынешнего Акима–мэра Астаны Тасмагамбетова ни к чему не привели — тот оказался слишком силен. Чтобы оправдаться перед интеллигенцией Алма — Аты за уничтожение города, срочно понадобилось найти козла отпущения, чтобы президент не выглядел совсем уж глупо. Вот и спустили всех собак на Виктора Храпунова — последнего заметного политика с русской фамилией, который в настоящее время вынужден скрываться в Швейцарии.

…Дело в том, что в 98-м году Тасмагамбетов со своим другом, бывшем управляющим делами президента Досмухамбетовым, нашел для Крестного Тестя новую молодую пассию — некую Асель Исабаеву, с которой Назарбаев обвенчался по мусульманскому обычаю «Никах». Чтобы потешить самолюбие Назарбаева, они ее хорошенько проверили и сделали ее в 1999-м году главной девушкой страны — Мисс Казахстан. Асель вскоре стала могущественной персоной в Астане, и в ее лице Тасмагамбетов получил надежного покровителя. Именно к ней он бежит со своими проблемами. А матери своего долгожданного «экстракорпорального» сына, родившегося 2 апреля 2005 года в Турции, Назарбаев ни в чем не может отказать.

Правда, при этом остается загадкой, почему Асель бескорыстно помогает Имангали, и как именно он ее тестировал и презентовал Назарбаеву…

Истерики верховной власти относительно «славянской угрозы» остались далеко позади, в начале девяностых, но подозрительность никуда не исчезла. Наглядная иллюстрация — ограничение на телевизионное вещание на русском языке, которое касается не только государственных, но и всех частных каналов. При этом вещание на казахском языке может вестись круглосуточно, на него лимиты не распространяются. То есть речь идет о прямом запрете на звучание одного языка в эфире — сверх установленных норм.

Понятно, что легче запретить. И уж куда сложнее вкладывать деньги в телеиндустрию на казахском языке, делать конкурентоспособную продукцию, материально стимулировать двух– и трехязычие в государственных учреждениях.

Тут мы имеем дело с классическим ущемлением прав граждан. Сложно представить цивилизованную страну, где был бы установлен запрет на телевизионное вещание на том или ином языке. Турки в Европе смотрят телеканалы на турецком, латиноамериканцы в Америке смотрят испаноязычные станции. Впрочем, понятие «цивилизованности» в отношении к астанинской политике можно применять все реже и реже.

Если бы государство действительно заботилось о возрождении казахского языка, оно тратило бы деньги на хорошие учебники, на школьные методики, на учителей, на лингвистические классы, на переводы современной литературы, на телевизионные шоу, которые могли бы конкурировать с московской продукцией.

Это в денежной сфере можно запретить хождение доллара, и все магазины будут продавать товар за тенге. С языком все намного сложнее, и запретами здесь мало чего добьешься. Вернее,

нам удалось добиться одного: введя лингвистический барьер на работу в государственных учреждениях, мы сократили конкурентную среду и наплодили коррупцию и иждивенчество со стороны казахской интеллигенции.

Спросите тех, кто знает ситуацию в правоохранительных органах — они вам расскажут, как деградировал за последние полтора десятилетия следовательский состав. Разумеется, дело не только в лингвистической политике, но ведь и она тоже не помогла. В первую очередь, в КНБ целенаправленно шло и идет до сих пор выталкивание русских практически со всех руководящих постов. Если они там еще есть, то в основном в качестве исполнителей, да и то только потому, что пока на их место еще нет замены из числа «национальных кадров».

Таков краткий курс национальной политики Назарбаева — растоптать любые заметные ростки в среде своего народа и оттолкнуть русских от государственного управления. Результаты этой стратегии на кадровом уровне мы все видим: всепожирающая коррупция, непотизм и растущая некомпетентность.

А высшее достижение этой назарбаевской политики — уйгур Карим Масимов в кресле Премьера — Министра. Хотя Назарбаев как всегда обманывал депутатов парламента, говоря, что Масимов — казах. Ничего не имею против уйгуров и Карима, но он сам хорошо понимает, что премьером его сделала не собственная компетентность, а панический страх президента перед повторением опыта с казахом Акежаном Кажегельдиным.

Как известно, именно в кресле премьера обычно вырастают потенциальные преемники, которые вдруг просят своего недавнего благодетеля подвинуться и уступить нагретое место. А уж кому это знать, как не Нурсултану Назарбаеву, который сам в 1984 году стал председателем Совета министров Казахской ССР по протекции Дин–мухамеда Кунаева. Вот Назарбаев и решил использовать пятую графу в качестве предохранителя, чтобы с ним не повторили трюк, который однажды проделал он сам.

Как учил Владимир Ульянов — Ленин, лишь та революция чего–нибудь стоит, которая умеет защищаться…

Однажды, в ноябре 1999-го, у меня состоялась беседа с тестем, которая на тот момент показалась мне странной. Я рассказывал ему о тревожных миграционных процессах, что русские продолжают уезжать из Казахстана, и республика теряет все больше квалифицированных рабочих и инженеров, учителей и офицеров. В то же время происходит китаизация приграничных южных территорий, плюс к этому на низкооплачиваемую работу едут неквалифицированные мигранты из Средней Азии. Но они

не могут восполнить потенциал тех, кто уезжает. Особенно печально обстояло дело в спецслужбах и правоохранительных структурах, которые теряли профессиональные, надежные и не склонные к коррупции кадры.

Что же мне ответил президент?

«А пусть едут. Нам же наоборот хорошо. Надо добиться, чтобы как в Узбекистане было. Во–первых, Кремль меньше на нас влиять будет. Во–вторых, этими (имелся в виду наш народ) управлять легче. Со своими казахами мы легко разберемся».

И, мол, неизвестно, какая ситуация на севере будет, когда Ельцин уйдет. Не надо ориентироваться на русских, — учил меня тесть. И главное — очистить от них КНБ и правоохранительные органы. Я был, честно говоря, поражен. Все–таки в те годы я еще верил, что мой родственник занимается государственным строительством, а не построением мафиозного клана. Я всегда смотрел на профессионализм людей, а не на принадлежность к старшему жузу, а именно, к роду «Шапрашты».

Я ведь своими глазами видел, как он обнимался с Ельциным и Путиным и клялся в вечной дружбе России. И мне казалось, что все это было вполне искренне. Оказалось, очередной спектакль.

Печальный результат, к которому привела национальная политика Назарбаева в правоохранительных органах и госаппарате, знает любой посвященный специалист. Славян практически не осталось — только на тех редких местах, откуда их еще не успели выдавить и где им никак невозможно найти замену.

И вот недавно прозвучал предупредительный сигнал для этих последних из могикан. Приговор по процессу о государственной измене прозвучал — кроме меня и Мусаева — для десяти человек, семь из которых — представители «некоренной национальности».

Так как же казахам на своей земле живется? Весело и вольготно? Но если бы так.

Казахи издревле делятся на три большие родовые группы — жузы: старший, средний и младший. Жузы делятся на роды. Сегодня такое деление со стороны может выглядеть архаичным, однако для казахов знание своего рода, до седьмого колена и принадлежность к нему являются по–настоящему важным фактором.

Нурсултан Назарбаев — выходец из старшего жуза (именно его представители обыкновенно становились во главе казахского государства в советское время). Принадлежит президент к роду «Шапрашты».

Сложная система родоплеменных отношений всегда предполагала по возможности равновесное представительство во

власти выходцев из основных жузов–родов. Так действовал скрытый механизм саморегуляции казахского родоплеменного общества.

Мой бывший тесть, разумеется, помимо всего остального, сломал и этот столетиями действовавший механизм. Никогда еще в органах высшей власти страны не было такого количества выходцев из одного рода, как сегодня. Не трудно догадаться, как называется этот род: Шапрашты.

Консультантом по сложной шапраштинской иерархии у президента выступает знаток жузового расклада, сын двоюродного брата отца Назарбаева — Серик Умбетов, который в остающееся от этих трудов время работает еще и акимом — губернатором Алматинской области. Из видных шапраштинцев в ближайшем окружении Назарбаева нужно выделить гг. Абыкаева, Шабдарбаева и Еси–мова.

И, конечно же, только представителями рода «Шапрашты» укомплектована «личная гвардия президента Назарбаева» — Комитет национальной безопасности и служба безопасности президента, которые в последние годы получили массу прав и полномочий, вовсе не предусматривавшихся конституцией.

Самое страшное, что Назарбаев старательно культивирует разделение и разобщение казахов по родоплемен–ному клановому признаку, тем самым углубляя многовековую царскую и советскую коммунистическую колониальную доктрину: разделяй и властвуй над местными племенами туземцев–кочевников.

Еще большее удивление вызывает наша казахская ДУМКа.

ДУМК — это аббревиатура организации Духовное Управление Мусульман Казахстана. Но управляет им далеко не небо.

В 2000 году Верховного муфтия Ратбека Нысанбайулы неожиданно для всех сменил на посту Абсаттар Дербеса–лиев. А неожиданность состояла в том, что новый Верховный муфтий оказался человеком абсолютно светским, без духовного образования и сана, никогда не занимавший религиозных должностей. Послужной список его, разумеется, впечатляющ, но для светской публики. Проректор Казахского госуниверситета, советник посольства в Саудовской Аравии и бывший декан восточного факультета — против выпускника медресе, учившегося затем на факультете юриспруденции и шариата Исламского университета в Ливии, секретаря Кази и первого переводчика Корана на казахский язык. Все задавались вопросом: а не значит ли такой поворот событий, что светская власть хочет противопоставить некий «арабский ислам» «чистому исламу»?

Но дело обстояло куда проще. Бывший Верховный муфтий крайне не нравился президенту Назарбаеву своей, как тот говорил, «наглостью», то есть независимой позицией. Независимой от светской власти религия у нас является только на бумаге. Да, в Конституции прописано, что светская власть не вмешивается в дела религиозных конфессий. Но Конституцию, как мы знаем, можно менять по своему вкусу или просто отмахнуться от нее, когда это удобно.

Новый Верховный муфтий, как любой госслужащий, выдвинутый президентом, стал той самой удобной фигурой, которая позволила Крестному Тестю де–факто превратить муфтиат, тот самый ДУМК, в отдел религий при администрации президента, который проводит всю кадровую и просветительскую работу с мусульманами Казахстана.

Действительно, вряд ли стоило полагать, будто бывший первый секретарь коммунистической партии Казахстана способен всерьез озаботиться судьбой ислама в своей стране …

Глава 35
Вовремя предать

Президент Назарбаев любит наносить зарубежные визиты и подписывать важные документы. Эта процедура помогает ему чувствовать себя если не одним из мировых лидеров, то как минимум региональным. Чего стоят подписанные моим бывшим тестем бумажки, хорошо видно на примере его краткосрочного романа с грузинским президентом Михаилом Саакашвили.

За завязкой этого неожиданного мезальянса между молодым тридцативосьмилетним лидером «революции роз» и пожилым шестидесятивосьмилетним азиатским диктатором я наблюдал с поста первого заместителя министра иностранных дел Казахстана. И потому знал некоторые подробности, о которых широкая публика даже не догадывалась.

На первый взгляд харизматичный грузинский верзила меньше всего годился в политические и деловые партнеры Нурсултану Абишевичу по одной простой причине. Приход Михаила Саакашвили к власти в Грузии в 2003 году вызвал у моего тестя состояние, близкое к паническому коллапсу. По неясным для него причинам коварные американцы (а происками «коварных американцев» бывший первый секретарь ЦК компартии Казахстана обыкновенно объясняет все непонятные ему вещи, события и явления) зачем–то про–спонсировали свержение коллеги Назарбаева, выходца из той же советской политической среды и представителя той же самой генерации, что и он сам — хитрого старого лиса Эдуарда Шеварднадзе. Идея, что Шеварднадзе свергли не американцы, а грузины, возможно, и посещала казахского президента, но ненадолго — слишком уж она противоречила основным принципам его миропонимания.

Если почитать подшивки проправительственных казахских газет того времени, то сразу бросится в глаза: основной их темой было объяснение читателю того факта, что свергать президента нехорошо, ни к чему доброму это не приведет, а только к хаосу, краху и катастрофе. Что каждый член нашего процветающего общества должен повысить бдительность. Что иностранные силы вынашивают далеко идущие планы …

Оранжевая революция на Украине и неожиданное падение киргизского президента–профессора Аскара Акаева только добавили мрачных красок в и без того тревожную картину мира, сложившуюся в голове моего тестя. Естественно, на силу убеждения «КазПравды» и телеканала «Казахстан» он не сильно

полагался, и потому имел основания подозревать, что на соседней Киргизии дело не остановится, и следующим в очереди окажется уже он сам.

Несколько раз на семейных обедах он поднимал вопрос, почему принадлежавшая мне самая популярная на тот момент в Казахстане частная газета «Караван» не участвует в обличении цветных революций. Но я имел некоторое представление о взглядах моих партнеров, которые управляли тогда этим изданием. Наша газета так и не присоединилась ко всеобщему хору сторонников «эволюционного, а не революционного развития». Не думаю, что Назарбаев не зафиксировал потом этот факт в моем «досье».

Но шли месяцы, а никаких признаков того, что коварные американцы готовятся заменить казахского автократа на кого–то другого, не обнаруживалось. Мой родственник начал понемногу успокаиваться. А успокоившись, принялся размышлять, как следует себя вести в сложившейся ситуации и какие выгоды из нее можно извлечь.

В январе 2006 года мой знакомый коллега–дипломат из Госдепа США в частном порядке поделился со мной информацией, которая, помнится, сильно меня удивила. Оказалось, что «коварные американцы» имели на Нурсултана Абишевича другие виды. Они начали убеждать его наладить отношения с новым грузинским руководством и начать инвестировать в разрушенную экономику закавказской республики, намекая на возможное смягчение позиции правительства США по некоторым важным для Назарбаева вопросам. А самым важным вопросом на тот момент уже был «Казахгейт».

Интересы американцев были очевидны: режим Саакашвили нуждался не только в политической поддержке (которую США ему обеспечили в полном объеме), но и в деньгах. Западные инвесторы вовсе не горели желанием вкладывать средства в грузинские объекты по одной простой причине: политические риски были настолько велики, что перекрывали собой перспективу возможных прибылей.

Время работало против нового грузинского президента и его иностранных покровителей. Бесконечно эксплуатировать свою харизму он не мог, нужны были экономические результаты. Иначе очередная волна недовольства и разочарования могла бы отправить его туда же, где уже находился товарищ Назарбаева по Политбюро ЦК КПСС — в политическое небытие.

Помнится, после разговора с американским коллегой я подумал, что в капкан многовекторности угодил не только мой

родственник. Кому–то придется оплачивать все эти политические игры.

В домашнем кругу Нурсултан Абишевич мог долго разглагольствовать о коварстве американцев, о том, как они сдали Шеварднадзе. Однако отказать им в столь интересном предложении (так и тянет сказать — в предложении, от которого невозможно отказаться) было бы в сложившейся на тот момент обстановке непростительной ошибкой. Это с одной стороны. С другой — аллергия российского президента Владимира Путина на своего грузинского коллегу была так велика, что игнорировать ее нашему лидеру тоже было небезопасно. С третьей стороны … С четвертой … Словом, моему бывшему родственнику было не позавидовать. Но еще меньше — тем, кому придется «инвестировать» в сомнительные с точки зрения коммерческой выгоды грузинские проекты.

На роль инвестора Назарбаев назначил президента частного банка «ТуранАлем» Мухтара Аблязова. К моменту описываемых событий он вышел из тюрьмы и, после убийства его коллеги-конкурента, предыдущего президента банка Ержана Татищева, очутился в кресле руководителя.

Для неосведомленного читателя все это звучит, как пародия на мафиозный детектив, но это всего лишь описание общеизвестных событий времен правления нашего Дона Нурсултана.

Ержан Татищев был убит выстрелом в упор в автомобиле во время проведения охоты. Почему водителем в машине был офицер действующего резерва КНБ Виктор Козликин и криминальный авторитет «Мурка» из организованной преступной группировки «Дипкорпус» (М. Тохмадиев-M. Tokhmadiev), остается загадкой до сих пор, хотя в 1999 году он задерживался органами КНБ и был сразу отпущен, сотрудники 5 департамента КНБ мне говорили, что с ним установили доверительные отношения. Это убийство полиция и МВД сразу же объявила «несчастным случаем на охоте». Несчастный случай произошел как нельзя кстати: Назарбаев простил Аблязова за некоторую допущенную ранее непокорность, Аблязов все понял и обещал впредь не отходить от генеральной линии и не заниматься политикой. Обоих связывали запутанные деловые отношения. В тот самый момент, когда Аблязов оказался на свободе, Татищев перестал быть нужен Назарбаеву. Как мне позже говорил Назарбаев, что за Аблязова поручились письменно два его друга–председатель КНБ генерал Дутбаев (с тоннами компрометирующих видеоматериалов) и президент государственной компании «Казатомпром» Мухтар Джакишев.

В октябре 2005 года состоялся официальный визит президента Назарбаева в Грузию. На сайте банка ТуранАлем до сих пор висят фотографии с торжественной церемонии на тбилисской площади Республики, во время которой два президента, молодой кавказский демократ и пожилой азиатский диктатор, торжественно заложили памятный камень в честь закладки фундамента гостиницы «Иверия». Это был компромиссный вариант, который, чтобы не раздражать Владимира Владимировича, не имел от греха подальше никакого отношения к проекту трубопровода Баку — Джейхан.

http://bta.kz/ru/press/news/2005/10/03/843/

Но, видимо, авторы идеи дали понять, что гостиница «Иверия» — это хорошо, но мало. Пришлось раскошеливаться на серьезные проекты.

К 2007 году Казахстан (в лице г. Аблязова и присоединившейся к нему впоследствии государственной нефтегазовой компании «Казмунайгаз») вложил в грузинскую экономику один миллиард долларов, и оказался на втором месте среди иностранных инвесторов в Грузии, и на первом — среди стран СНГ. Россия смотрела на финансовую активность в Тбилиси без всякого восторга, но никаких демаршей не предпринимала. Это убедило моего бывшего тестя, что он в очередной раз обвел всех вокруг пальца, и что для усиления эффекта полезно было бы к деньгам добавить политических спецэффектов.

6 марта 2007 года казахский и грузинский президенты подписали Совместное коммюнике, в котором говорилось:

«Рассмотрев ситуацию в конфликтных регионах Грузии, казахская сторона подтвердила приверженность мирному урегулированию конфликтов на территории Грузии и территориальной целостности в пределах ее международно–признанных границ».

Речь шла, естественно, о мятежных грузинских провинциях: Абхазии и Южной Осетии. Президент Назарбаев письменно подтвердил, что в случае военных действий на этих территориях право будет на стороне грузинского руководства.

Скорее всего, этот пункт коммюнике появился из–за следующего:

«Казахская сторона выразила признательность за содействие Грузии в вопросе вступления Республики Казахстан во Всемирную торговую организацию и поддержку кандидатуры Казахстана на пост председателя Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в 2009 г».

Что случилось дальше, всем хорошо известно. Всего несколько цитат:

Газета «Коммерсант», 9 августа 2008

«Обсудив ситуацию с лидерами двух ключевых держав, Владимир Путин провел в Пекине встречу с ближайшим союзником России на постсоветском пространстве — президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, рассказав ему о жертвах среди мирного населения Южной Осетии и потерях российских миротворцев. «Это очень печально и очень настораживает и, конечно, это будет вызывать ответные действия», — предупредил премьер и отметил, что страны СНГ должны предпринять усилия для прекращения боевых действий со стороны Грузии. Нурсултан Назарбаев эту идею одобрил, а поведение Тбилиси осудил. Таким образом, Россия, чьи военные находятся в Южной Осетии как раз по мандату СНГ, фактически получила карт–бланш на увеличение там своего контингента».

Российское информационное агентство «Новости», 28 августа 2008:

Казахстан поддерживает Россию в действиях в Грузии и убежден, что Москва действовала в защиту мирных жителей Южной Осетии. Об этом заявил президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

Российское информационное агентство ИТАР-ТАСС, 22 сентября 2008:

В день официального визита Медведева Казахстан отказался от экономического проекта в Грузии.

…в ходе правительственного часа в парламенте Казахстана было объявлено об отказе Казахстана от строительства зернового терминала в грузинском порту Поти.

«От Поти мы отказались. «Продкорпорация» не будет заниматься строительством, в том числе в Поти, ясно, что этот вопрос сейчас связан с международными проблемами, с ситуацией в Грузии», — сообщил министр сельского хозяйства Казахстана Акылбек Куришбаев.

В сентябре 2008 года казахское правительство отказалось также от своего проекта построить в грузинском порту Батуми нефтеналивной терминал и нефтеперерабатывающую инфраструктуру. И хотя официальной причиной была названа недостаточная площадь принадлежащего Казахстану земельного участка, всем было понятно: Назарбаев сдал своего недавно обретенного партнера без боя.

Что же, как говорится, в сухом остатке?

«Батоно» Назарбаев в очередной раз продемонстрировал, что принятые им на себя обязательства и подписанные им документы стоят не больше бумаги, на которой они напечатаны.

Режим Назарбаева в очередной раз доказал, что его главный

принцип во внешней политике — это отсутствие каких–бы то ни было принципов.

Но была еще одна мелочь, о которой почему–то никто не вспомнил. Сотни миллионов долларов, зарытые в грузинской земле …

Глава 36
Сообщники–подельники Крестного Тестя

У любого крупного общественного деятеля есть соратники. Те люди, которые разделяют взгляды своего лидера, помогают нести его историческую миссию и остаются с ним и в добрые и в тяжелые времена. Некоторые из них входят в историю, большинство же отправляются в безвестность вместе со своей эпохой. Но именно верным соратникам обязан своими успехами и победами любой политик.

Крестного Тестя окружают не соратники. Вокруг него плотным кольцом стоят подельники и сообщники. В президентской «Ак — Орде» их чаще называют «старая гвардия» — это те персонажи, которые бессменно едут на карусели власти, периодически меняя лошадок. То он спикер, то он посол в России, то руководитель администрации. То премьер, то руководит сельским хозяйством. То аким–мэр, то министр. Куда партия послала, там и несет верную службу Крестному Тестю. Служит и богатеет.

Урон, который нанесли стране подельники Нурсултана Назарбаева, огромен. Он измеряется миллиардами долларов. Восемь человек из его клики в открытую владеют состоянием, которое равно годовому бюджету всего государства. Но это только часть гигантского айсберга. В то время, как президент с экрана телевизора грозит пальцем своим гражданам и требует от них жесткой экономии, не забывая выключать свет в ванной, его сообщники продолжают разворовывать страну.

Им отданы все природные ресурсы, которые являются национальным достоянием. Они контролируют все заводы, построенные для нас еще Советским Союзом. Они контролируют легальную и теневую торговлю, порты и таможни. Они продают за границу нашу нефть, а на внутренние рынки закачивают наркотики.

Им можно было бы посвятить целые главы, но они того не заслуживают. Потому что при всех своих званиях, при всех миллиардах они лишь марионетки в руках своего Хозяина. На самом деле им не принадлежит ни своя карьера, ни деньги, ни судьба. Они чего–то стоят только до тех пор, пока нужны Крестному Тестю. Достаточно одного неверного движения, одного навета, как в дверях могут появиться сотрудники КНБ и увезти на конспиративную квартиру под «домашний арест». А на следующий день правительственная газета «КазПравда» расскажет

читателям, какую опасную змею вовремя разоблачили бдительные спецслужбы. Все они живут в постоянном страхе. Все боятся, что кто–то завтра окажется ближе к уху (или другим частям тела) президента.

Однажды — это было за ужином в тесном семейном кругу еще в конце девяностых годов — тесть разоткровенничался. Или ему захотелось побахвалиться. «Да вы не беспокойтесь, — заверил он нас, своих родственников, — самый богатый человек в этой стране — это я. У меня только на счетах лежит 15 миллиардов. Вы думаете, это олигархи чем–то владеют? Вот им. Это мое всё. Так что не переживайте». За что именно мы не должны были переживать, так и осталось для меня загадкой.

И все–таки самые главные подвиги самых главных подельников президента заслуживают упоминания. В конце концов, Крестный Тесть так же нуждается в сообщниках, как любой общественный деятель нуждается в соратниках. И как Наполеон не покорил бы Европу без Нея и Марата, так и Назарбаев не покорил бы Казахстан без Абыкаева с Утемуратовым.

Бауржан Мухамеджанов

Министр внутренних дел Казахстана, по совместительству крупный инвестор в недвижимость эмирата Дубай. По–моему, Мухамеджанов является лучшей иллюстрацией бессмертной цитаты из «Золотого теленка»: «Представители милиции могут быть приравнены к детям».

В октябре 2007 года казахская публика получила сомнительное удовольствие прослушать записи его тефонных переговоров, где министр плачущим голосом просит некоего Владимира Васильевича (впрочем, всем известно — кого именно: всемогущего держателя криминального «общака» В. Ни) заступиться за него перед «Хозяином». И обещает перенаправить следствие в сторону от «Казах–мыса», крупнейшего казахского производителя меди, номинальным владельцем которого является подопечный Ни по фамилии Ким. После такого позора в прежние времена офицеры стрелялись, сейчас же обязаны немедленно подавать в отставку. Но это — офицеры, а не приравненные к детям по уровню интеллекта руководители правоохранительных органов.

Разумеется, Мухамеджанов не подал в отставку и не ответил на обвинения. Вместо этого он срочно нашел … труп.

Сразу же после моих обвинений, в октябре 2007 года МВД

объявило, что оно якобы нашло какой–то труп, который якобы имеет отношение к сфабрикованному делу «Нурбанка». Этот таинственный «труп», который помог Мухамеджанову избежать объяснений по позорному факту фабрикации следственных данных, разумеется, больше никто никогда не видел.

Нартай Дутбаев

Судьба генерала нацбезопасности Нартая Дутбаева напоминает мне судьбу знаменитого сталинского наркома внутранних дел Ежова. В сентябре 2008 года появились сведения, что вчера еще могущественный генерал, в недавнем прошлом советник президента Назарбаева (в оппозиционной прессе его называли советником по мокрым делам) заключен под домашний арест и допрашивается своими бывшими подчиненными из КНБ. Официально же в этот период генерал был назначен вице–президентом казахской атомной компании «Казатомпром».

Этот период биографии нашего героя соответствует, по–видимому, тому периоду в жизни бывшего наркома НКВД Ежова, когда он был назначен наркомом водного траспорта. Иосиф Виссарионович не сразу зачислил своего верного исполнителя во враги народа, а подарил ему несколько месяцев жизни в ранге второразрядного чиновника — кажется, что–то подобное происходит сегодня с генералом Дутбаевым.

С именами Дутбаева и Сулейменова связано много темных страниц нашей недавней истории. В то время, когда первый был руководителем КНБ, а второй был министром внутренних дел, было сфабриковано дело против известного независимого журналиста Сергея Дуванова, которого посадили в тюремный лагерь за статьи про «Казахгейт». Президент Назарбаев некоторое время был доволен, пока не выяснилось, что в комитетовскую и полицейскую инсценировку никто в мире не поверил, и репутация Казахстана и его лидера катастрофически упала.

При Дутбаеве же комитетовский снайпер расстрелял передающую антенну частной телекомпании «Тан». Политические трактовки хозяина этой независимой телекомпании — Аблязова, очень не нравились нашему президенту.

На совести ныне опального генерала еще два политических процесса: против заигравшихся в политику министров–бизнесменов Аблязова и Жакиянова. Оба подверглись в лагере жесткому прессингу со стороны сокамерников — агентов КНБ, в результате чего Аблязов пообещал больше никогда не заниматься политикой, и был выпущен на свободу (говорят Дутбаев собрал

огромную видеотеку с компрой на Аблязова). Жакиянов, несмотря на протесты правозащитников, отсидел в лагере полный срок.

Но пик карьеры Дутбаева пришелся на два самых громких политических убийства в современном Казахстане: Нуркадилова и Сарсенбаева с помощниками. Когда в результате возникшей неразберихи в силовых структурах выяснилось, что лидера оппозиции и его помощников убили сотрудники спецподразделения КНБ «Арыстан», Дутбаев подал в отставку, некоторое время возглавлял Академию КНБ, но потом был снова приближен к президенту — уже в ранге советника президента.

К осени 2008 года он окончательно проиграл борьбу за контроль над спецслужбами Казахстана своему злейшему врагу генералу Шабдарбаеву и в ранге вице–президента национальной атомной компании «Казатомпром» оказался под домашним арестом.

Булат Утемуратов

У него богатая чиновничья карьера, множество важных государственных постов — и ни одного дня работы в частном бизнесе. При таком необыкновенном счастье Утемуратов умудрился накопить миллиард долларов, за что справедливо попал в список богатейших людей мира. Оставим мысль о невероятных зарплатах директора мясного магазина или управляющего делами президента. Значит, он этот миллиард не накопил. Тогда, может, заработал? Все возможно. Но если Билл Гейтс имеет полное право зарабатывать, то булат Утемуратов такого права никогда не имел. Он всегда был государственным чиновником. Ему зарабатывать на стороне даже нашими казахскими законами запрещено. Но в случае с Утемуратовым благодушный назарбаевский закон обычно смотрит в сторону.

После смерти Сыздыка Абишева, главного казначея Назарбаева, эти функции плавно перешли к близкому человеку Абишева — Утемуратову, который унаследовал всех западных юристов, работавших на Назарбаевские частные фонды. Одним из главных является лихтенштейнский юрист Harry Gstql который открывал счета № 271.999 в банке «Vervaltungs und Privatbank AG» в Вадуце (Лихтенштейн) и в женевском банке «Banque Cenevoise de Gestin (BGG)». Всего было открыто счетов на сумму свыше одного миллиарда долларов США в частных банках Швейцарии. Но любимое изречение самого богатого казаха Нурсултана Назарбаева — нельзя все деньги и яйца держать в одной корзине, то есть у одного казначея. Именно поэтому у него несколько

доверенных казначеев. Назарбаев поручил Уте–муратову в рамках тендера по правительственным закупкам медицинского оборудования для больниц Казахстана покупать таковое исключительно у немецкого концерна «Siemens». Так советовал греческий бизнесмен, почетный консул Казахстана в Греции Константинос Келетсекис (Соп–stantin Keletsekis), имеющий комиссионный договор с немецким производителем на все продажи в Казахстане. Естественно, Назарбаев как настоящий бизнесмен получает деньги в так называемой форме комиссионных на оффшорные компании, зарегистрированные на предприимчивого грека. Предприимчивый Утемуратов отвечает у Назарбаева и за инвестиционные программы в гостиничном бизнесе, например, пятизвездный отель Риксос в Дубровниках, в Анталье и в Дубаях. Построенные отели он передал в управление другой фирме Кемпински.

Нуртай Абыкаев

Бывший правоверный коммунист быстро нашел себя в годы независимости. Помимо крепкой и взаимовыгодной дружбы с «корейской группой», в которую входили еще один казахский миллиардер Владимир Ким и бывший управляющий делами президента Владимир Ни, Абыкаев, как истинный серый кардинал, неизвестен гражданам страны еще и тем, что возглавлял Международный фонд развития Казахстана, прокрутивший многие миллионы долларов мимо интересов страны.

Однако, самая неизвестная и интересная страница его биографии — попытка в ранге председателя комитета национальной безопасности Казахстана продать истребители Северной Корее, с которой всякая торговля оружием была запрещена. Но Абыкаев смело подверг нашу страну риску международных санкций и возглавил эту операцию. Операция позорно провалилась. Тогда Абыкаеву пришлось уйти с поста в тень. Он, разумеется, всплыл на другой серьезный пост — председателя сената. Откуда опять ушел в тень — послом в Россию — после убийства оппозиционера Сарсенбаева, одним из заказчиков которого оказался его подчиненный- руководитель аппарата сената парламента.

Григорий Лучанский

Григорий (Гарик) Эммануилович Лучанский имел в 90-х годах славу «контрабандиста оружия и наркоторговца», связанного с чеченской мафией, а также «самого ловкого непойманного преступника в мире» (по мнению британской газеты Times). В те же годы Лучанский стал партнером начинающего бизнесмена Назарбаева, по совместительству работающего президентом Казахстана.

В 1998–99 годах помощник Назарбаева Утемуратов является связующим звеном с Лучанским. Именно он принял активное участие в скандале с ренационализацией газовых и энергетических казахских активов бельгийской компанией Трактебель. По указанию Назарбаева Лучанский готов был подтвердить, что якобы дал взятку в сто миллионов долларов бывшему премьеру, ныне оппозиционеру, живущему в изгнании, Акежану Кажегельдину в заочном зависимом казахском суде.

Все дело было затеяно, чтобы перехватить у иностранного инвестора, компании Трактебель, его выгодный бизнес (что в результате и получилось). Казахские власти даже доверили вести переговоры от их имени человеку, известному западным спецслужбам как торговец оружием, а бельгийцам — как мафиози, связанный с русской мафией. Сегодня Лучанский по–прежнему помогает своему партнеру Назарбаеву в его делах в Австрии: то частным австрийским сыщикам заплатит за выслеживание бывшего посла, то желтой прессе за черный пиар проплатит, то включит свои адвокатские связи, например с могущественным адвокатом Ланским. Последний, как говорил Назарбаев, является традиционно близким к руководству социалистической партии Австрии.

Имангали Тасмагамбетов

Бывший комсомольский лидер, премьер–министр, бывший руководитель президентской администрации и нынешний Аким — мэр столицы Астана Тасмагамбетов любит собирать музейные экспонаты и раритетные машины. Зарабатывать на поддержание коллекций ему помогают высокие государственные посты. Скажем, председателя наблюдательного совета государственного Фонда обязательного медицинского страхования, чей генеральный директор Иманбаев сбежал стремя с половиной миллионами долларов. Или премьер–министра, когда его близкий родственник — Атамкулов, начальник государственной железной дороги, проводивший сделку с погашением российского долга за аренду Байконура, похитил 46 миллионов долларов. Или

пост Акима–мэра Алма — Аты — на этом посту Тасмагамбетов распродал под строительство даже землю под жилыми домами в самом центре города, выгнав простых алматинцев на улицу.

Что же касается деятельности Тасмагамбетова на посту премьера, то из той поры вспоминается лишь настоящая война властей с региональной прессой и удушение телеканалов путем тендеров на частоты да «оптимизация» (а попросту закрытие) школ, больниц и детских садов. И пожалуй, еще законопроекты «О земле» и «О правовом режиме чрезвычайного положения», согласно которому любое стихийное бедствие может привести к прекращению работы телеканалов и газет, замене директоров любых предприятий и отмене конституционных прав граждан.

Владимир Ни

Скромный и незаметный пенсионер Владимир Васильевич Ни в неформальной иерархии президентской «Ак — Орды» занимает очень важное место: на языке криминалитета его должность называется казначей — «держатель криминального общака». Патриарх корейской группы, контролирующей значительную долю казахской сырьевой индустрии, В. Ни в свое время служил управляющим делами президента. Главный подвиг, совершенный им на этом посту, не остался не оцененным нашим президентом: обширнейшее хозяйство бывшей казахской коммунистической партии, включающее в себя здания партийных школ, резиденции и виллы, автогаражи, а также земли, пастбища, парки, санатории, фермы, дома отдыха, цветники, рыболовецкие хозяйства и охотничьи угодья, и много еще чего, при самом скромном подсчете тянущее на миллиард долларов, в один прекрасный день оказалось приватизированным никому не известной алматинской частной фирмочкой «Хозу» с грошовым капиталом. Разумеется, наш скромный Владимир Васильевич оказался в числе учредителей внезапно разбогатевшей компашки.

Но его роль в жизни современного Казахстана не ограничивается переписыванием активов и надзором за деятельностью лауреата журнала «Форбс» Владимира Кима, назначенного владельца «Казахмыса». Многие пользователи интернета в свое время имели возможность послушать его диалог с главным редактором приналежащей корейской группе газетенке «Время», где Владимир Ни требовал от редактора Игоря Мельцера побольше писать о преступлениях бывшего посла Алиева, а собеседник (деятель культуры, так сказать) в ответ рекомендовал подбросить во время завтрашнего обыска в доме депутата

парламента Дариги Назарбаевой … отрезанные пальцы и еще что–нибудь в этом роде. На что скромный, но влиятельный пенсионер, официально никакого отношения к газете «Время» не имеющий, отвечает: «Это не твои дела, там завтра Бауржан (глава МВД Бауржан Мухамеджанов) повторно все обыщет, официально все там найдет: доказательства, лекарства, иголки…»

(цитируется по российской независимой газете «Коммерсант» от 25 октября 2007 г.)

Владимир Ким

Этот человек войдет в историю одной летучей фразой: «Вы сами по себе больше, чем самолет». Это было сказано президенту республики Нурсултану Назарбаеву как объяснение, почему тот должен взять в подарок от корпорации «Казахмыс» очередной летательный аппарат в виде нового «Boeing». Как известно, на предположение, что он больше этого «Boeing», Крестный Тесть ответил «Ну, это понятно».

За пределами Казахстана Ким больше известен как главный представитель нашей страны в списке миллиардеров журнала «Форбс». Он лидирует среди восьмерых казахов с убедительным показателем — 4,7 миллиарда долларов личного состояния. В графе «Состояние» журнал написал: «сделал сам». В этом, положим, «Форбс» сильно ошибся. Ничего Владимир Ким сам не зарабатывал и не строил.

Нурсултан Назарбаев просто отписал своему подельнику одно из самых прибыльных предприятий Казахстана, построенное еще в советские времена на месте медных месторождений под Балхашом. Так, бывшая советская «Балхашмедь» превратилась в нынешнюю частную публичную корпорацию «Казахмыс», торгующую акциями на Лондонской бирже, одну из опор финансово–промышленной империи Крестного Тестя. Ким сколотил мощную лоббистскую группировку для Назарбаева в Лондоне, состоящую из следующих английских джентельменов, для которых фунты стерлингов не пахнут теневой грязью: непотопляемый торговец оружием Dick Evens (ex British aerospace chairman), Lord Robin Renwick, Mathew Hird, David Munro, James Rutland, Philip Aiken, Simon Heale, Friedrich Flemming и другие.

Проблема Владимира Кима в том, что это только «Форбс» считает его реальным владельцем медных рудников и президентских самолетов. У самого президента иное мнение: он знает, что Ким — просто подставная фигура, и «Казахмыс» ему дали просто подержать. А поскольку Назарбаев уже приступил к

реализации плана по консолидации всего имущества в собственных руках (сам план подробно описывается в последней главе этой книги), липовому миллиардеру уже дано задание отдать акции их реальному владельцу или, на худой конец, брату президента, Булату Назарбаеву. Взлет и будущее падение Кима объясняются классической формулой: Мавр Сделал СВОе Дело, Мавр МОЖеТ уходить. После того, как Швейцария коварно заморозила личные миллионы казахского президента, перед ним встала главная проблема его правления: как легализовать свои финансовые активы, которые растут как на дрожжах с каждым днем.

Ставку пришлось сделать на подельников, которые объявлялись номинальными владельцами предприятий и состояний. Вот здесь и пригодился Владимир Ким, на которого была записана крупнейшая корпорация Казахмыс, которая занимается добычей и производством меди.

Вместе с командой юристов и банкиров Ким создал разветвленную сеть из трастовых фондов и компаний. В нее входят:

1. Folin Universal Trust (Liechtenstein)
2. Cuprum Holdings BV. (Netherlands Antilles, Herengracht 10, 2312LD Leiden / Raiffeisenlaan 2 A, 1693ET Wervershoof)
3. Cuprum Holdings Ltd (Malta, владелец Parow Trust)
4. Cuprum Holdings SA (Luxembourg)
5. Pizarro Holding BV
6. Tobermory Holding Europe BV (Liechtenstein, владелец Hakina Trust)
7. Harper Finance Ltd (BVI)
8. Kinton Trade Ltd (BVI)
9. Perry Partners SA (BVI)
lO. Dilon Enterprises Ltd (BVI)
ll. Rego Inc (Nevis)

А вот имена юристов и директоров, которые являются владельцами счетов президента Назарбаева в оффшорных компаниях, с которых идёт финансирование расходов Крестного тестя. Таких, как покупка самолетов, финансирование партии «НурОтан» и оплата лоббистских компаний по подкупу журналистов и политиков Европы и Америки.

Список публикуется впервые:

1. Jerome Andre van Zuijlen (Netherlands)
2. Bendicht Fred Hugli (Switzerland)
3. Trust International BV (Netherlands, Naritaweg 165, Telestone 8, Amsterdam)
4. Roger Gary Wills (New Zealand).

И последним крупным приобретением Назарбаева через Владимира Кима стали 40 % акций в лихтенштейнском банке «FRICK», где Назарбаев держал свои активы и оплачивал различные покупки чеками этого банка на предъявителя.

Рашид Тусупбеков

Генеральный прокурор Тусупбеков, как и все прокуроры до него, получил свой пост исключительно с одной целью — придавать исполнению грязных президентских заданий законный вид. Сын Тусупбекова был уличен в скандале с изнасилованием вице–мисс Астаны в июне 2001 года, и чтобы замять скандал, вынужден был жениться и через полгода развестись. Тусупбеков старший ввел строгий прокурорский надзор за своим сыном.

Там, где от него требовалось исполнить свой служебный долг — во время бунта в алматинском микрорайоне Шанырак, например, — генпрокурор ничем не отличился. Впрочем, как и все прочие силовые структуры страны. Зато при уничтожении свободной прессы, включая частную газету «Караван» и медиа–холдинг «Алма — Медиа», подчиненные Тусупбекова поработали на славу.

Но если сегодня вы введете его имя в строчку поиска в Интернете, то увидите, над чем трудится Тусупбеков.

Единственная головная боль и работа у него сейчас — добиться выдачи Рахата Алиева из Австрии. Он пишет гневные письма австрийцам, выступает на пресс–конференциях и, что самое страшное для всего президентского окружения, вынужден отчитываться перед Крестным Тестем о невыполнении порученного ему дела.

Теперь прокуратура вместе с прочими силовиками готовит для австрийцев документы по уголовному делу Алиева и обещает им «содействие». На что только не пошли верные служители делу Крестного Тестя: и австрийских коллег в Казахстан приглашали, и наняли опытных австрийских адвокатов Сойера и Моринге ра — за 2 милиона евро «грязных и теневых президентских денег» из зарубежных фондов, и заключили меморандум о взаимопонимании между министром юстиции Австрии и генпрокурором Казахстана.

Вот только смысл во «взаимопонимание» в Казахстане и Австрии вкладывают разный. Поэтому получился с экстрадицией нескольких казахских граждан у Генпрокуратуры Казахстана полный облом. Хотя Тусупбеков, ежедневно пинаемый Крестным Тестем, теперь надеется добиться, чтобы Алиева и его друзей

осудили и посадили на австрийской земле. Поэтому пожелаем ему хорошего здоровья и долгих лет жизни.

Карим Масимов

Мало кто знает, что Карим так и не получил высшего образования. Ни в бывшем Союзе, ни, как он пишет в своей биографии, диплом китайского Уханьского университета. Получил он диплом об окончании курсов китайского языка и если бы Масимов не состоял агентом КГБ-КНБ под псевдонимом «Нурбану» (личное дело № 4778), при поступлении на государственную службу у него наверняка были бы большие проблемы. И возможно, он бы не поднялся до премьерского кресла. КНБ встал на защиту своего агента «Нурбану» и передал в администрацию президента, что Масимов прошел спецпроверку. Но в КНБ в личном деле предусмотрительно отразили этот фальшивый факт отсутствия диплома о сертифицированном высшем образовании. Неутомимый Масимов, чтобы «замести следы» быстро прикупил дипломы кандидата и доктора наук.

Тихий неказах у руля правительства, Карим Масимов в реальности исполняет роль главного — но не единственного — казначея Крестного Тестя. Назарбаев не опасается Маси–мова именно потому, что он не принадлежит к титульной нации, хотя по сфальсифицированным документам он и казах, но в личном деле КГБ-КНБ подшит подлинник свидетельства о рождении отца Масимова, где указано, что он по национальности уйгур. Ничего не имею против уйгуров, но тогда зачем скрывать этот факт и врать в парламенте Назарбаеву, что он выбрал нового премьера казаха.

Успевая давать программные интервью и проводить необходимые совещания, наиболее ревностно Масимов служит совсем другой цели: безопасному пополнению наличных и безналичных богатств своего патрона.

Именно Масимов отвечает за создание «холдингов» в Гонконге, Сингапуре и Эмиратах, переписывание на них акций частных предприятий и банков (вроде частного

«Казкоммерцбанка») и отмывание денег, которые оседают на специальных счетах. Счета эти, конечно, принадлежат никаким не холдингам, а лично Нурсултану Назарбаеву.

Семья премьер–министра Масимова уже полностью переехала в Сингапур (скромная квартира в 370 квадратных метров в тихом районе), а сам он на родине переносит наличность — «кэш» в подземный бункер под частной президентской виллой, в двух

шагах от «Ак — Орды». Потом нужные суммы он лично отвозит за рубеж и перечисляет их на тайные оффшорные счета. Эту работу Крестный Тесть доверяет только Масимову. Такому тихому и незаметному представителю высшей власти страны, еще одному неказаху, а потому совершенно не опасному для Назарбаева в политическом плане.

Большую помощь Масимову в его организационной работе оказал некто Миртчев (о котором будет рассказано позже), который к концу 2005 года уже находился в полном доверии у Крестного Тестя. Он оказал содействие в консолидации части президентских активов за рубежом, для чего была создана сеть оффшорных компаний и трастов. Для работы с ними Масимов предложил кандидатуру своей личной помощницы Айгуль Нуриевой (Aigul Muratanovna NURIYEVA), гражданка Казахстана, родилась 13–08–1984.

Отныне Нуриева является номинальным членом совета директоров АО «Казахтелеком», и по личной доверенности президента Назарбаева номинальным владельцем нидерландской фирмы Bodam B. V., которая в свою очередь является владельцем 17 % акций «Казахтелекома».

Другая помощница Масимова — Любовь Голубева (Lubov GOLUBEVA, гражданка Казахстана, родилась 12–11–1972), номинально контролирует компании «Amphibian Ventures UK Ltd», «Rockpoint Investments Ltd.», «Capital Construction & Development Ltd.» и «SLP Engineering Ltd».

Масимов по поручению президента Назарбаева зарегистрировал несколько фирм в Сянгане (Hong Kong) Китай: «Amphibian Financial Services», «Moby Holdings Ltd», «New

Глава 37
Султанат Обман

Июнь 2006 года. Астана. Президент собирает неофициальное совещание. Срочно приезжаем я и Дарига. На первом этаже Дворца Президента «Ак — Орда» уже ждут руководитель администрации Джаксыбеков и его заместитель по пропаганде и идеологии Ашимбаев.

Президент заметно нервничает. Время вообще было очень нервное — начинался суд по убийству Сарсенбаева. Вернее сказать, разыгрывался судебный спектакль. За казахскую аудиторию президент особенно не волновался, был уверен, что она все проглотит, а если и не проглотит — ничего страшного. Но международная реакция его все–таки беспокоила. Как потом выяснилось, впрочем, беспокоиться было не о чем. Международная общественность проглотила приготовленное казахской Фемидой блюдо и, демонстрируя хорошие аристократические манеры, ничем не дала понять, что оно несъедобно.

А помогло «покаянное письмо» заказчика Утембаева президенту Назарбаеву, которое последний зачитал в Парламенте, когда в очередной раз снимал с должности проштрафившегося Абыкаева.

Был у президента еще один повод пусть и не для беспокойства, но все–таки для определенной неловкости. Он только что ликвидировал партию Асар. Это было детище Дариги, она создавала ее не жалея ни собственных сил, ни наших средств. Она искренне считала, что помогает отцу, создавая пропрезидентскую, правда, альтернативную «Нур — Отану» — партии аппаратчиков и карьеристов — партийную силу. Отец же считал по–другому. Любая несанкционированная им политическая активность в стране всегда воспринималась президентом как подкоп под его монопольную позицию. Партия «Асар», естественно, не стала исключением из общего правила. Подозревая всех, отец не сделал исключения и для дочери. Может быть, он думал, что за этим стою я. Не знаю, на чем это основывалось, но, вероятно, как всегда на вечном страхе потерять власть.

За несколько дней до принудительного слияния «Отана» и «Асара» в бутафорский политический гибрид под названием «Нур — Отан» юристы пришли к заключению, что слияние партий противоречит Конституции. Тем хуже для Конституции. У нас в

стране один Основной закон — желание моего тестя.

На тот момент он желал избавиться от подозрительного партийного образования. Через несколько дней «Асара» не стало.

Служебная встреча проходила нервно, президент несколько раз косился в нашу сторону. Речь шла об идеологии. Идеологическими потребностями мотивировалась и ликвидация партии Дариги. Что же касается меня, то президент, конечно, понимал, что с легкой грустью по «Асару» мне помогала справиться отпавшая необходимость его финансировать.

…Странно, что всегда, когда у Назарбаева возникали проблемы с дочерью, моей бывшей женой Даригой, он почему–то все претензии высказывал исключительно в мой адрес в надежде, что я передам его недовольство Дариге. Пару раз я выслушал такие претензии, а потом резко сказал Тестю, что я не стрелочник, и чтобы он обходился в таких случаях без меня. Если есть вопросы, то пусть напрямую обсуждает их с ней. Мне такая «челночная дипломатия» ни к чему.

Но у меня была другая причина для обиды на президента. Служба в МИДе в чине первого заместителя министра мне смертельно надоела. Несколько раз я заговаривал с президентом о том, что хочу вернуться в частный бизнес, но он всякий раз пресекал эти разговоры. Видимо, хотел держать меня под присмотром на госслужбе, то есть на коротком собачьем поводке. Мои заявления об отставке, наверное, так и лежат в сейфе руководителя администрации Президента.

В итоге я придумал такой трюк. Предложил создать при правительстве агентство для пиара Казахстана за рубежом. На тот момент этим занимались все кому не лень (вернее, кто имел возможность запустить руку в долларовый фонд правительства), и результаты были часто очень далеки от ожидаемых. Министр информации Ертысбаев на рекламу страны по американскому телеканалу CNN потратил около двух миллионов долларов по бухгалтерии правительства. Не факт, конечно, что половина суммы дошла до телекомпании, но из Казахстана она ушла. И лучше бы этой рекламы никто не видел — она была невыразимо плоха.

Я просил президента назначить меня директором этого агентства. В отличие от Ертысбаева и подобной ему публики я мог позволить себе потратить выделенные деньги на дело, а не на откаты. Думал, что это сильный аргумент. Ведь после глупой реакции нашего МИДа на появление фильма про Бората стало понятно, что родной Казахстан не готов к пиар–технологиям и совершенно новым глобальным информационным взаимодействиям.

Назарбаев обсудил идею с моим начальником, министром Токаевым и руководителем администрации Джаксыбековым. Оба заметно занервничали, поняв, что лакомый кусок PR-бюджета уплывает буквально из–под их носа, и отговорили президента. Так что у меня, как и у моей супруги, тоже был законный повод потихоньку отчалить из Астаны. Крестный тесть готовил очередную смену правительства, а мне сказал: «подожди до нового премьера, потом все решится».

Неожиданно президент обратился ко мне.

— Рахат, — сказал он, — нужно устроить зондаж общественного мнения. Подумайте там со своими ребятами … Надо возрождать ханство.

Честно говоря, я даже не особенно удивился. И раньше президент заговаривал на эту тему. «Я хан, я султан … чего тут такого … если казахи попросят … вон в Эмиратах, у всех арабов есть же». И все же просьба была неожиданной.

В августе президент вернулся снова к этому разговору. Но к этому моменту у меня уже был готов план.

Глава 38
Почему я выступал за монархию

Теперь меня часто спрашивают — что я имел в виду, когда публиковал в «Караване» статью «Казахский султанат». В ней я призывал отказаться от республиканской формы правления и ввести монархию. Я отвечаю, что имел в виду именно то, что писал. И до сих пор стою за каждое написанное слово.

Эта статья не была фарсом, она была приглашением к серьезной дискуссии — к ней мало кто оказался готов, но это уже другой вопрос. Я же считаю, что предлагал оптимальный сценарий, как нам выбраться из застойной ситуации с наименьшими потерями.

Я вижу эту ситуацию таким образом: в Казахстане уже реально построена и функционирует монархическая система. Она прикрыта демократическим фасадом, обращенным на Запад, но в реалиях за этой вывеской осуществляется ничем не ограниченное авторитарное правление одного человека.

Мы называемся республикой, на бумаге у нас есть двухпалатный парламент, состоящий из одной партии, и независимый суд, и даже свободная пресса — но все мы прекрасно знаем, что у нас нет ничего из этого списка. И никакая мы не республика, конечно.

Такое положение вещей полностью устраивает нашего некоронованного короля. В своей стране он абсолютный монарх, а за рубежом считается президентом республики. В мире у него тот же статус, что у Николя Саркози, например.

У венесуэльского президента Уго Чавеса дела с фасадом обстоят хуже, и он считается диктатором. При этом, когда Чавеса посещает идея стать пожизненным президентом, он устраивает настоящий референдум, — и проигрывает. Народ Венесуэлы решил, что не хочет видеть своего популярного лидера десятилетия подряд, и Чавес согласился с народной волей. Сравните с нашей историей: мы получаем бессрочного правителя безо всякого референдума, единодушным решением полностью подконтрольных депутатов.

Кстати, в мае 2007-го года у нас была еще одна возможность сравнить уровень свобод в «диктаторской» Венесуэле и нашем демократическом Казахстане. На той же неделе, когда наше правительство выключило из эфира частный телеканал «КТК», Уго Чавес хотел закрыть популярный частный телеканал «RCTV».

У диктатора Чавеса ничего не вышло: народ вышел на улицы,

мировое сообщество выразило свое осуждение попыткой подавить независимую прессу — и канал «RCTV» вернулся в эфир, в том же виде и с той же редакционной политикой, что существовала до президентской атаки. Канал «КТК» тоже вернулся в эфир — но уже с новыми собственниками и под тотальным контролем правительства. Мой частный медиахолдинг нагло украл президент Назарбаев, назначив директором частного телеканала «КТК» сотрудника президентской администрации, а в частную газету «Караван» главным редактором — своего пресс–секретаря. Вместо прежних свободных новостей зрители и читатели отныне должны мириться с вечными панегириками в адрес мудрейшего из президентов.

И вот наша страна зависла в этом перекошенном состоянии между красивыми декорациями и более прозаичными реалиями. Я предложил перевернуть пирамиду: пусть лучше на вывеске у нас будет честно написано «султанат», но за ней действуют и независимый парламент, и суды, и пресса. Такой строй называется конституционной монархией и благополучно действует в самых процветающих странах мира. Например, в Великобритании- старейшей демократии на планете.

Или взять Бельгию, где монархический строй гарантирует стабильность страны (которая иначе распалась бы на две части), а конституционные институты обеспечивают ее развитие.

Все дело именно в определении — «конституционная» монархия. То есть ограниченная, при которой король выполняет представительские функции, а управляет страной премьер–министр.

Вот он и выход.

Понятно ведь, что Нурсултан Назарбаев никуда по своей воле не уйдет, и так же очевидно, что при нем страна развиваться не будет. Как управляющий он уже не способен отвечать вызовам нового времени. Его квалификация осталась на уровне председателя совета министров 80-х годов прошлого столетия. Хуже того, страна катится назад — у всех на глазах идет экономическая деградация, растут цены на базовые продукты питания. От гражданских свобод остаются одни воспоминания. Коррупция победила окончательно. У нас кто–то сказал, что мафия бессмертна. «С ней невозможно бороться, ее можно только возглавить …»

Что делать? Либо смириться с тем, что стране предстоит застой в ближайшие полтора десятилетия, либо повторять опыт Грузии, Украины и соседней Киргизии. Оба варианта мало привлекательны, согласитесь. Потому что любая резкая перемена власти в наших условиях может означать великий передел, войну

всех против всех — и погрузить страну в пучину дворцовых переворотов.

Остается мой вариант — конституционная монархия. Назарбаев уходит на повышение, ему гарантирована пожизненная неприкосновенность, он церемониально представляет страну.

Его миллиарды легализуются, так что ему не приходится их больше прятать. Таким образом, он получает все, что ему нужно: бессрочное царствование, защиту от преследований, высокий статус и право спокойно отдыхать и наслаждаться своим богатством и большим гаремом.

При этом он выполняет свою историческую роль мудрого аксакала — удерживает страну от войны трех жузов и обеспечивает стабильность. Но за этим новым фасадом бывшая республика живет своей жизнью и свободно развивается. Исполнительные полномочия передаются премьер–министру, которого мы избираем. Битва за премьерское кресло не превращается в дело жизни и смерти для олигархических групп и родов, поскольку речь идет не о высшей позиции в политической иерархии. И сам премьер не имеет возможности превратиться в следующего пожизненного диктатора, поскольку он всего лишь премьер, то есть временный управляющий.

Партия «НурОтан» распускается, поскольку королю не положено иметь своей партии. Парламент снова начинает представлять интересы социальных групп, а не президента (которого больше нет на политической арене). Суды выводятся из–под контроля исполнительной власти. Значительно снижается регистрационный порог для партий (сейчас для регистрации партии требуется не менее 50 ООО членов). Как следствие, в стране начинает действовать закон.

Звучит как сказка, однако, в том и секрет демократических конституционных институтов, что они самонастраиваются. Нужно только их раз запустить, а дальше они работают сами. Разные ветви власти контролируют и сдерживают друг друга. А за ними пристально наблюдают свободная пресса и гражданское общество.

Вот именно этот рецепт я и предлагал в статье «Казахский султанат».

И, кстати, это неправда, что она вызвала «резко негативную реакцию общества». Не было такой реакции. Был интерес (огромный) и ожидание, что произойдет дальше. Причем ожидание не со страхом, а с надеждой, что наконец что–то сдвинется в нашем политическом болоте. Настоящая реакция читателей была такой: «лишь бы жить стало лучше, а как это будет называться, никакой разницы».

Кто был в шоке, так это политическая элита. Никто не знал, то ли это моя собственная инициатива, и тогда ее нужно резко порицать, то ли это прямое поручение будущего монарха, и тогда нужно успеть первым пропеть хвалу. Надо отдать должное Крестному Тестю, он выждал и сделал долгую месячную паузу, не давая своим клевретам никаких сигналов. Он тоже хотел узнать, какую реакцию вызовет эта статья.

Наступило мертвое молчание. «Караван» хотел продолжить тему, которая вызвала такой читательский интерес, и пытался устроить дискуссию — кто из известных людей «за», кто «против». Не получилось — все как воды в рот набрали, ожидая верховного указания, которого так и не поступило.

Лишь несколькими месяцами позже Нурсултан Назарбаев, находясь с визитом в Испанском Королевстве, объяснил местным журналистам, что отсталая форма монархического правления не подходит нашему демократическому Казахстану. Элита вздохнула с облегчением.

А что до того, что статья вышла после приговора по убийству Алтынбека Сарсенбаева и его помощников, так это была простая временная случайность. Но крестный тесть сразу позвонил мне после выхода «Каравана», тщательно выбирая слова, поблагодарил меня и сказал, что обсуждение моей статьи и реакция на нее накрыла информационной волной судебные последствия политического убийства. В глуши бывает и так.

Глава 39
Нобелевская мечта президента

«Она не хочет, вот беда, выходить за него. А он мужчина хоть куда, он служил в ПВО!»

Гарик Сукачев

Начало этой мечте положила история, случившаяся в 1991 году. Когда развалился Союз, на территории Казахстана осталось немало ядерных боеголовок. СССР был подготовлен к борьбе со всемирным злом — капитализмом — нешуточно. Такими запасами ядерного оружия можно разрушить планету не один раз. Но не случилось — Союз рухнул быстрее капитализма.

А в Казахстане после раздела советского хозяйства и земель остался не только Семипалатинский подземный полигон, но и ядерные шахты. Кстати, американская разведка тщательно интересовалась данным обьектом, но это отдельная история. Так неожиданно для самого себя Казахстан вошел в ядерный клуб. Но там его, что называется, не ждали. США и Россия сразу выдвинули новоиспеченному президенту жесткое условие: хочешь дружить — уничтожай ракеты. Нурсултан Назарбаев тогда только начинал политическую карьеру автономного от Центра лидера. У страны не было ни денег, ни, разумеется, авторитета. Пришлось выбрать дружбу и покинуть ядерный клуб.

Впрочем, настоящего выбора у Казахстана тогда не оставалось. Ни кадровых, ни финансовых ресурсов содержать в сохранности этот опасный груз у страны не было — вспомните, речь идет о начале девяностых годов. Специалисты спешно уехали в соседнюю Россию, оставив боеголовки на металлолом.

Зато этот вынужденный шаг Назарбаев и его оружение с тех пор представляли как добровольный отказ от ядерного оружия. И вескую причину для вручения Крестному Тестю Нобелевской премии мира! Назарбаев мечтает о ней уже очень давно. Об этом знают все его прихлебатели — и соревнуются друг с другом, публично, в прессе высказываясь о том, что уже давно пора вознаградить неутомимый труд президента на благо мира самой почетной премией.

Назарбаев в самом деле пытается сойти за миротворца. В 1991–92 Казахстан предлагал свою кандидатуру в качестве посредника в примирении Армении и Азербайджана. Но Россия сочла это предложение угрожающим ее позиции лидера СНГ.

В начале 2001-го премьер Токаев и глава МИДа Идри–сов уговорили Назарбаева заняться примирением сторон в Афганистане. В процесс влезли буквально все централь–ноазиатские лидеры — Туркменбаши, Каримов, Акаев, а также был приглашен помогать заместитель специального представителя ООН Франциск Вендрелл. Помочь Назарбаеву он не помог, а помешал здорово. Во всяком случае, и тогда миротворца из Крестного Тестя не вышло. Да и политический итог известен: стороны воюют по сей день.

В 2007 году швейцарский бизнесмен Беджет Пакколи, почетный строитель Астаны, косовский албанец и признанный «владелец Косово», предложил Назарбаеву стать посредником в другом конфликте — между Россией и Западом по поводу признания Косова. Задача перед Крестным Тестем стояла такая: уговорить президента Путина смириться с отсоединением Приштины от Сербии. Но Россия и Китай, одинаково боящиеся сепаратистских настроений в своих пределах, были непреклонны. Что сделал наш миротворец? Сдал позиции и в феврале 2008 года резко осудил косовский сепаратизм.

Таким образом, авторитета в ОБСЕ Крестный Тесть не завоевал. Но худа без добра не бывает. Теперь на Нобелевскую премию его выдвигают какие–то американские сенаторы, благодаря стараниям казахских клептократов, узревшие героя под своим носом. А также «губошлёп» из местных, бывший министр информации Ертысбаев, ныне советник Назарбаева тоже бросился в атаку на все казахские СМИ за присуждение Нобелевской премии своему шефу. В общем, выдвижение диктатора и узурпатора на премию мира идет полным ходом.

В стремлении заполучить на грудь очередную медальку Крестный Тесть даже внес некоторую сумму в Фонд Михаила Горбачева. Зачем? Просто Горбачев, сам лауреат Нобелевской премии, имеет право предложить кандидатуру. Стоит горбачевский голос, по прикидкам Астаны, миллион долларов. Это в нашей столице нечто вроде минимального расчетного показателя — не много и не мало, да и цифра круглая и приятная. Взнос в горбачевский фонд от Назарбаева, по данным КНБ, передал все тот же мэр Астаны Тасмагамбетов. Так что теперь один бывший партиец будет двигать другого бывшего партийца — но на этот раз не по партийной линии.

Глава 40
«Король, а денег нету»

Знакомство с королем Испании Хуаном Карлосом вызвало у президента Казахстана сильнейшее потрясение.

«Ты представляешь, у короля денег нету», — говорил он мне после того, как Хуан Карлос уехал. Дело было в 2004 году. Испанский монарх приезжал в Казахстан с неофициальным визитом. Назарбаев возил его на охоту, потом они парились в специально для этого случая отстроенной русской бане в Алматинской области. Королю сказали, что это такая особенная, национальная «степная» казахская баня для кипчаков. В действительности изобретателем «степной бани» были не древние кипчаки, а Аким–губернатор Алма — Атинской области Шалбай Кулмаханов: он распорядился построить русскую баню на берегу горнои реки, а для придания национального колорита накрыть ее шатром–брезентом. Король с президентом славно попили шотландское виски, попарились и даже искупались в холодной горной речке. Для полного рас–слабительного курса недалеко дожидались девочки по вызову, с национальным калоритом.

Во время того визита король лоббировал интересы испанской нефтяной группы «Репсол» и продажу скоростного испанского поезда «Тальго» для Астаны. Кажется, небезуспешно. Потрясенный отсутствием у Хуана Карлоса многомиллионного состояния, наш президент показал себя истинным гуманистом.

«Дал я ему немного», — сказал он мне, завершая рассказ о королевской бедности. Немного — это миллион долларов наличными, которые Назарбаев пожертвовал мадридскому двору. Но в вопросах бизнес–интересов Назарбаев был непреклонен. Он мог для вида помочь испанской нефтяной компании, но та, в свою очередь, должна была перечислять его долю в прибыли на назарбаевские оффшорные трастовые фонды.

Но, несмотря на разительное имущественное неравенство, между главами двух государств возникла очевидная симпатия. Когда репутация Нурсултана Назарбаева уже окончательно испортилась, и все меньшее количество западных стран желало видеть его в качестве своего гостя — хоть официального, хоть неофициального — король пригласил его на свадьбу своего сына, наследного принца Фелипе, и журналистки Летисии Ортис. Назарбаев и его младшая дочь Алия были в числе 1400 гостей, в основном от королевских дворов, приглашенных на свадьбу со всего мира. Официальные казахские газеты тогда с большим

удовольствием напечатали фотографии, запечатлевшие казахского президента среди звезд мировой элиты. А сам он очень гордился тем, что его показали по европейскому телеканалу «Евроньюс».

Не знаю, какова природа симпатии испанского короля к президенту далекой азиатской страны, но природа симпатии Назарбаева к Хуану Карлосу мне хорошо известна. Мой тесть и сам бы с удовольствием переквалифицировал себя в монархи — причем без всяких конституционных ограничений, о которых я говорил в своей статье. И есть все основания полагать, что его окружение с радостью бы его на такое дело благословило.

Единственное, что удерживает Нурсултана Назарбаева от такого шага — это страх перед реакцией Запада и международного общественного мнения.

Испанская история имела неожиданное продолжение.

Есть старый анекдот о министре иностранных дел СССР Андрее Громыко, который принял французского посла за английского и имел с ним продолжительную беседу (вариантов, впрочем, масса: послы могуть быть парагвайский с уругвайским или китайский с японским, а главный герой — Леонид Брежнев или Борис Ельцин). Мало кто знает, что точно такая же история приключилась однажды с моим Крестным тестем Нурсултаном Назарбаевым. А послами, которых он перепутал, были два ярких, совсем не вписывавшихся в скучную дипломатическую палитру (дело было в 2002 году, и посольствовать при назар–баевском дворе в ту пору было, по–видимому, не самым престижным занятием для человека). Первым был посол Испании в Казахстане Франциско Паскуаль де ла Парте (Francisco Pascual de la Parte), вторым — посол Франции Серж Смессов (Serge Smessoff).

На фоне робких, скользких, как рыбы, боящихся взять на себя малейшую ответственность обитателей других посольств, досиживавших, а то и бурно ударившихся в амуры с местными красавицами в алматинской глуши в последние предпенсионные годы, эти двое выделялись особенно ярко.

Паскуаль де ла Парте, которого я и сегодня считаю своим другом, походил на классического испанского идальго и даже написал роман «Надя». Его французский коллега Смессов и французский консул Жан Пьер Мон–тань Gean — Pier Mogntan), которым я многим обязан, (когда–нибудь придет время об этом рассказать) были в то время самой большой головной болью министерства иностранных дел Казахстана. Потому что едва ли не в первый раз за все время существования назарбаевского режима, вдруг оказалось, что святая убежденность нашего президента, что всех и вся можно купить — за деньги, концессии,

преференции etc. — вдруг не работает. Посольство Франции демонстрировало в те годы, что оно представляет интересы крупной европейской державы, вовсе не собирающейся рассыпаться в похвалах перед сомнительным политическим режимом. И если остальные дипломаты тщательно обкладывали конкретную критику обильной ватой похвал «курсу нового регионального лидера», французский посол себя особо этим не затруднял. Было очевидно, что они здесь не для исполнения посольского церемониала, не для выклянчивания преференций для французских компаний — у них своя, серьезная, ответственная миссия в сложнейшем с политической точки зрения центрально–азиатском регионе. Французы откровенно играли в свою игру, и, наблюдая за этой игрой потом уже со своего посольского поста в Австрии, я не мог не испытывать к ним огромного профессионального уважения. И еще одно обстоятельство объединяло синьора де ла Парте и месье Смессова. У обоих были усы.

Это и привело моего дорогого тестя к крупному дипломатическому конфузу.

Однажды в конце декабря 2002 года в Астане на приеме в Отеле «Интерконтиненталь» по случаю Дня Независимости, президент Назарбаев, приветствуя послов, вдруг во всеуслышание заявил — «а вот с этим я здороваться не буду»! «Этим» оказался представитель Испании Паскуаль де ла Парте, вся вина которого заключалась в том, что из–за аристократических усов он был принят президентом Назарбаевым за Сержа Смессова. Случись такое где–нибудь в другой стране, о неслыханном скандале долго писали бы в газетах, и не миновать при этом дипломатических нот, но работавшие в Казахстане западные дипломаты были готовы и не к такому. Присутствующие просто сделали вид, что ничего не расслышали.

Зато реплику президента хорошо расслышали мидовские чиновники, и несчастный синьор де ла Парте быстро оказался в изоляции: осторожный МИД на некоторое время прекратил любые контакты с испанским посольством. Это было особенно занятно на фоне того, что как раз в это время готовился первый визит короля Хуана Карлоса в Казахстан.

Эта трагикомедия продолжалась до тех пор, пока, по просьбе посла, я не разъяснил своему тестю, что вышла ошибка, и что синьор де ла Парте ни в чем перед Назарбаевым не провинился. А «провинился» перед ним французский посол Серж Смессов, в связи с памятным делом Жакиянова: этот казахский оппозиционер в 2002 году несколько дней укрывался во французском посольстве. Однако он не стал просить

политического убежища, вышел под гарантии со стороны казахского министра иностранных дел Идрисова и послов Евросоюза в том, что его дело будет рассматриваться исключительно в Алма — Ате, но был сразу же конвоирован в колонию в Павлодарской области …

Серж Смессов, при всей своей богатой дипломатической биографии, с такой наглостью столкнулся, видимо, впервые, и не постеснялся выразить нашему МИДу свое недовольство. В свою очередь и наш президент, привыкший к тому, что послы соревнуются лишь в степени выражения своих наиприязненнейших чувств к его персоне, с такой «наглостью» тоже столкнулся впервые: в узком кругу он отзывался о французах крайне неприязненно, но пострадал от его антифранцузских настроений только испанский посол …

Глава 41
Гнус, Сайгак, Утенок и другие товарищи

Теперь, со стороны, издалека, многое из того, что вчера еще казалось нормальным и естественным, таким уже не кажется. Многое переосмысливаешь, переоцениваешь. Многому задним числом удивляешься. Например, тому, что все без исключения члены правящей элиты Казахстана, люди с миллиардными, в худшем случае многомиллионными состояниями, люди, которые распоряжаются не самой маленькой страной в мире … носят клички.

Традицию эту завел сам Назарбаев, большой любитель красного словца. Впрочем, и у него есть прозвище. Даже не одно, а целых три. О прозвищах президента знают все: иногда члены «команды» то расслабляются, то впадают в лакейский раж, и прилюдно именуют президента по принятой в их среде кличке — «Хозяин». Второе кодовое наименование президента Казахстана — «Шеф» или «Ноль первый». Третье, присвоенное ему каким–то анонимным острословом — «Бабуин» — используется, естественно, исключительно за глаза и только среди надежных людей. Единственное известное нарушение этого правила допустил в свое время министр информации Ертысбаев — в неофициальных частных беседах с каким–то оппозиционером он именовал Шефа вместо Хозяина, Бабуином, а оппозиционер беседу записал и напечатал. С той поры третье прозвище президента стало известно широкой публике.

Клички членов назарбаевской мафиозной «команды» публике, напротив, совсем неизвестны. А жаль. Тут такой простор для исследователей нравов правящей элиты, для психологов, для языковедов — дух захватывает! Сами посудите.

Ближайший сподвижник президента, его казначей, бывший управляющий делами администрации, а ныне просто всемогущий пенсионер Владимир Ни за глаза именуется «Собакоедом». В этом прозвище, с легким ксенофобским налетом, очевидно, проглядывает затаенная на Шефа обида за то, что ближайшим партнером он сделал хоть и гражданина Казахстана, но не казаха.

Премьер — Министра Масимова назарбаевские товарищи тоже выделяют по национальному признаку — его за спиной ласково именуют «Уйгуренком» или «Саддамом Хусейном» — за внешнее сходство с покойным диктатором Ирака. Назарбаев несколько раз говорил Масимову об усах, что его где–нибудь за рубежом арестуют пограничники в разгар охоты на Хусейна, и тот

их немедленно сбривал, но под хорошее настроение патрона опять просил разрешение их отрастить. Разрешение на трансплантацию волос на голове Масимов попросил прямо перед назначением главой правительства.

Нуртай Абыкаев, серый кардинал Казахстана, занимавший за десятилетия дружбы с президентом едва ли не все главные посты в государстве, имеет прозвище «Молчун». Абыкаев и в самом деле не отличается чрезмерной разговорчивостью. Во–первых, он невероятно косноязычен, во–вторых, старается не открывать рта, не выяснив предварительно, так сказать, генеральной линии партии. То есть «Хозяина». Поэтому чаще всего он загадочно и многозначительно молчит, а на все вопросы отвечает монотонно: «жарайды-Окей».

Булат Утемуратов, на момент написания этой книги новый управляющий делами президента, занимающий в неформальной назарбаевской иерархии одну из главных приближенных позиций, особо доверенное лицо, за глаза добродушно именуется соратниками «Утёнком» или «Анчоусом». Очевидно, первое, по созвучию фамилии — если этот деятель и похож на кого–то из мира животных, то уж никак не на утенка, а второе… По–видимому, Назарбаеву очень нравится есть эту маленькую средиземноморскую рыбку.

Еще одну кличку «природного» происхождения носит первый заместитель главы карманной партии «Нур Отан» Адильбек Джаксыбеков — в президентских кругах его именуют просто — «Сайгаком», по- видимому за внешнее природное сходство.

Председатель Комитета нацбезопасности, также давний служака Назарбаева, Шабдарбаев имеет партийное прозвище — «Жук» (еще один представитель фауны). Также товарищи любовно зовут главного телохранителя просто «Телком». А он их ласково «Здравствуйте, Девочки»

Не повезло с прозвищем Акиму–мэру Астаны Имангали Тасмагамбетову: его за глаза именуют «Рябой» или коротко «Тас».

Еще меньше повезло Касымжомарту Токаеву — партийная кличка «Гнус». Но (редкое дело!) это прозвище дали нашему благообразному дипломату не острословы из президентского окружения: оно пристало к нему еще во времена учебы в московском институте международных отношений.

Тимура Кулибаева ласково называют «Тимоха».

Госсекретаря Саудабаева товарищи именуют «Цирка–чем» или «Братаном». Не только за любовь к кульбитам и непотопляемость, которой позавидовал бы даже великий Гудини, но и в память о тех временах, когда этот чиновник был директором Казахского цирка. Второе прозвище дано за то, что он

ко всем обращается исключительно «брат» или «братан», особенно после изрядного ночного «клиринга».

Еще один деятель из ближайшего окружения президента зовется «Чубчик». Министр спорта по официальной позиции, по неофициальной — исполнитель щекотливых поручений моего тестя — это Темирхан Досмухамбетов. А история такая. Если вы найдете в Интернете снимки этого господина десятилетней давности, то увидите, что тогда он был почти лыс. По непонятной причине Назарбаев почему–то лысых не любит. Но даже такой человек, как бывший физрук Досмухамбетов, не отличающийся особым интеллектом, зато моментально исполняющий волю Хозяина, был ему нужен. К слову сказать, именно я предлагал Досмухамбетова на должность управляющего делами президента, но сначала Назарбаев отказал, а потом неожиданно назначил его. Однажды мой тесть, учитывая мои дружественные отношения с Досмухамбе–товым, дал мне такое поручение — сообщить Темирхану, чтобы он что–то со своей лысиной сделал, а то она его сильно раздражает. Деваться некуда, пришлось сказать дипломатично, тщательно подбирая слова (честно говоря, до сих пор вспоминаю тот наш разговор с большой внутренней неловкостью и стыдом). Досмухамбетов все понял, срочно улетел в Дубай и вскоре вернулся оттуда с новым роскошным чубом. С тех пор иначе, как Чубчик, его в президентской «Ак — Орде» не зовут.

Министра информации Ертысбаева, почему то называют «Губошлёп», я так и не узнал, за что. Возможно, за усердие облизывать своему Шефу … Во всяком случае, в архиве КГБ-КНБ хранится личное дело агента «Ероха», усердно использованного для наблюдения за студентами и преподавателями Карагандинских вузов. Этот «Ероха» странно напоминает Ертысбаева.

Глава 42
ОБСЕ

Теперь уже можно рассказать, что я имел в виду, когда придумал эту затею с председательством Казахстана в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), и какие тайные интриги плелись вокруг этого председательства.

Дело было в ноябре 2002 года. Я уже занимал пост посла Казахстана в Австрии, а также представлял интересы страны в ОБСЕ и других международных организациях, расквартированных в Вене.

Казахстан в этот момент переживал непростое время. Во власти все более начинали доминировать идеи авторитарного управления. Нурсултан Абишевич к этому моменту успел сильно обидеться на американцев за их невежливый интерес к его «откатам» и бонусам от нефтяных компаний Америки за возможность добывать нефть в Казахстане. Назарбаев разочаровался в свободной прессе, которая посмела его не только воспевать, но и критиковать, и вообще, видимо, принял важное для себя решение: поменьше всей этой демократии.

Это настроение очень чутко уловили его приближенные, и бросились наперегонки угождать любимому руководителю. Начались преследования журналистов (дело Дуванова), запугивания, первые политические заключенные (Аблязов и Жакиянов) быстро отправились в казахские исправительные заведения. Комитет нацбезопасно–сти по команде его председателя Дутбаева развязал жестокое, лишенное какой–бы то ни было логики преследование членов нескольких исламских организаций. Людей пытали и убивали в застенках КНБ в городе Шым–кенте, трупы выбрасывали ночью на улицу или возвращали родственникам со следами побоев и пыток и с рекомендацией не поднимать шума. Все эти преступления совершались под лозунгом борьбы с исламским (наши дипломаты выражались более расплывчато: международным) терроризмом. Кое–кто из руководства КНБ даже нашел связь с неуловимым террористом Бен Ладеном, чтобы прикрыть борьбу с инокомыслием, что стало модным явлением в диктаторских режимах на тот момент, особенно после 11 сентября 2001 года.

В редакцию одной казахской независимой газеты подбросили, например, отрезанную собачью голову. Не знаю, на что рассчитывали организаторы (Алматинский Департамента КНБ — начальник генерал Косбасар Нурбеков) этой мерзости, но

эффект получился оглушительным: многие международные правозащитные организации зачислили Казахстан в список одиозных режимов, нарушающих элементарные права человека.

Как дипломату, представлявшему Казахстан на международной арене, читать все это мне было, честно скажу, неприятно. Была у меня и еще одна, личная причина — из оппозиционных газет я узнавал, что за большинством этих дел стоит почему–то мрачная фигура зловещего Рахата Алиева. Это была клевета, запущенная платными информаторами КГБ-КНБ. Но мне приходилось молчать: по негласному соглашению с моим бывшем тестем, я служил своего рода мишенью для стрел, которые направлялись в него.

Несколько раз я высказывал президенту свои опасения. Я говорил, что репутация нашей страны становится все хуже и хуже, и рано или поздно это отразится на инвестиционном климате, банковском рейтинге и прочих вещах, о которых Нурсултан Абишевич пекся только для признания его заслуг на постсоветском пространстве СНГ. Каждый раз он косился на меня с подозрением, видимо, пытаясь понять, какие интересы я преследую такими речами. Следует честно признаться, что успеха я не добился. Президент иногда согласно кивал, иногда начинал что–то говорить о зловредных американцах, которые всегда будут нашими врагами, но политика закручивания гаек неумолимо продолжалась.

После ноябрьского 2002 года Совещания министров иностранных дел стран ОБСЕ в городе Порто мне пришла в голову гениальная идея, каким образом можно попытаться «убить сразу нескольких зайцев». Во–первых, прекратить это сползание в советское тоталитарное прошлое, во–вторых, сделать Нурсултану Абишевичу большой подарок, а еще и разыграть интересную дипломатическую комбинацию не без некоторой личной карьерной выгоды.

Я прилетел из Португалии и сидел в своем посольском кабинете на тихой венской улочке Феликс Мёттль–штрассе 23, и вдруг головоломка сложилась сама собой: нужно срочно добиваться председательства Казахстана в ОБСЕ!

Разумеется, идея выглядела абсолютно безумной и даже фантастической. Ни одна страна, входившая ранее в состав Советского Союза, еще не была председателем Организации. Обдумав этот факт, я пришел к мысли, что, скорее, это все–таки аргумент в нашу пользу: когда–нибудь, хотя бы из соображений дипломатической вежливости, кто–то из стран СНГ должен был получить пост председателя. Пусть это будем мы!

У меня был опыт перехода футбольной федерации

Казахстана, из Азиатской в Европейскую футбольную семью (УЕФА). Это было в апреле 2002 года, на конгрессе в Стокгольме. По просьбе друзей и футбольных болельщиков я возглавлял на общественных началах федерацию футбола вплоть до июня 2007 года. Тогда тоже никто в Казахстане не верил моей европейской затее, и в первую очередь Назарбаев. Только после победного единогласного решения о принятии нас в УЕФА был всенародный праздник. Говорят, в Узбекистане был траур. А ведь доказывать приходилось многим европейским партнёрам, что в Казахстане 12 процентов территории находится в Европе, намного больше чем в Турции, где всего 2 процента. Но поездки и встречи дали свои плоды, на благо казахским болельщикам. Много интересного за это время я узнал и о закрытой «теневой кухне» в УЕФА и ФИФА, где состоял членом ряда комитетов. Кстати сказать, после удачного перехода в УЕФА Назарбаев настойчиво попросил меня выдвинуть его почетным руководителем федерации футбола, по видимому побоялся моей славы в народе.

Но вернемся к ОБСЕ. Безусловно, Казахстан был очень далек от стандартов организации, также как и другие страны СНГ, и тенденции были таковы, что с каждым месяцем становился все дальше. Однако тут нам могло помочь одно широко известное в узких дипломатических кругах обстоятельство: в дипломатическом мире предпочитают не называть вещи своими именами, выбирают обтекаемые формулировки, эвфемизмы, одаривают друг друга цветистыми комплиментами, поэтому на дипломатическом языке несоответствие нашей страны стандартам организации звучало не столь драматически и однозначно.

Подумав некоторое время, я решил, что ничего невозможного и неестественного в подаче заявки на председательство не было: мы были одними из членов организации, обладали равными правами со всеми остальными, почему бы и не заявить претензии на пост председателя.

Проблема была в другом: как эту идею воспримет наш президент. Поймет ли, что эта идея — чемодан с двойным дном? Что за фасадом дипломатической инициативы кроется тонкий расчет: втянуть страну в процедурные процессы, с тем, чтобы заставить авторитарного лидера сменить курс на сворачивание демократических реформ, вынудить его принять обязательства либерализовать внутреннее законодательство, приблизив его к европейским стандартам ОБСЕ, наконец–то вступить в Совет Европы и подписать Европейскую конвенцию по правам человека. Навсегда отказаться от преследований инакомыслящих и критиков режима Был большой риск, что мой тесть, сам большой

мастер подковерных интриг, сразу раскусит хитрый план. Поэтому я решил пойти другим путем.

Сначала я обзавелся одобрением своей дипломатической инициативы у тогдашнего министра иностранных дел Токаева. Сверхосторожный советский дипломат — Токаев, конечно, никогда не пошел бы против воли шефа, однако я говорил с ним так, будто бы одобрение президента было само собой разумеющимся фактом, и даже практически уже получено. Тонкий аппаратчик Касымжо–март Кемелевич и в других видел таких же осторожных чиновников, и потому со спокойной душой, не предполагая никакой тайной игры, после определенных раздумий дал разрешение на эту инициативу — правда, только устную. А когда выяснилась правда, было уже поздно.

Президент узнал о заявке уже после того, как она была подана мной на февральском 2003 года Специальном постоянном совете послов ОБСЕ во дворце Хофбург, в Вене, и что–то переиграть было невозможно. Не буду здесь описывать, что пришлось выслушать нам с бедным министром, но в результате все закончилось в первоначальный период ко всеобщему удовольствию. Я срочно прилетел в Астану и объяснил президенту, что председательство Казахстана в ОБСЕ дает Нурсултану Абишевичу необыкновенные полномочия и возможности. Якобы не мы будем меняться под европейские стандарты, а Европа будет вынуждена измениться под нас — будучи руководителями ОБСЕ, мы сможем, при поддержке России и других наших союзников из стран СНГ, провести внутри организации нужные нам реформы, отменить жесткие электоральные критерии в ее подходах к СНГ. Более того, убеждал я президента, мы сможем провести в период нашего председательства очередные президентские выборы (2005 года), и ОБСЕ во избежание скандала, наконец, будет вынуждена признать их полностью соответствующими демократическим стандартам!

«А главное, Нурсултан Абишевич, — искушал я тестя, — вы сможете на период председательства совместить пост президента и исполнение обязанностей министра иностранных дел и лично возглавить главную евроатланти–ческую организацию по безопасности и сотрудничеству от Ванкувера до Владивостока! (Конституция и в самом деле позволяет такие совмещения).

Лоббирование председательства Казахстана в ОБСЕ в 2010 году: встреча с послами ОБСЕ в резиденции посла Великобритании, Вена, 2004 г. (вверху)

Визит послов ОБСЕ в Казахстан в рамках подготовки председательства Казахстана в ОБСЕ, Астана, 2004 год.

Глава государства обдумал мои аргументы и счел их

убедительными. Особенно ему понравилось предложение, касающееся его будущих выборов и возможности обеспечить себе бесплатный пиар на Западе в течение целого года благодаря его председательству в ОБСЕ. Но, что еще Назарбаева прельстило, так это возможность получения Нобелевской премии мира за его вклад в межрелигиозный диалог и межнациональное согласие в Казахстане. Ведь он на самом деле уперто верит, что может получить искомую премию, чтобы прикрыть свой коррупционный имидж после уголовного дела в Нью — Йорке против Гиффена.

Дальше была долгая борьба за удовлетворение нашей заявки, о которой я расскажу как–нибудь в другой раз. Было много незабываемых эпизодов, приобретений и потерь. Например, Назарбаев испугался включать вопрос о председательстве Казахстана в ОБСЕ в своё ежегодное послание народу, потому что не верил в свои силы. А вот российский президент Владимир Путин однозначно поддержал и, мало того, включил в свое обращение абзац о полной поддержки заявки Казахстана в ОБСЕ. В какой–то момент я вдруг понял, что моя фантастическая идея имеет шансы быть реализованной. В мае 2007 года я ушел в оппозицию к президенту Назарбаеву, после чего уже наблюдал за процессом со стороны: к этому моменту я и моя команда сделали свое дело, и получение заявки было делом практически решенным.

Но я ни о чем не жалею. Назарбаевскому режиму хотя бы на декларативном уровне придется соответствовать европейским стандартам. Казахстан, например, уже вынужден был подписать международную конвенцию по правам человека, против применения пыток — это, к сожалению, не значит, что пытки там прекратились, но, может быть, казахские следователи и тюремщики побоятся применять их так откровенно, как раньше. И уже ради одного этого мне и моим товарищам стоило потратить несколько лет на достижение этой благородной цели.

Глава 43
Вниз по лестнице, ведущей вниз

Гиффен против Кажегельдина. Так зарождался «Казахгейт»

Это было в самом начале 91 года, когда приезд иностранного гражданина в наши края был еще заметным событием. А этот гость привлек к себе особое внимание: прибыл из Соединенных Штатов, безукоризненно одет (клубный пиджак с платочком в кармане, рубашка с запонками JHG), в зубах хорошо скрученная сигара. По всему видно, что это представитель высших слоев американского общества.

Звали гостя Джеймс Гиффен Games Henery Giffen). Спустя несколько лет его имя стало хорошо известно не только у нас, но и на его родине в Америке — в связи с коррупционными скандалами и шедрой раздачей взяток президенту Назарбаеву.

Но еще ничто не предвещало судебного уголовного расследования, которое ждет впереди этого респектабельного господина. Тогда перед ним лежала перспектива феерического бизнеса на ниве освоения казахских нефтяных месторождений. Впереди еще были годы роскоши и сверхприбылей.

Я познакомился с Джеймсом майским воскресным днем 1993-го года. Назарбаев пригласил его с помощником–переводчиком, американским гражданином Ричардом Спунером, на охоту в свое охотничье хозяйство «Кара — Ченгель» под Алма — Атой (тогда оно еще было государственным). А я скромно соровождал тестя. Американец произвел на меня очень хорошее впечатление — сразу чувствовалось, что человек деловой. С президентом они говорили через переводчика, единственное слово, которое выучил Гиффен за все свое пребывание в Казахстане, было казахское слово «пайда», то есть прибыль.

Это слово он повторял часто и со вкусом. Прибыль он любил и умел ее обеспечить — и для себя, и для своих друзей и покровителей.

За три предстоящих года, вплоть до 1996-го, они часто находились рядом — президент и его американ ский советник. Однако стать свидетелем их деловых переговоров не доводилось никому, кроме переводчика: Назарбаев предпочитал вести их в уединенных местах. А когда вопрос касался «комиссионных», то для арифметики между Гиф–феном и Назарбаевым никто был не нужен, они понимали друг друга с полужеста и письменно.

Причем, у Джеймса хватало ума и такта сохранять некоторую дистанцию в отношениях с Назарбаевым, ненавязчиво

подчеркивая, что он является подчиненным своего начальника. Они могли пить виски со льдом по вечерам — именно Гиффен приучил президента к этому напитку, поставляя ему бутылки Johnny Walker Black Label, — но отношения между ними оставались рабочими.

Американец завел настоящую дружбу с Нурланом Балгимбаевым, на тот момент министр нефти и газа. Они даже дома построили по соседству, в горах на Каменском плато под Алма — Атой, и ходили друг к другу на ужин семьями. Им всегда было о чем поговорить, поскольку оба разделяли один интерес в жизни — нефть.

Вскоре они получили нефтяную отрасль Казахстана под свое практически безграничное влияние. Причем разделение было таким: Балгимбаев делал свой бизнес внутри страны и на рынках СНГ, в то время как Гиффен курировал все иностранные компании, получившие через него доступ к экспорту углеводородов Казахстана.

Схема, по которой этот доступ предоставлялся, была простой и эффективной: президент Назарбаев устанавливал неофициальную цену на месторождение, он получал нужную сумму от заинтересованной нефтедобывающей компании на специальный счет — Эскроу для трастового фонда, который контролировал Гиффен. Затем деньги прогонялись еще через несколько оффшоров, а только потом поступали на личный счет хозяина бескрайних степей Казахстана. А нефтяная компания в обмен получала желанный контракт.

В то время аппетиты у Назарбаева были еще не столь велики, суммы в несколько десятков миллионов долларов еще казались сказочным богатством, и в итоге наша страна потеряла контроль над своими энергоносителями, по сути, за центы — которые к тому же попали не в бюджет страны, а в карман Крестного Тестя. Например, компания «Шеврон» за каждый добытый баррель платит ему 60 центов.

В девяностых годах прошлого века Джеймс Гиффен был, безусловно, самым влиятельным иностранцем в Казахстане. Он был настолько важной персоной, что его охраняли сотрудники службы охраны президента (СОП), и к нему была постоянно приставлен лимузин из правительственного гаража со специальным номером, проблесковым маячком. Полиция не имела право останавливать и проверять автомашину.

Гиффен сопровождал Назарбаева во всех его зарубежных поездках, где отвечал за неофициальную — то есть увеселительную — часть программы. Впрочем, все организованные американцем развлечения были вполне

цивилизованными и не шли ни в какое сравнение с нынешними астанинскими оргиями с бразильскими танцовщицами и проститутками, выписанными из модельных и эскортных фирм Москвы и Киева.

Верхом удовольствия Джеймс считал хорошую сигару и бокал виски сольдом в компании молодой талантливой казахской скрипачки Ланы. К сигарам президента Назарбаева он так и не приучил, зато «Джонни Уокер» все мы потом пили именно так — с кубиками льда.

Однако, вскоре у Балгимбаева и его американского друга появился опасный конкурент — руководитель правительства. Вплоть до середины девяностых все нефтяные сделки держал под личным контролем сам президент, и к ним не допускался даже премьер–министр. Но

Разумеется, все это происходило с молчаливого одобрения Назарбаева, которому просто хотелось поиграть на нервах главного нефтяника и его американского друга: мол, не расслабляйтесь, и вам можно найти замену. Гиффен пошел в ответную атаку. По его сценарию создан Госкоминвест — своего рода второе правительство, которое не подчиняется премьер–министру, а только его первому заместителю, который в свою очередь, был напрямую подчинен президенту.

Новому суперминистерству, во главе которого назначают назарбаевского родственника Есимова, передаются все полномочия по работе с иностранными инвесторами.

Кажегельдин пропускает на нефтяном фланге удар за ударом.

Вскоре подковерная борьба заканчивается. Нурлан Бал–гимбаев становится новым премьер–министром. Кажегельдина освобождают от должности «в связи с болезнью», и он быстро уезжает за границу.

Это была классическая игра Назарбаева: стравить между собой два могущественных клана. Каждый из них вынужден терять силы на борьбу с другим и кланяться хозяину с мольбой о поддержке. А когда такая поддержка приходит, они должны чувствовать — и демонстрировать — вечную благодарность ему. Хотя вся заслуга президента в этом случае состоит в том, что он загнал в конуру спущенных им же самим домашних собак.

В те годы тактика срабатывала особенно эффективно: местные олигархи еще не выросли до такого уровня, что их уже никуда не сдвинуть. Еще не все природные богатства были розданы, и претенденты на лучшие места у кормушки готовы были служить президенту верой и правдой, лишь бы он кинул им кусок мяса пожирнее.

Но с каждым годом ситуация менялась, и сейчас она такова:

круг олигархов определился, они распределили между собой уже всё, что в этой стране было интересного, так что президенту уже нечего подкинуть к их праздничному столу. Теперь он может держать их в повиновении только страхом: они должны трепетать, что против них будет запущен механизм репрессий, апробированный на мне и моих партнерах по бизнесу.

Только сам Назарбаев прекрасно понимает, что в борьбе со мной он одержал пиррову победу — если это вообще можно назвать победой. Да, он отобрал все мои частные предприятия, забрал все медиа–ресурсы, посадил моих друзей за решетку, разрушил мою семью. Но чтобы добиться этого результата, ему пришлось задействовать все ресурсы: государственные СМИ, силовую машину — КНБ, прокуратуру, полицию и судебную систему. В результате гора родила мышь в виде сфабрикованных процессов, которые не убеждают ни граждан Казахстана, ни, самое главное, международное общественное мнение.

Второй такой кампании система Назарбаева, наверно, не выдержит.

Я никогда не был олигархом. Я работал на государственных постах, а до этого занимался бизнесом, не имевшим ничего общего с продажей национальных ресурсов. Мои фирмы не были накачаны природными богатствами.

Как только система повернется против того, кому Крестный Тесть отдал контроль за недрами страны, она встретит ожесточенное сопротивление. Миллиарды долларов могут сделать свое дело, прокуроры перестанут выполнять приказы, судьи перестанут отвечать на звонки из Астаны, правительственные журналисты «случайно попадут на больничную койку».

Назарбаев все это хорошо знает. И поэтому мое дело так напугало его: неужели вся государственная машина не может справиться с одним его бывшим родственником? А что же будет, если дело дойдет до олигархов?

Но тогда, десять лет назад, для президента все было значительно проще. Он легко стравил Балгимбаева и Кажегельдина и наблюдал на отдалении за их борьбой, рассчитывая, что схватка истощит силы обоих.

Однако сохранить нейтралитет ему не удалось.

Амбициозный премьер отставал от Балгимбаева по объемам нажитого капитала (хотя тоже был далеко не беден после проведенной приватизации), но сильно опережал его в политических амбициях. Шел 1997-й год, и Кажегельдин становился все влиятельнее и популярнее. Страна начала выбираться из экономического кризиса, либеральные реформы

сработали, а все политические дивиденды от этого доставались не главе государства, а расторопному премьер–министру.

Последней каплей стал визит Акежана Кажегельдина в Соединенные Штаты в 1995 году, где его принимали в Белом доме как реформатора, друга Запада и чуть ли не с почестями, как главу государства. Президенту сразу доложили, и он увидел, что ему есть замена, с которой согласятся и Россия, и Америка. А конкуренция — это совсем не то состояние, которое доставляет Крестному Тестю удовольствие.

Он, как в мультфильме про Маугли, не хочет, как старый Акела, промахнуться. Ему надо всегда бить на упреждение, причем всегда чужими руками.

Сначала он еще хотел решить проблему по–хорошему. Ему было достаточно, чтобы Кажегельдин публично, в прессе, заявил о своем отказе от амбиций на президентский пост. Дескать, он занимается только экономикой, признает в Назарбаеве великого лидера и никогда не будет соперничать с ним за первое место на политическом Олимпе.

Президент вызывает Акежана в свое личное охотхозяйст–во, заповедник «Кара — Ченгель» и устраивает дружеский ужин с большим количеством заморского виски и отечественной водки. Этот метод он позаимствовал у своего свергнутого учителя Кунаева, который верил в русскую поговорку «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», а еще знал, что сто граммов способны растопить любой холодок в личных отношениях. Ему хотелось верить, что его окружают друзья, а не просто подчиненные — оттого он и проводил всегда столько времени со своим ближайшим окружением.

Назарбаев же усовершенствовал методику бывшего покровителя, и даже творчески ее модернизировал.

Совместные попойки теперь проходят у него по четко отработанному сценарию: сначала королевская охота, потом баня с обильными возлияниями, потом — девушки легкого поведения. Всё это изрядно напоминает оргии времен заката римской империи, однако отказаться от царского приглашения — значит навсегда выпасть из аста–нинского гнезда. Мало кто на такое решается. По мнению Назарбаева, совместный поход по проституткам и совместная тайная групповуха скрепляют его окружение этаким дополнительным мафиозным «побратимством». Ведь в дружбу Назарбаев давно уже не верит, поэтому главный результат дружеских вечеров — это получение клятвы верности дьяволу. Желательно на бумаге, заверенной личной подписью. У президента таких листков уже целые тома в его сейфе. То ли он действительно думает, что эти клятвы имеют

какую–то юридическую силу, то ли верит, что они действуют как закладная на душу. Либо ему просто нравится вечером перелистывать альбомы с клятвами его подчиненных — при его непреходящей фобии заговоров и дворцовых переворотов они должны действовать умиротворяюще.

После того вечера с Кажегельдиным Крестный Тесть был очень доволен собой. Хвастался передо мной, что премьер «раскололся», что он поклялся в вечной преданности, что вот–вот публично откажется от своих политических претензий. Однако вскоре все убедились, что трезвый Акежан и не собирается выполнять обещаний, данных под воздействием коктейля виски с водкой.

Гиффен в то время находился еще в силе, еще ничто не предвещало скорого заката его феерической казахской карьеры. Балгимбаев и он активнее всех других убеждали президента, что против Кажегельдина нужно предпринимать более активные действия. Гиффен не уставал докладывать Назарбаеву, какие политические планы строит премьер–министр. Вода камень точит: терпение Крестного Тестя подошло к концу, и он собрал у себя представительное собрание в лице спикера мажилиса Марата Оспанова, министра внутренних дел Сулейменова, шефа КНБ Мусаева и депутата Заманбека Нуркадилова. Ко всем он обращается с одной просьбой — начать собирать компрометирующие материалы на зарвавшегося Кажегельдина. Просьба президента — это, конечно, указание к действию.

Главные результаты пришли неожиданно.

Благо, бельгийская полиция давно расследовала дело по отмыванию денег «Евразийской тройки» (Машкевич — Ибрагимов — Шодиев). Фигурировала в деле и супруга экс–премьера — Кажегельдина Наталья с ее брюссельской недвижимостью.

А вот дальше приключился страшный конфуз, который повлиял на всю последующую историю страны и расстановку сил на астанинском Олимпе. Когда информацию о деньгах Кажегельдина передали швейцарским прокурорам, те начали расследование и быстро выяснили, что вместе с премьер–министром Казахстана счета в тех же банках держит и президент Казахстана Назарбаев. И получает на них деньги от тех же компаний и по тем же схемам, что и Кажегельдин.

Дальше было много крика: президент кричал на шефа КНБ Мусаева, Генерального прокурора Хитрина и на меня, как на руководителя финансовой полиции, почему мы начали свое швейцарское расследование, которое привело к таким катастрофическим результатам. Аргумент — «вы сами этого требовали» — в расчет не принимался. Замять дело было уже

невозможно — швейцарские следователи занялись самостоятельными проверками и начали делиться своими открытиями с департаментом юстиции Соединенных Штатов.

Так от спички, зажженной самим Назарбаевым, разгорелся «Казахгейт». Кажется, это был первый раз, когда я усомнился, действительно ли мой тесть такой великий стратег, как это было принято считать. Все–таки, это было не так уж умно — заставлять собственные службы искать деньги «партнеров по бизнесу» в том месте, где лежат твои собственные — в тех же швейцарских и лихтенштейнских банках.

Так идея стравить Гиффена и Балгимбаева с Кажегель–диным дорого обошлась всем участникам этой истории, включая самого президента. Первой жертвой пал премьер: он отправился в отставку и на долгие годы стал главным оппозиционером назарбаевского режима. На родине над ним устроили показательный заочный судебный процесс, сценарий которого повторится спустя десять лет, уже в процессе надо мной.

Машина подавления инакомыслия еще не была столь хорошо отлажена, как сегодня, и Назарбаев временами впадал в панику. Ему казалось, что игра окончательно вышла из–под его контроля.

Кстати, Кажегельдин оказался косвенным виновником того, что достаточно мягкий до того времени режим личной власти занялся политическим сыском. Инстинктивный страх потерять власть движет диктаторами значительно сильнее, чем любые другие чувства, а президент был тогда сильно напуган. Именно страх делал его безумным и эмоциональным при принятии тех или иных решений.

Опальный Акежан не сидел сложа руки, а пытался нанести как можно более ощутимый ответный удар. При его активном участии правосудие Соединенных Штатов открыло дело о взятках, которые платили американские нефтяные компании высшим казахским чиновникам за получение доступа к энергоресурсам. Главный фигурант дела — Нурсултан Назарбаев, незаконно получивший на свои счета около миллиарда долларов.

Маленькая ремарка. В 2005 году, когда я работал в МИДе, К. Токаев рассказал мне, как он с успехом лишил Кажегельдина казахского гражданства. Ему лично пришлось этим заниматься, поскольку хитрый и трусливый Идрисов, будучи тогда послом в Лондоне, где живет Кажегельдин, боялся предпринимать какие–то шаги, и всю работу выполнил его молодой консул — сын бывшего замминистра МИДа А. Шакирова. Назарбаев остался доволен и высоко оценил это славное деяние Токаева, ведь теперь Кажегельдин юридически не мог быть его соперником на президентских выборах.

Балгимбаев с Гиффеном праздновали победу, которая оказалась весьма кратковременной. Именно они вскоре стали главными жертвами, которых накроет волна «Казах–гейта». Но в 1998-м Джеймс еще успел оказать Назарбаеву важную услугу: он помог написать Программу стратегического развития Казахстана — 2030», которую президент до сих пор успешно выдает за плод своего ума.

Я же был случайным свидетелем того, как программа писалась на самом деле. Заехав в резиденцию «Кара — Откель» под Астаной, я застал тестя в обществе Гиффена и вашингтонского консультанта профессора Марка Сие–геля, бывшего исполнительного директора Национального комитета демократической партии, получавшего 3000 долларов в день, когда он работал на Назарбаева. Профессор Сиегел пел дифирамбы Назарбаеву за его мудрейшее решение построить в степи новую столицу и за президентскую гениальную идею по написанию стратегии развития страны до 2030 года, подготовленную Джеймсом Гиффеном с его консультантами. Более довольное выражение лица у президента я редко видел: Астана всегда была его любимой игрушкой, и разговор о ней неизменно повышает его настроение. А тут его мудростью восхищается не местный лизоблюд, а американский ученый.

Когда я спросил у знающих людей, зачем профессор так старается произвести впечатление на Назарбаева, мне ответили, что ему хорошо платят. За что? За написание долговременной программы развития Казахстана, над которой секретно работает группа американских аналитиков во главе с этим профессором. Отвечает за проект Гиффен.

Вскоре все перекрестки страны были украшены билл–бордами с портретами Назарбаева и цитатами из его мудрой программы «2030», которую в народе быстро прозвали программа на «полдевятого».

Однако дождаться благодарности за услугу Гиффену не удалось.

Падение американского советника началось в июле 1999-го. Гиффен срочно прилетел из Женевы чартерным рейсом в Астану и настоял на срочной встрече с президентом, хотя тот лежал с сильной простудой в своей резиденции. Советник был очень взволнован, и в ходе встречи его волнение передалось и Назарбаеву.

Информация, которую сообщил своему могущественному покровителю Джеймс Гиффен, была крайне неприятной. Американское правосудие узнало о секретных счетах Гиффена, президента и его окружения и начинает уголовное расследование.

Счета нужно срочно опустошать, настаивал американец. Деньги надежнее всего спрятать в Казахстане. На руках у Гиффена были выписки с банковского счета президента и бумаги, необходимые для осуществления перевода. Однако Назарбаев, несмотря на паническое состояние своего собеседника, колебался еще два дня.

Прятать деньги в Казахстане он не решился и дал указание отправить их в Лихтенштейн, на срочно открытый счет казахского казначейства в банке Пиктет. Тем самым он убивал, как ему казалось, двух зайцев. Во–первых, представлял деньги как будто легальные, государственные, и защищал тем самым от замораживания по запросу американских и швейцарских прокуроров. Во–вторых, делал их недоступными и для казахской казны, поскольку распоряжаться лихтенштейнским счетом мог только он сам.

Однажды, в 1999 году, во время обычного семейного ужина президент вдруг проявил невиданную ранее щедрость. Перед десертом он напустил на себя загадочного вида и протянул Дариге три чека — каждый на миллион долларов. Скромный отцовский подарок, ценой в три миллиона, обналичить которые можно было в лихтенштейнском банке Frick.

Я узнал, откуда были эти деньги, и почему чеки оказались у моей жены. Это была часть тех средств, которые переводил на подставные счета доверенный агент Назарбаева, американский бизнесмен Джеймс Гиффен. Это была оплата за благорасположение казахского президента к американским нефтяным гигантам, которые хотели разрабатывать нефтяные месторождения Казахстана — все понимали, что судьбу каждого контракта решал только один человек. Позднее правда об этой афере стала всеобщим достоянием, и судебное расследование ее теперь известно миру под именем «Казахгейт». Однако, в девяносто девятом эта тайна была известна только самым ближайшим людям из окружения моего тестя.

Когда мы остались одни, я сказал Дариге, что это грязные деньги, и от них надо любым способом быстро избавиться. Неизбалованной отцовскими подарками, ей было непросто решиться на этот шаг, да и три миллиона долларов, честно говоря, на дороге не валяются. Но я настаивал, понимая, что впоследствии этот дар данайца может стоить нам обоим гораздо больше.

Дарига колебалась. Щадя ее чувства, я не мог сказать ей, что отец пытается впутать нас в свои грязные делишки, и убеждал ее при помощи менее очевидных аргументов. Что президент может позволить себе некоторую неосторожность в оформлении

финансовых сделок, но мы, его родственники, должны вести дела абсолютно безупречно, чтобы ему же не навредить.

И Дарига решилась. Она перечислила эти деньги в благотворительный фонд, который спасал детей с сердечнососудистыми и онкологическими заболеваниями. Деньги пошли на лекарства и исследовательские работы. Я внимательно следил, чтобы ни один цент не ушел на сторону.

В тот день мы с женой стали беднее на три миллиона, но я совсем не жалею об этом. Прошло несколько лет, история с выплатой взяток президенту Назарбаеву выплыла наружу, и я думаю, что в глубине души мой тесть уже не раз пожалел, что не последовал нашему примеру.

В середине 2008 года Назарбаев и его подельник Владимир Ким сделали ход конем: просто выкупили контрольный пакет акций этого самого банка из Вадуца, откуда и были эти чеки на предъявителя. Крестный тесть так и не смог повязать меня своими грязными коррупционными деньгами.

Балгимбаев, Динара и Тимур Кулибаевы свои швейцарские счета закрыть не успели или не захотели, и в августе 99-го их деньги оказались замороженными, у каждого по три миллиона долларов США. С тех пор президент уже не колебался: ближайшему окружению был дан запрет на полеты в Швейцарию и в Америку, дабы там никого не задержали и не допросили расторопные следователи.

Мало того, остаться в Казахстане пришлось и тем, кто и думать не думал у нас поселиться. Назарбаев не говорит по–английски и поэтому общался с Гиффеном только через переводчиков — гражданина США Ричарда Спунера и гражданина России Михаила Иванишвили. С тех самых пор их не выпускают из Астаны, поскольку Назарбаев опасается возможности их допроса прокуратурой США.

Но больше всего Назарбаев боялся, что в Америке задержат его бывшего друга Джеймса Гиффена. Бывшего — потому что о дружбе уже не шло речи. Президент был настолько зол на своего советника за советы, которые привели к этой ситуации. Дескать, он доверял тому как профессионалу в банковской сфере, дал ему такое поле деятельности, а взамен получил одни проблемы.

Однако осторожность требовала того, чтобы американец оставался рядом. Несмотря на злость и обиду, Назарбаев начал упрашивать Гиффена остаться в Казахстане по сути, принять политическое убежище. Здесь бы у него были и деньги, и предприятия, и развлечения, доступные только нашей высшей элите (царская охота и прочие).

Мне президент дал указание полностью поддерживать

Джеймса и помогать ему во всем, о чем тот ни попросит. Не сомневаюсь, что такое же поручение получили все руководители силовых ведомств и глава правительства. Американцу даже был выдан дипломатический паспорт Казахстана (в то время как официально двойное гражданство в стране запрещено).

Однако, к пущему неудовольствию Крестного Тестя, Гиффен наотрез отказался пускать корни в нашей стране. Он заявил, что без родной Америки жить не может и будет туда периодически летать. Состояние Назарбаева в те дни было близко к паническому: он вновь увидел, что ситуация окончательно выходит из–под его контроля. Худшие страхи Назарбаева воплотились спустя три года: в 2002-м Джеймс Гиффен был арестован сотрудниками Федерального Бюро Расследований.

Глава 44
Три этапа новейшей истории

Так в июле 1995-го года закончился первый период истории суверенного Казахстана. Про себя я называю его «романтическим». Тогда нам действительно казалось, что все дороги открыты — и в бизнесе, и в государственном строительстве. Казалось, что демократические свободы в перспективе могут только расширяться, но не съеживаться как шагреневая кожа. Я помню, как мне удалось настоять на отмене выездных виз (разрешительный штамп МВД) для граждан страны: это была настоящая победа. Мы расшатывали устои закрытого общества, доставшегося нам от Советского Союза, и чувствовали себя настоящими реформаторами.

И в республике дела шли на поправку: молодое правительство вывело страну из экономического кризиса (здесь нужно отдать должное Акежану Кажегельдину и всем молодым профессионалам рыночной экономики, которых он привлек). В стране работал пока еще выбранный гражданами парламент. В эфире вещали независимые телестанции, а на прилавках киосков лежали газеты любой политической направленности.

А главное, у нас был президент, который еще занимался государственными делами как своей основной работой. Конечно, он уже тогда любил деньги, но взятки были лишь приятным бонусом. Уже тогда он начал создавать внебюджетные фонды и сливать в них государственные ресурсы, но это еще не представляло угрозу национальной экономике.

Назарбаев еще следил за общественным мнением, и ему еще хотелось оставаться популярным лидером. Машина по массовой фальсификации выборов была уже изобретена и запущена, но президент еще не забаррикадировался окончательно от народа в своей президентской резиденции.

Летом 1999-го наступил новый этап: паника, которая продолжалась долгих четыре года. Обжегшись со швейцарскими счетами, Назарбаев потерял веру в человечество и в ближайшее окружение. Подозрительность, которая и прежде давала о себе знать, теперь вышла на первый план. Испуг, который не отпускал президента после той внезапной встречи с Гиффеном, сообщившем о начале расследования их денежных афер, отныне диктовал тестю все главные решения и во внутренней, и во внешней политике.

Дело, получившее вскоре название «Казахгейт», легло

мрачной тенью на Президентский Дворец «Ак — Орда». И в итоге оно принесло Казахстану значительно больше ущерба, чем те миллионы от нефтяных сделок, которые президент положил на свои счета.

Именно тогда Назарбаев решил закрывать границы и отгораживаться от мира, давить оппозицию, ликвидировать гражданские свободы и брать под тотальный контроль прессу, чтобы правда о «Казахгейте» не дошла до простых граждан Казахстана. Если прежде у него действительно были амбиции регионального лидера, ему действительно хотелось играть значимую роль на мировой арене, то теперь все изменилось. Мир за воротами оказался недружественным и опасным. Если раньше он смеялся над «Туркменбаши», то теперь стал внимательно изучать его опыт.

Президент, который еще недавно так любил официальные визиты на Запад и на Восток, вдруг стал невыездным и покидал свою резиденцию только для поездок на близкие расстояния, по СНГ. В России или Киргизии ему нечего было опасаться, зато про Америку не могло идти и речи. Он боялся, что его ждет или арест прямо в аэропорту или пронырливые журналисты со своими вопросами про зловещую коррупцию. У него уже был печальный опыт во время самого первого отдыха на Лазурном берегу в Сент — Тропе, когда французский журнал «Пари Матч» опубликовал его фото с передовой статьей «Как отдыхает Красный Хан».

Каждый раз, как подходило время сбора очередной ежегодной Генеральной ассамблеи ООН, когда в Нью — Йорке собираются все главы государств, Назарбаев сказывался то больным, то занятым изобретением очередной конференции. А упоминать Швейцарию при тесте нельзя было даже в шутку.

Тучи сгущались над головой Крестного Тестя.

Однако впереди всех ждал третий этап казахской истории …

Глава 45
Операция «Спасение»

Арест Джеймса Гиффена агентами ФБР означал, что «Казахгейт» вступил в заключительную фазу. Маховик раскрутился, и результаты расследования скоро будут переданы на рассмотрение судей.

Назарбаев нервничал все сильнее и сильнее, и мы знали, почему. Он боялся не за международную репутацию (которая на тот момент была уже и без того плохая), а уже непосредственно за собственное президентское кресло. Американское обвинение готовилось квалифицировать его коррупционные действия по статье, от которой невозможно скрыться за стенами Президентского Дворца «Ак — Орда».

Речь шла об Акте Соединенных Штатов о коррупционных действиях за рубежом (The U. S. Foreign Corrupt Prac–ticies Act). Этот закон запрещает американским компаниям давать взятки чиновникам на любой территории земного шара, даже если на кону стоит получение выгодных контрактов. Однако, главная особенность Акта в том, что виновными в преступных действиях, нанесших ущерб интересам США, могут быть признаны все стороны — как те, кто взятки выплачивал, так и те, кто активно принуждал их к этому.

Пример был перед глазами: незадолго до этого Акт уничтожил карьеру бывшего украинского премьера Павла Лазаренко. Тот был признан американскими судьями виновным в вымогании денег, и вскоре оказался низверженным со своего трона. Человек, одно имя которого вызывало трепет в родной Украине, из председателя правительства быстро переквалифицировался в уголовника. Государственные границы его не защитили. И вот теперь эта машина медленно, но верно катилась на президента Назарбаева. Конечно, ему удалось бы продержаться в седле дольше, чем Лазаренко, например — притворившись черепахой и уведя страну в самоизоляцию. Но рано или поздно давление Соединенных Штатов пробило бы и этот панцирь.

Проблему Назарбаева усугубляло недовольство мировых элит, которые не были в восторге от его правления. Во–первых, они с трудом понимали, по какому принципу распределяются природные ресурсы Казахстана. Особенно сильно этот вопрос интересовал в то время Россию, которая не получила доступа ни к одному крупнейшему месторождению — если не считать

половины доли «Лукойла» на месторождении Кумколь, где на самом деле безраздельно распоряжались канадцы из неведомой никому акционерной компании «Харрикейн гидрокарбонз лтд».

Откуда эти «канадцы» появились, и почему богатейший нефтяной Кумколь достался именно им, понимал только Крестный Тесть и его подельники. Ни Кремль, ни Вашингтон, ни Пекин этого не понимали. А поскольку речь идет не просто о выгодных контрактах, а о распределении богатейших запасов стратегических ресурсов, от которых зависит благополучие энергозависимых экономик, такое положение дел никого за пределами назарбаевского кабинета не радовало.

К тому же, сам тесть к тому времени уже запутался в своей «многовекторной политике», которая предполагала дружбу со всеми одновременно. Оборотная сторона этой медали оказалась в том, что никто не был уверен в искренности такого партнерства и «вечной дружбы»: Москва считала Назарбаева слишком проамериканским, а Вашингтон ревниво следил за реверансами Астаны в сторону Москвы и Пекина.

В итоге политические звезды сошлись таким образом, что никто из друзей не был против смены режима в дружественном Казахстане на что–нибудь более предсказуемое (и еще, желательно, управляемое). Более того, и в Америке, и в России влиятельные финансово–промышленные группы активно прорабатывали такой вариант. Благо, в их лагере очень кстати оказался «троянский конь» в лице бывшего премьер–министра Кажегельдина.

На кону стояли миллиарды долларов — достаточные суммы, чтобы привести в движение серьезные политические механизмы. Тем более, что дело само шло в нужную сторону: Акт о коррупционных действиях за рубежом, под который при наличии неопровержимых свидетельств в виде личных швейцарских счетов попадал наш президент, обещал противникам его режима скорый въезд в столицу Астану.

Все шло по этому сценарию — и дошло бы, возможно, до гипотетического завершения, если бы теплым майским днем 2003-го года в маленьком городке Пезаро, на адриатическом побережье Италии, не появился невысокии слегка полнеющий джентльмен в черном английском костюме — тройке, непременно с подтяжками и с серебряной тростью. Телохранители Назарабаева образно прозвали его «Хромым». До сих пор в окружении президента почти все считают Миртчева почему — то доктором медицины. Но чтобы объяснить его появление, мы должны вернуться немного назад …

Мы с Даригой начали искать варианты, как помочь ее отцу-

президенту. Для меня и моей супруги Дариги, чисто по–человечески, необходимо было просто не допустить возможного обвинения — этого позора для будущего поколения Назарбаева — его внуков и правнуков, что их дед — обыкновенный «вор». Мы знали, что по его указанию посол Саудабаев в Вашингтоне активно ищет лоббистов, которые взялись бы защищать интересы президента. Находились и нанимались различные фирмы, выплачивались большие теневые деньги, но все впустую.

Поняв, что рассчитывать на мидовскую машину и на связи самого Назарбаева не приходится, мы сами взялись за дело и начали устанавливать контакты. Вскоре перед нами возникла проблема выбора: на кого положиться?

Найти лоббистов очень легко: только позовите, и вам предложат свои услуги десятки человек. Каждый из них расскажет, какие у него связи в Вашингтоне, и покажет свои фотографии с Биллом Клинтоном. Проверить невозможно: весь смысл лоббистской работы в том, что она делается за закрытыми дверями. Никто не афиширует проекты, в которых деньги приводят в движение политические механизмы. И чем более влиятелен лоббист, тем менее известно его имя. В то же время ошибка в выборе может стоить очень дорого — не только в денежном эквиваленте. Иногда на кону оказывается власть в нефтяной стране — как это было в случае с Крестным тестем.

К счастью для президента Назарбаева, в итоге американский лоббист вышел на известных российских пиар–технологов, которые и вывели его на Дариgу Назарбаеву. Так началось знакомство с компанией, название которой ничего не скажет широкой публике: «Global Options Management». Это одна из самых закрытых фирм, работающих на ниве вашингтонской политики. Однако ее могущество обратно пропорционально уровню ее известности: вся деятельность этой компании подтверждает старую истину, что настоящая политика вершится за закрытыми дверями.

В те годы фирма «Global Options» только осваивала восточное направление: её первым большим делом в России была помощь, которую она оказала российскому олигарху Олегу Дерипаске в его битве против конкурентов, подавших на него иск в американский суд.

В Центральной Азии клиентов у них еще не было, хотя регион, богатый ресурсами и диктаторами, всегда вызывает повышенный интерес у любых профессиональных лоббистов.

Следующий вопрос, который встал перед нами: как связаться с такой закрытой фирмой и вызвать ее представителей на переговоры? Дело в том, что это не тот тип бизнеса, где действует

телефонная линия для клиентов, по которой можно разместить свой заказ, и вашему звонку будут рады. Здесь все намного сложнее. Этот бизнес работает только по проверенным связям: без нужной рекомендации у вас не возьмут никаких миллионов: лоббисты очень осторожны в выборе тех, с кем им предстоит иметь дело.

Компания сама хотела выйти на казахского властителя, попавшего в капкан американской юстиции, и предложить ему спасательный круг — «задорого». Там уже было готово полное досье на президента с его проблемами, и первые предложения, чем ему можно помочь. Но как передать эти предложения президенту, лоббисты не знали: идти через посольство — заведомо гиблое дело, а прямых выходов на президентскую «Ак — Орду» у них не было. И только Дарига взялась обеспечить им такой выход.

Все предварительные переговоры с «Global Options» велись по телефону. Первую встречу мы договорились устроить на нейтральной территории, в Италии, где в то время была Дарига. Условились, что к ней приедет уполномоченный представитель американских лоббистов.

Так на сцене появляется тот самый господин с серебряной тростью, которому впоследствии суждено будет сыграть ключевую роль практически во всех важнейших событиях новейшей истории Казахстана.

Господина звали Александр Миртчев, подданный Болгарии и США. В назначенный день он приехал в итальянский провинциальный город Пезаро, где моя жена брала уроки пения у старого знаменитого маэстро, — и был изрядно раздражен. Ему не понравился путь, поскольку в городке не было аэропорта, где мог бы приземлиться его чартерный рейс: до места потребовалось добираться на такси.

Остановиться пришлось в четырехзвездочном отеле, поскольку ничего лучше городок предложить не мог. Впереди господина ждал еще один сюрприз: старшая дочь казахского президента не будет принимать его в собственном замке — по той простой причине, что никакого замка нет. Дарига жила в небольшом арендованном доме недалеко от побережья. Удивляло, что сплетни и слухи сопровождали меня с Даригой всегда: то придумают, что она не родная дочь Назарбаева, то наша маленькая Венера не от меня, то у Дариги, то у меня многочисленные пассии, то санузлы в нашей вилле из чистого золота и многое другое. Забавляло множество убогих слухов и сплетен, но мы понимали, что это издержки режима. Нужно время. Единственное, я был непреклонен к клевете в мой адрес с

различными обвинениями в преступлениях. Здесь мои адвокаты подавали в суд на клеветников, особенно если они действовали по указке КНБ. (Например, старший следователь КГБ Казахской ССР Нарманбетов — личное дело сотрудника КГБ № 474196, который отличился в преследованиях казахской молодежи в декабрьских событиях 1986 года и был отмечен благодарностью в приказе председателя КГБ Казахской ССР Мирошника.

К сожалению, все истории о наших несметных богатствах всегда были сильным преувеличением. Мы действительно богаты по меркам среднего класса, но сахарный бизнес не дает прибыли, которая позволяла бы прописаться в «Форбсе» — и меня это всегда вполне устраивало. Это обстоятельство поначалу озаботило гостя: не означает ли отсутствие замка у дочери того, что и у отца не хватит миллионов, чтобы купить столь дорогостоящие услуги лоббистов (правильный ответ — не означает).

Дожидаясь встречи, назначенной в прибрежном ресторане, Миртчев демонстрировал свое неудовольствие, то и дело картинно порывался немедленно улететь обратно в Соединенные Штаты и уволить своего ассистента, отвечавшего за визит. Делать этого, однако, не стал — хотя позже и рассказывал нашим общим московским друзьям, как тяжело ему пришлось в итальянской «кампании».

Встреча состоялась. Дариге пришлось выступить в качестве слушателя, поскольку говорил в основном гость. Он попытался впечатлить мою жену обилием имен («… а вот на ужине с Кондолизой Райе я сказал ей …») и рассказами о своей причастности к важнейшим событиям, изменившим ход истории. Например, как он спрашивал вице–президента США Дика Чейни, почему американские военные не подбросят в бункеры в Ираке какого–нибудь оружия массового поражения, чтобы приписать его Саддаму (иракская война тогда только разгоралась), и получил ответ «А зачем?» Мол, Америка настолько сильна, что мнение остального мира ее уже не интересует. Много говорил о своих тесных связях в Госдепартаменте (Мэтью Брайза с супругой Зейно Баран) в Совете национальной безопасности (Дэвид Меркель) и, главное, в Министерстве обороны (Ричард Перле, Пол Вульфовец и другие).

Экипированный тростью с серебряным набалдашником в виде головы льва (которой место скорее в музее, чем в руке современного человека), со своими рассказами о личной коллекции живописи и фейерверком упоминаемых имен, Миртчев произвел поначалу слегка комичное впечатление. Будто он явился из другого времени и другого мира. Однако мы уже знали,

что за его спиной действительно стоит одна из самых влиятельных в мире теневой политики вашингтонских компаний.

Но в этом еще предстояло убедить моего тестя, окруженного придворными советниками, которым меньше всего хотелось, чтобы мы провели к президенту, как им казалось, своего человека. Конечно, легче всего было ничего не делать — ведь еще не был исключен риск, что Миртчев и его компания возьмут деньги, но не выполнят своих обещаний. Тогда бы гнев президента обрушился на дочь и на меня (никакие родственные связи его давно уже не сдерживали).

И все–таки мы с женой решили, что игра стоит свеч. Минуя всех придворных, Дарига позвонила отцу и убедила его принять американского гостя. После чего чартерным рейсом привезла Миртчева в Астану и организовала ему аудиенцию в Астане.

Так начался новый период казахской истории, который продолжается по сей день. Я называю его «закручивание гаек».

MH/OS–CDP–NOTICES 2005/04/15 13:14 NMI pour xiotices

ee msg est un rappel du msg du 13/12/04 (texte idem)

From: NCB VADUZ Liechtenstein

Date: 2005/02/16 17:22

To: NCB WASHINGTON United States;

Subject: SOMR1196 / NAZARBAEV Nursuitan, KAZHEGELDIN Akhezan and others

Vaduz, SOMR1196, 16.02.2005

Interpol Vaduz

Non–urgent

Interpol Washington Info: IPSG

ge 2005/1835–1

Your ref.: unknown

Our ref.: 2003–12–0118 (SOMR1196)

Subject: NAZARBAEV Nursultan, ep 2005/1843 KAZHEGELDIN Akhezan ep2002/42195 rugitives project red valid almaty A-l 109/11–2002 and others

We refer to our message dated 13.12.2004 (SOMR1106) concerning a/rn subject and kindly ask you to let us know when we may expect your reply. For your convenience please find below our initial request:

QUOTE

Please be advised that penal proceedings are pending at the Princely Court of Justice, Vaduz/Liechtenstein underfileno. 14 UR.2003.141 against:

— NAZARBAEV Nursultan A., Citizen of Kazakhstan, further details unknown

— KAZHEGELDIN Akhezan M., dob 27 March 1952, further

details unknown

— BALGYMBAYEV Nurlan, ep 2005/1856 crim / suspected dob 20 November 1947, Citizen of Kazakhstan, r/o 53 Sheffield Road, Newton, Boston MA / USA

— KULIBAYEVA Dinara, dob 19 August 1967, ep 2005/1859 crim/suspected Citizen of Kazakhstan, r/o Tulebzeva. St. 119–2, Latmy / Kazakhstan — it is assumed that KULIBAYEVA Dinara is the daughter of the President of Kazakhstan

— TASMAGAMBETOV Imangali, further details unknown ep 2005/1861 crim suspected

because of the suspicion of money laundering (punishable according to par. 165 of the Liechtenstein penal code).

Dьring the investigations further persons were found to be involved in this case:

— GIFFEN James, further details unknown quoted in ge

— TASMAGAMBETOV Asel and TASMAGAMBETOV Sophie — it is assumed that tey are the daughters of TASMAGAMBETOV Imangali quoted too

— BITTEL Patrick Thierry, quoted in ge dob 14 April 1957, Citizen of Switzerland, attoraey, r/o 10, route de Florissant, Geneva / Switzerland

Facts of the case:

In July 2002 a Liechtenstein fmancial intermediary made a report to the Liechtenstein Financial Intelligence Unit (FIU) because of the suspicion of money laundering in connection with the Company Walisa Foundation, ec 2005/1864 situated in 9490 Vaduz / Liechtenstein. The mentioned persons and this Company are assumed to be involved in a case where millions of dollars from US oil companies had been used to bribe high officials in the Central Asian republic of Kazakhstan.

Request:

In this connection upon request of the competent judge Dr. Andrea Cantieni of the Princely Court of Justice in Vaduz/ Liechtenstein, please let us know whether penal proceedings are pending in the United States against GIFFEN James, NAZARBAEV Nursultan, KAZHEGELDIN Akhezan, BALGYMBAYEV Nurlan, KULIBAYEVE Dinara, TASMAGAMBETOV Asel and TASMAGAMBETOV Sophie, TASMAGAMBETOV Imangali or BITTEL Patrick. If yes, please inform us about the competent authority.

The Information proyided are only for public authorities responsible for the prevention and prosecution of offences. Personal data may be used solely for the designated purpose. The information must not be used for any fiscal related matters.

UNQUOTE

Thank you for your co–operation. Best regards Interpol Vaduz checks

VV/OCI2 2005/03/29 11:09 updnmi

KR/OCIl 2005/04/16 09:48

From: NCB VADUZ Liechtenstein

Date: 2004/12/13 17:13

To: NCB WASHINGTON United States;

Subject: SOMRl 106 / NAZARBAEV Nursultan, KAZHEGELDIN Akhezan and others

Vaduz, SOMRl 106,13Л 2.2004 ge 02/42194

ADD FAIT — UPD EP-INDEXER MESSAGE DANS GE — RETOUR NOTICES APRES QC

CC/SON 2005/01/14 13:53

Addendum/Corrigendum No. A-l 109/11–2002.20050114

Pubtishedon 20050114

Cc/sort

From: NCB VADUZ Liechtenstein

Date: 2004/12/13 17:13

To: NCB WASHINGTON United States;

Subject: SOMRl 106 / NAZARBAEV Nursultan, KAZHEGELDIN Akhezan and others

Vaduz, SOMRl 106, 13.12.2004 ge 02/42194

ADD FAIT — UPD EP-INDEXER MESSAGE DANS GE — RETOUR NOTICES APRES QC

CC/SON 2005/01/14 13:53

Addendum/Corrigendum No. A-l 109/11–2002.20050114

Publtshedon 20050114

Cc/son

KAZHEGELDIN Akezhan Magzhanovich, born on 1952–03–27, No. 2002/42195, A-l 109/11–2002

ADDENDUM: INTERPOL VADUZ:

KAZHEGELDIN is subject of penal proceedings by the judicial authorities in Vaduz, Liechtenstein for suspicion of money laundering committed in July 2002, in connection wtth the Company Walisa Foundation located in Vaduz, Liechtenstein.

GE/ 2005/1835–1

KAZHEGELDIN Akezhan Magzhanovich, born on 1952–03–27, No. 2002/42195, A-l 109/11–2002

ADDENDUM: INTERPOL VADUZ:

KAZHEGELDIN is subject of penal proceedings by the judicial authorities in Vaduz, Liechtenstein for suspicion of money laundering committed in July 2002, in connection wtth the Company Walisa Foundation located in Vaduz, Liechtenstein.

GE/2005/1835–1

Interpol Vaduz
Non–urgent
Interpol Washington Info: IPSG
Your ref.: Newinquiry
Our ref.: 2003–12–0118 (SOMRl 106) UNK
Interpol Vaduz
Non–urgent
Interpol Washington Info: 1PSG
Your ref.: Newinquiry
Our ref: 2003–12–0118 (SOMRl 106) UNK

Subject: NAZARBAEV Nursultan, KAZHEGELDIN Akhezan and others

Please be advised that penal proceedings are pending at the Princely Court of Justice, Vaduz / Liechtenstein under file no. 14 UR.2003.141 against:

— NAZARBAEV Nursultan A., UNK EP 2005/1843 Citizen of Kazakhstan, rurther details unknown

— KAZHEGELDIN Akhezan M ok EP: 2002/42195 RED NOTICE A4109/11–2002 (valid) Almaty // C/D no number (valid) Entity is part of rugittves project linked to GE: 2002/42194–1dob 27 March 1952, ok rurther details unknown

Subject: NAZARBAEV Nursultan, KAZHEGELDIN Akhezan and others

Please be advised that penal proceedings are pending at the Princely Court of Justice» Vaduz / Liechtenstein under file no 14 UR.2003.141 against:

— NAZARBAEV Nursultan A., UNK EP 2005/1843 Citizen of Kazakhstan, mrther details unknown

l KAZHEGELDIN Akhezan M ok EP: 2002/42195 RED NOTICE A-l 109/11–2002 (valtd) Almaty // C/D no number (valid) Entity is part of fugitives project linked to GE: 2002/42194-L, dob 27 March 1952, ok rurther details unknown

Глава 46
Болгарский перец на казахской кухне

Если вы наберете в Интернете на поисковых сайтах имя Alexander Mirtchev, результат вас разочарует. Никаких следов его жизни и деятельности в мировой Сети вы не найдете. Казалось бы, странно для человека, который ужинает с Кондолизой Райе и спасает президентов иностранных государств от американской юстиции. На самом деле молчание поисковых серверов — это прямой показатель эффективности лоббистской машины под названием «Global Options», а сайт компании находится на реконструкции уже больше года.

Расписать свои подвиги потенциальному заказчику, дабы произвести на него неизгладимое впечатление и подписать контракт — это одно. И совсем другое, чтобы об этих подвигах знала широкая аудитория. Этого лоббистам совсем не нужно — тем более что их клиенты часто имеют сомнительную репутацию на мировой арене. Так что лишняя реклама спасителям диктаторов может только навредить.

А ресурсов и влияния у них достаточно даже для того, чтобы зачищать Интернет. Именно поэтому вы не узнаете из сети, что Миртчев — это бывший болгарский комсомольский лидер, который потом руководил Социалистической партией и, главное, он активно участвовал в переходе власти от коммунистов к прозападным демократам, но затем был оттерт на теневые позиции более шустрыми комсомольскими собратьями.

Однако маленькая Болгария и не была той ареной, где амбициозный комсомолец собирался прилагать свои политические таланты. Его ждал весь мир — и президент Назарбаев в том числе.

Из официальной справки.

Рекламная рекомендация компании Global Options на председателя Совета директоров Александра Васильевича Миртчева

— один из признанных и авторитетных в США и Западной Европе экспертов по проблемам стран с переходной экономикой, в первую очередь — СНГ, Центральной и Восточной Европы. Начиная с 1992 года руководил или принимал непосредственное участие в реализации более чем 30 комплексных программ по защите экономических интересов и репутации, международному позиционированию политических и бизнес лидеров России, Украины, Болгарии, других стран Центральной и Восточной

Европы, а также Латинской Америки. В числе его клиентов были президент Узбекистана Ислам Каримов и его дочь Гульнара (швейцарская фирма «Zeromax»), многие украинские и российские политики и бизнесмены.

Имеет тесные личные связи с наиболее влиятельными представителями деловой и политической элиты США и Западной Европы. Входит в состав Совета директоров или правления ведущих на Западе юридических и финансовых компаний, включая юридическую фирму «Стюарт и Стюарт», которая является одним из лидеров в сфере международного торгового законодательства.

До 1991 года входил в состав высшего комсомольско–партийного руководства Народной Республики Болгарии. Сыграл важную роль в процессах демократизации страны (1989 — 1991) в качестве сопредседателя Круглого стола основных политических партий Болгарии.

Получил высшее образование в Болгарии и США. Доктор права.

Миртчев является членом совета директоров International Tax & Investment Center (ITIC), и директором по международным и инвестиционным делам юридической компании «Stewart & Stewart», также аналитиком в комитете НАТО по странам Восточной Европы и России (CEERN).

Для проведения лоббистской деятельности в Америке, при этом не подпадая под специальный закон о регистрации контрактов в Минюсте и Госдепе США, Миртчев регистрирует ряд оффшорных компаний за рубежом, необходимых ему и для избежания уплаты налогов в США. Global Options Management Inc. — совместное предприятие между „Global Options Group» and Krull Group (UK) со счетами в банках Citibank, Washington-15205614, BB&T, Washington-5162320205, HSBC Bank PLC, London-59189552.

Александр Васильевич Миртчев (Alexander Vasiii Mirtc–hev, 28–04–1954 г. р.) паспорт Болгарии № 321382234, США № 441214289 (SSN: 229–57–9045). Может использовать документы на имя (Anton G. Nicolov). Миртчев проживает по адресу — 2201 N Street NW Suite PH-2, Washington.

Дарига переживала, что встреча с президентом может пройти неудачно, но ее опасения не оправдались. Назарбаев уже знал, что нуждается в услугах лоббистской компании значительно больше, чем они в его миллионах. Как говорится в таких случаях, «клиент созрел».

Сам Миртчев был хорошо подготовлен и сразу продемонстрировал свой доступ к информации, скрытой в

тишине кабинетов американских судей и правительства. Он дал своему визави исчерпывающую справку о состоянии коррупционного дела, известного под названием «Казахгейт». Может быть, для пущего эффекта он чуть и сгустил краски, а может, ситуация на самом деле была уже критической. Но в любом случае разница между оптимистическим и пессимистическим прогнозом заключалась лишь в сроках, как быстро дело будет запущено в оборот. Тот факт, что сама по себе эта машина вспять не повернет, и легким испугом в этой истории не отделаешься, сомнений не вызывал.

Однако, описав всю серьезность ситуации и грозящую Назарбаеву опасность, Миртчев сообщил президенту хорошую новость: дело поправимое. Нужно только нажать на правильные рычаги в Вашингтоне, и ураган «Казахгейт» пройдет мимо, потрепав избы на окраине, но оставив в сохранности центральную усадьбу «Ак — Орда». Снова посыпался фейерверк имен, которые «Global Options» бросит на спасение рядового Назарбаева, если получит желанный заказ.

Деньги? Это не проблема, — заверил президента загадочный гость. Они понадобятся в очень больших количествах, но мы уже придумали, как вы можете их для нас организовать, не напрягая свой карман. Как? Легко. Просто заставьте раскошелиться своих местных олигархов. Вы подарили им несметные национальные богатства, они зарабатывают миллиарды — вот пусть и отсыпят каждый по паре десятков миллионов.

В конце концов, это и для них самих вопрос выживания: если придут новые хозяева вишневого сада, они назначат новых олигархов. И тогда придется господам Машке–вичу, Митталу, Киму и другим искать себе новые места под солнцем.

Схема президенту понравилась. Еще более обнадежили его обещания болгарина решить все проблемы и снять с президентской шеи судебную петлю. Поскольку к тому времени Назарбаев уже отчаялся найти спасителей по своим каналам, появление в своей резиденции убедительного американского лоббиста его сильно обрадовало. Главное, он говорил на «понятном» русском языке, что в Америке все продается и покупается, все зависит от размера кошелька.

Миртчев улетел из Астаны с контрактом. Ему были обещаны все необходимые бюджеты и даны все полномочия представлять интересы нового клиента и действовать по своему усмотрению.

Справка

Официальная презентация компании Global Options: лоббистская фирма позиционируется как одна из наиболее сильных «команд» в сфере комплексного управления

политическими и экономическими рисками, международных расследований, лоббирования, связей с общественностью, защиты и управления репутацией лидеров международного масштаба в сфере политики и бизнеса. Имеет тесные деловые и личные отношения с наиболее влиятельными представителями политического истэблишмента США и ЕС, а также мирового бизнеса. Наблюдательный совет Global Options, в частности, возглавляют Уильям Дж. Кроуи, бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов США, Р. Джеймс Вулси, бывший директор ЦРУ США, Питер Питерсон, основатель и владелец Блэкстоун Групп и председатель совета по внешней политике США. Партерами по бизнесу являются Том Ондек (Tom Ondeck), Гарри Лит-МаН(Garry Litman) из Американской торговой палаты, Дани–ель Витт (Daniel Witt) из (ITIC) и Калоян Димитров (Kaloyan Yanev Dimitrov), представитель Миртчева в Лондоне.

В последнее время Global Options реализовала серию успешных проектов по защите и укреплению международной репутации ряда политических лидеров стран Центральной и Восточной Европы, а также стран Латинской Америки. В России Global Options работает с крупнейшими лидерами бизнеса, которые заинтересованы в своем позитивном международном функционировании и защите репутации. Последним подобным примером является выигранный в США процесс в защиту руководителей «Русского алюминия».

Впереди обе стороны ждало долгое и плодотворное сотрудничество. Миртчев настаивал на строгой конфиденциальности лоббистской работы, о его деятельности знали только 4 человека — я с Даригой, сам Назарбаев и его помощник Масимов. В Вашингтоне бывшие и настоящие правительственные чиновники боялись открыто помогать казахскому диктатору и соглашались, со слов Миртчева, работать только за наличные и счета в зарубежном банке. Вот почему Миртчев создал сеть оффшорных компаний «Krull group». Если вы думаете, что роль «Global Options» в современной истории Казахстана заключалась только в вызволении Крестного Тестя из рук американской Фемиды, вы глубоко заблуждаетесь.

Если вам интересно узнать, как президент отблагодарил свою старшую дочь за собственное спасение, то здесь никаких тайн. Сначала отобрал у нее партию, затем лишил депутатского места, прогнал из руководства телекомпании «Хабар». Потом разрушил ее семью. В общем, проявил привычную для себя отеческую заботу и благодарность.

Глава 47
Как лоббисты остановили «Казахгейт»

Вернувшись в Соединенные Штаты, Миртчев и его команда сразу приступили к работе. «Казахгейт» был самой острой проблемой, которую им предстояло решить, однако далеко не единственной. Он представлял собой только видимую публике верхушку айсберга. Под водой скрывалось недовольство, которое накопилось у мировых элит режимом Назарбаева.

Его «многовекторная политика» привела к тому, что все запутались, кому он на самом деле друг. Соединенным Штатам он казался слишком пророссийским и прокитай–ским, а Москве он представлялся слишком прозападным. А главное — все чувствовали себя отстраненными он гигантских запасов энергоносителей, которыми Назарбаев распоряжался по своему усмотрению и без видимой логики.

На информационном поле образ Казахстана к 2003-му году сложился такой, что хуже не придумаешь. Мировая пресса не уставала писать о коррупционных скандалах, взятках, давлении на прессу и уничтожении гражданских свобод. На тот момент это было даже несправедливо: по сравнению со всеми центрально–азиатскими соседями Казахстан не был настолько плох.

На фоне Туркменистана или Узбекистана мы были просто островом демократии в регионе, однако информационный маховик был уже хорошо раскручен. Тем более, что недостатка в негативных новостях из нашей страны у ведущих мировых изданий никогда не было.

Чтобы проблему решить, ее, как известно, нужно признать. «Global Options» не собиралась успокаивать клиента вымышленными хорошими новостями, а первым делом подготовила для него детальный 239-страничный отчет «KG & ST In the Western Media», что в расшифровке означает „KG-"Казахгейт» и Назарбаев (среднеазиатский Тигр) в западной прессе».

Тигр ST — это сам Нурсултан Назарбаев. Надо признать, «Global Options» знает, как потрафить самолюбию заказчика. Только из отчета получалось, что наш тигр попал в капкан. Проанализировав крупнейшую базу данных, в которую входят 25000 мировых и региональных печатных изданий, лоббисты суммировали претензии, которые накопились у мира к президенту и его режиму.

В список входили (дальше цитирую по оригиналу):

• Взяточничество — Тигр является одним из главных получателей коррупционных выплат со стороны нефтяных компаний и других бизнесов.

• Коррупция — Тигр, его семья и ближнее окружение вовлечены в целый ряд коррупционных схем

• Растрата государственных фондов — Тигр и правительство предположительно вовлечены в растрату в особо крупных размерах фондов, которые принадлежат государству.

• Мошенничество — Тигр и верховные чины его правительства обвиняются в том, что принимают участие в мошеннических транзакциях и действиях.

• Нелегальный трафик и торговля — несмотря на то, что Тигр и его правительство декларируют себя союзником Соединенных Штатов, они предположительно принимали участие в определенном количестве сделок по продаже вооружений в нарушение санкций Организации Объединенных Наций, а также заключали нефтяные сделки в нарушение эмбарго, наложенных Соединенными Штатами.

• Связи с организованной преступностью — Тигр связан с бизнес сделками, в которые вовлечены члены организованной преступности и где выплачивали мультимиллионные взятки.

• Нарушения прав человека — правительство Тигра и сам Тигр лично обвиняются в применении репрессивных практик и нарушении прав человека в значительных масштабах.

• Подавление свободы слова — правительство Тигра предположительно осуществляет методологический контроль и не соблюдает даже минимальные стандарты свободы слова и свободы выражения мнений.

• Недемократические практики — Тигр обвиняется в широкомасштабных нарушениях процедур голосования на выборах и вмешательстве в результаты голосования.

И, наконец,

• Диктаторский режим — без комментариев.

Чтобы Тигру легче было запомнить, в чем он провинился, тут же предлагался и краткий перечень его славных деяний:

• коррупция и взятки,

• нарушения прав человека,

• подавление свободы слова,

• применение недемократических процедур,

• построение диктаторского режима,

а также отмывание денег, нелегальный трафик и организованная преступность.

Замечательные списки, согласитесь. И самое лучшее в них то, что все указанные факты — чистая правда. Примеры, которые

демонстрируют каждое из упомянутых обвинений, заняли в отчете лоббистов целых 239 страниц.

И как отреагировали представители высшей политической элиты Соединенных Штатов, каковыми являются директора Global Options, на такой перечень заслуг своего нового клиента? Отказались пожимать ему руку?

Сказали «до свидания, мы не знали, что у вас все так плохо, возьмите свои грязные деньги назад»? Наоборот, с удовольствием протянули ему руку помощи.

Первым делом они составили программу, как положение выправлять. Если вы ожидаете, что основными рекомендациями режиму Тигра — Назарбаева были:

• ликвидировать взяточничество и коррупцию в собственных рядах,

• немедленно остановить нарушения прав человека,

• прекратить отмывать деньги,

• разорвать связи с организованной преступностью и тому подобное,

— вы снова не угадали. Идея заключалась в другом — нужно убедить мировое сообщество, что все в Казахстане не так уж плохо. Повернуть столы, как говорят американцы. С учетом, что страна наша находится и от Америки и от Европы за тридевять земель, то для построения нового образа достаточно перекрыть новостные потоки, и вместо прежней негативной запускать новую позитивную информацию о Крестном Тесте и его режиме. Обеспечить такой информационный переворот должны были деньги Назарбаева и связи «Global Options». В своем докладе лоббисты обещали установить теплые отношения с флагманами мировой прессы — Wall Street Journal, Washington Post, New York Times, Financial Times и другие.

Все факты, уже известные широкой публике, надо ставить под сомнение, учили президента опытные американцы. Ответственность за преступления, которые невозможно скрыть, нужно перевешивать на других — либо через публичные обвинения, либо с помощью машины слухов.

Эту рекомендацию Крестный Тесть усвоил особенно хорошо: когда был убит Алтынбек Сарсенбаев, специальный десятый департамент комитета национальной безопасности по личному распоряжению президента забивал Интернет «точными данными», что меня видели на горе Кок — Тюбе в Алма — Ате, хотя в то время я был с нашими казахскими дипломатами в Италии. Правдоподобность слухов не так важна, как их вал. Если человек видит информацию, пусть самую абсурдную, на форумах в Интернете, потом ему то же самое сообщает соседка, грызущая

семечки у подъезда, а следом звонит ошарашенный друг из Москвы: «а ты читал, что у вас..?», поневоле принимаешь любой абсурд за правду. По крайней мере, думаешь, что нет дыма без огня.

Отдельные пункты в программе действий «Global Options» отводились на дискредитацию оппозиционного политика Кажегельдина и его приверженцев — в частности, «сформировать досье на региональных сторонников для последующей публикации материалов об их предосудительных действиях».

На Назарбаева неизгладимое впечатление произвело, когда Миртчев из Вашингтона привез билинг всех телефонных переговоров с мобильных телефонов за 2003–2004 годы и из офиса Кажегельдина, и его помощника Ахметшина. Президент быстро вызвал председателя КНБ Дутбаева и приказал разобраться с людьми из оппозиции и выявить всех его врагов, с которыми контактировал Ахметшин по поручению Кажегельдина. Миртчев доказал, что он не последний человек в США и что он может получать любую информацию из американских спецслужб по своим частным заказам для расправы казахского диктатора со своими оппонентами.

Надо отдать должное Александру Миртчеву и его команде — свою работу они выполняли методично и досконально. Напрасных обещаний не давали, но всё, что обещали — выполнили. Они привели в действие неведомые внешнему миру механизмы, которые движут вашингтонской политикой, и мистическим образом статья о нарушении Акта о коррупционных практиках перестала висеть дамокловым мечом над президентом.

Мировая пресса вдруг поменяла тон своих выступлений о Казахстане. Прекратились статьи о диктаторском режиме, берущем взятки. Крупнейшие мировые издания если и не начали восхвалять Назарбаева, то стали сохранять нейтралитет. Тема «Казахгейта» отошла на второй план, а вскоре и вовсе забылась.

Назарбаев снова стал выездным. В 2007-м он даже решился слетать в Нью — Йорк на Генеральную Ассамблею ООН.

В качестве последнего победного аккорда Миртчев провел блестящую операцию по вызволению 100 миллионов долларов назарбаевских взяток, полученных президентом от американских нефтяных компаний и арестованных швейцарскими судьями.

Схема близка к гениальной — и надо сказать, болгарин по части подобных фокусов великий мастер. Чтобы деньги разморозить, была нарисована красивая программа компьютеризации казахских школ. Все деньги тратятся только за пределами Казахстана, под бдительным судейским оком, а в страну попадает только техника. Всё чисто, взятки потрачены на

благое дело, в карман диктатора не уходит ни одного цента. Не будет же он себе в резиденцию все эти компьютеры свозить?

В чем же победа? Мы ведь не настолько наивны, чтобы поверить, что «Ак — Орда» вдруг действительно озаботилась техническим оснащением школ. Трюк заключался в том (и до такого коварства судьи, конечно, не могли догадаться), что в то же время в казахском бюджете выделяется такая же сумма в сто миллионов американских долларов на выполнение точно такой же программы компьютеризации школ.

Дальше все просто. В тендере побеждает сингапурская компания (не зря же Карим Масимов в эту страну столько раз ездил и семью свою туда перевез), на ее счет уходят все сто миллионов. И остаются там — в кармане Крестного Тестя, потому что компания полностью контролируется им.

Ловкость рук и никакого обмана, дамы и господа.

Акт выполненных работ подписывается по факту прибытия в страну всех перечисленных в спецификации компьютеров — тех самых, которые уже куплены на размороженные деньги от взяток. И все остаются при своих — кроме бюджета, который потратил огромную сумму на хорошую, но может быть не самую первостепенную программу.

А вдруг махинация всплывет, и выяснится, что бюджет заплатил за технику, за которую уже платили, и что сингапурская компания в действительности не сделала ничего, кроме того, что поставила подпись на липовый договор? Конечно, не выяснится.

Как мы помним, в нашей стране не существует бюджетного контроля. В любом нормальном государстве эти функции выполняет парламент, но у нас он лишен возможности разбираться с государственными финансами. А Счетная палата, главу которой назначает (и снимает) лично Назарбаев, лишних вопросов задавать не будет.

Цена вопроса.

За всю работу Назарбаев заплатил Миртчеву не менее 26 миллионов долларов. Из них только 6 миллионов ушли банковским перечислением, все остальные деньги болгарин–американец получил наличными от личного президентского кассира Карима Масимова.

Обжегшись на «Казахгейте», Назарбаев не доверяет счетам и безналичным деньгам. Теперь он верит в твердую валюту, которую можно потрогать руками в своем специально оборудованном подвале дома в Астане, больше напоминающем хранилище нацбанка. Назарбаев позволяет только приносить к двери подвала новые и новые миллионы, но не заглядывать во внутрь — это прерогатива исключительно Масимова с Ни и

Досмухамбе–това с Утемуратовым.

Официально на счет «Global Options Management» из Казахстана не поступило ни одного цента. Причина простая — за это консультантов и советников Назарбаева могли не погладить по головке, а наоборот, заставить их прекратить сотрудничество с сомнительным режимом. Дело в том, что еще после войны в Соединенных Штатах был принят указ, обязывающий все лоббистские компании регистрировать свои иностранные контракты в Государственном департаменте. Это было сделано против нацистов, которые были готовы платить большие деньги, чтобы решать свои пропагандистские задачи, а лоббисты были готовы эти деньги брать.

В Англии, где подобного закона не существует, болгарин регистрирует компанию «Krull Corporation ltd. „, которая и получает те 6 безналичных официальных миллионов. Далее деньги прогоняются через оффшорные счета, откуда часть из них поступает уже в Америку за те работы, которые выполнялись на ее территории.

По такой схеме ни налогов не надо платить, даже с зарегистрированных безналичных проплат, ни спрашивать у Госдепа и Минюста разрешения на поддержку диктаторского режима. Любопытно, что открыто, по договору помогать Назарбаеву никто из американских политиков и чиновников не хочет.

В один из приездов Миртчева в Астану, когда он прилетел с группой американских представителей на очередную инаугурацию Назарбаева, мы с Даригой пригласили его домой. Он пришел вместе с помощником заместителя госсекретаря Мэтью Брайза. За ужином Миртчев красноречиво рассказывал, как работает американская внешнеполитическая машина и какую важную роль исполняют аналитики из неправительственных организаций и различных общественных институтов. Дескать, к их мнению прислушиваются, их экспертное мнение публикуется в прессе. Однажды Миртчев пролоббировал даже прием у Буша для Зейно Баран (как я уже упоминал, супруги господина Мэтью Брайза), которая убеждала хозяина Белого дома, что лучшего американского союзника в Центральной Азии, чем казахский пожизненный автократ, нет. Вывод заключался в том, что именно через представителей влиятельных американских НПО необходимо лоббировать интересы Назарбаева.

Насколько я знаю, его стратегия была принята к исполнению: позже Миртчев рассказывал, что ему приходится оплачивать многочисленные командировки в Казахстан и накладные расходы всяких аналитиков, которые пишут статьи и книги по

проблематике Центральной Азии и Казахстана.

Кстати, супруга Мэтью Брайза — Зейно Баран (Zeyno Baran) из Центра Евразийской политики Хадсонского института (Center for Eurasian Policy — Hudson Institute), а также известные эксперты Ариель Коэн (Ariel Cohen — Heritage Foundation) и Марта Олкотт (Martha Olcott-Car–negi Institute) — постоянные участники Евразийского Медиа — Форума в Алма — Ате. Конечно, им самим в работе приходилось учитывать интересы и главного их спонсора — «Global Options», исполнителей воли Назарбаева. В случае отказа от кооперации они остаются без дополнительного финансирования и даже, вполне банально, без вьездной визы в Казахстан.

Раньше Крестный Тесть предпочитал брать взятки чеками на предъявителя. Однако после того, как грянул «Казахгейт», Назарбаев не признает безналичных перечислений напрямую на собственные счета. Сначала деньги нужно пощупать своими руками — причем в буквальном смысле.

Откуда штабеля наличных поступают в подвал? От олигархов, каждый из которых обязан делиться с Крестным Отцом установленной долей своих доходов — в большинстве случаев это стандартные 50 процентов.

Глава 48
ЧТО ДАЛЬШЕ

— Зачем вам пятьдесят процентов, когда вы можете иметь все сто, — спрашивал болгарин Нурсултана Абишевича. — Ведь все эти месторождения и предприятия ваши. Кто такой Машкевич? Кто такой Кулибаев? Кто такой Ким? Кем бы все они были, если бы не вы? Никем. А теперь они еще и недовольны, что с вами делиться приходится.

Надо признать, с ролью змея–искусителя Миртчев справился особенно хорошо. Идея, что можно ни с кем не делиться, очень понравилась Крестному Тестю. Другая идея — поделиться с народом, которому все недра и предприятия Казахстана и должны по праву принадлежать, в голову президента никогда не приходила. А если и приходила, то он немедленно отгонял ее подальше.

Это поначалу, на заре девяностых, у Назарбаева были амбиции стать национальным лидером, войти в историю как реформатор, который принес добро своему народу. К концу девяностых он уже всерьез уверовал, что эта задача успешно решена.

С тех пор сто процентов рабочего времени президент посвящал решению другой задачи: укреплению своего могущества и накоплению личного богатства. Так что соблазнительные идеи лоббиста Миртчева легли на подготовленную и благодатную почву. Просто в своих схемах хитрый болгарин пошел дальше и обрисовал цели, о которых прежде президент не решался даже мечтать.

Зачем ограничиваться авторитарной властью, делегируя кому–то хоть малую часть полномочий, если можно достичь абсолютной, ничем не ограниченной власти? Цель- амбициозная, но достижимая, уверял Миртчев.

Во–первых, для этого есть все предпосылки. Казахстан — азиатская страна, затерянная в регионе, где принципы восточной тирании знакомы намного больше, нежели институты западной демократии. Семьдесят лет коммунистического правления приучили людей к повиновению и страху перед карающей дланью государства. Удаленность от мировых столиц в данном случае только на руку. Кто заметит нарушения прав человека в бескрайней цент–ральноазиатской степи? А даже если заметит, то никто ради этого собирать Генассамблею ООН не будет.

Собственный народ в целом послушен, поэтому гайки можно

закручивать дальше. Важно только делать это поэтапно, чтобы изменение политического фона не было заметным. Нужно урезать одну гражданскую свободу за другой, тогда никаких демонстраций протеста на улицах не будет. А когда народу наконец захочется протестовать, будет уже поздно.

Самое главное на пути построения деспотии — это прогнозировать очаги возможного сопротивления и вовремя их ликвидировать. В казахском случае таких очагов будет два, объяснял президенту умный Миртчев. Первый — внутренний — будет исходить от оппозиции. Второй — внешний — от всяких международных организаций.

С первым очагом все просто — его можно и нужно уничтожить. Благо, отчественная оппозиция слаба, разобщена, и большая ее часть думает о возвращении к кормушке, а вовсе не о гражданских свободах и построении справедливого общества. И все–таки, недооценивать угрозу, которую представляет собой даже самая маломощная оппозиция, нельзя, — настаивал болгарин. Потому что сегодня она хилая, а завтра может стать мощной — тем более, что ее поддерживают влиятельные банкиры, за которыми стоят миллиарды долларов.

Я не знаю, какой именно план действий в отношении казахской оппозиции был в итоге расписан в недрах президентской администрации. Но все мы хорошо знаем его результат.

Два виднейших оппозиционера убиты. Заманбек Нуркадилов, по официальной версии, убил себя сам тремя пулями, с контрольным выстрелом в голову. Алтынбек Сарсенбаев увезен в горы и расстрелян сотрудниками спецподразделения КНБ Казахстана из табельного оружия.

Вместо прежней, неподконтрольной президенту и его сообщникам, реальной оппозиции, создана бутафорская, финансируемая администрацией и контролируемая КНБ. Сначала партия «Ак — Жол» была украдена у реальных учредителей подкупленным (и запуганным) Байменовым. Затем появился проект «За справедливый Казахстан», рожденный в недрах спецслужб и финансируемый президентской «Ак — Ордой».

Новым главным «противником режима» назначен проверенный человек, свой товарищ Жармахан Туякбай. Как будто кто–то мог поверить в такое перевоплощение генерального прокурора. За деньгами для своей подставной партии этот прокурор теперь ходит к своему коллеге, шефу КНБ Шабдарбаеву, от него же получает все инструкции в обмен на доклад о состоянии дел в оппозиционном стане.

Но обезглавить политическое сопротивление, запугать его и

взять под тотальный контроль еще недостаточно, чтобы ликвидировать малейшую будущую угрозу для трона. Для полной надежности нужно лишить его любого представительства во властных органах. Эта задача также была решена просто и успешно — теперь у нас однопартийный парламент, каждое место в котором отдано назарбаевской партии «Нур — Отан».

Нейтрализацию второй потенциальной угрозы строящейся деспотии Миртчев брал на себя. Она исходит от Запада, объяснял он хозяину, а с ним надо работать мягче и аккуратнее. Это не домашняя оппозиция, с которой можно не церемониться. Здесь нужен более тонкий подход.

Подход заключался в том, что с мировыми элитами нужно дружить. И прежде всего нужно дружить с Вашингтоном. Болгарин пообещал пустить в ход все личные контакты и все ресурсы компании «Global Options», чтобы наладить хорошие отношения с влиятельными силами Америки, а также Западной Европы. И как обычно, свое обещание выполнил.

В Казахстан прилетают то Дик Чейни, то Билл Клинтон, то Марк Тэтчер, последним был Тони Блэр. Все они улетают довольными, с полученными политическими обещаниями или деловыми контрактами. Назарбаева пускают в Белый дом — правда, не с государственным визитом (это было бы уж слишком для центральноазиатского диктатора), а по сути с туристическим, но и это неплохо.

В последний раз при подготовке визита Назарбаева мне на конфиденциональной основе сообщили, что казахский президент находится в черном списке лиц, с которыми главы государств США и Западной Европы не могут встречаться с глазу на глаз без специального помощника, чтобы визитер не смог коррумпировать их. После этого я понял, почему бывает много суеты, когда Назарбаев по старой советской традиции просит встречу один на один.

Главный лоббист обьяснял Назарбаеву: дружба хороша тем, что она связывает по рукам. Не нужно раздражать Запад своей антидемократической риторикой, как это делают глупые диктаторы. Наоборот, Западу нужно говорить то, что он хочет слышать. При каждой оказии подтверждать свою приверженность курсу демократических реформ — даже когда страна на полных парах идет в противоположном направлении.

Нужно брать на себя обязательства «улучшать и совершенствовать» — законодательную базу, пенитенциарную систему, что угодно. Нужно присоединяться к международным договорам и присоединяться к конвенциям — которые затем необязательно выполнять. А имея такой благополучный фасад, у

себя дома, за закрытыми дверями, можно делать уже, что душе угодно.

Обе программы — зачистки казахского политического поля, установление приемлемых отношений с Западом — были успешно решены уже к началу 2007-го года.

Следом предстояла главная битва, от которой зависела судьба всей концессии — чтобы приступить к полному захвату власти и имущества в стране, нужно было ликвидировать свободную прессу. Я четко дал понять президенту, что своего холдинга «Алма — Медиа» не отдам — потому что хорошо знал, что это последний бастион на пути восточной тирании в моей стране.

Так Назарбаеву потребовалось убрать со сцены меня, вместе с моими медиа. Как он решил эту задачу, я рассказал в первой главе этого повествования.

Таким образом, уже к лету 2007-го года Назарбаев получил страну в виде tabula rasa, на которой он мог приступить к реализации высшего этапа своего президентства и достижению двух главных целей своей жизни.

Цель первая:

абсолютная власть

Цель вторая:

приватизация всей страны в собственный карман

Таковы цели, которые поставил перед собой и правительством президент. Детализированную программу, как их добиться, расписал верный советник диктатора, американский лоббист Миртчев в совершенно секретной программе «Суперхан», презентованной в октябре 2007 года и взятой на вооружение Назарбаевым. Интерес вызывают сроки проведения данной работы — на перспективу до 2035 года. Именно столько хочет сидеть в кресле Суперхан, которому исполнится всего 95 лет, а маленькому Султанчику аж 30 лет, самое время передавать эстафетную палочку власти в Казахстане.

Программа, подготовленная лоббистами из Америки, настолько понравилась Назарбаеву, что она стала его постоянной настольной книгой, что–то наподобие туркменской «рухнамы» или северокорейской кимирсенов–ской «чуч хе». Главная цель сформулирована так: программа «Хан» — сохранить власть, программа «Суперхан» — сохранить страну после власти. Почти как знаменитая фраза Мао — чтобы плавать, надо плавать. Если задачей предыдущая программы «Хан» было полное установление лидерства, то целью программы «Суперхан» должно быть установление масштабной исторической важности этого лидерства. Учитывая казахскую специфику, то есть незрелость

гражданского общества и отсутствие независимых СМИ, лоббисты предлагают усиливать эту тенденцию. При этом основные усилия предлагают сосредоточить на создании позитивного образа Суперхана — Назарбаева в международных СМИ. В сознании народа будет проявляться простая логика: если нашего президента уважают чужие, то значит, должны и мы. Вот так просто вновь вытаскивают деньги из государственной казны американские лоббисты для финансирования чужих СМИ. Главное, чтобы Крестный тесть был доволен, что о нем создан миф, где он, как ангел, чист перед законом.

Абсолютная власть достигается прямой подчиненностью президенту всех трех ветвей власти: исполнительной, законодательной и судебной. С правительством все понятно — исполнительная власть входит в президентскую компетенцию по Конституции. Парламент сформирован из представителей одной единственной партии «Нур — Отан», руководителем которой де–факто и де–юре является сам Назарбаев. Ни одного независимого кандидата в депутаты в стены парламента не проникло — и уже не проникнет до тех пор, пока Крестный Тесть будет у власти. Всех судей в стране назначает своим указом тот же Назарбаев.

Круг замкнулся: каждая из ветвей власти контролируется и управляется непосредственно президентским дворцом «Ак — Орда».

Впрочем, официальные властные институты служат отныне не более чем ширмой, которая прикрывает настоящие механизмы власти. Реально страной управляет, конечно, не парламент — и даже не правительство. Все важнейшие решения — идет ли речь об изменениях конституции, кадровых назначениях или переделе собственности, — принимаются Крестным Тестем и его бандой.

Эта клика построена по всем классическим канонам мафиозной структуры. Здесь есть Дон Назарбаев, есть консильери Миртчев, есть казначей Масимов, есть старые боевые товарищи — Абыкаев, Утемуратов, Есимов, пенсионер Ни. И разумеется, есть боевой отряд «торпед» — верные стрелки Шабдарбаев, Тусупбеков и Мухамеджанов.

Американский Крестный Отец — Дон Корлеоне взял себе в главные советники ирландца Хейгена, человека из–за пределов своей семьи и своего народа — который, соответственно, не был связан никакими обязательствами, условностями и стереотипами. Крестный Тесть Назарбаев тоже поставил на роль ближайшего советника болгарина–американца Миртчева, обладающего теми же преимуществами: он предан хозяину (от которого получает миллионы), и только ему. И не нужно бояться, что твой консильери договорится с твоим казначеем, и оба придумают

себе нового дона. Хотя на месте тестя нужно держать ухо востро ….

Могущество Миртчева достигло невероятных размеров. Не занимая ни одного официального поста и не будучи никаким образом представленным в эшелонах власти, болгарин является сегодня самым влиятельным человеком в Казахстане — после Назарбаева, конечно. Впрочем, если учесть степень влияния советника на самого дона–президента, спор за первое место может оказаться открытым.

Назарбаев доверяет своему советнику буквально во всем. Он не принимает ни одного мало–мальски значимого решения, не проконсультировавшись предварительно с незаменимым советником. Идет ли речь о внешней политике или о сугубо внутренних делах, без одобрения Миртчева ничего не произойдет. После того, как болгарин отвел от хозяина дамоклов меч американской юстиции, тот уверовал в сверхчеловеческие умственные способности своего спасителя.

Отныне все программы государственного развития Казахстана пишет Миртчев. Конечно, не сам, а его асисстенты. И конечно, не пишет, а переписывает. Дело поставлено на поток: берется какая–нибудь малазийская, или сингапурская, или южнокорейская программа и переводится под копирку, редактируясь под советско–казахские реалии.

Оттуда происходят подготовленные американскими лоббистами программы для Правительства и нанотехно–логии, и 50 конкурентоспособных страны и 30 корпоративных лидеров, и выключение света в туалете — как рецепт спасения заваливающейся экономики. Если вы когда–нибудь удивлялись тому, что выступления президента с каждым месяцем все более отрываются от реалий этого мира и заставляют глубоко задуматься в адекватности человека, их произносящего, — то ларчик открывается легко.

Сам человек, разумеется, давно уже не адекватен. Он не знает, сколько стоит хлеб в магазине и что можно купить на тысячу тенге. Он до сих пор уверен, что за 200 долларов в месяц, каждый человек будет счастлив гнуть свою спину на него. Впрочем, с теми темпами, с какими в стране раскручивается экономический кризис, вскоре эти 200 долларов действительно могут показаться настоящим богатством.

А все тезисы для публичных выступлений президента пишет не казахский спичрайтер, а болгарин с американским паспортом — человек, который провел в нашей стране немало дней, но так и не узнал, чем она живет. Поэтому ему кажется, что нотация про горячую воду, которую нужно экономно расходовать, очень

удачна. А зритель в Кзыл — Орде, у которого в кране нет ни горячей, ни холодной, смотрит на экран с большим удивлением. Впрочем, и сам экран может быть черным — потому что свет во многих казахских домах тоже стал уже роскошью. Хотя кого это волнует. Уж точно не Миртчева — и тем более не президента.

Казахстан — уникальная страна на планете, где мафия взяла в свои руки всю полноту власти. Сицилийская мафия может быть легендарна своим могуществом — но с ней борется государство. Она может подкупить полицейских и даже инфильтровать своих людей в правительство и полицейский департамент, но она даже мечтать не может поставить своего человека на самый главный Олимп власти — пост Президента страны.

В нашей стране силовые органы являются боевым крылом «Ак — Орды». Подельники Назарбаева, между которыми распределены посты генерального прокурора, председателя КНБ и министра внутренних дел, отвечают перед своим Доном за то, чтобы все ресурсы этих органов были брошены на защиту неконституционного режима личной власти Крестного Тестя. И удовлетворение всех его потребностей и капризов.

Нужно запугать неугодного человека? Пожалуйста. Устроить автокатастрофу? Легко. Выкрасть строптивую журналистку? Будет сделано. Все «шпики» и все штыки будут брошены против того, кто посмел вызвать гнев Дона либо его приближенных.

Комитет национальной безопасности уже давно не занимается обеспечением безопасности населения как своей основной работой. Под бдительным присмотром Шабдарбаева и Дутбаева он отвечает за политический сыск и подавление малейшего инакомыслия. Проявите публичное недовольство властью, и вам сразу подбросят листовки «Хизб ут-Тахрира». Так запугивается молодежь в бедных сельских районах, где качество жизни падает с каждым новым годом.

Министерство внутренних дел уже давно не занимается обеспечением порядка в стране как своей прямой обязанностью. Под неусыпным (хоть и непрофессиональным оком) Мухамеджанова оно занято поборами на дорогах, выбиванием признаний из заключенных и исполнением любых работ, которые будут спущены из президентской «Ак — Орды». Верные тонтон–макуты режима никогда не подведут. Простой гражданин знает, что полицейский в форме — это скорее всего не защитник, а прямая угроза его личной безопасности.

Генеральная прокуратура, которая следит за соблюдением законности? Где угодно, только не в Казахстане. Подельник Тусупбеков хорошо знает, для чего его поставил сюда Дон: бдительно следить, чтобы никто не нарушил закон джунглей

назарбаевского режима.

И конечно, надежной опорой для клики Крестного Тестя служит судебная система Казахстана. Из Дворца «Ак — Орда» поступил приказ отобрать у меня газеты, телеканалы и типографии? Выполнено в течение одной недели. Президент требует развести меня с его дочерью? Выполнено за одну ночь. Разумеется, все делается с вопиющим нарушением даже казахских писаных законов. Но в полном соответствии с неписаным, по которому живет, к сожалению, сейчас Казахстан.

А мой случай — это просто наглядный показательный пример.

До мая 2007-го года человека еще могла защитить свободная пресса. Теперь остается уповать только на фортуну.

Итак, своей первой цели Нурсултан Назарбаев уже добился. В стране де–факто закреплена тирания. Де–юре этой тирании нет никаких угроз: впервые в мировой практике в конституции права одного человека- первого президента, поставлены выше прав всех остальных граждан страны. Конституционный переворот, молниеносно проведенный президентом в стенах своего ручного парламента, сделал его пожизненным диктатором.

Как и обещал Крестному Тестю консильери Миртчев, мировые столицы проглотили эту новость со спокойствием буддистского монаха.

Отныне все усилия президента посвящены решению второй амбициозной задачи — прибрать к своим рукам все финансы и богатства страны. Как ни странно, эта цель оказалась сложнее, чем первая. Разрушить все элементы гражданского общества и захватить всю власть Назарбаеву удалось относительно легко, встречая на своем пути лишь незначительное сопротивление.

Отбирать деньги и частные предприятия оказалось сложнее. Намного сложнее. Почему–то банкиры и промышленники не выстроились в очередь отдавать свою дань президенту. Со свободой человек расстается легче, чем с собственностью. Проблема в том, что только свобода может обеспечить неприкосновенность собственности.

До тех пор, пока Крестный Тесть не завершил построение диктаторского режима и не разрушил все инструменты гражданского общества в стране, он не мог приступить ко второй части своего плана.

Сам план был разработан, конечно, снова Миртчевым, стратегический талант которого снова оказался на высоте. Надо признать, что сама задача, которую предстоит решить президенту и его команде, чрезвычайно амбициозна. Прецедентов ей сложно найти в мировой практике. Обычно диктаторам достаточно самой

власти. Иосиф Сталин обладал могуществом восточного деспота, но он не ставил цели записать на себя лично флагманы советской индустрии — Магнитку, Днепрогэс или Турксиб.

Конечно, многие диктаторы любят накопить на своих счетах пару–тройку миллиардов долларов — как, например, Фердинанд Маркое. Но это всё копейки по сравнению с тем богатством, которое уже сегодня накопил на своих счетах и в своих подвалах Крестный Тесть.

А ведь настоящая работа над личными финансами президента только начинается…

Стратегическая часть расписанной Миртчевым программы гениально проста: в Сингапуре и Объединенных Арабских Эмиратах создаются «частные инвестиционные фонды», владельцем которых по различным схемам является лично Нурсултан Абишевич Назарбаев. Эти фонды вскоре и станут держателями всех крупнейших банков и предприятий Казахстана, в первую очередь — это Государственный мега–холдинг «Самрук — Казына», в просторечье его зовут «СамКа».

Чтобы реализовать эту простую стратегию, требуется изощренная тактика. Во–первых, нужно передать фондам те предприятия, которые являются собственностью Республики. Объяснить такую денационализацию, с передачей народной собственности в частные иностранныые руки, будет сложно даже со страниц правительственной газетенки «КазПравда». Что уж говорить про придирчивые западные газеты The Wall Street Journal или Financial Times.

Во–вторых, нужно отобрать у законных владельцев частные банки, заводы и компании. Все они уже делятся с Крестным Тестем львиной долей своих доходов — это единственный способ для их выживания. Президент уже является совладельцем таких гигантов казахской промышленности, как Карагандинский металлургический комбинат (которым на бумаге официально владеет сталелитейный магнат Лакшми Миттал).

Регулярные выплаты, осуществляемые из прибылей «Карагандинского металлургического комбината» в карманы (то есть подвалы) президента, позволяют индусу не тратить деньги на обеспечение самых элементарных требований техники безопасности. Каждый год в шахтах и на заводах Караганды гибнут десятки, иногда сотни рабочих. Шахтеры спускаются в забои, зная, что каждый новый рабочий день может стать для них последним. И за свою работу они получают копейки, на которые едва можно содержать семью. Карагандинские рабочие оказались практически в современном рабстве у индуса, который стал неофициальным правителем области. Моя газета «Караван» в свое

время писала об этой трагической ситуации из номера в номер.

Однако ни забастовки, ни демонстрации, ни выступления СМИ не могут ничего изменить. Потому что у Миттала в Казахстане есть надежная «крыша» (защита) — это Крестный Тесть. Классическая мафиозная услуга: деньги в обмен на охрану. Назарбаев обеспечивает индусу полную неприкосновенность от уголовной ответственности и от гнева рабочих, забирая взамен ровно половину мит–таловских сверхприбылей.

Мало того, именно по протекции Назарбаева Миттал познакомился на приеме в Астане с Президентом Украины Виктором Ющенко, случайно после этой знаменитой встречи Миттал приобрел сталелитейные активы на Украине.

По такой же схеме он работает и с корпорацией «Казахмыс», где ситуация с охраной труда и соцальной защитой рабочих такая, что заставляет вспомнить «Жерминаль» Эмиля Золя. Но в том мрачном романе была надежда — зарождающееся рабочее движение, которое когда–нибудь отвоюет свои права. Рабочие «Балхашмеди» знают, что при Нурсултане Назарбаеве у них есть простой выбор — либо послушно идти в забои, рискуя своими жизнями за копейки, либо поднять голос и лишить всю свою семью малейших источников пропитания. Надежду они могут оставить у порога своих шахт.

Такая ситуация абсолютно устраивает Владимира Кима, официального владельца корпорации «Kazakhmys LLP», у которого журнал «Форбс» насчитал 4,7 миллиарда долларов личного состояния. Но она уже не устраивает теневого владельца Назарбаева.

Согласно плану Миртчева, Крестный Тесть отныне должен переквалифицироваться из рэкетира, оказывающего услуги по охране бизнесов, в респектабельного законного владельца казахской экономики.

Как этого добиться, как переписать на частные гонкон–ские и сингапурские фонды гигантов отечественной индустрии и банковскую систему страны? План состоит из двух частей.

Первая относится к национальным предприятиям и государственному имуществу. Они обьединяются в один мегахолдинг: «Самрук и Казына».

Здесь Миртчев снова не был оригинален: он просто взял за основу сингапурскую схему централизованного управления национальной экономикой. Именно оттуда пришла идея холдингов, в которые согнаны все государственные предприятия.

Как вы знаете из Новостей, эта часть программы уже благополучно выполнена. Посреди президентского бульвара в Астане гордо возвышаются две золотых башни, прозванных в

народе «ведрами» за удивительное сходство с этими полезными в хозяйстве предметами. В одной из них сидит управляющий холдинг «СамКа», под крышей которого собраны самые лакомые куски государственного пирога — нефтяной гигант «Казмунайгаз», железнодорожный монополист «Казахстан темир жолы», госкомпания по управлению энергетикой „КЕСОС», Казпочта и телекоммуникационный гигант «Казахтелеком». И плюс к ним — разношерстная компания, в которую вошли Бах–турминская и Шульбинская гидроэлектростанции, авиакомпания «Эйр Астана», Экибастузский энергоцентр, Национальная судоходная компания «Казмортрансфлот», «Майкаинзолото», «Казахстан — Инжиниринг» и научно–исследовательский институт энергетики.

В другом «ведре» тоже сидит государственный финансовый фонд «Казына», которому отдали все финансовые институты: Банк развития Казахстана (уставной фонд-756 миллионов долларов, активы — 1 миллиард 895 миллионов), Инвестиционный фонд (соответственно $315 и $308 миллионов), Инновационный фонд ($286 и $239 миллионов), Фонд развития малого предпринимательства ($309 и $714 миллионов), и еще десяток других фондов и акционерных обществ.

Следующим шагом будет покупка мегагосхолдинга — «Самрук и Казына», теми самыми сингапурскими и дубай–скими инвестиционными фондами Крестного Тестя. Причем куплены по сложным схемам и взаимозачетам, от которых в казну поступят не живые деньги, а обещания будущих прибылей.

Весной 2008 года, чтобы быстрее привести генеральный план в действие, Назарбаев назначил Миртчева Председателем Совета директоров пока еще государственного финансового холдинга «Казына» со скромным окладом в 70 тысяч долларов США. Затем в процессе обьединения и утряски оставил его членом совета директоров нового мега–холдинга, превратившегося в «СамКу».

Согласитесь, схема красивая. Одно дело денационализировать крупнейшие государственные предприятия и финансовые центры по одному, и отдавать их под сингапурский контроль поодиночке. И совсем другое — собрать их в пару ведер и унести разом.

Такой несложный трюк позволит Назарбаеву осуществить, наконец, свою давнюю мечту: стать полноправным владельцем всей казахской индустрии. Все, чем владело государство, плавно перейдет в карман Крестного Тестя.

Но остаются еще частные банки, заводы и нефтяные компании. Для них припасена другая, прямо противоположная стратегия. Банкиров и олигархов будут отправлять на пенсию как

раз поодиночке. Как в той толстовской притче: веник целиком переломить невозможно, но каждый прут по отдельности — вполне реально.

Жертвенная очередность уже определена. Прежде всего поменять хозяев должны будут три крупнейших банка — «Народный» Тимура Кулибаева, «Казкоммерцбанк» Нуржана Субханбердина и «Туран — Алем» Мухтара Аблязова. Влед за ними очередь за добывающими и перерабатывающими гигантами — «Мангистаумунайгазом» Рашида Сарсенова, Евразийской группой трех товарищей Маш–кевича, Ибрагимова, Шодиева, и «Казахмысом» Владимиров Ким и Ни.

Были ваши — станут наши, решил для себя мудрый президент. Он спокоен и уверен в своих силах: в его распоряжении весь репрессивный аппарат государства. Полиция, суды, прокуратура и специальные службы беспрекословно выполнят любую команду из Дворца «Ак — Орда». За одну ночь любой человек в стране может превратиться из могущественного бизнесмена в бесправного заключенного (Мухтар Аблязов уже проходил это в 2001-м году).

На попавшего в президентскую опалу диссидента обрушится вся мощь государственной машины. Против него будет развернута масштабная информационная кампания, государственные и «частные» медиа кинутся наперегонки рассказывать народу, какая опасная змея пригрелась на его груди. Технология таких кампаний была хорошо отработана в 30-е годы прошлого столетия в сталинском СССР, а казахская пресса успешно реанимировала ее во время «назарбаевских процессов» надо мной.

Теперь машина отлажена и ждет новых жертв. Иосиф Сталин использовал репрессивную и пропагандистскую машины в политических целях. Нурсултан Назарбаев более оригинален: он готов запустить их в войне за коммерческие интересы.

Первые залпы этой войны уже прозвучали. Арестован генеральный директор нефтяной компании «Мангистаумунайгаз» Сагына Крымкулова. На этот раз Крестный Тесть воспользовался излюбленным приемом восточных деспотов: взять заложника.

Бизнесмену Рашиду Сарсенову дан сигнал: либо переписываешь все акции добровольно, либо наблюдаешь печальный для тебя сценарий: сначала забирают твоих друзей, потом твоих родственников, и только затем придут за тобой. Сарсенов сигнал понял, подписал контракт на продажу своей доли вообще без указания суммы — простым прочерком, сколько дадут, и на этом большое спасибо. Лучше иметь меньше, чем быть за решеткой.

Есть уже и первые победы президента в этой Новой коммерческой войне. 25 процентов «Казкоммерцбанка», оплота финансовой системы страны, внезапно переписаны на неведомый миру инвестиционный фонд. Директор фонда всё та же Айгуль Нуриева, помощница премьера–министра Масимова. Номинальный адрес фонда — Дубай, Объединенные Арабские Эмираты.

И это только начало. В чем Нурсултану Назарбаеву никогда нельзя было отказать, так это в отсутствии аппетита.

Сопротивление Крестному Тестю бесполезно. Преданные ему армии — тайных полицейских, советников, судей, прокуроров и прикормленных журналистов — пойдут в атаку по единому мановению его перста. Конституция гарантирует ему пожизненное президентство. Все институты гражданского общества демонтированы. Парламент, суды, пресса и Интернет взяты под тотальный контроль. Телефоны прослушиваются, переписка перлюстрируется. Оппозиция ликвидирована. Форпост Астана дает надежную защиту от родного народа. Атмосфера страха гарантирует полное повиновение послушных граждан. Круг замкнулся.

А в 2035-м году он передаст свой трон любимому наследнику, выращенному в турецкой пробирке. Таков план Крестного Тестя. Вопрос только в том, совпадет ли он с планом Новейшей Истории.

Глава 49
Десять ударов по коррупции

Наш президент очень любит инициативы с громкими названиями. Навыдвигал он их изрядно, ни одну до ума не довел, но не для этого они задумывались. Главное, были статьи и фотографии в верноподданных газетах, репортажи в «Хабаре», научно–практические конференции, посвященные очередной мудрой идее Лидера нации. Так с некоторых пор попросил именовать себя Нурсултан Абишевич согласно подготовленному американским лоббистом Миртчевым пиар–плану «Суперхан».

Например, была инициатива «Десять шагов к простому человеку». Тонны макулатуры были исписаны о том, что Лидер узрел простого гражданина, проникся его нуждами, и теперь вся мощь государственной системы будет направлена на сближение с этим самым простым человеком. Приезжали российские политологи (уже давно оформился круг мало кому в России известных «специалистов», который выдается правительственной газетой «КазПравда» за ведущих кремлевских аналитиков, советников, политологов). Как вы догадались, они высоко оценили идею сближения с простым гражданином, которого мельком видели разве что по пути из аэропорта в отель «Хайатт»" — да во время выступлений на посвященном событию форуме и на последующем банкете.

Единственный, кто так ничего и не узнал о новой инициативе нашего руководителя, был тот самый «простой человек». Потому что пропасть, которая отделяет «Ак — Ординского» мечтателя от рядовых граждан страны, не то что за десять, а и за десять сотен шагов не перейти.

В начале 2008 года президентская администрация ознакомила публику с новой инициативой своего хозяина. На этот раз он собрался нанести Десять ударов по коррупции.

Эта тема оказалась мне родной и хорошо знакомой: предшествующие нашему разрыву годы я пытался убедить своего бывшего тестя, что оголтелое разворовывание страны его камарильей до добра не доведет. Иногда он, надо признать, прислушивался к моему мнению, и даже назначал на соответствующие посты. После одной из наших встреч, когда я рассказал ему о схемах, позволяющих свести к минимуму уплату налогов в бюджет при больших финансовых оборотах, Президент настоял, чтобы я оставил частный бизнес и занялся созданием финансовой полиции. Потом он направлял меня

реорганизовывать налоговые органы в министерство госдоходов, а затем в спецслужбы. Поэтому ничего удивительного, что о коррупции в Казахстане вряд ли кто–то знает больше, чем автор этих строк.

Поэтому тема президентской новации оказалась мне близка. И я написал статью, которая, как мне кажется, сегодня актуальна так же, как на момент её выхода.

Мои дополнения к инициативе дорогого и любимого президента Нурсултана Абишевича Назарбаева

Шутка времен позднего застоя: «борьба с пьянством приняла затяжной оборонительный характер». Кто помнит реалии того времени, тому смешно.

Времена изменились, у нас теперь свои заботы. У нас затяжной оборонительный характер приняла борьба с коррупцией. То, что коррупция — смертельно опасная болезнь нашего общества, признал даже мой бывший тесть, президент Назарбаев.

События последней недели демонстрируют, насколько далеко зашла проблема: не успел президент призвать нанести десять сокрушительных ударов по коррупции, как она нанесла встречный удар. Послала власти в очередной нокаут.

Не успел мои сахарные заводы прибрать к рукам министр сельского хозяйства — бизнесмен–рейдер Ахметжан Есимов, как он моментально пролоббировал запрет на импорт сахара. То, что цены на сахар на монопольном рынке пойдут вверх — это уже не вопрос. А потребитель будет платить, поскольку у него не остается выбора. Как всегда, расплачивается простой народ.

Где–нибудь в Европе такой сценарий (при всей его фантастичности) неминуемо привел бы к отставке всего Кабинета, созданию парламентской комиссии по расследованию коррупционных и монопольных преступлений, потере голосов избирателей на следующих выборах, а о перспективах самого министра–капиталиста и говорить не хочется.

Справедливости ради надо сказать, что мой бывший тесть Нурсултан Абишевич очень хорошо понимает, какую опасность представляет коррупция для нашего общества. Поэтому и выдвинул инициативу нанести по ней десять ударов (как человек, очень хорошо осведомленный о масштабах этого зла, я, правда, думаю, что десятью ударами ситуацию не исправишь, но, как говорится, лиха беда начало).

Господин президент! Мы с вами люди все–таки «не чужие» друг другу. Проникшись вашей инициативой, хочу внести свой посильный вклад — предложить свою программу десяти сокрушительных ударов по коррупции. А то- сколько уже можно

говорить — пора же наконец что–то сделать!

Итак, первый удар:

Разобраться, каков реальный бюджет управления делами президента, во сколько казахстанцам обходится житье–бытье нашего «вечного» президента.

В цивилизованных странах налогоплательщики буквально до копейки знают, какие средства тратятся на функционирование верховной власти. Когда такое правило будет заведено в Казахстане, мы сразу же обнаружим, что только на этом деле можно сэкономить для бюджета десятки миллионов долларов в год.

Второй удар:

Бюджет карманной партии «Нур — Отан». Кто ее финансирует?

Разобравшись с механизмом финансирования нашей правящей партии, мы немедленно пресечем такое явление, как многомиллионные откаты (очевидно, в обход налогов), которые крупные бизнесмены вынуждены платить за свою крышу «Ак — Орде». Третий удар:

Корпорация «Казахмыс». Кому она принадлежит? Зачем покупает самолеты, экономя на зарплатах шахтеров?

Государство всегда заинтересовано в определении истинных владельцев крупнейших активов. Это позволяет ему собирать налоги в полном объеме, не позволяя теневым акционерам уводить прибыли на оффшорные счета. Когда мы узнаем, кто в реальности владеет корпорацией, станет понятно, почему она спокойно покупает «самые большие в мире самолеты», не вкладывая ни копейки в обеспечение безопасности труда и держа в нищете тысячи своих рабочих — граждан нашей страны, между прочим.

Четвертый удар:

Таинственный «деловой партнер Миттала» — кто он? Вычислив персону, которой принадлежит половина доходов от операций индийского миллиардера в Казахстане, мы поймем, почему никто (кроме несчастных стрелочников) не ответил за гибель 191 шахтера на предприятиях Миттала в Караганде. Одновременно мы поймем, почему государство вынуждено закрывать глаза на вопиющие нарушения техники безопасности, потогонную систему и жесточайшую эксплуатацию рабочих, которые Миттал не может себе позволить даже у себя в родной Индии.

Пятый удар:

Разобраться с тем, кто получает 60 центов с каждого барреля казахской нефти, добываемого Шевроном, и остальными

эпизодами «Казахгейта».

Господин президент! С этим ударом не будет никаких проблем, настолько легко определить этого человека. В 1999 году он, помнится, раздавал своим детям по три миллиона долларов чеками лихтенштейнского банка «Пиктет».

Вычислив этого человека, мы будем знать, какую сумму он украл у своего народа. А уж дело народа — решать, требовать ли вернуть украденное, или простить должок.

Шестой удар:

Передать государству долю в сети отелей «Риксос» в Астане, турецкой Анталье и хорватском Дубровнике.

Тут и комментировать нечего. Крупный государственный чиновник, не заплатив ни одной копейки, каким–то образом оказался совладельцем международной сети пятизвездочных отелей. Коррупция? Конечно! Передав государству эти акции, чиновник сумеет искупить вину перед обманутым народом. Правда же, господин президент?

Седьмой удар:

Вернуть государству все движимое и недвижимое имущество, незаконно приватизированное частной лавочкой «Рога и Копыта», то есть, извините, «ХОЗУ».

Вступив в преступный сговор, группа должностных лиц присвоила санатории, дома отдыха, охотничьи угодья, фермы, подсобные хозяйства, дачные поселки и земли, ранее находившиеся в ведении ХОЗУ правительства. Теперь всем этим добром пользуется только один человек и его официальные зарубежные гости. Общая стоимость этих активов по рыночным ценам превышает сегодня миллиард долларов.

Вернуть их народу — благородная антикоррупционная задача, так ведь, Нурсултан Абишевич?

Восьмой удар:

Обратить в доход государства финансовые средства от продажи АТФ-Банка.

Уставной капитал банка был сформирован за счет продаж экспортного сырья государственных внешнеторговых предприятий. Эти деньги так и не вернулись в страну из–за рубежа.

Девятый удар:

Мангистаумунайгаз: кто и кому его продает? Господин президент! Как вам хорошо известно, в настоящий момент один человек дал указание правительству выкупить его же собственную долю в крупнейшей нефтяной компании Казахстана «Мангистаумунайгаз». Я думаю, с этим пора наконец разобраться. Особенно — выяснить, на какой оффшорный счет уйдут народные

бюджетные деньги.

Десятый удар:

Вернуть народу деньги с тайных счетов в южноазиатских банках.

На счетах в банках Индонезии, Сингапура, Гонконга и Эмиратов сконцентрированы финансовые ресурсы, имеющие явно коррупционное происхождение. Возврат этих денег в страну позволит смягчить последствия финансового кризиса для простых граждан Казахстана.

Нурсултан Абишевич! Если нанести эти десять ударов по коррупции, от нее же камня на камне не останется. Дело теперь за вами.

Нурсултан Назарбаев не стал наносить свои десять ударов по коррупции. После появления моей статьи эту инициативу быстро свернули, про удары по коррупции говорить стало немодно. Зато он нанес удар по автору статьи. Вскоре после публикации «Десяти ударов по коррупции» против меня возбудили очередное уголовное дело — на этот раз по обвинению в подготовке переворота, провели очередной закрытый военно–судебный процесс и заочно приговорили к очередному двадцатилетнему заключению.

Не могу отказать себе в удовольствии напечатать текст телеграммы, которую я послал президенту Назарбаеву, когда узнал о результатах секретного процесса.

Срочная телеграмма на деревню в Ак — Орду

Дорогой дедушка! Прочитал приговор, который ты мне нарисовал. Смиялсо, как пишут в интернете.

Сбился со счета, сколько всего лет на этот момент ты мне назначил. Правда, как ты понимаешь, мне это и не очень интересно.

Особенно остроумно про тысячу ядов, которыми я скармливал «живым людям». Видимо, это та самая токсикологическая лаборатория, которую ты велел мне на бюджетные деньги купить после случая с коллегой Ющенко? Помнится, ты тогда сильно перепугался …

С нетерпением жду следующего процесса. Я тут ненароком разболтал еще одну страшную государственную тайну: что у тебя в левом ботинке супинатор. То обследование в Клагенфурте обошлось мне в круглую сумму, которую ты еще, кстати, не погасил. Но я не в обиде. Жалею только, что не показал тебя тогда еще и психиатру: судя по последним новостям с родины,

это была ошибка.

Твой любимый бывший зять Рахат Алиев

Послесловие

Я написал эту книгу не для того, чтобы отомстить.

У меня была семья и трое детей, двое из них несовершеннолетние — мой Крестный тесть разрушил семью, разлучил меня с детьми и не выпускает их из страны, я не имею возможности общаться с ними.

У меня был частный бизнес — несостоявшийся Нобелевский лауреат украл его.

У меня была родина — наш Пожизненный президент лишил меня родины.

Но этого ему мало. Он продолжает охотиться за мной. На его стороне — огромные грязные коррумпированные деньги, полная бесконтрольность и безнаказанность, отсутствие элементарных представлений о морали. На его стороне — вся мощь репрессивного государственного аппарата целой страны.

А на моей стороне — правда. И время тоже на моей стороне. Поэтому Нурсултан Назарбаев проиграл. Проиграл в первый день, когда вступил в войну со мной.

Так что, я написал книгу не ради мести. Я просто хотел помочь ему сделать единственно правильный выбор:

Нужно уйти.

Уйти самому, вовремя. Успеть насладиться удовольствиями частной жизни. В солидном возрасте, в котором пребывает Нурсултан Абишевич, их не так уж и много. Хорошие книги, прогулки по парку, игры с малолетними детьми …

Но уйти нужно не одному. Все персонажи паноптикума, все эти чубчики и рябые, гнусы и дяди Володи, описанные в этой книге — все они должны освободить арену. Нурсултан Абишевич обязан забрать их с собой.

И тогда мы скажем ему — спасибо. Спасибо за все хорошее, что он сделал для нашей страны в начале девяностых, за надежды первых лет независимости … Я думаю, добровольным уходом с политической сцены Нурсултан Абишевич заслужит себе гарантии неприкосновенности, и даже один самолет из своей обширной коллекции. Без крыши над головой он уж точно не останется, даже съехав с президентской резиденции.

Но если пожизненный президент откажется подать в отставку, граждане нашей страны должны уволить нанятого ими чиновника — как не справившегося со своими обязанностями. Чиновника, который был нанят ими защищать их интересы, а вместо этого не устоял перед соблазном набить карманы общественным добром.

Если он не уйдет добровольно …

Я, Рахат Алиев, рядовой гражданин Казахстана, требую начать процедуру импичмента против пожизненного президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. На основе публикации данной книги прошу возбудить против него уголовное дело с учетом документальных фактов коррупции со стороны гражданина Назарбаева — руководителя страны и его подручных — высших должностных лиц, а также захвата власти организованным преступным сообществом–мафией, посредством массовых фабрикации и подлогов бюллетеней во время избирательных процедур.

Вместо постскриптума

Крестный Тесть заплатил щедрый гонорар за эту книгу. Она еще не увидела свет, а Нурсултан Назарбаев назначил премию в десять миллионов долларов ($ 10.000.000) за убийство ее автора. Один из исполнителей этого заказа уже сидит в венской тюрьме — от него, бывшего агента Штази (спецслужба ГДР), австрийская полиция и узнала подробности президентского плана по моему устранению.

Крестный Тесть еще наслаждается безраздельной властью и могуществом, которые повергают в страх огромную страну. Но его политические дни уже сочтены. Потому что народ уже увидел истинное лицо этого человека.

Ему так хотелось остаться в истории казахским Ататюр–ком — Отцом нации, о котором с благодарностью вспоминали бы новые и новые поколения потомков. И у него был такой шанс. Но перевесила любовь к деньгам, жажда личной наживы и страх потерять свое президентское кресло. Он мог опираться на волю своего народа, но сделал ставку на машину подавления и репрессий.

Подделав первые бюллетени для голосований и отдав первый приказ на ликвидацию политического противника, он уже не мог вернуться назад. И уже не важно, сколько дней правления осталось у него впереди. Важно то, что он войдет в историю как Диктатор, который предал свой народ.

Когда эта книга сдавалась в печать, в тюрьмах и следственных изоляторах КНБ Казахстана продолжали томиться ни в чем не повинные люди. Единственная их вина состоит в том, что они либо работали, либо были знакомы и дружили с автором этой книги.

Вот их имена:

• Мажренов Жомарт — генерал, бывший директор СИС КНБ, убит 8 июля 2008 года в следственном изоляторе КНБ г. Астана

• Сергей Кузьменко — генерал, кандидат юридических наук,

бывший Руководитель Финансовой полиции. Именно он отвечал за борьбу с коррупцией в Казахстане и был наиболее информированным о коррупции членов правительства во главе с Назарбаевым — осужден на 10 лет

• Марат Мусатаев — мой родственник, работал у отца в загородном доме. Находился 8 месяцев под арестом в следственном изоляторе КНБ. Подвергался постоянным пыткам в камере, вскрывал два раза вены. В настоящее время в связи с болезнью (психическими расстройствами) находиться под домашним арестом.

• Вячеслав Денисенко — дипломат, советник посланник, он работал моим заместителем в посольстве Казахстана в Австрии. Именно он отвечал повседневно за продвижение нашей заявки на председательство в ОБСЕ. Он добился для своей страны, что она будет возглавлять одну из важных международных организаций в 2010 году. Страна отплатила ему тюремным сроком в 8 лет

• Любовь Балмагамбетова, мой бывший адвокат по гражданским делам. В настоящее время местонахождение неизвестно

• Серик Буркитбаев, бывший президент государственной нефтегазовой кампании «Казмунайгаз», бывший помощник президента — местонахождение неизвестно

• Серик Нугманов, бывший заместитель министра юстиции — местонахождение неизвестно

• Мырзахан Салыкбаев, дипломат, бывший консул Казахстана в Австрии и в Хорватии — местонахождение до сих пор неизвестно

• Мурат Жусипов, бывший директор телерадиораспространяю–щей кампании «Казтелерадио» — находиться в следственном изоляторе КНБ с сентября 2007 года

• Максут Беркалиев, пенсионер КНБ-осужден сроком на 8 лет

• Курман Акимкулов, бывший сотрудник КНБ-15 лет

• Булат Кангожин, пенсионер КНБ-8 лет

• Владимир Богушевич, генерал, бывший директор СИС КНБ-8 лет

• Олег Бекбатыров, бывший сотрудник КНБ-12 лет

• Ростислав Одиноков, бывший технический директор телекоммуникационной кампании «Кателко» — 8 лет

• Сергей Торубаров, пенсионер КНБ-8 лет

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕЛЕФОННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Аудиофайлы телефонных переговоров перехваченных Специальной информационной службой КНБ Казахстана (электронная разведка)

№ 1 Сидит–трахтит

«Сценарий предложен нашими силовиками» Необходимое пояснение

Бывший председатель КНБ, Советник Президента — Нартай Дутбаев обсуждает с управляющим делами президента Булатом Утемуратовым телеинтервью по государственному каналу «Астана» бывшего председателя правления Нурбанка Абильмажина Гилимова. Подозреваемого Гилимова в то время перевели в следственный изолятор КНБ, где он находился под следствием по обвинению в финансовых махинациях и мошенничестве. Это интервью, как станет понятно из нижеследующего, несомненно, высококультурного и интеллигентного разговора, устроили и запустили по государственному каналу руководители силовых структур Казахстана. Из этого же разговора становится ясно: ни для кого в Астане не является тайной то, что обвиняемый, а позднее оправданный Гилимов является вором и мошенником, укравшим деньги из банка. Но в силу политических указаний Назарбаева превратился из укравшего в пострадавшего.

Дутбаев: Алле, Баке.

Утемуратов: Да, чего хотел сказать?

Д: Да, я вот смотрю всю эту вакханалию, а чего по телеку Гилимова крутят. На хера это надо?

У: А где Гилимова крутят?

Д: Вон в Астане сейчас его крутят, б …ь, показали. В полный рост, б …ь! «Астана» — этот канал есть же? Просто не знаю, зачем так раздувать. Шефа надо бы пожалеть, ерунда какая–то пошла. Непонятные вещи. Прежде всего, сюда бьет, у меня вот такой вопрос возник. Что за фигня, б…ь? Ни хера не пойму, честно говоря.

У: Не знаю. У троих наших силовиков (министр внутренних дел, генеральный прокурор, председатель КНБ — Прим. автора книги) вот такое устойчивое мнение. Сценарий предложен нашими силовиками.

Д: Я понимаю, сценарий какой–то нужен, а зачем это орать–

то. Это бьет Шефа, прежде всего. Что за дела, б…ь? Можно было все это сделать, обыграть по–другому.

У: Ну, они говорят, что Шеф дал поручение (неразборчиво).

Д: Ну, мне кажется, что это чрезмерно, потому, что сейчас … Завтра вопение вокруг начнется такое. Шефу начнут такое … Херня какая–то. Сейчас я в Интернете сидел, комменты читал, там тоже. Ну, с одной стороны вроде говорит: вот Шеф молодец, если это, ну хрен его знает. А завтра этот все начнет выкидывать.

У: Слушай, я не знаю, где твои все аналитики, которые там Шабдарбаеву подсказывают.

Д: Он с ними советовался или нет? Я не знаю. Я, честно говоря, удивляюсь всему этому.

У: Он включен в этот процесс.

Д: Ну, понятно.

У: Вот и все.

Д: Не знаю. Мое отношение к Рахату вы все знаете.

У: Да

Д. Я тут о Шефе говорю, а не о нем. На хер, б …ь, мне этот Рахат долбаный? Его давно надо было похоронить говнюка, тогда еще(В 2001 году). Ну, вот сейчас по Шефу–то, не знаю как? Мне не нравится ситуация, откровенно говоря, что такую форму все это приобрело.

У: По «Хабару» сказали, по всем каналам.

Д: Ну, сейчас, этот сидит трахтит, его где–то записали же? И сами же.

У: Где идет?

Д: По «Астане». Канал «Астана».

У: (в сторону) Набери канал «Астана».

Д: Ну, вот он уже сорок минут рассказывает, как он его там избивал, забирал, отнимал.

У: «Астана», «Астана».

Д: Его же писали. Кто–то писал? Он же там сидит где–то? Как эта пленка там оказалась? Согласованно или нет? Вообще, Баке, такой это скандал, который перехлестывает все, что было раньше, между прочим. Х.. его знает. Тут и так вокруг шум да гам стоит.

У: На х… это показывать?

Д: Вот и я говорю, сорок минут показывают это уже. По всей стране, б …ь.

У: Сколько минут показывают?

Д: Уже сорок минут показывают. Он уже рассказывает минут тридцать.

У: Ни х..! Б …ь! Адильбек, б …ь! Сука!

Д: Не знаю …

У: Подожди. (По другому телефону) Маулен! Вот сейчас,

слушай, минут сорок показывают Гилимова по каналу «Астана». Для чего это нужно? Ну, кто должен знать? Кто должен контролировать? Двадцать — сорок минут идет. Вот включи «Астану», он все рассказывает, чего это? Кто дал такую команду? Разберись, сейчас я буду докладывать. Сорок минут он говорит. Все рассказывает там в камере. Кто это санкционировал такое вообще? Ну, ну, это — центральный республиканский канал, б … ь! … твою мать.

Д: Анонсировали его сначала по новостям, а сейчас показывают на хер.

У: (По другому телефону) Але! Адике, вот включите «Астану», показывают сорок минут, Гилимова показания. Вот сейчас идет. Все сидит спокойно в камере и врет. Кто это делает? Вот на хера, Гилимов сидит спокойно.

Вор … твою мать, мошенник, б …ь, который с л деньги. Вот спокойно показывают сорок минут. Нет, «Астана», «Астана» канал. Гилимов, вот он написано, еще анонс был б…ь! Ну, вот сейчас будете разговаривать, скажите, сорок минут показывают. (Дутбаеву) Але

Д: Да, да.

У: Это все неправильные советы. У тебя есть «Сункар».

Д. Нет, откуда.

У: Ты же знаешь, тебя–то слушают.

Д: Слушают, я знаю. Поэтому звоню официально. Я, например, считаю это неправильным.

У: Ох. ть, можно!

Д: Эти вопросы по Шефу бьют. Я исходил из этого, неправильный подход. Надо было просчитывать же эти вопросы, можно же было по–другому сделать. Пошли, там пошли — Бог с ним, но аккуратно.

У: Ну, даже вот эта информационная короткая передача и все, и хватит.

Д: Да и хватит. Все нормально. Ну, ладно Буке, я завтра позвоню тогда вам?

У: Ладно

№ 2 Информационная война

«Если остановимся, еще хуже будет»

Необходимое пояснение

Заместитель премьер–министра Есимов и бывший помощник президента Ни разговаривают о том, как надо было захватить посла Алиева, о развязывании травли и дезинформации и об особой роли, отведенной КНБ и МИДу в попытках Казахстана заполучить посла в Австрии В телефонном разговоре участвуют:

Е — Есимов Ахмеджан Смагулович, тогда заместитель

премьер–министра

Н — Ни Владимир Васильевич, бывший помощник президента

Е: Алло, Ваке, приветствую.

Н: Привет.

Е: Как Вы?

Н: Не, там почти ночь я не спал. Плохо там. Очень плохо.

Е: Да.

Н: Сегодня ты толстушку возьми. Тоже есть, уже. «Время» газета — его портрет. Ночью привезли — я сказал: печатать! Мне сигнальный экземпляр принесли.

Е: Сейчас надо работать на опережение, Ваке.

Н: Да, я сказал: печатать. Не надо бояться.

Е: Надо уже все на опережение. Потому что тот там тоже будет.

Н: Там немножко неправильно сделали. Надо было его сюда пригласить, и после этого все надо шуровать. Вот это вот ошибка. Это я считаю так!

Е. Вот это пошло, теперь надо на опережение работать. Сейчас вот надо …

Н: А как ты будешь работать на опережение? Это мы должны здесь работать. В печати и все давать, а там в Австрии ничего не сделаешь.

Е: Нет, там надо тоже, чтобы эти работали. Есть же у нас эти, кстати КНБ. Вчера он же сказал об этом.

Н: МИД должен работать. Это основной — МИД.

Е: Эти службы должны все очень четко работать. Информационная война сейчас будет.

Необходимое пояснение

Бывший помощник, пенсионер Ни и редактор якобы частной газеты Игорь Мельцер обсуждают, как сделать пиар уголовному преследованию, которое проводится по личному поручению президента Назарбаева.

В разговоре участвуют:

Н — Ни Владимир Васильевич, бывший помощник президента

М — Мельцер Игорь Максимович, главный редактор частной газеты «Время», тайный агент–информатор КГБ-КНБ

Упомянуты:

Имангали Тасмагамбетов, тогда Аким–мэр города Алма — Аты

Бигельды Габдуллин, главный редактор частной газеты «Централ Азия монитор», тайный агент–информатор КГБ-КНБ.

М: Да, Владимир Васильевич.

Н: Надо, я сейчас в Астане, прилетел, я там Имангали тоже хочу сказать: надо было дать отклики хорошие, по этим делам.

М: На субботу, да?

Н: Ну, если и на субботу можно. Когда мы найдем, в общем, хорошие отклики. Что, несмотря на все эти дела, президент пошел на такой шаг. На родственные, на все. Что на любого гражданина наш закон распространяется, надо сказать.

М: Понятно.

Н: Отклики надо дать. Хорошие отклики!

М: Понятно. Пресс–конференцию рахатовскую отменили?

Н: Да, да. Все. Я знаю. Я все знаю. Там вот, что говорили по «КТК», по «Каравану» — тоже все нормально.

М: Все нормально, да?

Н: Да, я же вам говорил, все будет нормально. Я же вам сказал.

М: Тогда выходит, вы лучше знаете людей.

Н: Все будет нормально, я сказал. ОК! Не будет никаких передач. И пресс–конференция тоже все отменено. Никакой пресс–конференции — все!

М: Значит.

Н: Теперь я спрошу после отмены вот этой. Я еще не заходил. Если он скажет: отклики давать — будем давать отклики. Поработайте.

М: Ну, это не вопрос. Это не проблема. А вообще–то будем говорить так: может лучше вам не спрашивать ничего?

Н: А дать?

М: Да, мы дадим. Что у нас есть, мы дадим, по этим делам — по тем, что немножко придержали, тогда.

Н: Нет, не об этом речь идет, не об этом. Сегодня, вот по расследованию, которое производится по поручению главы государства.

М: Нет, отклики на эту тему я дам. Понятно, я дам. Я говорю, что кроме этого, как бы вот, понимаете.

Н: Давайте, я все побеседую. Сейчас в семь часов принимать будут меня. И я вылетаю в Алмата, сразу. И я вам обязательно позвоню.

М: Да, да. Но может быть не стоит обсуждать, чего давать, чего не давать?

Н: Нет, по откликам надо обсуждать.

М: Нет, по откликам …

Н: По другим не будем обсуждать, а по откликам надо.

М: Да, да, да.

Н: Я может Габдуллину скажу еще, потом скажу нашему «Интерфаксу — Казахстан».

Необходимое пояснение

Бывший помощник Ни обсуждает с бывшим спикером парламента Абыкаевым, как добивать Алиева. В разговоре участвуют:

А — Абыкаев Нуртай, бывший спикер парламента, посол Казахстана в России

Н — Ни Владимир, бывший помощник президента.

А: Ваке, добрый день.

Н: А, Нуреке, добрый день.

А: Как Вы там?

Н: Да, ничего. Я вот сейчас с Ним был, в Астану прилетел.

А: Да, хорошо, правильно.

Н: Прилетел, сейчас, вот еду к нему. Ну, там пресс–конференцию отменили — все.

А: Ну, как она может быть пресс–конференция?

Н: Нет, этот хотел дать в Австрии. Отменили, все.

А: Да, правильно.

Н: Да, сволочь … Я сегодня сказал: Нуртай Абыкаев вам в 2001 году сказал: «Горе принесет этот рахат „, точно. Я ему сказал сегодня так.

А: Теперь, независимо от того, какой, что — добивать надо, Ваке.

Н: Да, да, нужно. Это будет, это будет. Просто по телефону не говорить. Я потом вам приеду в Алма — Ату, позвоню.

А: Хорошо, хорошо, правильно.

Н: Сейчас решение будет принято.

А: Правильно, не надо сейчас ни на чего смотреть. Потому что, если в этой ситуации остановимся, еще хуже будет. Не надо делать это.

Н: Точно, точно.

№ 3 Вы сами по себе больше, чем этот самолет

«Это понятно»

В разговоре участвуют:

Ни — Ни Владимир Васильевич, бывший управляющий делами президента

Ким — Ким Владимир Сергеевич, миллиардер–олигарх

Н — Назарбаев Нурсултан Абишевич, президент

Необходимое пояснение

Владимир Ни и Владимир Ким обсуждают покупку для президента Назарбаева очередного эксклюзивного самолета. В государственном бюджете такая покупка не запланирована. Президент Назарбаев для вида слегка сопротивляется, но быстро соглашается на новый самолет и интересуется, а когда же будет следующий, еще больше.

Ни: Володя, мы, когда вот сидели, обсуждали самолет новый, 330-й. Непонятно, почему я написал: 100 человек?

Ким: Нет, там 35 плюс 12. Это получается … 35 плюс 12.

Ни: А почему я написал: 100 человек?

Ким: Нет, там 35 — бизнес класса, 12 — первого класса.

Ни: А внизу что–то есть, наверное, тоже?

Ким: Внизу, там дополнительно. Если сам решение примет, Хозяин самолета, тогда мы добавим, и там будет дополнительно 3 спальных места всего.

Ни: Три спальных места … Тогда я что–то ошибся, записал. Сейчас Нурсултану Абишевичу дам трубку.

Ким: Хорошо.

Н: Алло.

Ким: Здравствуйте, Нурсултан Абишевич.

Н: Добрый день, Владимир Сергеевич. Как себя чувствуешь?

Ким: Я хочу Вас поздравить! Я слушал, как вчера Вы говорили все! Ну, что там говорить, как Вы скажете, так мы и будем делать.

Н: Все будет нормально.

Ким: Спасибо Вам! Владимир Васильевич рассказал Вам про этот самолет. Вы извините нас, но что делать.

Н: А какая у него дальность?

Ким: Ну, что сделать до 2010 года, надо что–то же делать?

Н: Делайте, так. Какая у него дальность?

Ким: Нурсултан Абишевич, вы извините меня. Вы хозяин самолета, он стоит уже. Но кто–то должен там решать, что внутри делать у него.

Н. А какая дальность у него, там показано — везде.

Ким: Этот самолет считается № 1 в мире. Вообще: по дальности, по спокойствию и по безопасности. Самое главное — безопасность. И он больше, на 7 метров … на 10 метров больше чем Ваш. 767-й.

Н: Еще больше? Куда еще?

Ким: Он длиннее, он шире. Он на метр двадцать шире. И потом, самое главное, Нурсултан Абишевич, столько самолетов мы имеем — неужели мы не можем для Хозяина какой–то самолет. Поэтому я, честно говоря, уже два года занимаюсь. Вы уж извините.

Н: Слишком большой, понимаешь.

Ким: Нурсултан Абишевич, Вы сами по себе больше, чем этот самолет!

Н: Это понятно.

Ким: Поэтому, Вы знаете, Вы уж извините меня…. Но это уже куплен. Поэтому если Вы скажете, надо нам его раздолбать … Но он уже куплен.

Н: Не надо. Ты где сейчас находишься?

Ким: Я в Алма — Ате, Нурсултан Абишевич.

Н: Ну, ладно, давай. Здоров будь. Всего доброго.

Ким: Спасибо, Нурсултан Абишевич! Спасибо за доверие!

Н: Еще вот я вчера предложил. Там будут рассматривать завтра …

Ким: Нурсултан Абишевич, можно вопрос задать? Вам нравится самолет этот?

Н: Нравится, конечно, но большой сильно.

Ким: Нурсултан Абишевич! Пусть следующие президенты Казахстана, пусть они летают на меньших самолетах. У нас один президент Казахстана — пусть он летает на большем самолете. Это также самолет как у Путина будет, он заказал заранее. Но у Вас будет первый он! Вы знаете, что Ваш «Airbus» стоит, сейчас на котором летаете. У Путина такой же пришел. Вы не знаете про это? Он не говорил?

Н: Какой у меня есть?

Ким: Он позже пришел на год. Маленький Airbus. У него пришел он тоже.

Н: Как у меня?

Ким: Да, он на год позже пришел. Конечно, мы же все отслеживаем.

Н: А тот 20-й будет в следующем году, на замену?

Ким: Дело в чем, что он придет в 2010 году. Он придет чуть раньше, но надо же сделать все, что положено делать.

Н: Я понимаю. 320-й, когда будет?

Ким: 320-й, он через год будет. Вы будете летать в феврале, в марте. Следующего 2008 года. Таких равных не будет. Их три самолета в мире. И Вы бросите все эти «Боинги», полетите в Саудовскую Аравию — там скажут: «Ох! Это у Вас самолет! Мы бы все хотели такие самолеты». Мы уже всех перекупили. Честное слово! Вы не поверите.

Н: Хорошо. Ладно. Государство может это делать. Давай, пока.

Ким: Спасибо, Нурсултан Абишевич!

№ 4 78 надо, на х..!

«Вы партии Назарбаева «Нур — Отан» перечислили деньги?»

Необходимое пояснение

Президентская партия «Нур — Отан существует не за счет пожертвований добровольцев или членских взносов. Денег ей нужно много — десятки миллионов долларов. Постоянно не хватает то на новый офис в столице Астане, то на новые автомашины джипы. Тогда партийцы идут в народ. То есть выбивают из частных компаний, банков и отдельных бизнесменов

крупные суммы. Желающих не платить Назарбаеву и его партии пока не нашлось. Доказательства — в нижеследующих телефонных разговорах чиновников, бизнесменов и самого президента. Называемые цифры — миллионы долларов.

В разговоре участвуют:

У — Утемуратов Булат, управляющий делами президента

Н — Назарбаев Нурсултан, президент Казахстана

Упомянут: Адильбек — Джаксыбеков Адильбек, шеф администрации президента

У: Алло!

Н: Ну, чего. Выяснял чего–нибудь?

У: Нет еще.

Н: Не успел еще. В общем, я нахожу на здание партии. Видишь, да? Твоя задача столько же собрать для самой партии.

У: Хорошо.

Н. Пусть все участвуют. Наши тоже. Чего в стороне, скажи. И Адильбеку скажи, всем.

У: Хорошо, я так предварительно прикину и покажу Вам. Для одобрения, согласую.

Н: Там же надо нам набирать.

У: Часть на ваш фонд, часть в …

Н: Да. На мой фонд сколько мы уже там? Названные уже есть?

У: 20 (двадцать миллионов долларов) там …

Н: Не будем говорить по телефону.

У: Хорошо.

Н: Потом еще там посмотрим и туда, и сюда.

У: Ну, я … По фонду у меня картина есть уже.

Н: Всех–всех надо.

У: Хорошо, картину я вижу. Я думаю, нет проблем.

Н: На содержание вот этого вот, офиса вашего фонда, в бюджете должно быть предусмотрено?

У: Да, обязательно, есть он.

Н: По содержанию его самого?

У: Естественно, я прошлом году это все заложил. Однозначно, оно есть.

Н: Потом, там вот эти документы, которые в боксе–ячейке лежат, в АТФ-банке. Давай может, я их к себе положу? Забери их.

В разговоре участвуют:

У — Утемуратов Булат, управляющий делами президента

М — Мамин Аскар, Аким–мэр города Астана

Упомянуты:

Адильбек — Джаксыбеков, руководитель администрации президента

Тимур — Кулибаев, зять президента, бизнесмен

Карим — Масимов, премьер–министр Казахстана

У: С добрым утром. Слушай, два вопроса. Определи, кто от тебя подойдет. По спонсорству для выборов. Тебя тоже сюда включили.

М: Какого спонсорства?

У: Для партии «Отан».

М: А что там за спонсорство?

У: Деньги платить надо.

М: За офис, что ли?

У: Ну, не за офис, в вообще список.

М: Ну, я сейчас три миллиона долларов вкладываю, строим городской с нуля. Городской офис партии «Нур — Отан».

У: Ну, это ты как Аким–мэр этим занимайся, а тут индивидуально есть. Тут и Адильбек, и я, и все там, короче.

М: Ну, хорошо. До понедельника не это самое?

У: Все равно этим будешь сам заниматься. От Адильбека тоже другие люди. Тебе зачем заходить ко мне. Я имею в виду, кого ты будешь определять, это самое. Я с Шефом вчера разговаривал — он сказал всех! Всех наших: тебя, Адильбека, меня. Все в этом списке. Тимур там, все–все, Карим.

М: Хорошо, хорошо. Когда это надо?

У: Можно сегодня, можно завтра. Я так по одному всех приглашаю. Не хуралом, а по одному. Там через моего помощника Адиля. Или брат, или кто у тебя такой доверенный.

М: Хорошо …

В разговоре участвуют:

У — Утемуратов Булат, управляющий делами президента

Н — Нам Олег, президент частной казахской строительной компании «Куат»

Н: Алло. Булат Джамитович, Олег Нам.

У: Добрый вечер

Н: Ну, вот один вопрос, который говорили, по спонсорской помощи для партии. В общем, как сказать … Пока у меня год получается убыточным, но я думаю, что порядка трех миллионов долларов, наверное, я смогу.

У: Олег, там минимальный проход — пять. Вот если я просто по дружески, учитывая это, я тебе могу показать список. И то, минимальные, это знаешь кто — агробизнес. Остальные все уходят за десять.

Н: Понятно.

У: Подтянись. Давай лучше пять сделай. Я тебе по минимуму сделаю и все.

Н: Хорошо.

У: В качестве исключения я покажу тебе. Чтоб ты видел, кто как там. И могу пойти на встречу: в два платежа сделай. Первый делай, допустим, три, а спустя месяц еще два.

Н: Хорошо.

У: Хорошо. Ты с Адилем свяжись. Он письма официальные подпишет. Через какую ты компанию будешь делать, через одну или через две. Проплату. Если одно письмо — одно письмо. Некоторые разбивают на дочки и так далее. Мы подпишем официально от них, чтоб по телефону не говорить.

В разговоре участвуют:

У — Утемуратов Булат, управляющий делами президента

Ж — Жумашев Сержан, президент казахской строительной компании «Capital Partners ltd»

Упомянут: Нуржан — Субханбердин, владелец и председатель совета директоров частного казахского «Каз–коммерц» банка

Ж: Алло, это Сержан беспокоит Вас. У меня пара вопросов к Вам. По первому … по партийному фонду. Там после нашего разговора, я к Нуржану заходил. Там с моего счета. Там наши совместные компании оплатили. Потом Нуржан сказал, что не смог долететь к вам тогда, не смог с вами встретиться. Поэтому мы эти деньги, которые перевели, я сказал ему, смотри, потому что мы эти деньги уже перевели с нашей компании. Это вы и Нуржан при встрече переговорите. Этот вопрос открытый остался.

У: В плане чего переговорить?

Ж: В плане того, что Нуржан считает … Поэтому он хочет с вами переговорить.

У: Что он считает? Что он считает, что в смысле все, что ли больше не будет?

Ж: Да, он считает, что все. Я сказал Нуржану, я свою часть выполнил — которые вот эти десять миллионов на двоих.

У: Нет, это недоразумение идет. Это считалось, что он один.

Ж: Не–не–не. Это нам на двоих.

У: Ну, тогда сделайте плюс пять. Вот и все.

Ж: Я ему говорил, что я свои пять уже отдал. Хорошо, я с ним сейчас переговорю.

У: Нет, скажи там, просто уже отчитались перед большим шефом. Не то, что отчитались — уже сказали, что он десять, и ты пять. Так у меня даже в списке зафиксировано.

В разговоре участвуют:

Нам — Нам Олег, президент частной казахской строительной компании «Куат»

Н — Ни Владимир, бывший помощник президента

Н: Олег, вы партии перечислили деньги. Да, тоже?

Нам: Я знаю, что мы первый транш 3 (три) перечислили и еще 2 (два) должны были перечислить. Но я сейчас …

Н: А, нет. Вам кто дал поручение?

Нам: (мнется) Утемуратов.

Н: Утемуратов. Первый транш 3 и сейчас второй готовите?

Нам: Да.

Н: Прямо перечисление делаете?

Нам: Да, но там … чисто такое … прямо помощь … в счет партии.

Н: Хорошо. Вы ее делаете, перечисление от себя лично или от компании?

Нам: От компании.

Н: А это разрешается, Да?

Нам: Это как помощь, спонсорская помощь.

В разговоре участвуют:

У — Утемуратов Булат, управляющий делами президента

Н — Ни Владимир, бывший помощник президента, член совета директор металлургической публичной акционерной корпорации «Казахмыс»

Упомянуты:

Володя — Ким Владимир, миллиардер, владелец «Казахмыс»

Огай — Эдуард, председатель совета директоров корпорации «Казахмыс»

У: Это самое … Я не знаю по этому телефону … По вот этому «Отану». Вы там эти 20 (двадцать) перевели или нет.

Н: Кого?

У: Вот мне Шеф — Назарбаев говорит: ты, это самое … Я отчитывался ему. Он говорит, есть эти 20. Я говорю, нету 20. А вообще он говорит, там должны были четыре физические лица, должны были сделать.

Н: Сделано, сделано. У него. Почему? У него же все?

У: У кого?

Н: У Хозяина. Ну, у кого? У него. Я отдал все счета.

У: Вы в партию «Нур — Отан» сделали?

Н: Да!

У: Я у бухгалтера спрашиваю, она не знает.

Н: Ну, не знает … Все четыре человека. Я тебе фамилии могу назвать.

У: Все перечислили на счет «Нур — Отана»?

Н: Да, да. 20, ровно 20.

У: Она говорит, нету.

Н: Нет, есть. Вот слушай меня: 11 — Володя, 5, там с вычетом, все сделано — Огай …

У: В Казахстане сделали?

Н: Нет, мы оттуда из–за рубежа загнали в Казахстан.

У: Значит, не попали они.

Н: Нет, уже больше месяца … У Шефа эти платежки.

У: Ваке, я говорю, что бухгалтер «Нур — Отана» мне говорит …

Н: Ну, не знает. Платежки все ты знаешь у кого. Четыре платежки. Я передал. Все четыре платежки передал.

У: Ваке, я Вам дам телефон этого бухгалтера. Вы или кто там у вас … Я сейчас еще раз с нею переговорю, если она бестолковая такая, что не может разобраться с деньгами …

У: Может там наш «Центркредит» банк не показывает, блин.

Н: Да, да, да. Все мы сделаем, все сделаем. Что скажете, то сделаем.

В разговоре участвуют:

Е — Есимов Ахмеджан, тогда заместитель премьер–министра

Н — Ни Владимир

Е: … Ну, вы знаете, что Утемуратов занимается сбором денег для партии?

Н: Кто?

Е: Утемуратов.

Н: Не знаю. Откуда я знаю?

Е: Вот так.

Н: Может, Хозяин — Назарбаев его туда толкнул, потом чтобы ушел.

Е: Не знаю. Не все довольны, одним словом. Что он занимается этим. Что он этим делом занимается. Ну, ладно потом может быть, встретимся, переговорим.

В разговоре участвуют:

Н — Ни Владимир

Б — Белович Александр председатель совета директоров строительной корпорации Базис-А

Н: Вот это офисное здание в Астане, ты продаешь же?

Б: Это не мой участок. Я тридцать процентов арабам передаю. Бесплатно. Саудовской компании «Бен — Ладен групп». Это на их же земле делается. Поэтому там такая ситуация.

Н: Ты как пообещал президенту?

Б: Там была цена такая — 56 миллионов. Он говорит: ну сколько там? Ты понимаешь, для каких целей, мое поручение … Ну давайте, в конце концов, говорю — четыре. Он говорит: площадь какая? Я говорю: 23 тысячи. Он говорит: я могу только по 2 тысячи долларов. Вот 46 миллионов, и больше ко мне не подходи.

Н: Ну, и что ты сказал?

Б. Я говорю, как скажете господин президент, так я и буду

делать. Я немножко по сопротивлялся, сказал, что мне арабам надо много отдавать. Но потом сказал, что если ваше поручение, то буду его выполнять.

Н: Что–то он мало с тебя взял. А с меня больше берет.

Б: Ну, как мало! 10 миллионов сразу скидка! Ничего себе!

Н: Какая скидка, какая скидка! Я бы вообще, если бы это мое здание, бесплатно бы отдал.

Б: Ну, там арабы же.

Н: Вообще то, я хотел бы встретиться поговорить, как это мы сделаем. Вопросов у меня нет, Назарбаев меня придушил. Тоже, между нами. Я, как и ты, как солдат рядовой по стойке смирно стою. Я тут сейчас много … Он говорит: ты выкупи и отдай здание. На х… партии. Он говорит: член партии? Я давно, говорю, член партии. Я уже и так много загнал туда. Он говорит: давай, выкупай. Ну, хорошо, этот вопрос по оплате я решу.

В разговоре участвуют:

У — Утемуратов Булат, управляющий делами президента

Н — Ни Владимир

Н: Теперь такой вопрос. Сегодня встреча закончена с Беловичем. Цифра 46 согласована. Это уже все. Теперь мы финансирование договорились, как будем делать, но я приеду, согласовать должен.

У: Мне Шеф вчера рассказал.

Н: Ну, мне еще раз согласовать надо. Партия должна чего–то платить, партия. Без этого я не могу. Потому что ты же знаешь, по легализации я уже двадцать отдал, ты знаешь же, да?

У: Угу.

Н: Я по легализации двадцать уже выслал, уже получили они. И опять, если это я начну бесплатно, это разговор пойдет. Лучше потом как–то еще раз по легализации пустить. Пусть я куплю за 46, но они за миллионов 20 пусть купят у нас. А 50 % на … 2 5 на себя, на убытки возьму. Правильно я рассуждаю?

У: Да.

Н: Зачем завтра разговоры будут. Они не понимают, откуда я расту? Чей я человек? Они сразу определят. Эти газеты сразу скажут. В общем, я приеду — все согласую.

Необходимое пояснение:

Ни жалуется своей жене о добровольных взносах по просьбе Хозяина

В разговоре участвуют:

Ж — Жена Ни Владимира

Н — Ни Владимир,

Упомянуты: Володя Ким Эдуард Огай

Ж: А ты с этим (Назарбаевым) рассказывал ему? Насчет

партийного дома и так далее?

Н: Ну да, конечно.

Ж: Ну, и чего Он (Назарбаев)?

Н: Говорит, надо делать и все. Строителям отдали смету — 46 миллионов.

Ж: Ужас!

Н: Я из них — 30, остальное, 70 — Володя. Сейчас вот поедем, Он (Назарбаев) нам еще раз конкретно скажет.

Ж: А это как, насчет виллы (частной виллы для Назврбаева)?

Н: Какой? А, тоже. Он согласился там остановить, пригласить и проверить. Но там, это черт с ним, вилла — там миллионов 30 (неразборчиво). Это здесь 46 и никаких. Никаких льгот не будет. Давай! Делайте, находите. 46, 22 — 68, и пусть десять. 78 миллионов надо, на х..!

Ж: Ужас!

Н: Ну, а чего сделать? Ну а куда денешься!

Ж: Ужас же!

Н: Ну, ничего. Сейчас Володя приедет, будем говорить. Олега я вызвал сюда. Надо искать, по другому нельзя. Но 46 хоть не сразу, траншами на месяцев пять растянем. Так дивиденды понемножку отдавать будем.

Документальные приложения

Сотрудники внешней разведки «Барлау» Комитета национальной безопасности Казахстана, работающие под дипломатическим прикрытием в посольствах РК в Европейском Союзе, участвовавшие в операции «Охота на зятя».

Австрия

1. полковник Кабылбеков Мурат Кизатович — с мая 2008 года, резидент внешней разведки «Барлау» КНБ, советник посольства РК в Австрии (ранее работал — 1 секретарем посольства РК в Австрии с 1998–2001 годы),

2. подполковник Мухтыбаев Берик Хамитович, (24.08.59 г. р.), псевдоним «Гектор», 1 секретарь посольства в РК в Австрии, ранее работал 1 секретарем в Генеральном консульстве РК во Франкфурт–на–Майне (ФРГ) (моб. тел. 491794629250)

3. полковник Рахманкулов Достай Тулемешевич, (22.04.60 г. р), псевдоним «Фокс», работает инспектором МАГАТЭ, в Венском офисе ООН (тел. раб. — 260021609, тел. кв.43–17286957)

Германия

1. полковник Шокытбаев Темирлан Несипбекович — резидент внешней разведки «Барлау» КНБ, советник–посланник посольства РК в ФРГ.

2. подполковник Пустобаев Александр Иванович, (06.12.65 г. р.) — псевдоним «Эрвин», 1 секретарь посольства РК в ФРГ

3. майор Каришев К. М. — шифровальщик,3 секретарь посольства РК в ФРГ

4. майор Абжанов Нурлан Сартаевич, (04.11.72 г. р.), шифровальщик, псевдоним «Пауль», атташе в Генеральном консульстве РК во Франкфурте–на–Майне (ФРГ)

5. полковник Абишев Мурат Булатович, (08.11.65 г. р.), псевдоним «Сван», 1 секретарь посольства РК в ФРГ, ранее работал в посольстве РК в Австрии (моб. тел.4389911843020)

6. подполковник Турлыбеков Е. Е. — 1 секретарь в Генеральном консульстве РК во г. Франкфурт–на–Майне (ФРГ)

Франция

1. полковник Амиров Галымжан Каппарович, (08.06.57 г. р.) псевдоним «Боб», 1 секретарь посольства РК во Франции

2. полковник Джокебаев Бахытжан Алиппекович, (20.01.56 г. р.) псевдоним «Дали» 2 секретарь посольства РК во Франции

3. полковник Исаев А. С. — советник посольства РК во Франции

4. майор Сейткул Ж. К. — 3 секретарь посольства РК во Франции (аккредитован в ЮНЕСКО)

5. майор Василенко Станислав Юрьевич — 1 секретарь посольства РК в Страсбурге (Франция) аккредитован в Европарламенте и Совете Европы

6. майор Шабанбаев АМ. — шифровальщик, атташе посольства РК во Франции

Бельгия

1. полковник Ковалев Валерий Михайлович, (01.01.62 г. р.) псевдоним «Кевин», 1 секретарь посольства РК в Бельгии (моб. тел.32485372285)

2. майор Желеуов Баки Нурдаулетович, (01.10.66 г. р.) псевдоним «Тиль», атташе посольства РК в Бельгии, шифровальщик (моб. тел 32479669281)

3. подполковник Рузиев АР. — 1 секретарь посольства РК в Бельгии

Польша

1. майор Шукурбеков А. А. — 3 секретарь посольства РК в Польше

Швейцария

1. полковник Жанкулиев Аманжол К. — бывший директор службы внешней разведки «Барлау» КНБ, посол РК в Швейцарии

Греция

1. майор Нуртаев (Абыкаев) Сергей Нуртаевич. — Генеральный консул РК в Греции.

Чехия

1. полковник Карашев Анарбек Бактыгазович — посол РК в Чехии

Документ. Личное дело агента КГБ-КНБ псевдоним «Данко» посла Казахстана в ОБСЕ Кайрата Абдрахманова, по его информации студент Казахского Университета Е Куандыков, был осужден на 6 лет за участие в студенческих демонстрациях в декабре 1986 г. в Алма — Ате.

Оценка президентских выборов в Казахстане 1999 г. наблюдателями ОБСЕ.

Министерства обороны Республики Казахстан в связи с выполнением вышеуказанного контракта;

2 Необходимость скорейшего выполнения первого авиатранспортного рейса в нашу страну (на Ваше усмотрение — путём транзита или напрямую) из города Чимкента транспортным самолётом Ан-124 «Руслан», который берёт на борт 6 штук самолётов Миг-21, или транспортным самолётом Ил-76, который берёт на борт 2 самолёта МиГ-21.

3. Срочное принятие Постановления Правительства на вывоз железнодорожным путем в КНР (передача на станции Дружба) на ремонт 93-х самолётов МиГ-21 с сопутствующим имуществом.

4. Срочное принятие Постановления Правительства на реализацию оставшегося вооружения (ракеты и боеприпасы) и дополнительною контрактного имущества (наземное оборудование), зафиксированного в основном Контракте.

5. Необходимость немедленного уведомления нашей стороны о Вашем конкретном плане — точном графике транспортировки контрактного имущества (поставка авиа или железнодорожным способом)

Эти срочные вопросы вытекают из того обстоятельства, что несмотря на:

• полное удовлетворение нашим Министерством Народных Вооруженных Сил Ваших требований и условий основного и вторичных контрактов,

• оформление чешского экспортного контракта, получение Постановления Правительства и Лицензии на экспорт на поставку 40 самолётов МиГ-21 БИС, дальновидность и правильность оформления которых прошли испытания в Азербайджане,

• наше финансирование для проведения силами МО РК большой предпродажной работы в городе Талдыкоргане (разконсервация. газовка и разборка самолётов, восстановление оборудования и проверка ракет, закупка топлива и многое другое),

до настоящего времени задерживается начало поставки

контрактной авиатехники по совсем непонятной для нас причине.

Высшие должностные лица Министерства обороны Республики Казахстан категорически отказываются от встречи с членами нашей официальной делегации и мы не имеем подтверждения официальной позиции Вашей стороны.

Мы благодарны Вам за закрепление за нашим проектом Вашего представителя г-на Петренко А. Д… усилия которою, направленные на получение Республикой Казахстан немалых средств, а нашей страной — самолётов, мы видим. Мы постоянно получаем от г-на Петренко объяснения о продвижении нашего проекта, но, к сожалению, этого не достаточно и мы имеем приказ своего руководства на официальной встрече с руководством МО или КНБ выяснить и доложить точное конкретное Ваше решение.

Как было отмечено в наших письмах, направленных Вам (МО и КНБ РК) еще в конце 1997 года, из–за задержки выполнения Вами контрактных обязательств самолеты постоянно устаревают. Положение на сегодня критическое — около 30 самолётов находятся в разобранном состоянии (срок нахождения в таком состоянии крайне ограничен и это может привести к потере этих машин, из–за окисления и засорения очень чувствительной топливной аппаратуры, а также необратимой порче мягких юпливных баков).

Кроме унизительного для нас положения, связанного с отсутствием официальных встреч в Министерстве обороны Республики Казахстан и. соответственно, неуважением к нашей официальной делегации и стране в целом, мы возмущены тем, что, наверное, как единственный за всю историю Министерства обороны Республики Казахстан покупатель, доказавший свою платежеспособность, «заморозивший» в Казахстане уже около двух лез «живые» деньги и заключивший контракт с МО РК на покупку огромной партии старых, неиспользуемых Казахстаном, самолетов (133 штуки), мы должны были бы иметь право на всё оформленное имущество К сожалению, как оказалось, это не так. Видимо из–за недостаточного контроля, связанного с Вашей господин Министр и Вашей господин Председатель занятостью, совсем недавно, даже не поставив нас в известность, казахстанская сторона реализовала украинской компании 2 наших самолёта МиГ 21 (спарки). Хотя были проданы одни из лучших наших «спарок», цены — в два раза ниже наших цен

Плачевное состояние по ресурсам видно из нижеприведенной таблицы технического состояния самолётов МиГ-21 на конец 1999 года:

Годы Всего Лётных Нелётных

1995–96 133 74 (55 %) 59 (45 %)

1997 133 47 (35 %) 86 (65 %)
1998 133 32 (24 %) 101 (76 %)
1999 133 22 (16 %) 111(84 %)

Учитывая отношение казахстанской стороны, вышеуказанные данные и I о, что боевые самолёты МиГ-21 БИС и другие модификации, нацелены на дальнейшее применение у нас в Корейской Народной Армии, заставляет нас, как сторону основного контракта, всерьёз задуматься о судьбе основного контракта

В этот раз нашим Министерством Народных Вооруженных Сил дано нашей делегации чёткое указание, при условии, если и далее продолжаются вышеизложенные обстоятельства и не ясно казахстанской стороной выражается позиция по данному вопросу, вывести нашу делегацию из Республики Казахстан со средствами, которые были выплачены в виде аванса казахстанской стороне

Исходя из этого, по требованию нашего руководства, настоятельно прошу Вас в кратчайшие сроки, не позднее 20 мая ст., передать нам письмо Министерства обороны Республики Казахстан, адресованное на наше ГТУ ВЭ МНВС КНДР с изложенной в нём официальной и ясной позицией Вашей стороны по вопросу сроков реализации или прекращения действия основного контракта.

Также напоминаем о возможности и необходимости, переданной через Петренко А. Д., осуществления посещения нашей страны делегацией Министерства обороны Республики Казахстан для проведения встречи с руководством КНА с целью обсуждения возможностей военного и другого сотрудничества.

Выражаем надежду, что учитывая сложившуюся ситуацию, эта информация будет согласована с Президентом Республики Казахстан и будут приняты положительные и ясные меры Вами, уважаемые Мухтар Капашевич и Нуртай Абыкаевич.

Мы верим, что Республика Казахстан уделяет большое внимание отношениям дружбы и сотрудничества между народами и Армиями наших двух стран

С уважением.

Глава делегации Первый заместитель начальника ГТУ ВЭ МНВС КНДР, старший полковник

Чжон Чхан Хван

13 мая 1999 г. /

г. Алматы

Президенту Республики Казахстан Назарбаеву Н. А.

О мерах США по развитию демократических институтов в Центральной Азии

Уважаемый Нурсултан Абишевич!

По полученной информации, в Конгресс США внесен законопроект «Акт о демократии и правах человека в Центральной Азии», который предусматривает ежегодное выделение около 200 млн. долларов США на поддержку в странах Центральной Азии политических партий. неправительственных организаций и национальных центров, выступающих за продвижение демократизации и программ американского правительства по укреплению демократии.

Законопроект предполагает выделение значительных финансовых средств на расширение пропагандистского радио– и телевещания на центральноазиатские страны и Казахстан в том числе.

Конечной целью является создание так называемой «инфраструктуры контроля», способной оказывать реальное влияние на власть. В области СМИ основной акцент будет поставлен на развитие радиостанций и печатных изданий. Кроме того, США планируют расширение проектов и программ но обучению журналистов государств Центральной Азии, направленных в первую очередь на прохождение ими стажировок за рубежом, выделение профессионального оборудования и программного обеспечения для работы СМИ.

Для тенденциозного освещения ситуации в Казахстане будет активно использоваться казахская служба радиостанции «Радио Свобода/Радио Свободная Европа». При этом основное внимание в своей деятельности она акцентирует на идеологической обработке казахстанской молодежной аудитории в плане пропаганды американских ценностей и принципов демократии Об изложенном свидетельствует расширение в текущем году штата журналистов, существенное увеличение их заработной платы. В перспективе планируется активизация программ вещания на казахском языке, и том числе для казахов, проживающих в России, Китае и Мошолнп. В целях обучения сотрудников казахстанского отделения указанной радиостанции в РК регулярно прибывают специалисты из США и Европы.

Комитетом будет продолжена работа по отслеживанию и нейтрализации возможной негативной деятельности казахского бюро радиостанции «Радио Свобода» в отношении Казахстана.

Личное дело агента «Нурбану» КГБ Карима Масимова, премьер–министра Казахстана.

Собственноручное указание президента Назарбаева в правительство о прекращении приглашения наблюдателей ОБСЕ на выборы в Казахстан.

Инструкция–предупреждение администрации президента Назарбаева всем правительственным чиновникам о прекращении

контактов с неправительственными организациями и представителями гражданского общества.

Не оспаривая необходимость сотрудничества с такими Международными организациями как ООН, ЕС, ОБСЕ, ВОЗ, полагаем, что государственные органы должны воздерживаться от взаимодействия с такими организациями как Национальный демократический институт международных отношений США, Международный республиканский институт, «Фридом Хаус», Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности, Фонд «Адиль соз» и некоторые другие, использующие проведение различных мероприятий в целях дискредитации власти.

Было бы правильным не допускать публичные критические высказывания о принимаемых законодательных актах и в целом, о проводимой государством политики.

Считаем также, что подходы к участию государственных органов в различных семинарах такого рода должны быть скорректированы Администрацией Президента и Министерством иностранных дел Республики Казахстан. Мероприятия, с участием радикально настроенных иностранных организаций должны «блокироваться» со стороны государственных органов.

Кроме того, в целях недопущения некорректных высказываний со стороны государственных служащих предлагаем направить соответствующее письмо всем центральным государственным органам о проведении разъяснительной работы среди сотрудников о недопущении действий, выступлений и высказываний, вызывающих негативный общественный резонанс в отношении проводимой государством политики.

Генеральная прокуратура

разглашению на территории Республики Казахстан или. за ее пределами;

(iii) Соглашение, заключенное между Министерством нефтегазовой

промышленности, входящего в структуру Правительства Республики

Казахстан, и компанией «Меркейтор Корпорейшн» назначило

последнего консультантом по вопросам нефтегазового сектора:

(iv) передаваемая Республикой Казахстан в рамках названного

Соглашения информация определена конфиденциальной;

(v) передача любой информации, полученной' в соответствии с

упомянутым Соглашением компанией «Меркейтор

Корпорейшн»,

третьим лицам возможна только с согласия исполнительной власти

Республики Казахстан, которую в соответствии с Конституцией

Республики Казахстан осуществляет Правительство Республики

Казахстан;

(vi) в соответствии со статьей 126 Гражданского кодекса Республики

Казахстан защищается информация, составляющая служебную или

коммерческую тайну, в случае, когда информация имеет

действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу

неизвестности ее третьим лицам, к ней нет свободного доступа на

законном основании и обладатель информации принимает меры к

охране ее конфиденциальности;

(vii) вывоз за пределы Республики Казахстан документов, содержащих информацию государственной важности, не допускается без соблюдения процедур, установленных законодательством Республики Казахстан; в частности, информация, переданная Правительством Республики Казахстан любому лицу, связанная с национальными интересами Республики Казахстан, и, содержащаяся на любых носителях в любой форме, не может быть вывезена за пределы Республики Казахстан без разрешения Правительства Республики Казахстан.

«Global Options»

«Global Options» — одна из наиболее сильных «команд» в сфере комплексного управления политическими и экономическими рисками, международных расследований, лоббирования, связей с общественностью, защиты и управления репутацией лидеров международного масштаба в сфере политики и бизнеса. Имеет тесные деловые и личные отношения с наиболее влиятельными представителями политического истэблишмента США и ЕС, а также мирового бизнеса. Наблюдательный Совет «Global Options», в частности, возглавляют William J. Crowe, бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов ВС США, R. James Woolsey, бывший директор ЦРУ США, Peter Peterson, Основатель и владелец Блэкстоун Групп и Председатель Совета по внешней политике США.

Для реализации своих программ в качестве экспертов «Global

Options» привлекает также:

Paul Volker, former FED Chairman; Bob Dole, former Senate Majority Leader and Presidential Candidate; George Mitchell, former Senate Majority Leader; Judge William Webster, former CIA and FBI Director; Sir Richard Needham, Board member of NEC; Lord Rathcaven, member of the House of Lords, а также других американских и европейских «политических тяжеловесов».

В последнее время «Global Options» реализовала серию успешных программ по защите и укреплению международной репутации ряда политических лидеров стран Центральной и Восточной Европы, а также стран Латинской Америки. В России «Global Options» работает с крупнейшими лидерами бизнеса, которые заинтересованы в своем позитивном международном позиционировании и защите репутации. Последним подобным примером является выигранный в США процесс в защиту руководителей «Русского алюминия».

Презентация американских лоббистов Миртчева и Ондека для Назарбаева

ЗНАЧЕНИЕ ДЕЛА «РУССКИЙ АЛЮМИНИЙ» В ОТНОШЕНИИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА США о КОРРУМПИРОВАННЫХ

ОРГАНИЗАЦИЯХ, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ РЭКЕТА

(РИКО)

В марте 2003 судья Г. Келтл Окружного суда Соединенных Штатов по южному округу Нью — Йорка отказал в начатом два года ранее гражданском иске на сумму 3 миллиарда долларов США против ОАО «Русский алюминий» и 18 других ответчиков, который был предъявлен суду по признакам нарушения Закона США о коррумпированных организациях, находящихся под воздействием рэкета (РИКО). Это дело, которое явилось самым крупным делом, связанным с применением Закона РИКО за всю историю Соединенных Штатов, является важным как с точки зрения обвинений, содержащихся в деле, так и с точки зрения решения судьи, который отказал в рассмотрении данных обвинений, а также с точки зрения стратегии обвинения, которая была использована для того, чтобы выиграть этот процесс. Наиболее важные положения по этим трем пунктам изложены ниже:

1. ОБВИНЕНИЯ

Данное дело явилось отражением высокого уровня стратегии ведения судебного процесса, которая стала все в большей степени популярной в США в конце 90-х годов XX века. Данная стратегия включала в себя четыре основные элемента.

• Первый элемент — юридический, связанный с положениями

о гражданских исках известного закона США о коррумпированных организациях, находящихся под воздействием рэкета (РИКО), согласно которым даже минимальные контакты с Соединенными Штатами могут предоставить право американским судам вести слушания по широкому спектру обвинений, якобы имеющих отношение к «преступной деятельности». Положения о гражданских исках Закона РИКО позволяют выносить решения о возмещении ущерба в тройном размере.

• Второй элемент — финансовый, связанный с американскими адвокатами (которые, как правило, получают вознаграждение в размере от 35 до 50 % от суммы возмещения, присуждаемой судами по любым делам, связанным с

Александр Мирчев Председатель Совета директоров «Global Options»

Александр Мирчев — один из признанных и авторитетных в США и Западной Европе экспертов по проблемам стран с переходной экономикой, в первую очередь — СНГ, Центральной и Восточной Европы. Начиная с 1992 года, руководил или принимал непосредственное участие в реализации более чем 30 комплексных программ по защите экономических интересов и репутации, международному позиционированию политических и бизнес лидеров России, Украины, Болгарии, других стран Центральной и Восточной Европы, а также — Латинской Америки.

Имеет тесные личные связи с наиболее влиятельными представителями деловой и политической элиты США и Западной Европы. Входит в состав Совета директоров или правления ряда ведущих на Западе юридических и финансовых компаний, включая юридическую фирму «Стюарт и Стюарт», которая является одним из лидеров в сфере международного торгового законодательства.

До 1991 года входил в состав высшего комсомольско–партийного руководства Народной Республики Болгарии. Сыграл важную роль в процессах демократизации страны (1989–1991 гг.) в качестве сопредседателя Круглого стола основных политических партий Болгарии.

Получил высшее образование в Болгарии и США. Доктор права.

1 of6

Томас Ондек (Thomas P. Ondeck) Президент и Генеральный исполнительный директор «Global Options»

Томас Ондек — один из наиболее известных и признанных специалистов в сфере комплексного управления международными политическими и экономическими кризисами с

25-летним опытом работы. Под его непосредственным руководством было реализовано более 100 программ по защите экономических и политических интересов крупнейших международных корпораций, а также ведущих представителей мирового истэблишмента.

Свою карьеру начал с военной службы в качестве советника Президента Р. Никсона по вопросам национальной безопасности. Затем в течение длительного периода занимал руководящие должности в ведущих юридических компаниях, представляя и защищая интересы крупнейших международных компаний. Имеет личные связи с наиболее влиятельными политиками и бизнесменами США и ЕС. Включен в справочник «Кто есть кто в Америке».

Закончил Джорджтаунский университет и имеет степень в сфере международного права.

3) Министерству иностранных дел–до 25 октября 2005 года разработать и внести предложения по

упрощению порядка взаимодействия иностранных посольств с

госорганами РК, за исключением органов, непосредственно

подчиненных Президенту;

В течение остабря–ноября 2005 года развернуть работу по пропаганде среди зарубежной аудитории нормативных актов и Обращения ЦЙК от 11 октября 2005 года, направленных на обеспечение честных и справедливых выборов;

4) Министерству иностранных дел, Центральной избирательной

комиссии до 15 ноября 2005 года организовать и провести

презентацию системы электронного голосования для ОБСЕ и

иностранных дипломатических миссий, аккредитованных в Казахстане.

Руководитель

Администрации Президента

Республики Казахстан А. Джаксыбеков

3. Посвященные люди считают, что GWB будет менее склонен, нежели Клинтон или Гор, к использованию военной силы США для предотвращения массового убийства за рубежом и поддерживания «государственного строительства». GWB принадлежат слова: «Лучший способ добиться антипатии людей в других странах — это пойти по всему миру со словами «Мы делаем это таким образом, вы должны поступать также»».

4. Внешняя политика GWB, вероятно, не будет сильно отличаться от политики Клинтона, но, возможно, новая администрация не станет читать всем и каждому громкие лекции

о нарушении прав человека. Меньше внимания будет сосредоточено на правах человека, больше на вопросе о свободной торговле.

5. Продолжая политику администрации Рейгана, GWB будет поддерживать строительство национальной системы противоракетной обороны. В случае, если россияне откажутся от поправок к Договору по ПРО, то, по словам знающих людей, Администрация GWB аннулирует его в одностороннем порядке.

6. Важным для Казахстана является то, что GWB будет вмешиваться в международные дела лишь в тех случаях, когда они явно затрагивают интересы США. По этому сценарию, США будут полагаться больше на сильных региональных лидерах. Это значит, что у Вас есть возможность возобновить и усилить стратегическое партнерство с США и вновь усилить позицию Казахстана в качестве регионального лидера.

Хорошо, что Вы направили GWB поздравительную телеграмму. Считаю положительным знаком получение Вами ответа как от GWB, так и от его отца.

Вы могли бы рассмотреть вопрос о том, какая компания станет оператором ОКИОК с тем, чтобы начать диалог с администрацией GWB. Насколько я знаю, партнеры ОКИОК вновь проголосовали вчера, но ни Эксон/Мобил, ни Аджип не добился успеха. Обсуждение этого вопроса с GWB или его подчиненными может принести пользу РК. Ведь готовность Эксон/Мобил согласиться на требования Республики по срокам разработки Кашагана (после получения совета от администрации GWB) привела бы к быстрейшему и выгодному для РК определению оператора ОКИОК.

Успехов!

«Крестный Тесть» Нурсултан Назарбаев готов использовать все вооруженные силы для удержания своей личной власти и запугивания собственного народа-15 миллионов человек.

1. Служба Охраны Президента — 1.500 военнослужащих.

2. Республиканская гвардия — 5.000 военнослужащих, в том числе солдат срочной службы: специальное подразделение «Кокжал» — 100 военнослужащих

3. Комитет национальной безопасности и Пограничные силы КНБ РК-20.000 военнослужащих, в том числе:

Центральный аппарат и областные департаменты — 8.000 военнослужащих

Специальное антитеррористическое подразделение «Арыстан» — 300 военнослужащих Академия Комитета национальной безопасности (ВУЗ) — 1.500 военнослужащих

Военный институт КНБ (ВУЗ) — 1.500 военнослужащих

Десантно–штурмовая маневренная группа «Боран» — 300 военнослужащих

«Орлан» (Регионального управления «Онтустик») — 100 военнослужащих

Парашютно–десантная застава «Ак — Барыс» — 100 военнослужащих

4. Министерство обороны — всего 75.000 военнослужащих в том числе:

Сухопутные силы — общая численность около 47.000 военных.

Силы воздушной обороны — 19.000 военных сотрудников.

Военно–морские силы — 5.000 военнослужащих.

Аэромобильные силы — 4 десантно–штурмовые бригады (Капчагай, Талдыкурган, Семипалатинск, Астана) и 1 миротворческая бригада — 15.000.

5. Министерство внутренних дел — всего 75.000 военнослужащих из них:

Центральный аппарат и областные департаменты — 35.000 полицейских сотрудников

Специальные военные подразделения «Сункар» — 600 военнослужащих

«Арлан» — 500 военнослужащих

Внутренние Войска МВД — 40.000 военнослужащих, в том числе солдат срочной службы и специальное подразделение «Беркут» — 300 военнослужащих

6. Агентство по борьбе с экономической и коррупционной преступностью — Центральный аппарат и областные департаменты 1.500 полицейских.

7. Специальные подразделения Комитета уголовно–исправительной системы Министерства юстиции-800 сотрудников полиции.

8. Таможенная служба — 1500 сотрудников таможни.